ОЧЕРКИ ПО АРХЕОЛОГИИ БЕЛОРУССИИ

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ОЧЕРКИ по археологии БЕЛОРУССИИ

ЧАСТЬ I

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА И ТЕХНИКА» МИНСК 1970

902.6
0—95

$\frac{1\text{-}6\text{-}4}{4\text{-}70}$

ПРЕДИСЛОВИЕ

В жизни человечества происходит закономерная смена эпох. Двадцатое столетие подготовлено девятнадцатым, девятнадцатое — восемнадцатым..., а у истоков всей истории стоят первобытные люди, которые своим трудом, своей жизнью закладывали основы нашего современного мира.

Трудно переоценить роль археологии в познании прошлых далеких эпох. Первая письменность появилась в Белоруссии, например, как и у всех восточных славян, не ранее тысячи лет назад. Человек живет на этой территории не менее 50 тыс. лет.

Земля, по которой мы ходим,— огромный архив, где хранится множество вещественных памятников. После научной обработки они становятся ценнейшими историческими документами. Благодаря археологическим раскопкам стала известна многотысячная история человечества, которая еще сравнительно недавно была книгой за семью печатями.

Археологические раскопки в Белоруссии велись уже в первой четверти XIX столетия. К середине XIX в. относится деятельность археологов братьев Евстафия и Константина Тышкевичей из Логойска, которые заложили основы белорусской научной археологии. В дореволюционные годы раскопки вели большие энтузиасты археологии Е. Р. Романов, Ф. В. Покровский, В. Шукевич, В. З. Завитневич и др.

Систематические исследования территории республики по существу начались после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1925 г. была создана историко-археологическая комиссия Института белорусской культуры, развернувшая свою деятельность в области археологии. В 1920—1930 гг. белорусские археологи А. Н. Лявданский, К. М. Поликарпович, С. А. Дубинский, В. Р. Тарасенко, А. Д. Каваленя, С. С. Шутов, И. А. Сербов провели значительные работы по изучению археологических памятников Белоруссии.

Обследование долин Сожа, Днепра, Припяти в пределах восточной части республики выявило несколько сотен памятников каменного и бронзового веков. Выдающимся достижением было открытие верхнепалеолитических стоянок в Бердыже на реке Соже (1927 г.) и в Юревичах на Припяти (1929 г.), где вели раскопки К. М. Поликарпович, С. Н. Замятнин, Г. Ф. Мирчинк и др. Первостепенное значение имел вывод известного археолога К. М. Поликарповича (1889—1962 гг.) о том, что территория Белоруссии была населена в эпоху верхнего палеолита. Ученый высказал предположение о появлении человека здесь еще ранее, в эпоху мустье.

В. Д. Будько продолжил раскопки стоянок, начатые К. М. Поликарповичем. Он изучил жилые комплексы в Бердыже, Юревичах, Юдиново,

Елисеевичах и получил новые данные, характеризующие культуру верхнепалеолитических племен. Оспаривая утверждение К- М. Поликарповича о принадлежности стоянки Подлужье-П к мустьерской культуре, В. Д. Будько нашел новые данные о проникновении мустьерских общин в долины Днепра и Сожа. Он подкцепил археологические датировки геологическими.

Изучены памятники мезолитической эпохи на территории Белоруссии. В последние годы удалось определить несколько культурно-исторических областей. Оказалось, что только верхнеднепровская и неманско-верхнеприпятская области характеризуются господством макролической индустрии. Пространства между ними были заняты племенами изготовлявшими микролиты.

Поиски памятников неолитической эпохи начались с 1890 г. Их вели Н. Ф. Беляшевский, 3. Шмит (Буг), 3. Глогер, В. Шукевич, В. Антоневич, Ю. Иодковский (Понеманье), Е. Р. Романов (Поднепровье), Р. Горошкевич (Пинщина) и др:

Наибольший успех изыскания имели в днепровском бассейне несколько позднее благодаря деятельности А. Н. Лявданского, К. М. Поликарповича, А. Д. Кавалени. Итогбм в исследовании всех собранных материалов было включение территории в область так называемой гребенчатой керамики.

Материальную культуру племен неолита V—II тысячелетий до н. э. в последнее десятилетие'изучали В. Ф. Исаенко (Полесье), М. М. Чернявский (Понеманье), И. И. Артеменко, И. М. Тюрина (верховья Днепра), И. М. Тихоненков (Подвинье). Количество выявленных неолитических памятников превысило 500. Широкие исследования в сочетании с раскопками более 20 поселений позволили выделить в зоне распространения гребенчатой керамики неманскую и верхнеднепровскую культуры. Установлена принадлежность памятников юго-восточного Полесья к днепро-донецкой культуре. На севере республики найдены поселения с типичной гребенчато-ямочной керамикой и с «пористой» керамикой типа Кривины, напоминающей нарвскую. На юго-западной окраине Белоруссии в обиходе племен были воронковидные сосуды. Уникальный памятник — кремнедобывающие шахты в Волковысском районе исследовала Н. Н. Турина.

Стремление проследить уровень социально-экономического развития древних племен на основании археологических материалов характерно для многих исследований. И. И. Артеменко удалось это сделать применительно к среднеднепровской культуре бронзового века. Другие группы памятников со шнуровой керамикой, а также культуры периодов средней и поздней бронзы известны лишь по кратким информационным сообщениям.

Совершенно очевидна важность изучения археологических памятников железного века (VII в. до н. э.—-VIII в. н. э.) для характеристики периода распада первобытнообщинных отношений и решения этногенических проблем. Особого внимания заслуживают работы замечательного белорусского археолога А. Н. Лявданского (1893—1942 гг.). Вместе с ним активное участие в исследовании памятников железного века принимали С. А. Дубинский (1884—1937 гг.), А. Д. Каваленя, С. С. Шутов, И. А. Сербов, В. Р. Тарасёнко и др. В 1920-1930 гг. в бассейнах Днепра и Западной Двины было проведено до 50 археологических экспедиций и зарегистрировано свыше 1000 городищ и селищ (в границах республики до 1939 г.). А. Н. Лявданский в 1925 г. впервые классифицировал городища Белоруссии и соседних территорий, разделив их на локальные и хронологические группы. Поселения со штрихованной керамикой и с гладко-

стенной керамикой Белоруссии и Смоленщины он связал с балтоязычными племенами. В начале 30-х годов учёный создал новую классификацию городищ, рассматривая их с точки зрения стадиального развития и культурно-археологической принадлежности. Он выделил ареалы ранних и поздних археологических культур. На юге Белоруссии очертил территорию поселений и могильников «эпохи Латена», в центральных районах республики определил ареал культуры штрихованной керамики, на севе^ ре — поселений с гладкостенной керамикой. На основании полученных археологических материалов А. Н. Лявданский наметил основные черты материальной культуры хозяйства и патриархально-родового строя племен, заселявших территорию Белоруссии в эпоху железа. Исследователь стремился проследить историю населения Белоруссии вплоть до Киевской Руси. Он вел раскопки курганов и положил начало изучению древнейших белорусских городов — Полоцка, Заславля и др.

Западные области Белоруссии, находившиеся под властью буржуазной Польши, не были в достаточной степени исследованы археологами. Лишь В. Голубович и Е. Цегак-Голубович обследовали 72 городища в бывшем Вилейском округе и раскопали здесь значительное количество курганов. Крупные раскопки вел Р. Якимович в Давид-Городке. Польские археологи И. Иодковский и 3. Дурчевский в 1932—1939 гг. исследовали культурные напластования в Гродно. И. Иодковский и Г. И. Пех предприняли в 1925 г. разведочные раскопки в Волковыске.

Прерванные в связи с Великой Отечественной войной археологические исследования в Белоруссии возобновились сразу же после войны. Значительные раскопки памятников железного века в послевоенные годы произведены археологами Института истории АН БССР (А. Г. Митрофановым, Л. Д. Поболем, К. П. Шутом, В. Б. Никитиной) и Института археологии АН СССР (П. Н. Третьяковым, Ю. В. Кухаренко, Э. А. Сымоновичем, О. Н. Мельниковской, Ф. Д. Гуревич и др.). Изучены поселения и могильники, осуществлено широкое обследование и выявление памятников на всей территории БССР.

В итоге изучения огромного материала открыты не известные на территории республики ранее культуры (милоградская, зарубинецкая, поморская), дана характеристика их основных черт, уточнены сведения об этих культурах. А. Г. Митрофанов обобщил сведения о культуре штрихованной керамики в специальном исследовании. Он ввел в научный оборот понятие «днепродвинская» культура, ареал которой распространяется в северной Белоруссии и соседних территориях Смоленщины и Псковщины. Раскопки памятников этой культуры в последние годы вел К- П. Шут. Л. Д. Поболь осуществил большие раскопки чаплинского археологического комплекса и посвятил ему диссертационную работу. Милоградская и зарубинецкая культуры весьма полно описаны в публикациях О. Н. Мельниковской и Ю. В. Кухаренко. Ю. В. Кухаренко исследовал очень важный славянский памятник VI—X вв. Хотомель в южной Белоруссии.

Чрезвычайно сложна проблема этнической принадлежности культур железного века и их преемственности с раннефеодальными древностями Киевской Руси. Это стержневой вопрос славянского этногенеза, расселения славян в Восточной Европе. Он не может быть решен без пристального рассмотрения материалов, найденных на территории Белоруссии. Принадлежность к балтоязычным племенам культуры штрихованной керамики и днепродвинской культуры, сейчас ни у кого не вызывает сомнения. Этническая' интерпретация . милоградской и зарубинецкой культур — предмет оживленной дискуссии. Среди исследователей нет единого мнения в вопросах происхождения и хронологии Этих культур.

Ю. В. Кухаренко, В. В. Седов и др. считают, что зарубинецкая культура исчезла во II в. н. э. В. В. Седов приписывает ее балтоязычным племенам.

Ряд исследователей (П. Н. Третьяков, Л. Д. Поболь и др.) полагают, что зарубинецкая культура продолжала развиваться вплоть до V в. н. э. и принадлежала славянам. Во II—V вв. н. э. ареал позднезарубинецкой культуры значительно расширился в северном и северо-восточном направлениях. В последние годы Л. Д. Поболь открыл в Верхнем Поднепровье свыше 200 селищ и несколько десятков могильников II—V вв., культура которых содержит в себе много черт собственно зарубинецкой культуры (селище Абидня и др.). Некоторые исследователи не без основания полагают, что позднезарубинецкая культура оказала очень значительное, если не решающее влияние на формирование культуры типа верхнего слоя Банцеровщины и Тушемли (VI—VIII вв. н. э.), распространенной в Белоруссии и соседних территориях накануне образования древнерусского государства.

Однако остается не решенной проблема славянских древностей IX—начала X вв. и их взаимосвязи, с одной стороны, с материальной культурой памятников типа Бенцеровщины, а с другой — с летописными сведениями о племенах кривичей, дреговичей, радимичей, обитавших на территории Белоруссии. Очень возможно, что население Белоруссии во второй половине I тысячелетия н. э. не было однородным в этническом отношении и состояло из славян и балтов, находящихся в стадии ассимиляции со славянами. Свет на эту проблему проливает изучение курганных могильников и старейших белорусских городов, раскопки которых в послевоенный период приобрели широкий размах. Раскопкам подвергнуты в той или иной степени все древние города, известные на территории республики (свыше 30).

По изучению городских напластований одно из первых мест в Белорусии занимает Минск (раскопки В. Р. Тарасенко в 1945—1951 гг., Э. М. Загорульского в 1957—1961 гг.), В. Р. Тарасенко и Э. М. Загорульский выявили планировку и застройку Минского замчища XII—XIII вв., попытались установить стратиграфию и хронологию этого археологического памятника. Они тщательно проанализировали летописные сведения о Минске и воссоздали его древнюю историю. Однако вопрос о месте расположения первоначального Минска окончательно не решен.

Г. В. Штыхов на протяжении нескольких лет исследует древнейшие города Полоцкой земли: Полоцк, Витебск, Лукомль и др. Эти города выросли на основе предшествующих укрепленных населенных пунктов кривичей, появившихся на территории белорусского Подвинья во второй половине I тысячелетия н. э. Проблема зарождения древнейших городов Полоцкой земли оказалась связанной с формированием кривичей.

Произведены значительные археологические раскопки городов Туровской земли под руководством П. Ф. Лысенко (Туров, Пинск. Давид-Городок, Брест и др.). Исследователь считает наиболее вероятным для туровских городов путь их возникновения в качестве центров ремесленного производства и торгового оборота, призванных обеспечивать ремесленной продукцией прилегающие земледельческие районы.

Археологические раскопки позволили открыть новую страницу в истории городов белорусского Понеманья: Гродно, Новогрудка, Слонима, Волковыска. С 1965 г. успешно ведет археологические исследования в Волковыске Я- Г. Зверуго. По количеству предметов древнего вооружения и уникальных произведений мелкой пластики с Волковыском не может сравниться никакой другой археологический памятник Белоруссии.

Большой вклад в изучение древностей западных земель Руси внесли

археологи Москвы и Ленинграда: Л. В. Алексеев, Н. Н. Воронин, Ф. Д. Гуревич, М. К. Каргер, Б. А. Рыбаков, Г. Ф. Соловьева и др.

Процесс образования городов в Белоруссии, как и в других частях Восточной Европы, протекал медленно. Одними из первых городов в Белоруссии были Полоцк и Витебск, основанные в IX — начале X в. Окончательно сформировавшиеся города — центры ремесла и торговли относятся ко времени не ранее X в. и особенно к XI в. Письменные источники и археологические материалы свидетельствуют о высоком уровне развития древних белорусских городов. Широкое распространение получили ремесла. На примере крупных городов, не говоря уже о малых, можно видеть связь населения с сельским хозяйством. Натуральное хозяйство тяготело над городом.

Археологи проделали огромную работу в изучении первобытнообщинного строя и раннего феодализма на территории Белоруссии. Появилась возможность широко осветить древнюю историю республики, опираясь на факты.

Первая часть «Очерков по археологии Белоруссии» охватывает историю населения на территории республики от появления здесь человека до возникновения раннефеодального общества. Вторая часть будет посвящена истории западных земель Руси в IX—XIII вв.

Одна из задач всей работы — подведение итогов археологического изучения Белорусской ССР. Она создана на большом фактическом материале, полученном в результате многолетних археологических раскопок. В ней суммируются достижения в области исследования далекого прошлого Белоруссии, максимально использованы открытия последних лет. Наиболее важные и типичные археологические источники даны в иллюстрациях. Среди них немало таких, которые публикуются впервые.

Книга состоит из ряда очерков, написанных разными авторами. Поэтому естественно, что на ее страницах в большей степени нашли отражение как интерпретация материалов, так и те выводы, к которым они пришли. Одновременно с этим авторы стремились показать достижения археологии в республике на фоне того общего подъема, который переживает наука о древностях в нашей стране.

Некоторые положения, выдвигаемые в «Очерках...», иногда обоснованы недостаточно полно и продолжают оставаться хотя и очень вероятными, но все-таки гипотезами. Редакционная коллегия посчитала тем не менее необходимым сохранить их, ибо гипотезы на основе первоначально имеющихся материалов и попытки подкрепить их последующими исследованиями— важный момент в познании истины. В процессе изучения одни гипотезы подтверждаются, другие отсеиваются и сменяются новыми.

Это отнюдь не означает, что во всех случаях редколлегия разделяет выводы, к которым пришел автор того или иного очерка. Это в первую очередь относится к толкованию некоторых палеолитических объектов, к проблеме взаимосвязей и этнической принадлежности культур раннего железного века, к вопросам периодизации и хронологии, которые для отдельных периодов или даже целых эпох ставятся по сути впервые.

Написание этой работы стало возможным благодаря правильно определенным четырем направлениям археологических исследований, которые в последнем десятилетии осуществлялись на территории республики. Сектором археологии Института истории АН БССР изучались различные эпохи древнейшей истории Белоруссии.

1. Эпоха палеолита — появление на территории Белоруссии первых человеческих общин, развитие присваивающего хозяйства, сложение материнско-родовых отношений, древнейших археологических культур, палеогеография.

2. Эпохи мезолита, неолита и бронзы — расцвет присваивающего хозяйства и начало перехода к производящим формам хозяйства, первое крупное общественное разделение труда, разложение материнско-родоЕОГО строя и замена его патриархальными отношениями, сложение и взаимоотношения крупных этнических общностей, в частности индоеврО' пейских, которые послужили той основой, на которой формировались современные народы, их исторические судьбы.

3. Ранний железный век — господство производящих форм хозяйства, расцвет патриархата, происхождение и история праславянских и прабалтийских племен, на основе которых слагались племена древнеславянские и древнебалтийские, их история, культура и взаимосвязи.

4. Раннефеодальный период — развитие ремесла и торговли, второе крупное общественное разделение труда, становление феодальных отношений, история и культура восточнославянских племен, западных земель летописной Руси, древнейших городов Белоруссии, ее курганных древностей и сельских поселений.

Здесь освещаются различные вопросы одной крупной проблемы сложения и распада первобытнообщинного строя на территории республики, т. е. процесса, который протекал у конкретно-исторических этнических общностей, некогда населявших территорию республики, и закончился установлением феодальных отношений в среде восточнославянских и балтийских племен, формирование которых происходило на основе более древних племенных образований, а итогом взаимоотношений стало сложение белорусской народности.

Работа выполнена в секторе археологии Института истории АН БССР. Авторский коллектив: раздел I — В. Д. Будько (глава I), В. Ф. Исаенко (введение и карта к главе I, II—III главы, в § 2 IV главы «Полесская группа поселений культуры шнуровой керамики», «Тшинецкая культура», «Сосницкая культура»), М. М. Чернявский (в § 2 III главы «Неманская культура», «Неолитические племена северной Белоруссии», IV глава).

Раздел II — А. Г. Митрофанов (введение, глава VI, § 2 VII главы), Л. Д. Поболь (V глава, § 1 VII главы).

Большой труд по подготовке этого издания к печати вложен научным сотрудником сектора археологии Т. Н. Коробушкиной, а также художниками М. Н. Федосеевым, Е. Г. Коробушкиным и Г. И. Кацаповым.

Книга может быть полезна не только специалистам — археологам п историкам, но и широкому кругу читателей — учителям, студентам, краеведам и всем, интересующимся далеким прошлым Белоруссии.

РАЗДЕЛ **I**

КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕКА

Глава **I**

ПАЛЕОЛИТ

Древнейшая история человечества начинается с палеолита — древнего каменного века *. Палеолит делится на нижний (сюда входят шелльская и ашельская эпохи), средний (мустьерская эпоха) и верхний или поздний (эпоха кроманьонца, или современного человека). Шелльская эпоха началась около 600 000 лет назад, ашельская — 300 000 лет, а мустьерская — примерно 100 000 лет до н. э. В верхнем палеолите выде' ляется позднейшая пора, которая в IX тысячелетии до н. э. сменяется эпохой мезолита.

Современный человек (Homo sapiens — человек разумный) появился примерно 40 000 лет тому назад в результате длительной эволюция приматов (высшего отряда млекопитающих). Более полутора миллионов лет понадобилось для того, чтобы из древнейших гоминид (человекообразных обезьян) раннего и среднего плейстоцена **, т. е. антропоидов-питекантропов («обезьяно-людей»), развились палеоантропы («древние люди»). В Старом Свете, а особенно в Африке и Южной Азии, обнаружены остатки «обезьяно-людей», в состав которых, помимо собственно питекантропов, входили дриопитеки, зинджантропы, австралопитеки, парантропы, плезиантропы, атлантропы, гигантропы, гейдельбергские люди и, наконец, синантропы. Подобные «архантропы» обитали еще 300—400 тысячелетий назад. Палеоантропы включали несколько групп неандертальцев (Homo primigenius—человек примитивный), из которых и образовались люди современного облика — неоантропы. Естественный отбор и глубокая перестройка наследственной морфологии типа под воздействием трудовой деятельности в условиях крайне медленной поступи культуры характерны для первых этапов становления человека.

Труд создал самого человека. Труд начинается с изготовления орудий '. Значение взаимоотношений между людьми, складывавшихся в процессе труда, все возрастает. Наконец, начиная с верхнего палеолита, социальные отношения вступают в полную силу. Человек разумный — существо в первую очередь социальное, существование которого вне общины немыслимо.

На протяжении всего палеолита человек вел присваивающее хозяйство, причем в эпоху мустье уже пользовался огнем и умел сооружать примитивные укрытия от непогоды. Почти миллион лет ушло на то, чтобы человекообразная обезьяна — архантроп научилась путем оббивкп получать грубое орудие заранее предопределенной формы. Еще около

* По-гречески «палайос» — древний, «литое» — камень.
** Средняя из трех эпох, на которые делится четвертичный период.

полумиллиона лет понадобилось древним людям только для того, чтобы от техники оббивания кремня перейти к пластинчатой индустрии верхнего палеолита.

В процессе труда многих тысяч поколений развивалась членораздельная речь, ставшая средством общения. Все большего совершенства достигала рука. Емкость черепа возрастала от 600 см^3 у австралопитеков до 900 см^3 у питекантропов и 1200 см^3 у синантропов, достигнув, наконец, у неандертальцев и кроманьонцев 1200—1600 см^3.

Находясь в зависимости от изменений, происходивших в способах добывания пищи и одежды, параллельно с преобразованием физического типа человека осуществлялся переход от начальной формы организации общества — первобытного человеческого стада — к родовому строю верхнего палеолита.

1. НИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Нижний палеолит (шелльская и ашельская эпохи). На территорию СССР древний человек проникает уже в нижнем плейстоцене, в начале Окского оледенения (800—600 тыс. лет назад). Это человек шелльской эпохи. Остатки его поселений обнаружены в Закавказье и в Приднестровье (Сатани-Дар, Лука Врублевецкая). Орудия труда представлены в первую очередь ручными рубилами, отесанными с двух сторон массивными кусками камня с заостренным узким концом и «пяткой», приспособленной в качестве рукояти, а также и другими изделиями из кремня, обсидиана, кварцита.

Примерно около 300 тыс. лет назад, в ашельское время, человек проник еще дальше к северу. Ашельские орудия найдены возле Житомира, непосредственно у южной границы БССР. Основные формы орудий труда представлены остроконечниками, скреблами, а также рубилами, более тонкими и изящными по обработке.

На территории Белоруссии до настоящего времени еще не обнаружены нижнепалеолитические памятники, хотя палеогеографическая обстановка во время межледниковий и здесь благоприятствовала расселению первобытных людей.

Большое влияние на животный и растительный мир Белоруссии оказало березинское (окское) оледенение. Окский ледник достиг линии Пинск — Бобруйск — Мозырь.

В течение следовавшего за оледенением теплого межледниковья флора и фауна на какое-то время стали близки к современным.

Средний палеолит. Мустьерская эпоха. В эпоху следующего, днепровского, оледенения, когда территория Белоруссии была покрыта сплошным ледяным щитом, первобытный человек откочевал к югу. Конец этого оледенения открыл перед людьми ранее недоступные пространства. Однако потепление шло медленно. Лишь постепенно тундровая растительность сменялась лесной.

Все более расширялась территория, на которую могли проникнуть группы неандертальцев (рис. 1).

Результаты раскопок в Подлужье (Чечерский район) в 1953—1954 гг. позволили К. М. Поликарповичу сделать вывод о том, что перигляциальные (приледниковые) пространства, расположенные к северу от 52-й параллели, были уже освоены первобытными людьми в мустьерское время (100—40 тысячелетий назад) [2].

Этим, однако, в значительной мере предвосхищался ход исследований. По сути правильное это положение не могло быть подтвержде-

но материалами Подлужской стоянки (как оказалось, они относились к более позднему времени). Лишь открытие стоянки в Хотылево под Брянском и находки орудий явно мустьерского возраста в ряде мест верхнего Поднепровья подтвердили предположение К. М. Поликарповича. В ов-

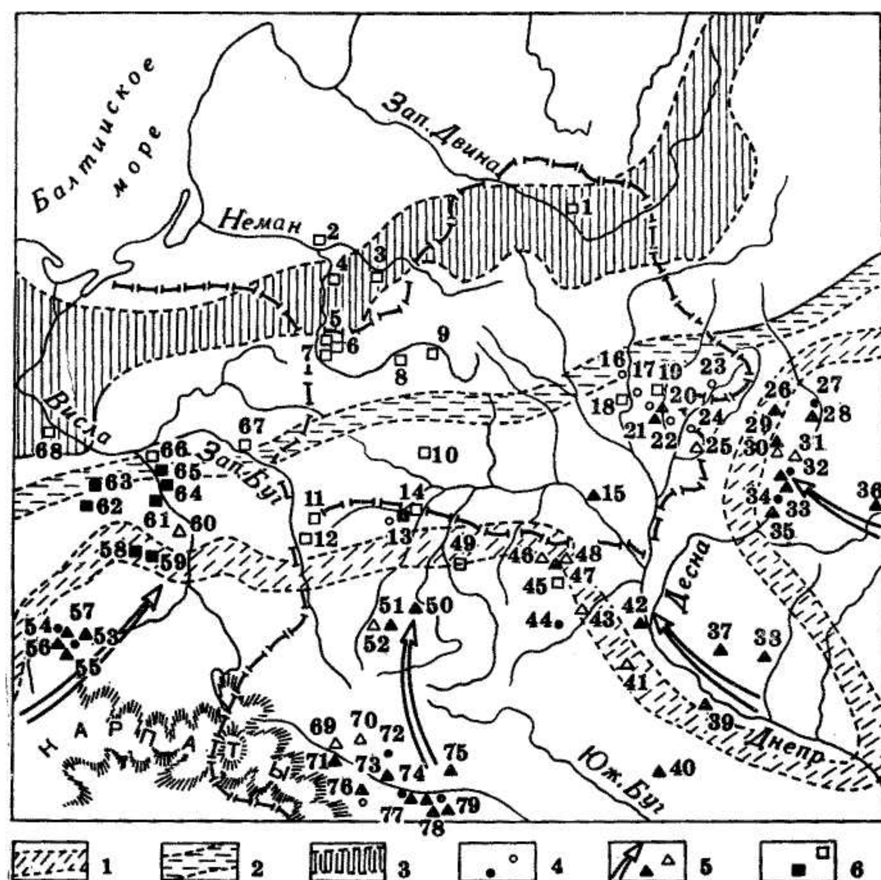

Рис. 1. Памятники палеолита Белоруссии и смежных территорий: 1 — примерная граница распространения днепровского (рисского) оледенения; *2* — предположительная граница московской стадии этого оледенения; .5 — зона распространения и отступления валдайского (вюрмского) оледенения (30—13 тыс, до н. э.); *4* — стоянки и местонахождения мустьерской эпохи (100—40 тыс. назад); *5* — памятники верхнего палеолита и пути расселения; *6* — памятники конца палеолита.

Названия памятников: 1—Крумплево, 2—Эйгуляй, 3—Вильнюс, 4—Эжериняй, 5—Пальница, Перелом. 6— Цыдовичи, Гожа, 7—Грандичи, 8—Несиловичи, 9—Черешля, 10—Бобровичи, 11—Орехово, 12—Пульмо, 13—Нобель. 14—Сеньчицы, 15—Юревичи, 16—Ново-Быхов, 17—Абидовнчн, 18—Кистени. Коромка, 19—Гренск, 20—Подлужье, 21—Бердыж, 22—Турищевичи, 23—Клеевичи, 24—Светидовичи, 25—Новые Бобовичи, ?6—Елисеевичи, 27—Хотылево, 28—Тимоновка, 29--Юдипово, 30—Курово, 31 —Трубчевск, 32—Пушкари, 33—Новгород-Северский, 34—Чулатово, 35—Мезин, 36—Авдеево, 37—Добр'НшчеБка, 38—Гонцы, 39—Канев. 40—Владимировна, 41—Фаетов, 42—Киев, 43—Радомышль, 44—Житомир, 45—Искорость. 46 —Збраньки, 47—Дозгиничи, 48 —Швабы, 49—Марьяновка, 50—Городок. 51—Липа, Мирогоща, 52—Кременец, 53—Краков, 54—Ежмановице, 55—Пекары, 56—Вежхове, 57—Мпшице, 58—Гулин, 59—Гжыбова Гора—«Рыдно», 60—Гура Пулавска, 61—Марянка Выглендув. 62—Хатажынув, 63—Витув. 64—Цаловане. 65—Свидры Бельке, 66—Плуды, 67—Станьковиче," 68—Добигнево, 69—Рожнев, 70—Губин, 71—Волчков, 72—Касперовцы, 73 —Лисичникя, 74—Хотин, 75—Студеница, 76—Букавна, Незвншкн, 77—Бабин, Коряань, 78—Поливанов Яр, 79—Молодова

рагах Каменной Горы — останце второй надпойменной террасы Беседи в районе Светиловичей в последнее время обнаружены серии мустьерских отщепов. Как известно, здесь же в 1929 г. было найдено мустьерское скребло [3].

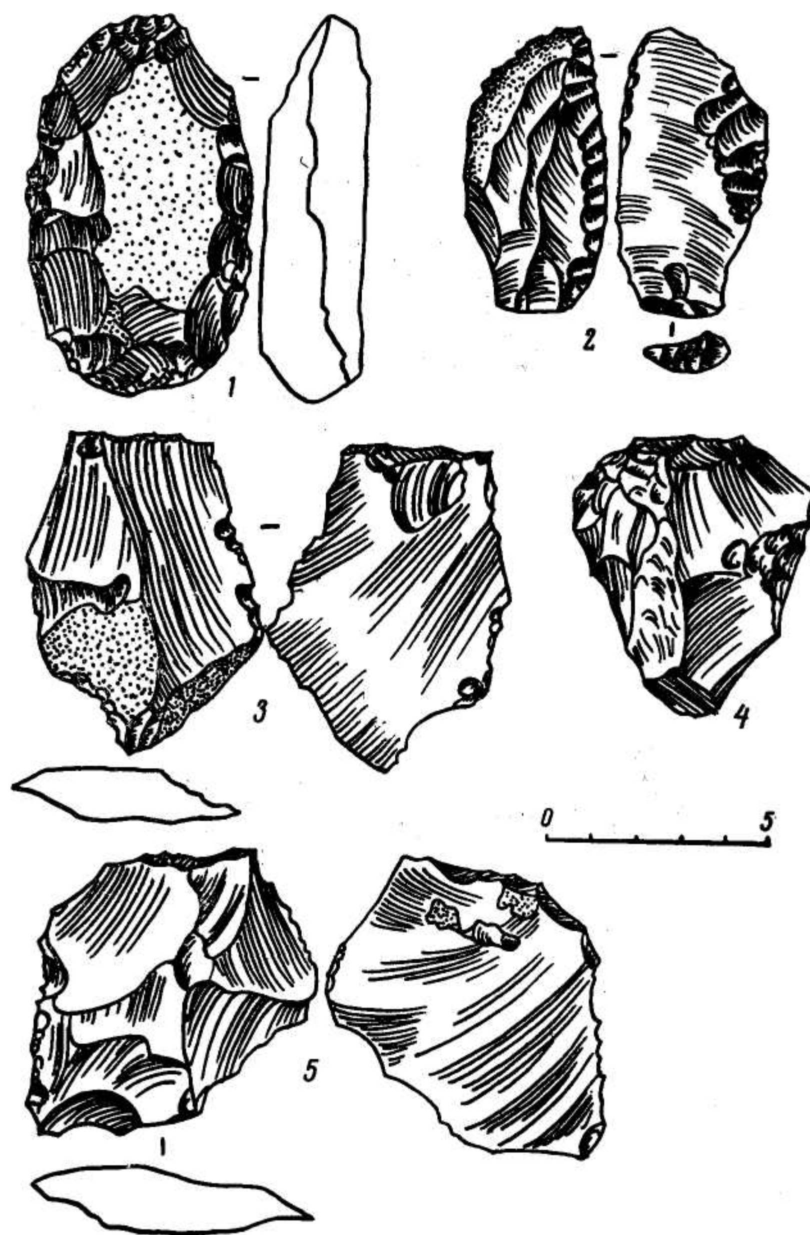

Рис. 2. Орудия эпохи мустье:

1—овальное скребло (Ново-Быхов); *2*—скребло (Светловичи, Каменная Гора); *3*—4—формы, близкие к остроконечникам (Клеевичи); 5—отщеп с ретушью с левалуазской техникой скола (Клеевичи)

Еще более значительным мустьерским местонахождением является Клеевичсхое в Костюковичском районе на правом берегу Беседи, открытое К. М. Поликарповичем. Однако Поликарпович не нашел на собранных здесь кремнях следов обработки.

Недавно в шурфах, заложенных В. Д. Будько на месте прежних раскопок, выявлены отщепы и нуклеусы мустьерского облика, а также кости мамонта и дикой лошади. Орудия мустьерских форм, изготовленные в основном из черного мелового кремня, залегали здесь в толще палево-серой супеси, выше морены днепровского оледенения.

В толще второй надпойменной террасы Днепра в Ново-Быхове также было найдено овальное скребло с явно мустьерским характером обработки. Очень характерно архаичное массивное, двустороннее обработанное рубило, найденное у деревни Велятичи на Ясельде в Брестской области. Мустьерские формы орудий обнаружены в бассейне Сожа, вблизи деревни Турищевичи, в месте впадения Беседи в Сож (рис. 2).

На основе местных материалов нельзя сказать что-либо определенное об общественном устройстве мустьерцев. В какой-то степени об этом свидетельствуют материалы соседних областей.

Основными занятиями мустьерцев были охота, а также собирательство. Остатки костей, добытых на месте стоянок, показывают, что охота шла главным образом на мамонта, носорога, лошадь, бизона, оленя, а там, где мустьерцы жили в пещерах,— на пещерного медведя.

Одним из важнейших достижений, которые позволили мустьерцам обитать в приледниковой полосе, было умение использовать огонь. Следы кострищ обнаружены в ряде мустьерских стоянок Восточной Европы. Обожженные кости и угли, правда, в небольшом количестве встречались и в Клеевичах. Мустьерские общины уже умели строить прочные жилища из костей и шкур крупных животных как убежища от холода в условиях приледниковой зоны. В зависимости от местных условий эти жилища были наземными или несколько углубленными в землю. Ярким примером тому может служить жилище из костей мамонта в мустьерском слое поселения Молодова на Днестре. Там, где это было возможно, человек использовал естественные укрытия и пещеры (Крым, Южная Польша, Кавказ).

2. ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Природные условия. 80—90 тысячелетий назад началась валдайская (вюрмская) ледниковая эпоха. В толще валдайских отложений выделены слои, соответствующие трем стадиям: ранне-, средне- и нововалдайским и двум потеплениям между ними. В средневалдайскую стадию край ледника, по всей вероятности, достиг средней части Приильменской равнины и Латвии, а возможно, продвинулся до северных границ Белоруссии. Растительность приобрела в это время приледниковый характер. В пыльцевых спектрах наблюдается много пыльцы недревесных растений, а также ивы, карликовой березы, свидетельствующих о холодных природных условиях, напоминающих тундру и лесотундру.

Периоды потеплений сопровождались распространением лесов, в составе которых появлялось все более теплолюбивых пород. Количество последних убывало, естественно, к концу потепления.

Средневалдайское потепление сопоставляется с брерупским потеплением Центральной Европы, которому соответствует верхняя часть «микулинской» ископаемой почвы и почвенного комплекса Штильфрид «А», почва РК II лессовых областей.

Нововалдайское потепление, очевидно, соответствует брянскому в Центральной России, паудорфскому потеплению в Европе.

Валдайские ледниковые отложения на территории Белоруссии образуют единую толщу и относятся к самой поздней (нововалдайской) и вместе с тем максимальной стадии последнего оледенения. После достижения ледником максимальных размеров и в начальные фазы его отступления, вероятно, имело место лишь одно слабое потепление, вызвавшее сравнительно небольшое отступление ледника и получившее название мазурского. Вообще во время отступления валдайского ледника по территории Белоруссии, Литвы, большей части Латвии, Смоленской области не было потеплений, которые по своим масштабам соответствовали аллерёду или хотя бы бёллингу.

В результате изучения ледникового рельефа и четвертичных отложений Белоруссии установлено, что граница последнего оледенения в общем совпадает с южными пределами Поозерья.

К югу от него распространились лессовидные отложения. Они полностью или на отдельных участках перекрывают Оршанско-Могилевское плато, Оршанскую, Минскую, Новогрудскую возвышенности, Мозырскую, Копыльскую и Ошмянскую гряды. Верхний, основной горизонт лессовых отложений Белоруссии имеет, по всей вероятности, послебрянский (послепаудорфский) возраст и относится к максимальной (нововалдайской) стадии. Со средневалдайской и, возможно, ранневалдайской стадиями связано образование нижней оглеенной части покрова лессовидных пород, а с нововалдайским (брянским) интервалом — ископаемых почв в районах Горок, Мстиславля, Мозыря и Кореличей. В течение нововалдайского интервала, а также первой половины нововалдайской стадии и ее максимальной фазы сформировался аллювий второй надпойменной (верхней боровой) террасы.

На склонах долин Днепра и его притоков со всей толщей аллювия сопряжены солифлюкционные и делювиальные отложения *, которые з ряде мест заполняют древние погребенные овраги. Эти овраги образовались в результате врезания рек непосредственно перед накоплением аллювиальных песков второй надпойменной террасы. На мысах между оврагами располагались Бердыжская и Юревичская палеолитические стоянки. Их культурные слои, имеющие абсолютный возраст около 24—22 тыс. лет до н. э., залегают под склоновыми ритмично-слоистыми песками, соответствующими верхнему (основному) горизонту лессовых отложений Белоруссии, делювиальные шлейфы которых перекрывают культурные слои Юдиновского и Елисеевичского верхнепалеолитических поселений и тоже замещаются аллювием второй надпойменной террасы. С последним связаны и пролювиальные отложения. Валдайские конусы выноса образуют шлейфы, которые прослеживаются вдоль подножий Ошмянской, Гродненской, Новогрудской, Слонимской и других возвышенностей.

В ходе отступления и деградации валдайского ледника на территории Белоруссии образовалось несколько полос краевых морен.

Одновременно накапливался аллювий двух-трех надпойменных террас Немана и Западной Двины и первой надпойменной (нижней боровой) террасы рек бассейна Днепра.

Валдайское позднеледниковье началось с отступления ледника от браславских конечных морен (около 14 000 лет тому назад), раунисского интервала или же несколько позднее — с северолитовской фазы. Отступ-

* Аллювий — речные наносы, делювий — склоновые отложения, пролювий — смытые со склона отложения у подножья возвышений, солюфлюкция — течение мерзлотных почв.

ление ледника вызывалось кратковременным беллингским потеплением (13 000— 12 200 лет тому назад). Аллередское потепление (12 000— 10 800 лет назад), еще более значительное, повлекло за собой быструю деградацию ледника.

Для беллингских и особенно аллередских отложений свойственны спорово-пыльцевые спектры лесного типа. В нижних слоях их господствует пыльца древесных берез, а в средних и верхних — ели и сосны. Аллередские и позднедриасовые * озерные отложения на территории Белоруссии обнаружены, более полно изучены и датированы на озере Нарочь, к которому приурочена стоянка позднейшей поры верхнего палеолита.

В течение валдайского позднеледниковья на территории Белоруссии широкое распространение получили процессы термокарста, образовались тысячи озер, в долинах рек Поозерья сформировались четвертая (беллингская) и третья (аллередская) террасы, а в бассейне Днепра закончилось образование уступа первой надпойменной террасы, у которой наиболее древние генерации аллювия имеют также аллередский возраст. Накануне и в промежутках между потеплениями происходили интенсивное перевевание песков и формирование древних материковых дюн, которые закончились уже в начале современного геологического периода — голоцена.

Наиболее древние верхнепалеолитические поселения Русской равнины относятся к нововалдайскому (40—30 тысячелетий назад) потеплению (брянский интервал). Поселения костенковско-авдеевской культуры (Костенки-I, Авдеево, Бердыж) и близкие к ним стоянки (Елисеевичи, Юдиново, Тимоновка, Мезин, Супонево) датируются первой половиной нововалдайской (максимальной) стадии последнего оледенения.

Памятники костенковско-авдеевской культуры. Наиболее древней верхнепалеолитической стоянкой является известное Подлужское местонахождение (Подлужье-П), которое по облику кремневого инвентаря можно отнести к средней поре верхнепалеолитической эпохи. Последние раскопки выявили ряд характерных черт, сближающих Подлужское местонахождение с Бердыжем. Здесь найдены два наконечника копий, близкие к наконечникам с боковой выемкой, типичным для кремневого инвентаря Бердыжской стоянки (костенковский тип). Это позволяет значительно сблизить кремневый инвентарь Подлужья-Н с бердыжским (рис. 3). Геологически стоянка Подлужье-Н может быть отнесена ко времени теплого брянского интервала. К сожалению, эта стоянка представляет собой остатки поселения, разрушенного солифлюкционными и делювиальными процессами, и не может служить основательным источником для освещения древнейшего прошлого Белоруссии [4].

Своеобразным памятником костенковско-авдеевской культуры является известное Бердыжское поселение (Подлужье-I), расположенное рядом со стоянкой Подлужье-П, в 0,5 км южнее деревни Подлужье и в 3 км к югу от деревни Бердыж Чечерского района Гомельской области. Оно располагалось на южном склоне погребенной балки, врезанной до цоколя второй надпойменной террасы правобережья Сожа (рис. 4).

Культурные остатки Бердыжской стоянки залегали в слое зеленовато-серой супеси и в нижней части перекрывающих ее ритмично-слоистых песков. Они представлены обильными остатками фауны, расщепленным кремнем, костным и древесным углем. Во всех раскопках отмечается падение культурного слоя в сторону Сожа, к пойме и к северу — по направлению к балке. Мощность его до 0,6 м, глубина залегания в раскопе

* Дриасовой, травянистой растительностью характеризуются периоды похолоданий, во время которых расширялась зона холодной лесостепи.

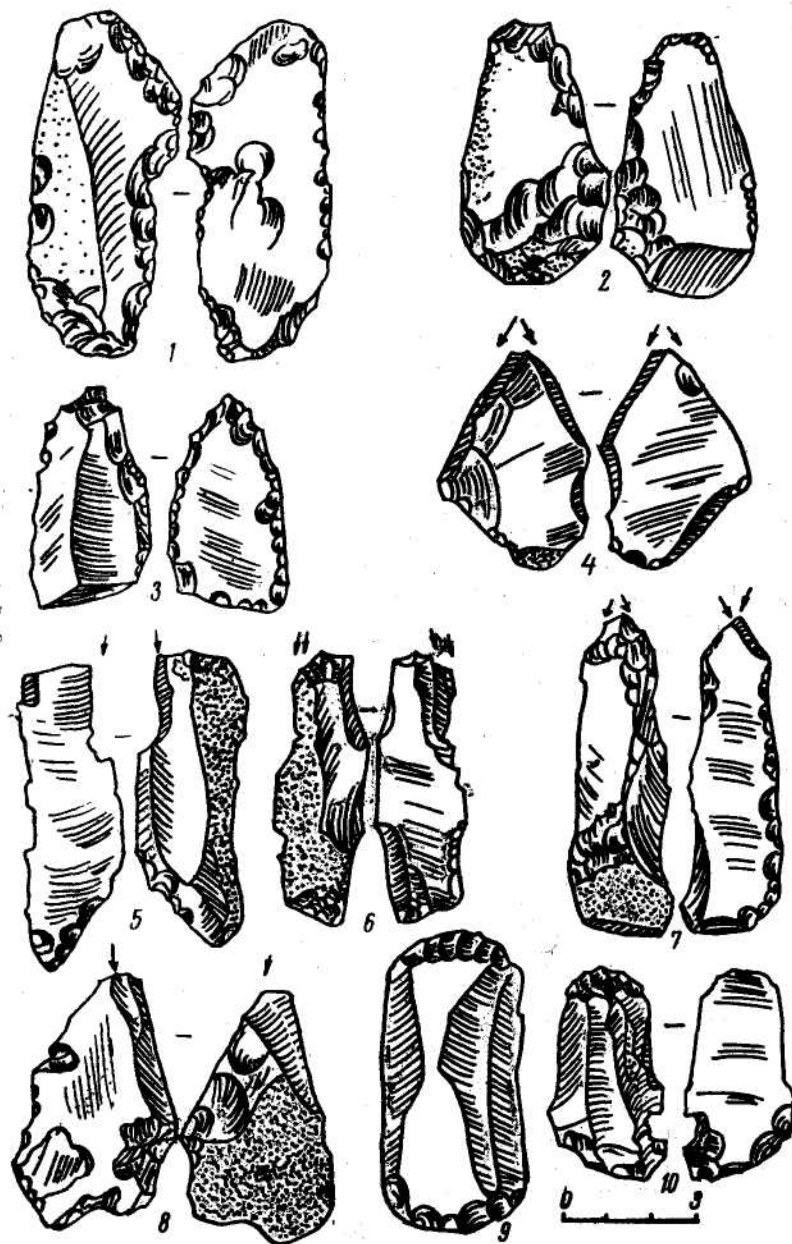

Рис. 3. Орудия верхнего палеолита:

Подлужье-II: 1—наконечник с боковой выемкой. *2—3*—орудия тесловидной формы, *4*—резец среднего типа. Бердыж (Подлужье-1): 5—угловой резец, *6*—двойной многофасеточный резец, *7—8*—срединный резец, 9—двойной скребок, *10*—концевой скребок

Замятнина— 4,5 м. По мере продвижения в глубь склона она постепенно увеличивается и достигает 5,5—6 м.

Остатки жилищ, До последнего времени в специальной литературе существовало мнение, что культурный слой Бердыжа смещен со своего первоначального местоположения и залегает в русле древнего потока'. В. И. Громов считает культурный слой этой стоянки своеобразным кладбищем мамонтов [6]; В. В. Щеглова отрицает датирующее значение стоянки [7].

Еще С. Н. Замятнии писал, что культурный слой в раскопе 1927 г. находился и первичном залегании. Это доказывалось совместным разме-

Рис. 4. Бердыжская стоянка

щением костных остатков и расщепленных кремней на небольшой площадке, за пределами которой находок не было. С. Н, Замятнин уже в то время сделал вывод, что скопление костных остатков имело искусственный характер и что подобной картины не могло бы быть, если бы кости сдвинулись вниз по склону. Кроме того, он считал, что скопление культурных остатков представляет не что иное, как запас топлива вблизи палеолитического очага, который, по его мнению, располагался западнее. Наши наблюдения позволили уточнить и развить вывод С. Н. Замятнина.

К 1939 г. на территории памятника было раскопано до 240 кв. м.

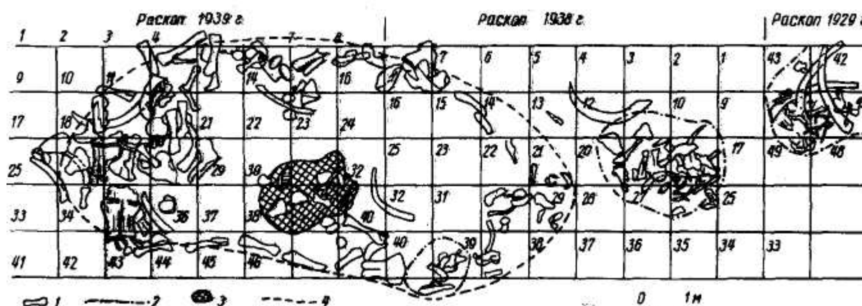
В культурном слое Бердыжа были выявлены остатки поселка, состоявшего по крайней мере из двух жилищ, основания которых сложены из крупных костей мамонта.

Восточное жилище было вскрыто в раскопе 1927 г. Оно имело овальную форму размером 4,5 м с запада на восток и 3,4 м с севера на юг. Наиболее крупные кости мамонта, черепа, тазовые, трубчатые, лопатки располагались по внешнему краю скопления и как бы ограничивали его. Культурный слой был сильно гумусирован только внутри этого контура.

Все внутреннее пространство было заполнено мелкими обломками костей и линзами костного угля — остатками деформированного очага.

Особый интерес представляют две крупные линзы плотной очажной массы. Одна из них имела форму овала, вытянутую с севера на юг (размеры 0,5Х0,3), вторая примыкала к первой с юго-востока. С северной стороны линзы, у края ее, вертикально стояли два крупных обломка лопаток, а под толщу очажной массы уходил крупный обломок бивня мамонта. Все это углублено в слой стерильного суглинка на 0,6—07 м.

Следы гумусированности резко обрывались по внешней границе основания жилища; мощность гумусированного слоя супеси не превышала 0,5—0,6 м. Это говорит о том, что жилища представляли собой несколько углубленные в землю сооружения; зеленовато-серый оттенок супеси сви-

Рас. 5. План жилища Бердыжской стоянки:
1—кость, *2*—граница жилища, *3*—очажнпя масса, *4*—границы ям

детельствует о ее делювиально-солюфлюкционном происхождении. Сам факт залегания остатков жилища служит доказательством того, что первобытный человек обитал здесь после окончания солифлюкционных процессов.

Развалины второго жилища овальной формы обнаружены в западной части раскопа 1938 и в восточной части раскопа 1939 гг. (рис. 5). Жилище углублено в пол раскопа на 0,4—0,5 м, основание его также сложено черепами и поставленными вертикально костями мамонта: тазовыми, лопатками, крупными трубчатыми. Оно имело несколько удлиненную, вытянутую в направлении с востока на запад форму размером 11Х5,2 м.

Значительный интерес представляют конструкции основания жилища — поставленные вертикально тазовые кости и лопатки мамонта с обломками трубчатых костей, а в некоторых местах и целые кости, служившие в качестве упоров-подкладок, расположенные попарно нижние челюсти, черепа, залегавшие в перевернутом виде, закрепленные в таком неустойчивом положении упорами, крупные трубчатые кости мамонта.

Доказательством того, что это остатки первобытного жилища, служит очаг размером 2Х1,6 м, расположенный в центре, несколько ближе к южной стене. Он представляет собой плотную как бы спекшуюся массу костного угля мощностью до 0,7 м.

Можно предполагать, что у жилищ была кровля из шкур мамонтов. Она поддерживалась стропилами из сочлененных ребер и жердей. В непосредственной близости от жилищ обнаружены три ямы-хранилища, наличие которых характерно для культурного слоя памятников костенковско-авдеевской культуры.

Кремневый инвентарь Бердыжской стоянки. Обитатели Бердыжской стоянки применяли верхнемеловый серый с крапинками кремень для изготовления орудий. Выходы кремня отмечаются как непосредственно в районе стоянки, так и по всему течению среднего Сожа. Коренные зале-

жи кремня есть на левом берегу Сожа, напротив Бердыжа, и на правом — у деревень Городовка и Отар.

Расщепленные кремни, найденные непосредственно в культурном слое, хорошо сохранились — без заметных следов латинизации и окатанности. В противоположность им кремни, залегавшие выше культурного слоя в толще ритмично-слоистых и пылеватых песков, имеют чрезвычайно сильную окатанность и заглаженность.

Наиболее характерная группа в кремневом инвентаре стоянки — 22 наконечника с боковой выемкой костенковского типа. Их признак — подтеска с брюшка в нижней части для закрепления в рукояти и в верхней — с целью подправки лезвия. От аналогичных орудий верхнего слоя Костенок-I бердыжские наконечники отличаются лишь более грубой отделкой, что объясняется несколько худшим качеством бердыжского кремня. В остальном же они почти тождественны (рис. 6).

Атипичые наконечники с боковой выемкой, найденные в культурном слое Бердыжской стоянки (Подлужье-I), могли служить в качестве мужского охотничьего оружия — наконечника копья или дротика и использовались при загонной охоте на животных. Кроме того, заполированность лезвия в верхней части, сработанность его, а также подправка ретушью режущей кромки позволяют сделать предположение о применении их в качестве ножей при разделке туш животных [8].

Вторую характерную группу, насчитывающую 25 экземпляров, в кремневом инвентаре стоянки представляют ножи с концевой затеской, или мясные ножи. Они изготовлены на пластинах, сколотых с ядрищ. Отличительным признаком этих орудий являются подтеска с брюшка в верхней части и ретушь по одному из краев. Наличие ножей костенковского типа в кремневом инвентаре Бердыжа свидетельствует о близости памятника к верхнему слою Костенок-I и Авдеево [9].

Любопытно, что некоторые экземпляры ножей подобного типа, найденные в Бердыже, близки к орудиям, обнаруженным в культурном слое Елисеевичского поселения, и были определены К. М. Поликарповичем как орудия типа pieces ecaillees [10], т. е. орудия с чешуйчатой подтеской концов.

Скребки в кремневом инвентаре стоянки изготовлены преимущественно из пластин (30). Однако большое количество орудий этого типа представлено экземплярами, изготовленными на отщепах (12) и укороченных пластинках (9). К группе скребков относятся и массивные пластины (4), верхний край которых отретуширован и образует несколько скошенное лезвие, на котором различаются типичные для скребков следы ретуши и сработанности.

Группа резцов (70) в кремневом инвентаре представлена преимущественно боковыми с косой подретушевкой верхнего края, а также угловыми, срединными, единичными экземплярами плоских и нуклевидньгх резцов. Наиболее вероятно, что резцы, обнаруженные в кремневом инвентаре Бердыжской стоянки, применялись преимущественно для обработки кости и дерева.

Найдены и миниатюрные острия (18), пластины с притуплённым ретушью краем (21). Этот вид орудий, особенно пластинки с притуплённым краем, широко распространен на многих верхнепалеолитических стоянках Восточной и Центральной Европы. Острия, найденные на стоянке, представляют собой пластинки, один из краев которых обработан тонкой затупливающей ретушью. Эти орудия напоминают миниатюрные острия типа граветт, характерные для стоянок поздней поры верхнепалеолитической эпохи Восточной Европы.

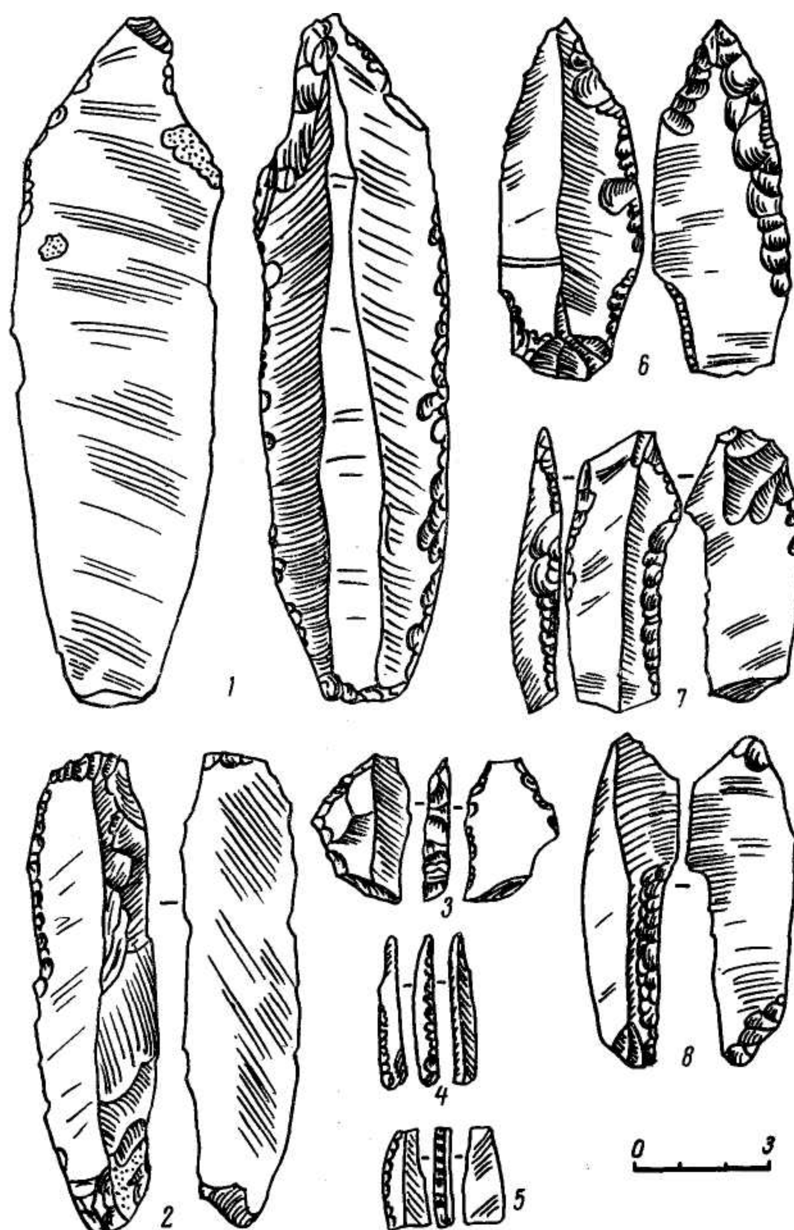

Рис. 6. Орудия верхнего палеолита:

Бердыж (Подлужье-1): 1—массивная ножевидная пластина с ретушью по краю, *2*—нож костенковского типа, *3, 4, 5*—граветтские формы орудий, 6*,* 7, *8*—наконечники с боковой выемкой

Назначение всех этих орудий, по-видимому, сводилось к различного рода работам вроде кройки и пошива одежды, приготовления нитей из сухожилий и т. д. Некоторые исследователи считают их орудиями, при помощи которых первобытные люди производили татуировку, однако это маловероятно.

Характерной особенностью бердыжского инвентаря является наличие в нем крупных пластин длиной до 16 см. Они имеют следы ретуши, заполированности и сработанности на краях. Эти пластины применялись в качестве ножей.

В инвентаре стоянки есть и топоровидные орудия. К ним следует отнести кремневый желвак округлой формы, верхняя часть которого сбита и представляет собой обушок. Края его обработаны поперечными сколами, более тщательными у краев и небрежными у середины. Лезвие оформлено сколами, идущими в различных направлениях. В качестве топора могло служить и орудие из желвака, у которого одна сторона обработана крупными фасетками ретуши, несколько более мелкой в верхней части.

К разряду орудий подобного типа можно отнести и одностороннее ядрище с крупным негативом от резцового скола. Нижняя часть его обработана с обеих сторон крупными продольными фасетками ретуши, при помощи которых оформлено лезвие.

Представлены в кремневом инвентаре стоянки и орудия долотовидного типа. Одно из. них изготовлено на отщепе. Лезвие его подтесано с обеих сторон крупными продольными фасетками ретуши и несколько подправлено у самого края.

Среди 23 ядрищ, выделенных в инвентаре стоянки, встречаются как одноплощадочные, так и двухплощадочные со сколами как с одной, так и с двух сторон. В Бердыже применялась типичная для верхнего слоя Костенок-I техника расщепления кремня. Кремневый материал здесь использовался менее экономно. Найдено 6 ретушеров.

Среди кремневого инвентаря в культурном слое раскопа 1928 г. обнаружен остроконечник [и]. Этот остроконечник, или, как его назвал К/ М. Поликарпович, «мустьерское рубильце», послужил основанием для выделения кремневого инвентаря, найденного при исследовании известной палеолитической стоянки Подлужье, в отдельный мустьерский комплекс. Такая постановка вопроса нам представляется неправомерной. Во-первых, нельзя искусственно отрывать остроконечник от комплекса, в котором он был найден. Во-вторых, орудия такого типа часто встречаются и на верхнепалеолитических поселениях. Поэтому остроконечник следует отнести к кремневой коллекции раскопок Бердыжа (Подлужье-1).

Остроконечник имеет сердцевидную форму и размеры 8,1Х6,5 см. Оба его края обработаны крупными поперечными сколами и вторично тонкой притупляющей ретушью у самых краев. Лезвие подправлено как со стороны спинки, так и со стороны брюшка продольными сколами. Со стороны спинки различается большой участок известковистой корки, не снятой сколами.

В отдельную группу выделена серия архаичных орудий, сильно окатанных и заполированных. Они представлены архаичной формой резцов, пластинками и отщепами с ретушью и без ретуши. Эти кремни добыты из толщи пылеватых и ритмично-слоистых песков, залегающих выше культурного слоя. Орудия этой группы полностью тождественны переотложившемуся кремневому комплексу Подлужье-П и являются его частью.

Единичными экземплярами в инвентаре стоянки представлены проколки на отщепах и пластинах, орудия с подтеской концов.

Анализ кремневого инвентаря стоянки позволяет предполагать близость ее к памятникам костенковско-авдеевской культуры, представляющей важный этап в развитии первобытного человека на территории Восточной и Центральной Европы.

Прежде всего как памятник, несомненно более близкий к Бердыжу по кремневому инвентарю, следует указать на верхний слой Костенок-1. Особенность бердыжского инвентаря — отсутствие в нем наконечников листовидной формы, выделенных в коллекции верхнего слоя Костенок-1, что свидетельствует в пользу несколько более позднего возраста Бердыжа.

Очень сходен кремневый инвентарь Бердыжа с инвентарем известной Авдеевской стоянки (под Курском).

Аналогичный бердыжскому инвентарь встречен в Гагарине Однако здесь наконечники с боковой выемкой имеют небольшие размеры, они, за редким исключением, почти все миниатюрны и скорее всего представляют собой режущие острия.

Стоянка Боршево-1 — памятник несомненно более поздний. Наконечники с боковой выемкой здесь миниатюрны, некоторые из них очень небрежно отделаны, большинство экземпляров не имеет подтески с брюшка [12].

Наконец, в числе памятников, близких к Бердыжу по кремневому инвентарю, следует назвать VII слой Молодова-V, в котором были найдены наконечники с боковой выемкой, морфологически близкие к бердыжским; наблюдаются также аналогии и среди других орудий, в частности среди скребков, острий, резцов [13].

В верхнем слоем Пржедмостской стоянки также попадались типичные костенковские наконечники, характерные и для стоянок в Петржковице, Долне Вестонице, Павлове (Чехословакия) [14].

На территории Австрии есть памятники, близкие к Бердыжу по кремневому инвентарю, особенно девятый слой Виллендорфа-П, где найдены наконечники с боковой выемкой, граветтские формы орудий, крупные пластины с ретушью, такие же наборы резцов. Здесь, как и в Бердыже, уже появляются двойные скребки, характерные для мадленского времени. Близки по материалам поздний слой Виллендорфа-I и Агсбаха [15].

Бердыжская стоянка является промежуточной по времени и самой северной в этой группе памятников. Их культурная и хронологическая принадлежность определяется как поздний восточный Граветт. По радиокарбоновым данным они, как и близкие к ним позднеперигордьенские стоянки Франции, датируются 23—22 тысячелетием до н. э.

Бердыжская стоянка занимает особое место среди аналогичных поселений Восточной Европы, так как она расположена в непосредственной близости от краевых морен последнего оледенения, датирована археологическим и геологическим методом. Культурный слой Бердыжа относится не к самой ранней фазе первой половины максимальной (последней) стадии валдайского оледенения, т. е. к 24—22 тыс. до н. э. Этот вывод подтверждается и некоторыми данными по Центральной Европе, в частности Чехословакии и Австрии, где развитие так называемой восточно-граветтской культуры начинается в интерстадиале Вюрм-II — Вюрм-III и заканчивается в конце первой лессовой фазы Вюрм-III.

В последнее время в специальной литературе широко высказывается мнение о том, что Бердыж на Соже, Авдеево на Сейме, Костенки-I на Дону — остатки поселений, основанных виллендорфцами, пришедшими сюда из Австрии. Этот вывод объясняется более ранним возрастом девятого горизонта Виллендорфа-П, чем, например, Костенок-1, Авдеево, Бердыжа, преемственностью развития от 2-го до 9-го слоя Виллендорфа-II, ко-

торую на Русской равнине проследить не удается в связи с тем, что почти все подобные памятники здесь однослойные. Однако, на наш взгляд, этот вывод преждевременен. Рядом с Бердыжской стоянкой находятся остатки поселения, относящегося к кругу памятников костенковско-авдеевской культуры, более ранних, чем Бердыж. Геологически Бердыж не моложе, а, возможно, древнее Виллендорфа-П. Наконец, Пушкари-1 — памятник более древний, чем Авдеево, Бердыж, Костенки-I. Уже теперь отдельные исследователи признают тот факт, что кремневый инвентарь Бердыжа есть дальнейшее развитие кремневого инвентаря Пушкарей-I [16]. На наш взгляд, сейчас следует поставить вопрос о местном возникновении костенковско-авдеевской культуры.

Памятники Елисеевичско-Юревичской группы. К этой группе относятся хорошо известное Елисеевичское поселение [17] и оба культурных горизонта Юревичской стоянки, родственные как по облику кремневого инвентаря, так и по гравировке на кости [18]. Культурные остатки в Елисеевичах залегали на склоне плато, сложенного делювиальной лессовидной супесью, на глубине 2,5 м от поверхности почвы. Непосредственно под современной почвой залегает верхний горизонт культурного слоя, относящийся к валдайскому позднеледниковью. Культурный слой Елисеевичского поселения представляет собой остатки жилого комплекса, состоявшего из небольших тесно примыкавших друг к другу жилищ. Для этого комплекса характерно широкое применение костей мамонта в качестве строительного материала. Весь жилой комплекс окружен кольцом ям-хранилищ.

Деталью внутренней планировки этого сложного жилого комплекса является и так называемый «ход», вскрытый в раскопках 1935—1936 гг. Оригинальное сооружение, исследованное в 1963 г., представляет собой остатки небольшого жилища (возможно, краевой спальной ямы) полуземляночного типа, конструктивно входившего вместе со всеми постройками в единый комплекс верхнепалеолитического поселения. Основания жилищ углублены в слой стерильной лессовидной супеси на 0,5—0,6 м, составлены черепами, большими берцовыми, плечевыми, тазовыми и другими костями, лопатками мамонта, расположенными в большинстве случаев по отвалу. Четко различаются детали конструкций; все черепа закреплены в определенном положении посредством особых клиньев-упоров, изготовленных из осколков трубчатых костей мамонта — стопы, позвонкоз. Большой интерес представляют группы позвонков, обычно залегавшие внутри сооружений. В отверстиях позвонков продеты ребра мамонта, что свидетельствует о применении конструкций из искусственно соединенных позвонками ребер в качестве деталей перекрытия. Сочлененные с их помощью ребра служили стропилами.

Кремневый инвентарь представлен разнообразным набором орудий, среди которых самая многочисленная группа — резцы. Среди них выделяются боковые, срединные, угловые. Найдены также единичные экземпляры плоских резцов (резцы супоневского типа). Пожалуй, главным назначением резцов была работа по'кости: нанесение орнамента, гравировка, расчленение бивневых отщепов, изготовление чуринг, нанесение на их поверхность сложных узоров, фигур, изготовление костяных орудий. Вторая группа орудий — скребки, изготовленные на концах ноже-|Зидных пластин, на отщепах, на осколках кремня. Назначением скребков, видимо, была обработка шкур животных; более массивные скребла могли употребляться, кроме обработки шкур, и как рубящие формы орудий при разделке туш животных. Значительный процент составляют орудия специального назначения: острия и пластинки с притуплённым ретушью краем, так называемые граветтские формы орудий.

Одни археологи считают, что пластинки с притуплённым ретушью краем служили вкладышами костяных орудий, другие признавали в них орудия для татуировки и т. д. На наш взгляд, эта группа орудий имела самое разнообразное применение. Они могли служить инструментом для нанесения орнамента, быть вкладышами составных костяных орудий. Острия с притуплённым ретушью краем служили в качестве миниатюрных режущих инструментов, для наиболее тонких работ. Сюда же примыкает и выделенная нами серия пильчатых острий, форма, уже характерная для мадленского времени. Следует отметить также группу орудий с чешуйчатой подтеской краев (долотовидная форма), большое количество ножевидных пластин с ретушью по краям.

Особого внимания заслуживает серия долотовидных, тесловидных орудий, служивших для расчленения бивней — заготовок для работы по дереву. Очень часто для этой цели использовались ядрища. Отработанные ядрища служили в качестве отбойников и ретушеров* при изготовлении кремневых орудий.

Сложившееся в археологической литературе мнение о бедности кремневого инвентаря Елисеевичей не соответствует действительности. На самом деле кремневый инвентарь здесь представляет набор специализированных орудий для ведения разнообразных работ по кости и дереву (рис. 7).

Весьма разнообразен и многочислен инвентарь этого поселения. Основным видом заготовок при изготовлении костяных орудий служили различные крупные кости мамонта, преимущественно бивни, обнаруженные в культурном слое стоянки в виде скоплений. Значительной группой представлены орудия ударного назначения, изготовленные из бивней мамонта. Это обломки или целые бивни с характерными выщербинами на концах. Многие из них несут на себе ряд поперечных насечек в виде прямых коротких линий. Поскольку эти орудия — неотъемлемая принадлежность охотников на мамонтов, возможно, что ряды поперечных линий были элементами счета, соответствовали количеству убитых животных или облавных охот.

Вторую группу охотничьего оружия составляли наконечники копий, изготовленные из бивней мамонта. Они имели веретенообразную форму с продольным пазом для стока крови раненого животного. Такие наконечники успешно конкурировали с кремневыми, так как были более прочными и не ломались. Среди костяных орудий следует отметить также кинжалы, изготовленные из бивней молодого мамонта, «колотушки», служившие, видимо, для растирания растительной пищи. Рукоять их покрывалась большим количеством мелких штрихов — насечкой.

В особую группу выделяется большое количество орудий, изготовленных из ребер мамонта. Они имеют срезанный по диагонали заостренный конец, все разных размеров (от 20 до 50 см). Рабочий край этих орудий сильно затуплен и изношен. Это землекопалки, служившие для. рытья клубней растений и выкапывания ловчих ям. Большое количество обломков ребер использовалось в качестве лощил — орудий для разглаживания кож животных при обработке и сушке.

О широком применении кости в быту первобытных людей говорит наличие на стоянке фрагментов тазов, лопаток, применявшихся в качестве своеобразных подставок, наковаленок, упоров для изготовления орудий из кремня. Свидетельствуют об этом и многочисленные царапины на поверхности этих костей и выщербины. Кроме того, в культурном

* Орудия, при посредстве которых с края заготовки снимались небольшие чешуйки кремня, т. е. наносилась решушь.

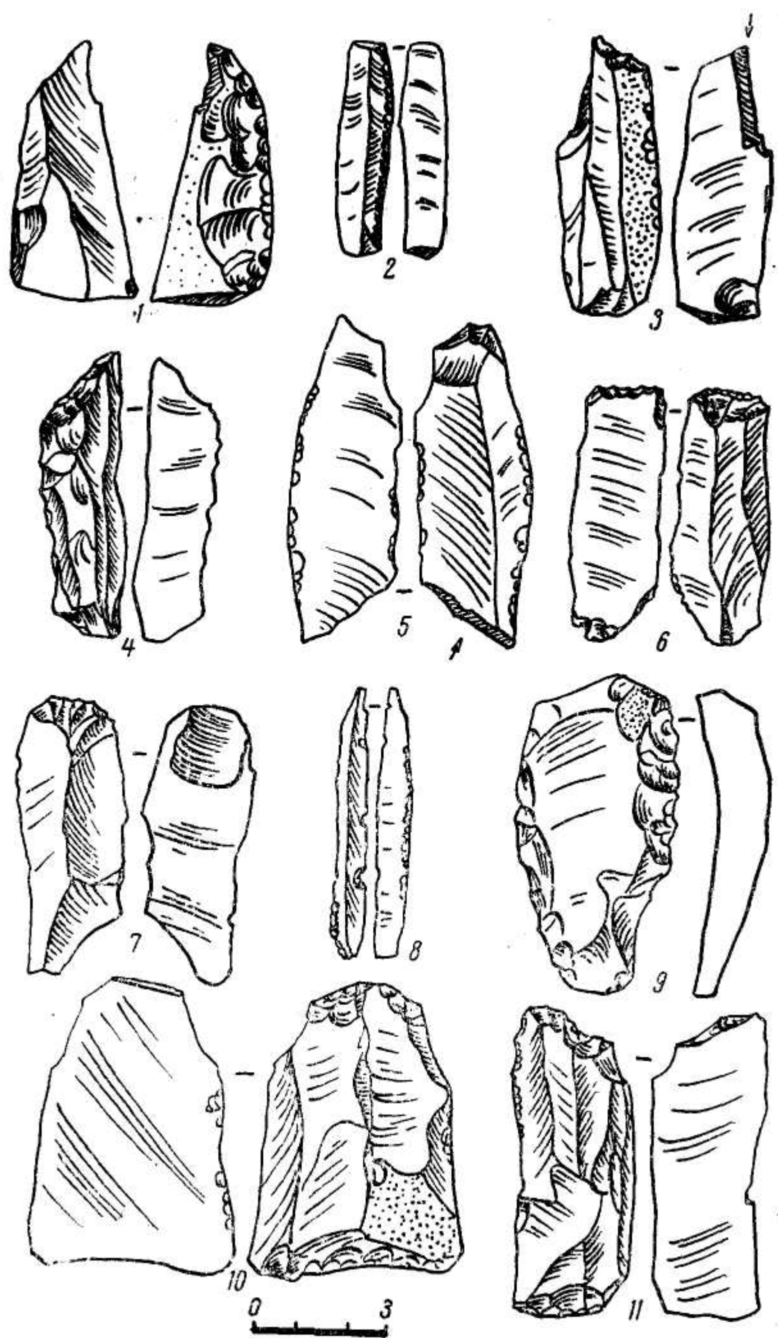

Рис. 7. Елисеевичи. Кремневый инвентарь:

1, 3, 4—боковые резцы, *2*—острие с притуплённым ретушью краем, *5, 11*—острие с притуплённым ретушью верхним краем, *6*—комбинированное орудие скребок-резец, *7*—орудие с чешуйчатой подтеской конца, *8*—орудие с выемкой и ретушью по краям, *9*—скреб ловидное орудие, *10*—тесловидная форма орудия

слое обнаружены врытые в землю тазовые кости мамонта, а также их фрагменты со следами потертости на вогнутой поверхности, служившие для измельчения растительной и животной пищи.

Обнаружено большое количество игол для шитья, изготовленных из бивня мамонта. Найдены и массивные проколки. Повседневным орудием обитателей поселения были шилья, сделанные преимущественно из больших берцовых и лучевых костей зайца, песца, лисицы, волка.

Елисеевичское поселение приобрело мировую известность своими предметами палеолитического искусства. Это прежде всего пластины из бивня мамонта с очень сложным геометрическим орнаметом, нанесенным полосами вдоль пластины. Выделяются две группы изделий: первая из них представлена пластинами с орнаментом в виде шестиугольников, зигзагов, линий, воспроизводящих контуры чешуи рыбы. В отдельных случаях на бивне орнамент украшен изображением рыб. Назначение этих пластин не совсем ясно: возможно, они служили предметами культа первобытной общины.

Очень загадочна вторая группа пластин. На некоторых из них можно различить отчетливые наброски плана местности. Следует прежде всего выделить схематические изображения деревьев, жилищ, напоминающих чумы народностей Севера. Нанесенные на некоторых пластинках рисунки напоминают изгороди. Возможно, это были изображения ветровых заслонов, возможно, они так или иначе связаны с рыбной ловлей.

Некоторые элементы геометрического орнамента Елисеевичей близки к узорам на резной кости Костенок-I и Авдеево. С памятниками костенковско-авдеевской культуры Елисеевичи сближает также женская статуэтка, несколько отличающаяся от костенковско-авдеевских более длинным торсом, массивными ногами, лучшей симметричностью форм (обычный реалистический тип). Общие черты орнамента, в частности геометризация, характерны для верхнепалеолитических поселений Деснинского бассейна. Однако до настоящего времени обломки пластин с орнаментом, идентичным Елисеевичским, найдены лишь в культурном слое Юревичской стоянки. Аналогичный орнамент найден и в культурном слое пещеры Ла-Мадлен (Франция). Учитывая идентичность кремневого инвентаря Юревичей и Елисеевичей, их близкий геологический возраст, можно сделать вывод об этнической близости первобытных общин, обитавших на месте этих памятников. Единственным различием является то сбстоятельство, что в Юревичах стены основания жилищ были выложены местным валунным камнем, в изобилии имевшимся в моренных отложениях. В этом»вотношении Юревичи скорее напоминают Гагарино.

Значительное место среди находок занимают украшения. Это прежде всего просверленные у основания зубы песца, лисицы, волка, служившие амулетами, подвесками, сделанные из бивня мамонта, цилиндрические известковистые трубочки морских червей, раковины морских и пресноводных моллюсков. Костяные подвески имеют орнамент в виде прямых продольных линий. Сквозные отверстия для нанизывания просверливались вдоль длинной оси поделки; раковины морских и пресноводных моллюсков также имели отверстия в центре или у одного из краев.

Юревичская верхнепалеолитическая стоянка расположена на террасообразном склоне плато, прорезаемом древней балкой (рис. 8). При раскопках 1929—1931 гг. (59 кв. м) здесь были найдены кости двух десятков мамонтов, кремневые орудия [19]. В 1959—1960 гг. было вскрыто свыше 130 кв. м.

Удалось установить наличие полуовала, сложенного из костей мамонта в раскопе 1931 г., а позднее выявить каменные выкладки возле остатков очагов в пределах жилой площадки. Здесь, по-видимому, в

отличие от Бердыжа при закладке основания жилищ пользовались не только костями мамонта, но и валунами (рис. 9).

Кремневый инвентарь представлен резцами бокового типа (более 60), остриями типа граветт (15), концевыми скребками (47), среди которых есть и двойные, пластины с ретушью (30), без нее (68). Два орудия

Рис. 8. Юревичи. Место раскопок (1959 г.)

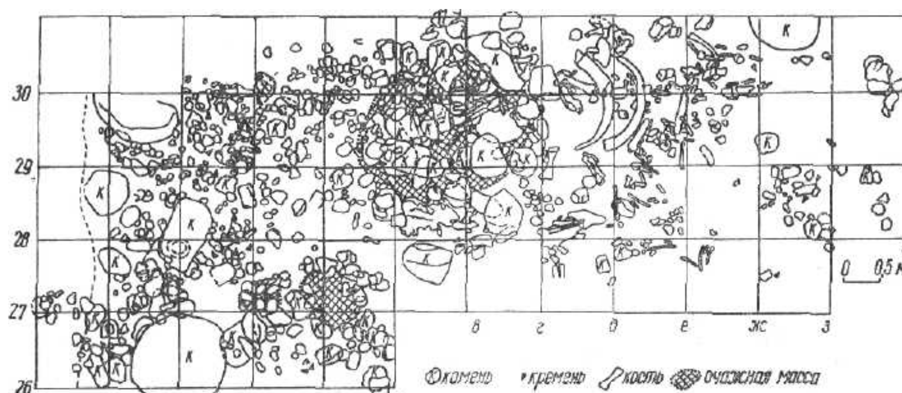

Рис. 9. Юречичская стоянка. План расположения культурных остатков на Юревичской стоянке

изготовлены из пластин с подтеской. Найден массивный листовидный клинок, у которого притуплена спинка и заострен конец (рис. 10, 11).

Вслед за Г. Ф. Мирчипком, который относил стоянку ко времени накопления аллювия первой террасы, ее можно датировать начальными этапами двинской (поздневалдайской) стадии [20].

Елисеевичское и Юревичское поселения имеют домадленский возраст и относятся к поздней поре верхнепалеолитической эпохи. Они

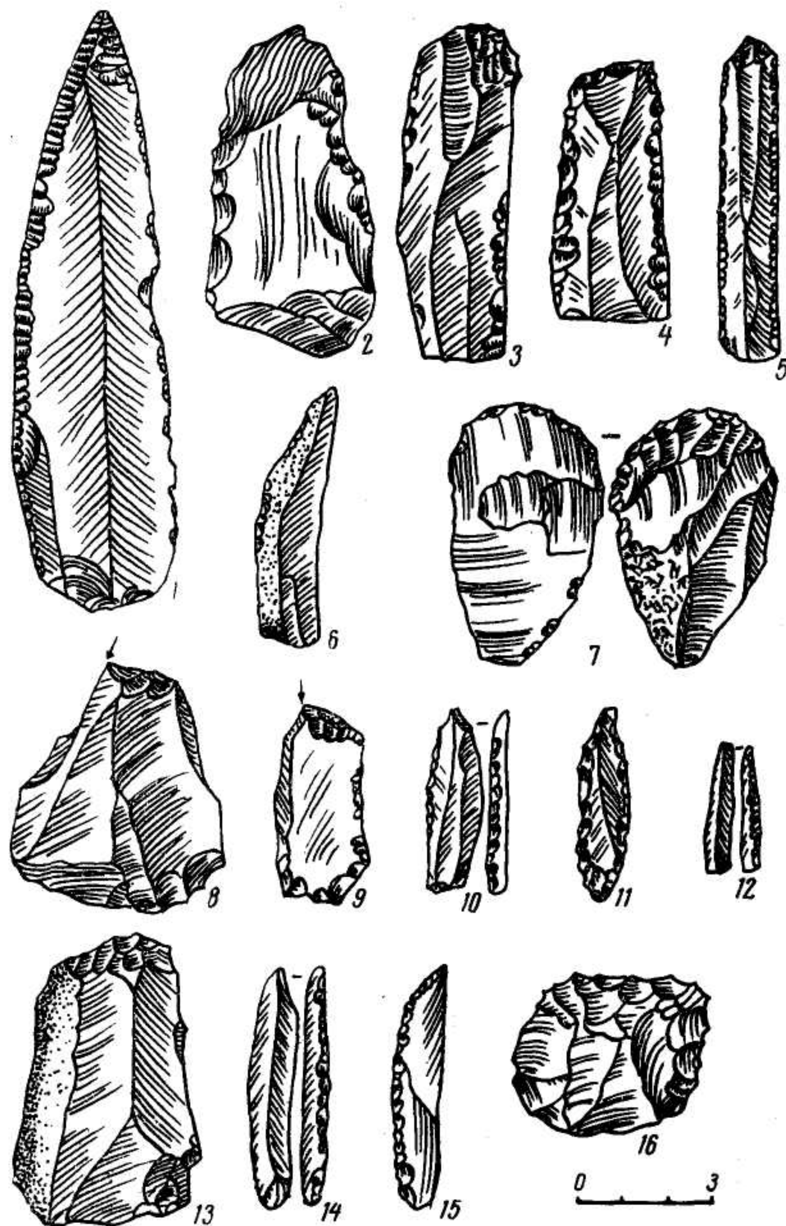

Рис. 10. Кремневый инвентарь верхнего палеолита:

Юревичи, нижний горизонт: *1*—листовидный наконечник копья, *2*—массивная пластинка с выемкой, *3*—пластина с краями, частично обработанными ретушью, *4*—пластина, оора бота иная притупляющей ретушью, 5—пластина с мелкой притупляющей краевой ретушью, *6*—острие с притуплённым ретушью краем, 7—скребок на отщепе, *13*—нуклеоьидный скребок, скребок с круговой ретушью по краям. Юревичи, верхний горизонт; S—нуклеус с негативом резцового скола, *9*—боковой резец, *№*—острие с притуплённым ретушью краем, *11*—наконечник, *12, 14,* /5—острия с притуплёнными ретушью краями (типа граветт), *16*—скребок

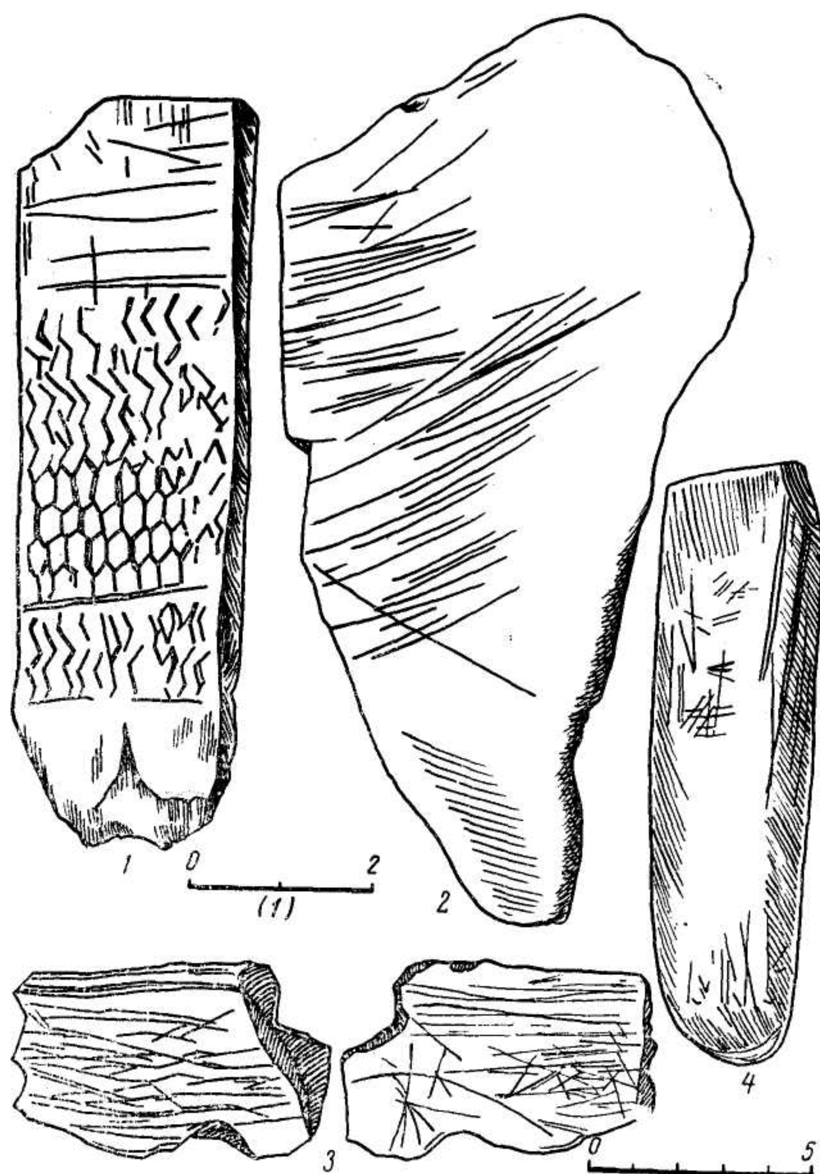

Рис. 11. Костяные изделия:

Юревнчи: 1—пластинка из бивня мамонта с орнаментом елисеевичского типа, *2, 3*—пластины из бивня мамонта с рядом поперечных и продольных штрихов, 4—клиновидное орудие из бивня мамонта

датируются, как и Бердыж, первой половиной максимальной (последней) стадии валдайского оледенения. Хронологически они близки к памятникам костснковско-авдеевской культуры.

Памятники юдиновско-тимоновской группы. На правом берегу Судости, правого притока Десны, в 15 км выше райцентра Погар, на юго-восточной окраине деревни Юдиново, было найдено более позднее поселение, при раскопках которого вскрыто два жилища.

Наиболее интересно большое жилище материнской родовой общины, основание которого сложено крупными костями мамонта. Оно расчищено на глубине 2,6—3 м от поверхности, углублено в слой стерильного

Рис. 12. Конструкция из черепов и трубчатых костей в Юдиново-1

лессовидного суглинка на 0,6—0,7 м, имеет размер 17x10 м, состоит из 6 секций, в которых, по-видимому, помещались отдельные семьи. Седьмая секция, расположенная возле входа в жилище с юго-западной стороны, служила для обогрева, так как была занята очагом размером 2Х2 м. С юго-западной стороны вплотную к стене жилища примыкают остатки еще одной постройки, которую можно считать пристройкой или навесом у входа в жилище.

Строительная техника в Юдиново значительно выше, чем в Бердыже и Елисеевичах. Здесь мы видим стены из трубчатых костей мамонта, залегавших одна над другой в горизонтальном положении или поставленных вертикально. Такие стены опирались на черепа мамонтов, расположенные по краю искусственно вырытого углубления. Черепа обычно ставились на некотором расстоянии от края углубления; трубчатые и другие кости, образующие основание стены, удерживались от смещения с внутренней стороны черепами, а с внешней — краем искусственно вырытого углубления. Совершенно новым приемом, не встречающимся в других памятниках, является широкое применение лопаток, тазовых и других крупных трубчатых костей мамонта с искусственно пробитыми отверстиями. Они служили в качестве опор, в которых укреплялись стойки, поддерживающие кровлю жилища, а кроме того, были прекрасным изолятором, предохраняющим основание стойки от гниения (рис. 12).

К юго-востоку от первого многосекционного жилища, на участке, примыкающем к реке, расчищен второй жилой комплекс. В него входят три очага размером 4,2x2,4 м; 5,4x3,0 м; 3,5x3,0 м. Они расположены

в углублениях искусственного характера. Непосредственно вблизи очагов располагались производственные площадки, где изготовлялись и орнаментировались кремневые орудия, костяные наконечники копий, здесь же имелись ямы различного хозяйственного назначения. С юго-восточной стороны к очагам примыкает весьма любопытное сооружение, основание которого составляют лопатки, тазовые и другие кости мамонта, расположенные по овалу. По площади оно приближается к большому многосекционному жилищу первого комплекса и, возможно, было жилым помещением. Все лопатки и тазовые кости имеют искусственно пробитые отверстия.

Первое место в инвентаре занимают боковые резцы, более тщательно обработанные, чем в Елисеевичах; встречаются также срединные и угловые резцы, однако в меньшем числе. Значительно количество острий из пластинок с притуплённым ретушью краем (типа граветт). Скребки представлены округлыми формами «тарденуазского» типа, формами более поздними, чем в Елисеевичах. Серия крупных рубящих орудий служила для расчленения бивней как поделочного материала. Наконечники копий и дротиков изготавливались из бивней мамонта; они имели веретенообразную форму и продольный паз для стока крови. Большое количество землекопалок и ребер мамонта ярко иллюстрирует роль собирательства в жизни юдиновской общины. Найдено много рукояток кремневых орудий, молоткообразных орудий из рога северного оленя, шильев, игл, проколок различного назначения (рис. 13, 14). Характерны и пестыерочники, служившие для растирания пищи, ретушеры, изготовленные из трубчатых костей различных животных, орудия для плетения сетей, различные острия и кинжалы из отростков рога северного оленя и бивней мамонта.

Весьма разнообразны и предметы палеолитического искусства, собранные в Юдиново. Это прежде всего головка какой-то птицы, вырезанная из отростка рога северного оленя. Для орнамента на кости характерны ромб и зигзаг, схематические изображения рыб, продольные извилистые двойные линии. Новым является рисунок в виде прямых коротких линий, чередующихся со свободными участками. Такой орнамент, напоминающий шахматное поле, обнаружен впервые. Изделия из бивней мамонта украшены элементами, напоминающими чешую змеи. Орнаментированный рисунок в виде ромбов разделен на две части двумя извилистыми толстыми продольными двойными линиями, напоминающими змею в движении. Ромбический орнамент попадается и на костяных изделиях Тимоновки и нижнего горизонта Борщево-П; далекие анологии ему встречаются в мадленских стоянках Франции.

Предметы украшения представлены прекрасным набором просверленных раковин. Это позволяет отнести поселение Юдиново-1 к домадленскому времени.

3. ПОЗДНЕЙШАЯ ПОРА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Начало мадленского времени, точнее позднейшей поры верхнепалеолитической эпохи, относится к позднеледниковью, т. е. к началу древнейшего дриаса, к концу седиментации восточно-европейских лессов (XIV—XIII тысячелетия до н. э.). Этот период характеризуется двумя переломными моментами в палеогеографической обстановке: окончились перигляциальные климатические явления и прекратилось лессообразование. На всей громадной освобожденной ото льда территории началось образование дюнных массивов и гряд. На территории Белорусского

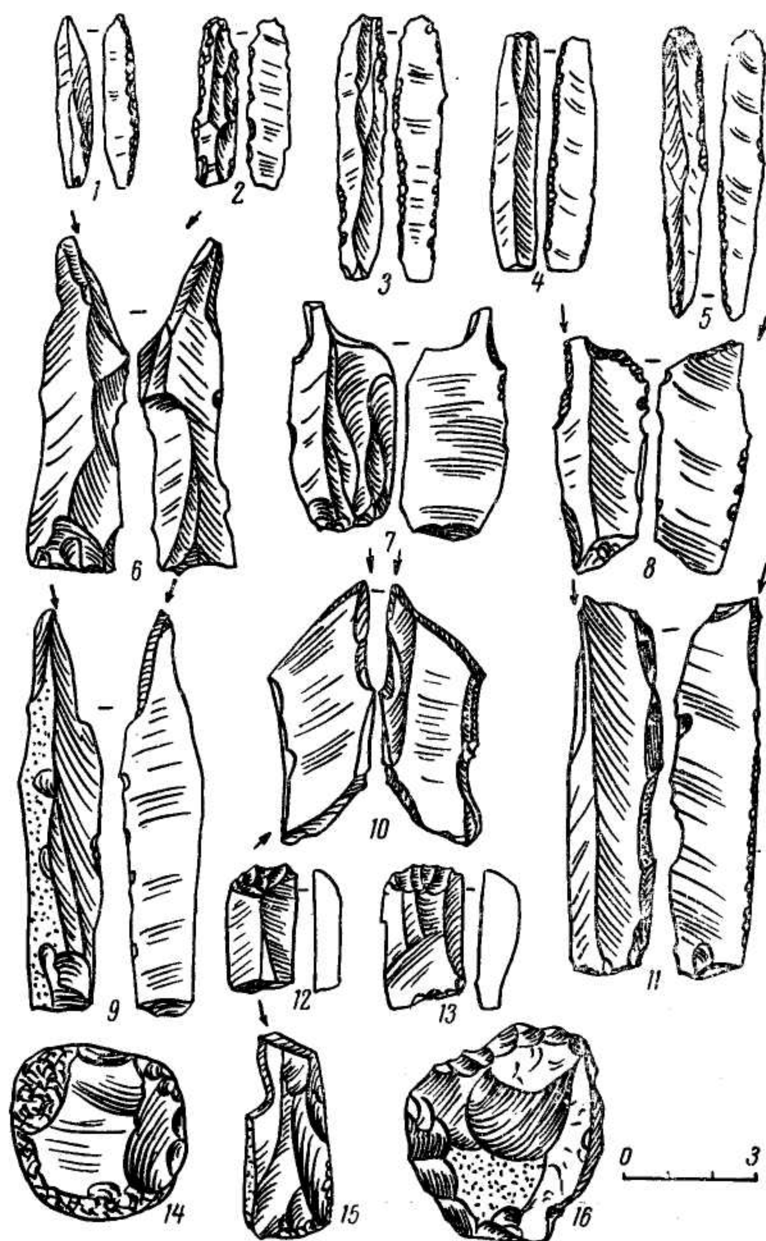

Рис. 13. Кремневый инвентарь из культурного слоя Юдиново-1:

1—5—граветтские формы орудий, *6*—срединно-угловсй резец, 7—сверло, *8, 11,* 15—боковые резцы, 9—*10*—срединные резцы, *12, 13*—скребки, *14*—отбойник, *16*—скребловидное орудие

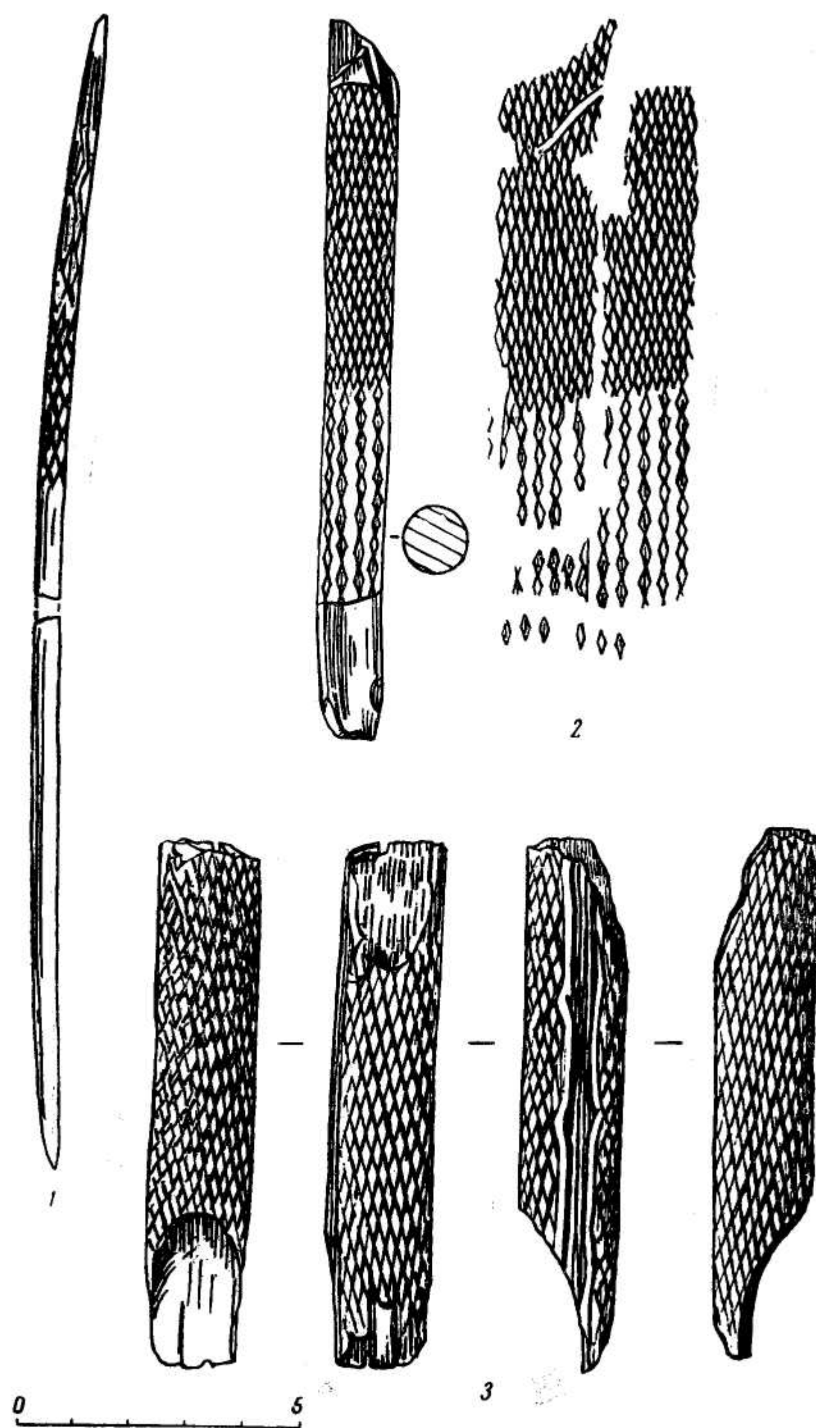

Рис. 14. Предметы палеолитического искусства. Юдиново-1

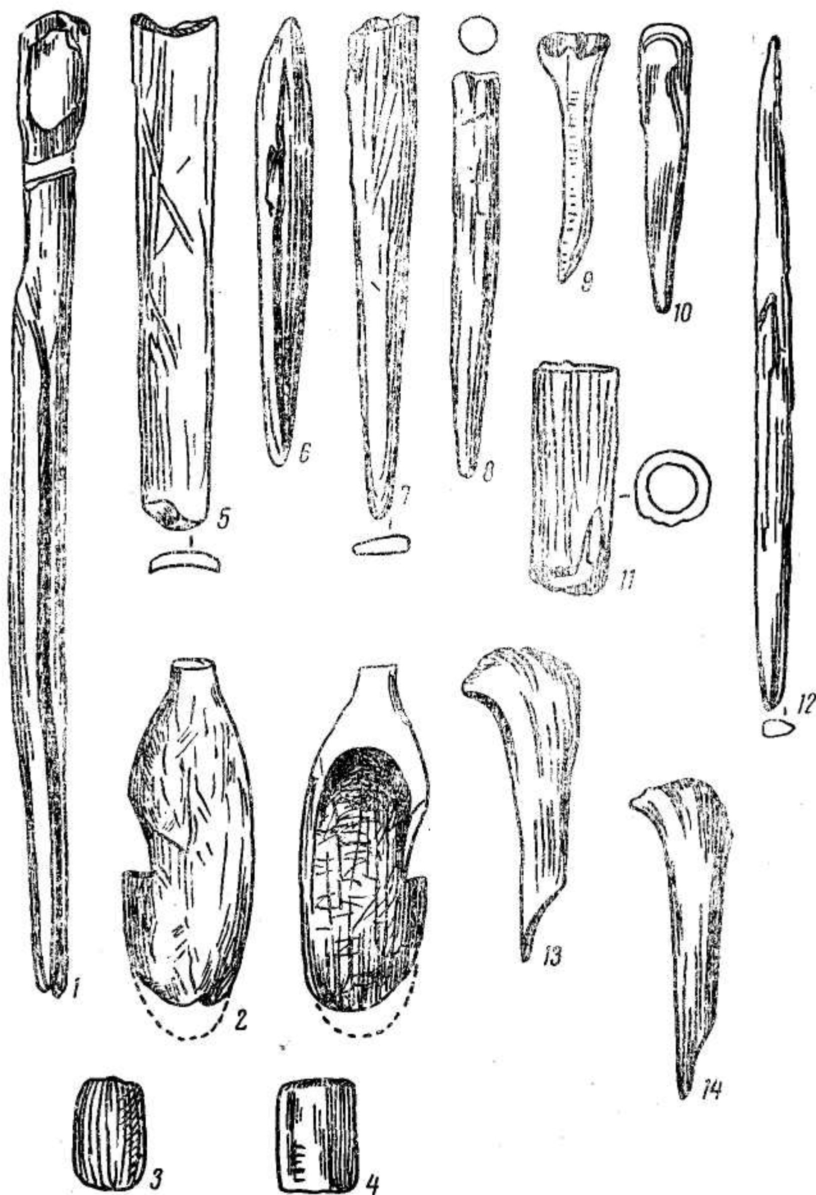

Рис. 15. Верхний палеолит. Костяные изделия. Елисеевичи:

1—наконечник копья (кинжал), *2*—орудие из бивня мамонта типа лопаточки с выемкой, *3, 4*—шейные украшения из бивня мамонта, *5*—обломок поделки из бивня мамонта, 6—наконечник дротика, 7, 8—острия, *9, 10*—шилья, *11*—рукоятка кремневого орудия, *12*—острие, *13, 14*—шилья

Поднепровья этому времени соответствуют древнейшие этапы развития поселений типа Подлужье-Ш, Гренск, Латки, которые многие исследователи относят к мезолиту или даже к раннему неолиту. Специфические особенности позволили выделить эти поселения из обширной свидерской культурной области *, распространенной Л. Савицким от Повисленья до верхней Волги, в отдельную гренскую культуру. Ряд признаков отличает также памятники типа Гренска от волго-окских.

Ранний этап гренской культуры. Первая, ранняя группа представлена стоянками Подлужье-Ш, Елисеевичи-П, Комягино и др. Из них наиболее исследована стоянка Подлужье-Ш, расположенная в ста метрах к северу от Бердыжской (Подлужье-I) на пониженном склоне плато, обращенном к пойме. Культурные остатки здесь залегали на глубине 1—1,3 м от поверхности почвы, в самых верхних горизонтах аллювия первой надпойменной террасы и в нижней части толщи делювиальных пылеватых песков, покрывающих эту террасу. Они состояли из большого количества расщепленного кремня, сосредоточенного вокруг линз костного и древесного угля.

Несколько сот кремней имели вторичную обработку, т. е. были орудиями (рис. 16). Сырьем для их изготовления служил местный кремень.

Кремневый инвентарь стоянки имеет наконечники черешковых форм. Среди них выделяются четыре наконечника с боковой выемкой, имеющие подтеску с брюшка в нижней, а некоторые и в верхней части.

Очень выразительной серией (15) представлены наконечники, изготовленные на массивных пластинах, с резко выделенным черешком, в некоторых случаях подтесанным с брюшка. Эти орудия несколько напоминают острие типа Лингби и экземпляры польской стоянки Новый Млын[21].

Листовидные наконечники представлены шестью' экземплярами, В отличие от свидерских подтеска с брюшка у них осуществлена посредством одного широкого скола, обработка основания более грубая.

Наиболее многочисленной группой в инвентаре стоянки представлены скребки, изготовленные на пластинах (60), а также на коротких и удлиненных отщепах (30). Скребки на пластинах имеют дугообразный рабочий край, иногда скошенный в одну сторону, причем для некоторых экземпляров характерна подправка ретушью основания.

Найдены также единичные экземпляры двойных скребков. Скребки на отщепах очень массивны, дугообразный рабочий край обработан крупными фасетками плоской ретуши. Аналогичные орудия встречаются в инвентаре стоянок поздней поры верхнепалеолитической эпохи, расположенных на территории Восточной Европы (Юдиново, Гонцы, Тимоновка, Чулатово-П и др.)- Такие скребки характерны и для Бердыжа.

Резцы представлены боковыми формами с косой и поперечной подретушевкой верхнего края (35), угловыми, срединными формами. Доминирующее положение боковых резцов, крупные размеры указывают на близость их к аналогичным орудиям Елисеевичского, Юдиновского и других поселений.

Серию в инвентаре стоянки составляют проколки, изготовленные на пластинах и отщепах (13). Некоторые из них по технике изготовления и по форме напоминают аналогичные орудия Мезинской стоянки[22]. Всего в культурном слое раскопа было собрано 300 пластин, 62 из них имели ретушь по обоим краям. Они служили в качестве режущих орудий, о чем свидетельствуют следы заполированности и сработанности, которые сохранились на краях.

---

* Получила название по стоянке около д. Свидры Бельке под Варшавой (ПНР).

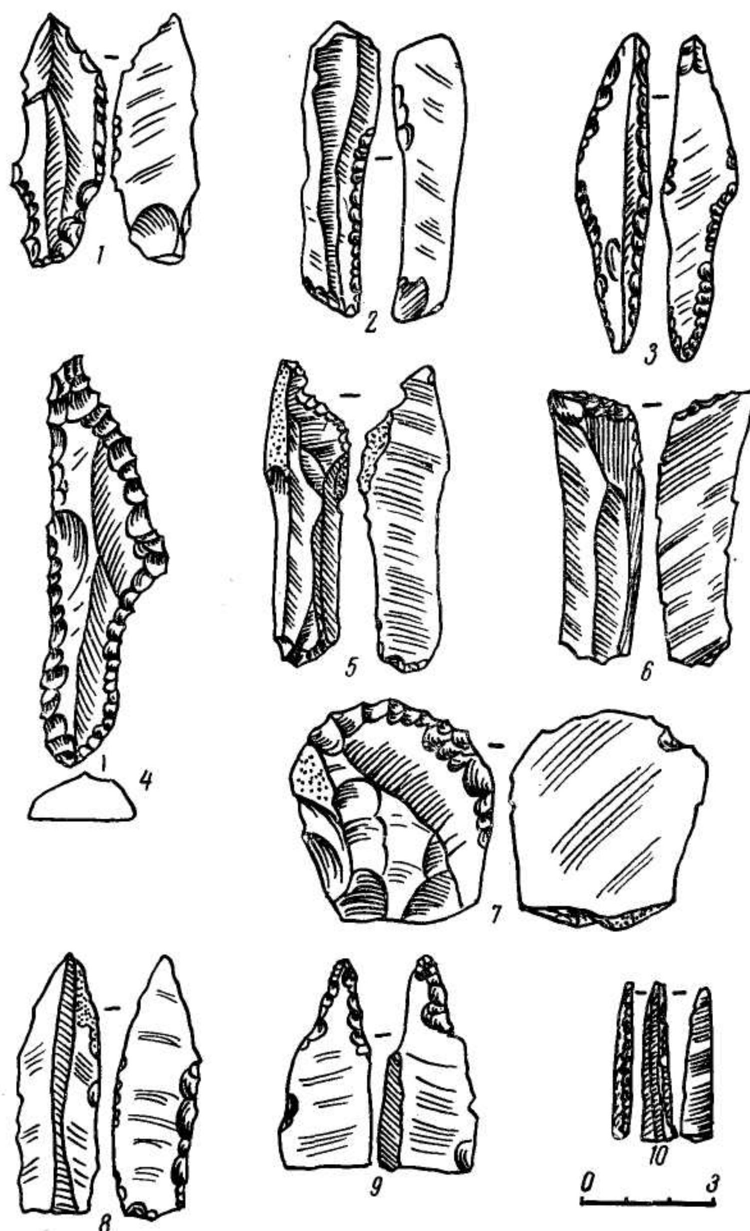

Рис. 16. Кремневый инвентарь позднейшего палеолита. Ранний этап гренской культуры:

Подлужье-III: 1—листовидный наконечник, *2, 3, 4*—наконечники с боковой выемкой, *5, 6*—острия со скошенным концом, *7*—скребок, *8*—острие, *9*—проколка, *10*—острие с притуплённым ретушью краем

Любопытны орудия макролитического облика, несколько напоминающие «рабо» Елисеевичей, орудия топорообразных форм; кремневые ядрища — обычные, односторонние, с несколько скошенным основанием.

Нижние слои почвы, в том числе и основание культурного слоя стоянки, претерпели деформации под воздействием вечной мерзлоты. Это свидетельствует о том, что первобытный человек поселился здесь сразу же после того, как поверхность первой надпойменной террасы Сожа вышла из сферы действия паводков, т. е. во время теплого беллингского интервала, а возможно, и в более раннее время.

Стоянка как по облику кремневого инвентаря, так и по геологическому возрасту древнее ранней части Мазовшанского цикла Польши (первый свидерский комплекс Савицкого); по времени она может быть сопоставлена с ранними фазами развития гамбургской культуры и мадленского цикла Франции (Мадлен-III—V).

Средний этап гренской культуры. Средняя группа памятников гренской культуры представлена нижним культурным горизонтом Гренской стоянки и Латков.

Урочище Гренск, где расположена стоянка, находится около деревни Новые Лядцы Кормянского района Гомельской области. Оно представляет собой останец первой надпойменной террасы, вдоль западного края которого протекает Горна.

Стоянка расположена в восточной части останца. Дюнные пески, покрывающие поверхность террасы, подвергались сильному развеванию, разрушившему часть культурного слоя. Здесь залегают скопления расщепленного кремня, группирующегося вокруг остатков очагов. Первая терраса повсеместно связывается с нововалдайской (двинской) стадией последнего оледенения. Эту связь впервые четко проследил еще Г. Ф. Мирчинк в районе Орши, а затем подтвердили другие геологи [23].

Согласно геологическим данным, образование этих дюн на террасе происходило в суровой обстановке валдайского позднеледниковья, когда вечная мерзлота сковывала грунты в приледниковои зоне и препятствовала росту деревьев. Резкое потепление, наступившее во время заключительных этапов нововалдайской стадии последнего оледенения, способствовало закреплению поверхности террас растительностью и прекращению дюнообразования в начале пребореального периода около 8 тыс. лет до н. э.

Нижний культурный горизонт Гренска залегает в нижней толще дюнного песка, который имеет мощность 0,9 м. Он перекрыт сверху двумя тонкими (в 2—4 см) прослойками гумуса, разделенными верхней толщей дюнного песка (мощность 0,7 м). В верхней части этой толщи также проходит культурный горизонт. Наконец, сверху лежит бесструктурный эоловый песок, закрепленный кое-где растительностью.

По геологическим данным, нижний горизонт ископаемого гумуса можно отнести ко времени не ранее беллингского и не позднее аллередского интервалов. К этому же времени, естественно, относятся и культурные остатки нижнего горизонта, залегавшие в основании нижней толщи дюнного песка на поверхности первой надпойменной террасы, на глубине 1,9—2 м от поверхности почвы на неразвеянном участке.

В раскопе 1961 г. общей площадью 60 кв. м культурные остатки нижнего горизонта, состоявшие из большого количества расщепленного кремня, древесного и костного угля, группировались вокруг остатков очага (1х1,3 м). По краям его располагались камни различной величины; самые большие из них имели размеры 0,2—0,27 м, наименьшие — 0,02—0,05 м. На этих камнях можно было заметить следы пребывания их в огне. Средняя часть заполнялась большим количеством костного и

древесного угля, перемешанного с золой, осколками обожженных кремней, камней.

В культурном слое нижнего горизонта было собрано до 8000 кремней, 708 из которых носят следы вторичной обработки. Основная масса их была сосредоточена в северо-западной и западной частях раскопа., где они встречались в количестве 150—160 кремней на квадрат. Слой песка, в котором залегали культурные остатки, в этой части раскопа был сильно гумусирован и имел бурый оттенок. Мощность его до 0,15 м Кроме расщепленного кремня, в слое обнаружены древесные и костные угли.

Кремневый инвентарь Гренска. Материалы нижнего горизонта Гренской стоянки представлены многочисленным и разнообразным набором орудий (рис. 17, 18). Для их изготовления первобытные охотники использовали темно-серый меловый кремень, имеющий небольшие ичвестковистые включения.

В кремневом инвентаре выделены следующие формы орудий: наконечники иволистных и черешковых форм и близкие к ним орудия; скребки, изготовленные на пластинах и отщепах; резцы различных форм, среди которых преобладают боковые; проколки, изготовленные как на пластинах, так и на отщепах; орудия различных форм; скребловидные, топоровидные, тесловидные, нуклеовпдные формы резцов, скобели; косые острия.

Черешковые наконечники имеют размеры от 3 до 6 см при ширине от 1 до 2,5 см. Они характеризуются тем, что на одной из сторон имеют выемку, а вторая противоположная выемке сторона притуплена ретушью. Отдельные экземпляры наконечников подтесаны с брюшка. Можно указать на сходство этих орудий с аналогичными экземплярами Свидры Вельке-1, Станьковиче, которые, по мнению Савицкого, морфологически сближаются с наконечниками гримальдийского и позднеориньякского типов [24]. Эти наконечники — следствие дальнейшего развития аналогичных орудий ранней группы, они несколько напоминают миниатюрные наконечники с боковой выемкой, найдены в инвентаре Боршево-I, Гагарино, Замостье-I, в верхнем культурном слое Костенок-1[25].

Миниатюрные наконечники с боковой выемкой, обнаруженные в инвентаре верхнего слоя Костенок-I, отличаются от гренских отсутствием притупливающей ретуши на стороне, противоположной выемке. Наконечники Боршево-I почти все миниатюрные и, за редким исключением, уже не имеют подтески с брюшка.

Однако наконечники гренского типа наиболее близки к экземплярам Замостье-I. Аналогичные орудия зачастую встречаются на памятниках французского позднего мадлена и синхронных ему культур Северо-Запада Европы [23]. В кремневом инвентаре культур мазовшанского цикла Польши они встречаются редко.

Листовидные наконечники представлены рядом прекрасных экземпляров, не уступающих по качеству отделки лучшим находкам Свидры Вельке-I. Они характеризуются подтеской с брюшка в нижней части (несколько экземпляров имеют обработку со стороны брюшка и в верхней части), обработанными у обоих краев основаниями, а также подправкой одного края,в верхней части. Эти наконечники типичны для раннесвидерских комплексов Польши, Белоруссии, некоторые экземпляры находят себе аналогии в так называемых азильских комплексах Крыма[27], мадленских стоянках Западной и Северо-Западной Европы[28]. Они. имеют некоторое сходство с наконечниками тельманско-ежмановского типа и, видимо, служили для оснащения метательных орудий, дротиков, стрел и т. д.

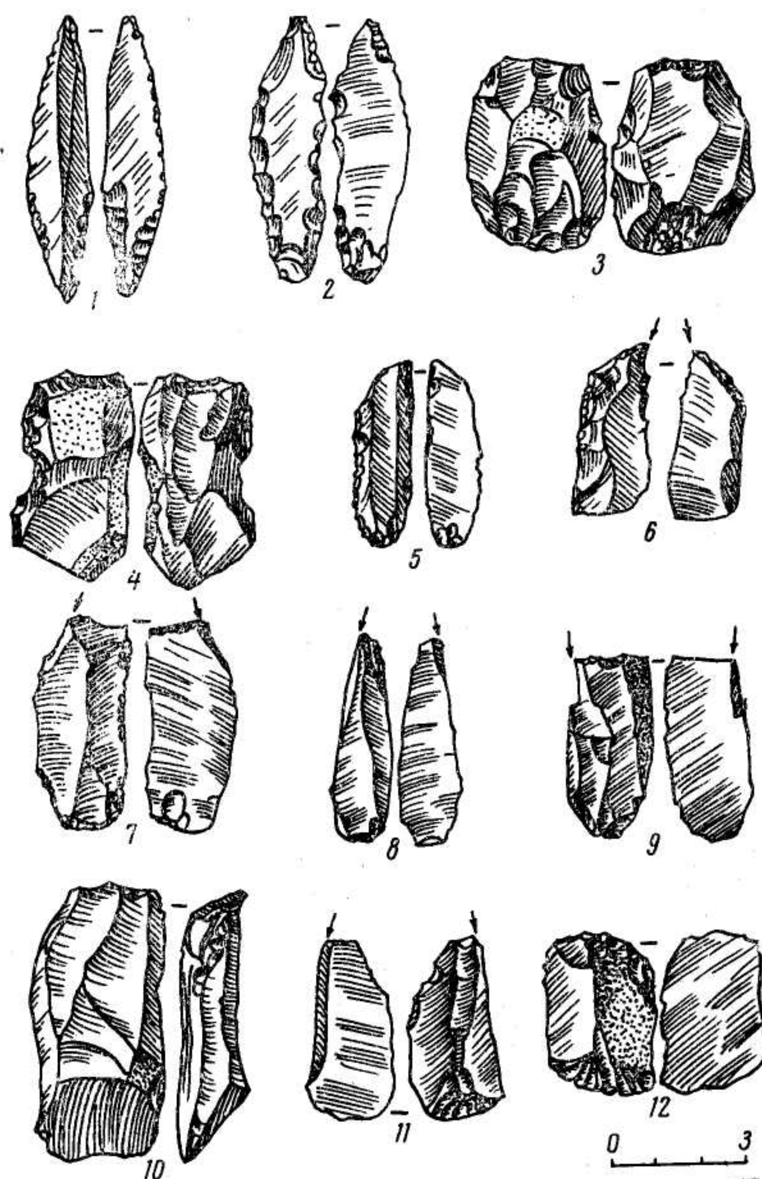

Рис. 17. Кремневый инвентарь позднейшего палеолита. Средний этап гренской культуры:

Гренск: 1. 2—листовидные наконечники, *3*—рубящее орудие, *4*—орудие с выемкой, 5—острие со скошенным верхним краем (края обработаны ретушью), 6, *7, 8, 9*—ре^.цы, *10*—нуклеус, *11,* /2—скребки

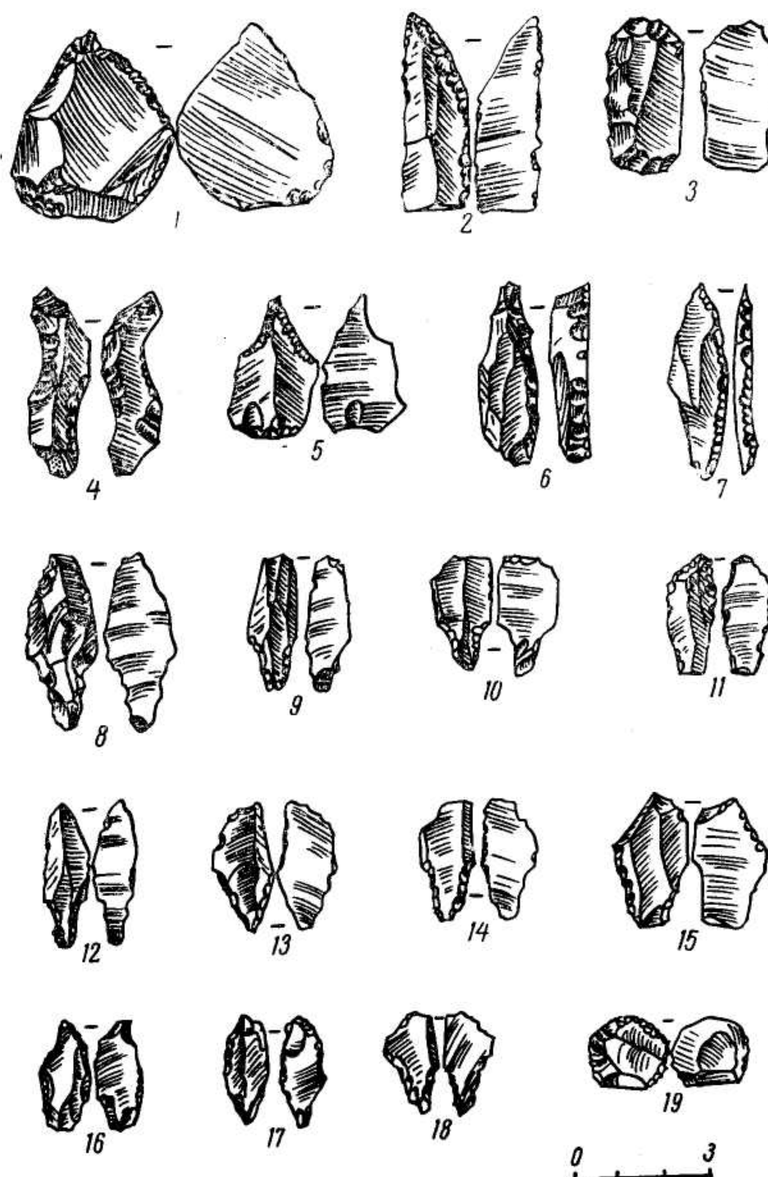

Рис. 18. Кремневый инвентарь позднейшего палеолита. Средний этап гренской культуры:

Гренск: *1*,5—проколки, 5—нож со скошеным концом, 3— скребок, *4— пл*астина с выемками, обработанными ретушью, *6*—долотовидная форма, 7 —наконечник с выемкой. Поздний этап гренской культуры. Гренск. верхний горизонт (почало мезолита): 8—*15*—наконечники и острия различног і назначения, *16*— ретец, *17*—острие с резцовым сколом, *18*—обломок наконечника, */9*—скребок

Следующая группа кремневого инвентаря — скребки, изготовленные на концах удлиненных пластин (60), на укороченных пластинах и на отщепах (65). Кроме того, в инвентаре попадались ядрища скребловидной формы. Характерно наличие мадленских форм двойных скребков.

Коллекции наших раскопок не подтверждают вывод М. В. Воеводского о том, что скребки Гренской стоянки представлены исключительно скребками на отщепах [29].

Следующая характерная группа орудий представлена резцами бокового, углового и срединного типов. В кремневом инвентаре преобладают боковые резцы (ПО), изготовленные на пластинах темно-серого цвета размером от 3,9 до 7 см. Представлены здесь и угловые резцы, изготовленные на пластинах, на сечениях или обломках орудий другого назначения.

Очень тщательно изготовлены срединные резцы (73). Рабочий край у них оформлялся несколькими сходящимися под углом друг к другу сколами.

Кроме этих, в кремневом инвентаре встречаются и резцы нуклеовидных форм. Рабочий край их образован посредством одного или нескольких резцовых сколов, сделанных с края одностороннего призматического нуклеуса. Единичными экземплярами представлены отщепы с резцовыми сколами.

Таким образом, в кремневом инвентаре доминирующее положение занимают резцы бокового типа, за которыми следуют угловые и, наконец, срединные. Такое соотношение характерно как для орудий этой категории стоянки Свидры Вельке-I, так и для стоянок так называемого среднего и особенно позднего мадлена Восточной Европы (Гонцы, Тимоновка, Чулатово-I и др.). Формы и размеры резцов также подтверждают этот вывод.

Значительной группой в кремневом инвентаре представлены и проколки, отличающиеся тонким жальцем, тщательно обработанным мелкими фасетками. Часть орудий этого типа изготовлена на отщепах и имеет размеры от 4 до 5 см. Такие проколки характерны для Мезинской верхнепалеолитической стоянки.

Срединные проколки изготовлены на небольших пластинках, рабочие края у них тщательно обработаны ретушью и имеют следы заполированности. Возможно, эти орудия могли служить в качестве буравчиков так же, как и найденные в инвентаре стоянки обломки пластинчатых наконечников.

Проколки, обнаруженные в культурном слое нижнего горизонта, находят широкие аналогии в мадленских стоянках не только в Восточной, но и в Центральной и Северо-Западной Европе. Достаточно, например, указать на стоянку Троитц около Айленбурга, на первый и второй комплекс гамбургской культуры, на поселения культуры Federmesser («перочинных ножей») [30].

Наличие в инвентаре стоянки острий, близких к типу Шательперрон, возможно, указывает на связи древних жителей Гренской стоянки с носителями культуры так называемых азильских памятников Крыма и кроме того, на некоторую близость раннего гренского комплекса к инвентарю Боршево-1[31] и Бугорка, Елисеевичей, Мезина, Юдиново.

Весьма своеобразной группой в кремневом инвентаре стоянки представлены орудия с выемками, обработанными ретушью. Некоторые из этих орудий представляют собой осколки ядрищ с выемками на одной из сторон. Имеются и пластинки с выемками. Они могли применяться при обработке дерева и кости, особенно при изготовлении костяных и деревянных копий и гарпунов.

Нельзя не отметить наличие орудий с чешуйчатой подтеской концов. Аналогичные орудия встречаются в инвентаре мадленских поселений. Найдено много пластинок длиной от 6 до 9 см при ширине 2 см.

Ядрища, встреченные на стоянке, призматические, односторонние с несколько скошенным основанием, что характерно для стоянок мадленского времени. Многие из ядрищ, обнаруженных на стоянке, применялись в качестве массивных скребловидных орудий и нуклеовидных резцов (16), о чем свидетельствуют соответствующая обработка краев и негативы резцовых сколов. В отдельную группу объединены отбойники и ретушеры.

Среди ядрищ выделяется серия макролитических форм. Здесь есть орудия, близкие к «рабо» Елисеевичской стоянки, а также топорообразные.

Поздний этап **гренской культуры.** Поздние памятники представлены верхним горизонтом Гренска и Латков, а также поселениями в бассейне Днепра, залегающими в верхней дюнной толще между двумя прослойками ископаемого гумуса. Они относятся уже к самому концу позднеледникового времени, ко второй половине аллереда и дриасу III[32], а некоторые поселения открывают собою мезолит.

Культурный слой верхнего горизонта представлен расщепленными кремнями, линзами костного и древесного угля, залегающими в скоплениях. Кремневый инвентарь состоит из нескольких видов орудий Иволистные наконечники, например, представляют собой достаточно выразительную серию. Они характеризуются небольшими размерами и ярко выраженным черешком; орудия такого типа являются результатом прямого развития иволистных наконечников раннего гренского комплекса (рис. 18). Другой вид — резцы боковые (40), угловые (11) и срединные (3). По-прежнему отмечается преобладание в инвентаре боковых резцов. Однако нужно отметить также значительное увеличение количества резцоз на углу сломанной пластинки (14). Все орудия имеют небольшие размеры. И, наконец, скребки представлены внушительной серией, состоящей из 120 экземпляров. Все они миниатюрны, некоторые имеют округлую форму. Найдены также и короткие двойные скребки. Размеры их не превышают 3 см. Интересно наличие в инвентаре позднего гренского комплекса так называемых малых транше (4), что свидетельствует о влиянии южных культур на позднем этапе развития гренской культуры.

Единичными экземплярами представлены геометрические формы орудий (трапециевидные), проколки, пластинки с ретушью, пластинки со сработанными краями и т. д.

Поздний гренский комплекс — прямой результат дальнейшего развития средней группы гренских памятников. Он близок по возрасту к III свидерскому комплексу Савицкого или плудиену Круковского и Шильда. Большое значение для определения абсолютного возраста позднего грет;ского комплекса имеет открытая и в значительной степени исследованная стоянка Студенец на Нарочи, датированная методом C_{14}. Культурный слой стоянки, аналогичный позднему гренскому комплексу, залегает здесь в позднеаллередских отложениях[33].

Памятники, близкие к позднему комплексу гренской культуры, обнаружены по Нижней Припяти, Ипути, Беседи. Они в большинстве своем переотложены и не имеют ярко выраженного стратиграфического положения. Большой интерес представляют культурные остатки поселений свидерской культуры на берегу озера Нобель в верховьях Припяти. Нобельский комплекс был еще в довоенное время отнесен С. Круковски.м к плудиену. Его можно синхронизировать с поздним этапом развития

гренской культуры. От памятников гренской культуры Нобельский комплекс отличается отсутствием острий типа Шательперрон, наконечников с боковой выемкой (черешковых в раннем гренском комплексе), геометрических форм орудий типа малого транше. Он обнаруживает близкие аналогии с инвентарем плудского типа Польши, что свидетельствует о проникновении позднесвидерских охотников на территорию Юго-Западной Белоруссии со стороны Южной Польши [34].

4. ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА

Датировка. Взаимосвязи. Памятники поздней поры верхнепалеолитической эпохи бассейна Верхнего Днепра — Бердыж, Юревичи, Елисеевичи, Юдиново геологически относятся к первой половине нововалдайской стадии последнего оледенения. Время обитания человека на месте памятников связано уже с начальными фазами накопления аллювия первой надпойменной террасы или с синхронными им завершающими этапами отложения поздневалдайского лесса. Резкое похолодание во время максимального наступления ледника нововалдайской стадии вынуждало первобытного человека откочевывать к югу. Начавшееся затем отступление ледника снова сделало пригодными для обитания эти обширные пространства.

Двигаясь с юго-запада, юга и юго-востока по долинам крупных рек, первобытный человек осваивал покинутую ледником территорию. Юго-восточный путь расселения проходил по Днепру, Десне, Сожу, Беседи, Ипути. Население, переселившееся сюда, оставило великолепные памятники верхнепалеолитической культуры. Свидерские племена проникали с запада и юго-запада в бассейн Немана и Припяти. Вся западная часть Белоруссии стала областью их жизнедеятельности.

Поселения гренской культуры по времени связываются с концом формирования аллюзия первой надпойменной террасы рек верхнего Днепра и образованием в условиях вечной мерзлоты дюнных массивов.

Гренская культура возникла на основе дальнейшего развития сложившихся у населения Поднепровья в позднюю пору верхнепалеолитической эпохи и под непосредственным влиянием более древних культурных традиций.

Памятники гренской культуры по кремневому инвентарю близки к свидерским комплексам Польши, но прослеживается ряд таких особенностей, которые не характерны для свидерских стоянок. Для последних типичны симметричные пластинчатые наконечники, преобладают скребки на конце пластин и срединные резцы. Орудия имеют, как правило, крупные размеры. В состав комплексов входят грубые скребловидные и топоровидные орудия, массивные скобели, нуклеовидные резцы, резаки, сверла. Для гренских комплексов более характерны орудия с выемками, с косой подретушевкой верхнего края и острия граветт, более разнотипны наборы резцов.

Все это подтверждает вывод М. В. Воеводского о том, что единой свидерской стадии для всей территории Восточной Европы не существовало. Свидерская область распадалась на ряд отдельных вариантов [35].

Свидерские памятники исследователями палеолита Польши обычно датируются мадленским временем. Л. Савицкий считал, что ранний свидерскмй комплекс Польши относится к мазурскому интерстадиалу, предшествующему поморской стадии последнего оледенения: средний — к беллингскому и поздний — к аллередскому времени[36]. Р. Шильд все развитие культур мазовшанского цикла ограничивает временем от бел-

линга до конца дриаса III [37]. Примерно к такому же выводу пришел и немецкий ученый Г. Гросс [38].

Наши материалы не подтверждают точку зрения Л. Савицкого, так как свидерские памятники более поздние, чем памятники костенковско-авдеевской верхнепалеолитической культуры, а не предшествуют им. Кроме того, ранняя группа этих памятников датируется раннедриасовым временем, средняя группа геологически не древнее беллинга, поздняя уже связывается с концом аллереда и началом дриаса III *.

Ранняя группа геологически древнее ранней части мазовшанского цикла и может быть сопоставлена по времени с ранним гамбургским комплексом Северной Германии, с Мадленом-Ш Франции. Памятники средней группы геологически соответствуют ранней части мазовшанского цикла Польши (I свидерский комплекс Савицкого). Поздняя группа сопоставима с плудиеном Круковского и Шильда или III свидерским комплексом Савицкого. В Германии в это время широкое развитие получила культура Federmesser, во Франции идет дальнейшее развитие культур мадленского цикла [39].

Характер поселений. В эпоху верхнего палеолита развитие производительных сил, выразившееся в появлении значительного количества разнообразных орудий из кремня, кости, рога и дерева, способствовало более интенсивному освоению приледниковой зоны. Двигаясь к северу по долинам крупных водотоков, первобытный человек выбирал для своих поселений наиболее удобные места. В большинстве случаев это были приустьевые мысы оврагов, обращенные в сторону реки и защищенные от резких северных ветров. Близость воды, изобилие зверя и птицы, достаточно сухой грунт, местность, удобная для коллективной загонной охоты, наличие кремневого сырья — условия, которые привлекали первобытного человека. Усовершенствование охотничьего метательного оружия и способов добывания материальных благ приводило иногда к созданию запасов пищи. Появилась возможность длительного проживания на одном месте охотничьих коллективов. Суровый климат приледниковой зоны и отсутствие естественных укрытий принуждали первобытного человека строить утепленные жилища, служившие убежищем от непогоды и средоточием экономической жизни первобытной общины. Недостаток деревьев в условиях приледниковой зоны приводил к широкому использованию крупных костей различных животных, преимущественно мамонтов, в хозяйстве верхнепалеолитических общин и, в частности, при сооружении различного рода построек: жилищ, хозяйственных ям, различных приспособлений.

Для приледниковой зоны Восточной Европы в позднюю пору верхнепалеолитической эпохи были характерны два типа жилищ, напоминающих чумы Заполярья. Сооружались небольшие округлые или овальные полуподземные постройки, имевшие пять-шесть метров в поперечнике, с одним очагом, расположенным в центре или у входа в жилище (Бердыж, Юревичи). Некоторые поселки состояли из больших многосекционных жилищ, окруженных кольцом краевых ям-хранилищ и построек различного назначения (Юдиново, Елисеевичи).

И, наконец, в позднейшую пору верхнепалеолитической эпохи, на рубеже палеолита и мезолита, в поселениях гренской культуры появились временные, округлые, с очагом в центре небольшие жилища. Эти шалашеобразные постройки были наземными, контуры их прослеживались по границе гумусированного песка, насыщенного обработанным кремнем.

* Последние исследования ученых ПНР показали, что раннесвидерские памятники существовали позднее — в молодом (III) дриасе.

Приемы строительной техники, форма жилищ, их размеры свидетельствуют о значительном росте производительных сил в позднюю пору верхнепалеолитической эпохи, сближают верхнепалеолитические памятники Белоруссии с аналогичными поселениями Десны и Дона.

Хозяйство верхнепалеолитических общин. Основой хозяйства верхнепалеолитических общин, обитавших на территории Белоруссии, были развитый охотничий промысел и собирательство. Разнообразие охотничьего метательного оружия, появление зачатков вкладышевой техники, применение специальных землекопных орудий свидетельствуют о значительной сложности охотничьего хозяйства.

Первое место в хозяйстве верхнепалеолитических общин занимала охота, носившая коллективный характер. Это подтверждается большим количеством костных остатков различных животных, обнаруженных в культурных слоях верхнепалеолитических стоянок. Так, в Бердыжской стоянке найдены остатки костей мамонта, шерстистого носорога, первобытного быка, бурого медведя, волка, песца, северного оленя и т. д. В Елисеевичах — остатки мамонта, северного оленя, шерстистого носорога, зайца, песца, волка, лисицы, корсака и т. п. Примерно такой же состав фаунистических остатков встречен и в Юдиново.

Главным объектом охоты верхнепалеолитического человека в позднюю пору верхнепалеолитической эпохи был мамонт, количество костных остатков которого преобладает на палеолитических стоянках бассейна Верхнего Днепра (Бердыж — 50 особей, Елисеевичи — 80, Юдиново более 100 особей). В Юревичах найдены кости более чем 20 молодых особей мамонта, первобытного быка, лошади и песца. При охоте на мамонта применялись коллективные облавы, использовался рельеф местности — глубокие рвы, крутые берега, обрывы и топи.

Совершенствование кремневого и костяного инвентаря сделало возможным охоту на мамонта с помощью ловчих ям. Они отрывались на тропах, по которым мамонты направлялись к воде, или в местах, удобных для облавы, куда загоняли животных первобытные охотники нередко с помощью огня. Загонять животных могли также в пойменные и топкие болота. В сухое время года, особенно во время засухи, загон животных велся при помощи поджога трав и кустарников на участках, свободных от древесной растительности.

Мамонт давал значительный запас мяса, шкуру для обуви и одежды, для перекрытия жилищ. Кости служили топливом. Они были прекрасным строительным и поделочным материалом.

Охота велась и на северного оленя, дикую лошадь, бизона, волка, песца и на других животных. Постепенное совершенствование метательного охотничьего оружия делало охоту на этих животных все более продуктивной. Преимущественное использование того или иного вида животных определялось большим или меньшим наличием дичи в окрестностях стоянок. Появление новых охотничьих приспособлений, а также лука и стрел в конце верхнепалеолитической эпохи позволило перенести центр тяжести охоты на добычу мелких животных и птиц, а также и крупных, не ведущих стадного образа жизни. Вместо коллективных, больших загонных охот промысел зверя и птицы мог вестись меньшими группами охотников.

Среди остатков различных животных в культурных слоях стоянок найдены кости волкообразной собаки или одомашненного волка. Это указывает на возможное применение собак в охотничьем хозяйстве и для охраны от хищных зверей, и в качестве тягловой силы. Следовательно, приручение животных могло иметь место уже в эпоху верхнего палеолита.

Собирательство и рыболовство. Не менее важное значение в жизни верхнепалеолитических общин, обитавших на территории Белоруссии, имело собирательство. В условиях приледниковой тундры и холодной лесостепи первобытный человек обычно собирал ягоды, различного рода коренья и клубни растений. Необходимым инструментом для этого служили землекопалки из ребер мамонта, составные землекопные орудия. Достаточная техническая оснащенность первобытного человека позволила ему добывать запасы, сделанные не только им самим, но и различными грызунами.

Находки верхнепалеолитических стоянок свидетельствуют и о рыболовстве. Прежде всего об этом говорят пластины из бивней мамонта, орнаментированные в виде рыбьей чешуи, которые были найдены среди культурных остатков Елисеевичской и Юревичской стоянок [40]. Они, наверное, представляли собой стилизованные изображения рыб. О том же говорят глазные хрусталики рыб, найденные в Елисеевичах, и схематические изображения на костяных орудиях Юдиновской стоянки [41].

Лов рыбы производился при помощи обычных орудий охоты, хотя отдельные находки уже указывают на наличие специальных рыболовных приспособлений. Кроме этого способа, ловля рыбы могла производиться самым примитивным, близким к собирательству способом, т. е. руками. Местами ловли были полувысохшие старицы и мелкие места рек, пойменные озера и болота. В зимнее время рыбу, возможно, глушили на льду рек и пойменных озер. Для этого применялись удобные палицеобразные орудия, изготовленные на концах бивней мамонта или на целых бивнях. Следует допустить наличие деревянных дубинок, а также примитивных ловушек.

Общественное устройство. Развитие производительных сил и новых форм хозяйства вызвало к жизни более высокие формы общественной организации людей. Первобытные общины начали теперь держаться мест, постоянных в течение одного сезона, которые выбирались в зависимости от передвижения стад животных, на которых велась охота. Сооружение жилищ, подобных Юдиновскому, Бердыжскому, Елисеевичскому, свидетельствует о коллективном труде при их постройке и о продолжительном времени обитания. Все это укрепляло родственные связи по материнской линии. Находки женских статуэток (Елисеевичи) говорят о большой роли женщины в охотничьих коллективах людей древнекаменного века: женщина выступала прежде всего как хозяйка жилья, хранительница домашнего огня. С образом женщины-прародительницы связывается представление о домашнем покровителе; ее считали хозяйкой стихий природы, владычицей зверей, от которых зависело благополучие первобытной общины.

К этому времени следует отнести дальнейшее развитие специализации труда. Так, некоторые сложные кремневые орудия, костяные поделки, произведения искусства со сложными орнаментальными мотивами изготавливались опытными членами первобытных общин. Взрослые мужчины занимались охотой, поставляя пищу членам общины. Женщины вели домашнее хозяйство, выполняли магические обряды, хранили общинную собственность, занимались собирательством.

Исследования последних лет позволили сделать вывод, что основной социальной ячейкой эпохи верхнего палеолита уже становилась парная семья. Этот вывод вытекает из планировки жилищ, размеры которых не превышают 5—6 м в поперечнике (Бердыж, Юдиново). Открытые в последнее время большие многосекционные жилища Б Юдиново — это комплекс малых жилищ, в которых, по-видимому, жили отдельные семьи. Аналогичная картина наблюдается в ряде других памятников. Несколь-

ко парных семей, на первых порах еще неустойчивых, составляли общину или род, который состоял из лиц, образующих признанное потомство одной определенной родоначальницы и основательницы рода [42]. Род — это «твердо установленный круг кровных родственников по женской линии, которые не могут вступать между собой в брак». Существовала экзогамия, т. е. обычай, по которому мужья, с одной стороны, и жены, с другой, должны были принадлежать только к разным общинам — родам. Основой общины была группа родственников по матери, т. е. материнский род. Такая материнская община в ее первоначальной форме в эпоху верхнего палеолита и была основным хозяйственным и общественным ядром. Несколько подобных общин с общественным характером домашнего хозяйства, связанные брачными отношениями, представляли племя. В бассейне верхнего Днепра были поселения таких материнских общин, у которых прослеживается прямое этническое родство. Так, у обитателей Юдиновской и Тимоновской верхнепалеолитических стоянок не только кремневый и костяной инвентарь идентичен, но и на скульптурных изображениях из бивней мамонта и костях других животных господствует одинаковый геометрический орнамент в виде ромбов. Сходные виды орнамента прослеживаются как в Елисеевичской, так и в Юревичской стоянках: многоугольный орнамент, напоминающий рыбью чешую, и зигзаг.

Высокого уровня достигло изобразительное искусство (скульптура, по-видимому, живопись, гравюра), тесно связанное с хозяйственной и общественной жизнью первобытных охотничьих коллективов, их идеологическими представлениями.

На многих стоянках обнаружены изображения рыб. В первом случае (Елисеевичи, Юревичи) они вырезаны из бивня мамонта и покрыты рисунком в виде рыбьей чешуи и зигзагообразных линий, имитирующих, по-видимому, бегущую волну. В другом они выгравированы на пластинках из бивня мамонта плывущими одна за другой в определенном порядке (Юдиново). Появление такого рода изображений свидетельствовало о возросшей роли рыболовства. Среди вещественных находок попадаются украшения. К ним следует отнести различного рода подвески — пластинки, изготовленные из бивней мамонта, ожерелья из просверленных зубов песца и волка, большое количество раковин с просверленными отверстиями для нанизывания. Наибольший интерес вызывают раковины, которые, согласно последним данным, происходят из района Черноморского побережья или с Днепровско-Бугского лимана. Появление их в культурных слоях стоянок бассейна Верхнего Днепра свидетельствует о больших передвижениях охотничьих коллективов, а возможно, и о зачатках обмена.

Очень интересны серии ребер мамонта с чередующимися поперечными нарезками. В закономерности их распределения можно видеть первые элементы счета.

Первые религиозные верования первобытного человека были основаны на представлениях о родстве, перенесенных в мир несуществующих вымышленных отношений. Эта мистическая связь по крови и племени отразилась в термине «тотем», обозначающем родственную связь между членами первобытной общины и их предполагаемым родоначальником. В дальнейшем эта связь была распространена на животных и растения, обычно служивших общине средством существования. В обществе, где пропитание отдельного человека зависит от других людей, это животное становится как бы покровителем общины и, наконец, считается ее предком. Зверя, птицу, рыбу или растение, служившие предметами поклонения общины, члены которой считали себя его потомками, принято назы-

вать «тотем», а все обряды, верования и церемонии, связанные с почитанием зверя-предка, — тотемизмом *. Так, предметом почитания, тотемом Елисеевичской и Юревичской общин была, вероятно, рыба. Пластины (чуринги) с изображением рыбы обычно хранились в потайных местах как предметы, имеющие таинственную связь с определенным тотемиститическим предком и членами рода.

Бессильный перед лицом природы первобытный человек отождествлял себя с животным-предком, своим тотемом, посредством сложных церемоний. С другой стороны, он стремился осуществить воздействие на природу, пусть даже в ограниченных и несовершенных формах, используя свои орудия труда, способности и навыки. Развились своеобразные приемы магического характера.

Имитация приемов охоты должна была обеспечить успех самой охоте. Прежде чем идти на промысел животного, первобытные охотники совершали обряды вокруг его изображения, от которых будто бы зависел успех охоты. Палеолитический человек верил также в то, что у животных и растений имеются двойники-души, населявшие отдельный мир и влияющие на его жизнь. Такие религиозные верования носят название анимизм **. На основе анимизма позднее возник культ загробной жизни, что в свою очередь вызвало появление специальных похоронных обрядов.

Труп укладывали либо на бок, либо навзничь с подвернутыми ногами, в позе спящего человека, в специальной камере, обставленной крупными костями мамонта со всех сторон. Останки человека часто посыпались красной краской — охрой, костным углем — магической заменой крови или огня, так как люди считали, что умерший продолжает жить, а охотз порождала идею связи жизни с кровью. Здесь же клались вещи умершего, которые должны были служить ему в дальнейшей жизни. Сверху камера прикрывалась крупными костями мамонта. Обычно эти сооружения пристраивались к жилищам, а в некоторых случаях обряд погребения совершался непосредственно в жилищах.

Общины, обитавшие на территории современной Белоруссии в эпоху верхнего палеолита, имели некоторую связь с другими племенами европейской приледниковой зоны. Но нередко общность в культуре была вызвана лишь сходством условий жизни людей и характером их хозяйственной деятельности, домостроительства.

* От слова «от-отем», обозначающего «его род»—на языке племен алгонкинов — северо-американских индейцев.
** Анимус (лат.) —душа.

Глава II

МЕЗОЛИТ

Ледниковый период закончился в IX тысячелетии до н. э. Начался современный геологический период — голоцен. Одновременно с изменениями природных условий и отчасти в зависимости от них происходили перемены в материальной культуре древних родовых общин. Наступила эпоха мезолита (эпоха «среднего камня»), которая в лесной полосе Европы охватывала промежуток между IX и IV тысячелетиями до н. э. (между палеолитом и неолитом). Различия, которые наблюдаются в материалах, обнаруженных на древних поселениях Белоруссии, обусловили деление эпохи на два периода. Ранний мезолит продолжался примерно до VI тысячелетия до н. э. и сменился периодом позднего мезолита *.

Ко времени наступления мезолитической эпохи рельеф территории Белоруссии, сеть рек приняли вид, близкий современному. Похожими на нынешние стали растительный и животный мир.

Происходило заселение крупных рек и побережья озер особенно в бассейнах Припяти, Немана и Сожа. В эпоху мезолита появилось по сути первое аборигенное население Белоруссии, так как в предыдущую эпоху здесь жили лишь отдельные редкие общины. Всего на территории республики известно около 80 мезолитических поселений [1].

Одновременно с расселением первобытных общин, которое шло в основном с юго-запада и юго-востока на север, возрастали различия в их материальной культуре. Складывались культурно-исторические области, которые отличались специфическим кремневым инвентарем. Судя по этому, среди мезолитического населения существовала племенная организация. Территории племен обычно объединялись одним речным бассейном, водные пути которого служили для передвижения и сообщения.

Общины вели по-прежнему присваивающее хозяйство, но охотники и рыболовы мезолита использовали больше различных орудий, среди которых были довольно сложные, составные. Широко распространялось применение лука, изобретенного еще в период палеолита. Употреблением лука ознаменовалась высшая ступень дикости [2]. Вторым важным достижением мезолита было применение грубооббитого топора, снабженного рукоятью. Изготовление разнотипных орудий потребовало от древнич мастеров не только применения всех прежде известных способов обработки кости, рога, кремня, но и овладения новыми приемами и навыками.

Достижения мезолита позволяли вести хозяйство меньшим, чем прежде, коллективом. Объектом охоты становились мелкие животные и птица,

---

* Иногда начало мезолита относят к XV—XIV тысячелетиям до н. э. и делят его на эпипалеолит и протонеолит. Примерно к этому времени территория Белоруссии полностью освободилась от леДяного покрова. Однако развитие мезолитической культуры на протяжении еще нескольких тысячелетий было незаметно.

а значение рыболовства в хозяйственной деятельности общины непрерывно возрастало.

Материнские родовые общины этого времени осуществляли дальние передвижения, редко задерживаясь на длительное время в одном месте. По-видимому, они уже использовали долбленые челны-однодревки, охотились при помощи прирученной собаки, умели быстро сооружать жилища из подручного материала. Материальная культура, которая развивалась мезолитическими племенами внутри отдельных областей, вначале имела гораздо больше общих черт, чем различий. Это объяснялось и низкой ступенью развития племен и наличием одинаковой экологической среды.

1. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Естественно-географические условия. Начиная с конца ледниковой эпохи, климатические условия хотя и медленно, но улучшались. В раннем голоцене климат постепенно теплел (добореальный период) и стал, наконец, теплым и сухим (бореальный период). Холодное иольдиевое море, существовавшее на Балтике, превращалось в пресноводное озеро эхинеис или рабдонема, а затем и в анциловое озеро (названия озер происходят от наиболее распространенных типов моллюсков).

Гидрографическая сеть, в особенности в южной половине Белоруссии, была близка современной. В долинах рек Днепровского бассейна ко времени мезолита полностью закончилось формирование первой надпойменной террасы и дюиообразных песчаных всхолмлений, разбросанных по ней. Развитие лесной растительности способствовало прекращению седиментации этих всхолмлений. Боровые леса покрывали также поверхность первых надпойменных террас. Русла южных рек, блуждая по долине, оставляли широкую пойму с многочисленными озерами-старицами, рукавами и протоками. Началось образование высокой поймы с характерными для нее прирусловыми грядами, озерами-старицами и притеррасными речками.

В северной части Белоруссии, освободившейся от ледового покрова, было много полноводных озер, береговые линии которых были шире нынешних. Реки Балтийского бассейна еще не выработали таких асимметричных долин, как на юге, поймы их не были развиты. Они интенсивно врезались в наносы и углубляли свои русла. Здесь, по-видимому, в начале голоцена или накануне его сформировалась лишь третья надпойменная терраса.

Благодаря тому, что северные реки усиленно врезались в днища своих долин, они смогли перехватить верхние течения многих притоков Днепра, Березины, Припяти. Днепр утратил, таким образом, Лучесу, Березина — Эссу и Вилию, Ясельда—Гривду и Щару. Участки долин, покинутые этими притоками, а также мертвые, сквозные долины, образовавшиеся еще в палеолите, связывали различные речные бассейны цепями заболачивающих озер, которые остались на месте бывших русел. Так, в междуречьях Припяти и Буга, Ясельды и Щары, Припяти и Березины, Днепра или Березины и Западной Двины образовались своеобразные «мосты» для расселявшихся первобытных общин.

Поздний мезолит приходился на первую половину среднего голоцена. К этому времени установился сравнительно теплый и влажный климат, которым характеризовался ранний атлантический период. Анциловое озеро на Балтике превратилось в теплое литориновое море. Закончилось

образование первой надпойменной террасы рек Балтийского бассейна. Однако как высокая пойма Поднепровья, так и первая надпойменная терраса северных рек в основном оставались еще непригодными для поселения.

Вызванное потеплением передвижение границ лесных зон и подзон к к северу привело вначале к тому, что вся территория Белоруссии была покрыта березово-сосновыми лесами. На севере к ним примешивалась ель и было больше березы, а на юге появились дуб и орешник.

Заболачивание озер началось раньше на юге, где распространились осоково-гипновые низинные и сфагновые верховые болота. Начало роста современных торфяников, так же как и отложение ленточных глин в озерах севера,— один из признаков наступления голоцена.

Постепенно европейские широколиственные леса распространились и на севере, уменьшилось количество хвойных пород. На юге вовсе исчезла ель. В лесах было много сосны и ольхи. Даже в северных водоемах рос водяной орех.

Животный мир в начале голоцена был обеднен: вымирали мамонты, шерстистые носороги, перемещались к северу стада северных оленей, овцебыки, песцы, изменялась экология зубра, сайги. В таежных лесах встречались бурый медведь, волк, лисица, лось, лань, выдра, бобр, рысь, белка, дикая лошадь, глухарь, рябчик, куропатка, а также северный олень, заяц беляк и другие виды. Позднее разросшиеся широколиственные леса оказались особенно благоприятными для обитания тура, зубра, косули, кабана, благородного оленя, куницы, барсука.

Бесчисленные озера и реки Белоруссии были пристанищем большого количества водоплавающей птицы, они создавали благоприятные условия для размножения разнообразных рыб.

Поселения. Племена эпохи мезолита выбирали такие места для поселений, которые находились вблизи водоемов и располагались на значительной высоте над уровнем воды. По соседству с ними должны были находиться охотничьи участки, водоемы, богатые рыбой и удобные для лова. Большинство поселений тяготело к полноводным рекам и озерам, особенно если вблизи находились залежи кремня.

В Посожье, как и на Днепре, поселения родовых общин мезолита размещались на второй или первой надпойменной террасах, на небольших песчаных всхолмлениях, которые нередко были разбросаны по этим террасам.

Мезолитические поселения в бассейне Немана обычно располагались на второй или третьей надпойменной террасах, а иногда и на коренных берегах.

В верховьях Припяти наряду с песчаными всхолмлениями и склонами коренных берегов для поселения часто использовались небольшие моренные бугры и возвышения, которые здесь нередко встречаются вблизи водоемов. Дюнообразные всхолмления, многочисленные в низовьях Припяти, и слегка возвышающиеся участки и останцы первой надпойменной террасы заселялись местными общинами.

На территории древних поселений встречаются не только кремневые изделия и отходы их производства, но и остатки кострищ и очагов, часть из них обкладывалась камнями.

Производство кремневых орудий. Древние мастера использовали в основном кремень с размытой поверхности меловых отложений, который отличался более высокими качествами, чем валунный. Они тщательно подготавливали кремневый желвак для последующего «снятия» с него пластин и отщепов, проявляя безукоризненное знание свойств этого поделочного материала. На образовавшемся после такой подготовки.нуклеу-

се была одна или несколько площадок. С одной стороны нуклеусы нередко сохраняли продольные сколы, а на другой стороне — поперечные. Концы нуклеусов часто так сбивались косыми ударами, что им придавалась клиновидная форма. Иногда здесь образовывался рабочий край, как у скребловидного орудия типа «рабо». Еще чаще скребловидный край встречается на боковой стороне нуклеуса, противоположной той, с которой снимались пластинки. Изредка нуклеусы приобретали пирамидальную форму.

Продолжалось производство пластин, предназначенных для изготовления орудий, начавшееся еще в верхнем палеолите. Чтобы сколоть с нуклеуса длинную пластинку, нужно было правильно определить на площадке нуклеуса точку для удара, точно рассчитать его направление и силу. Удар наносился по роговому или костяному посреднику, а через него передавался прочно закрепленному нуклеусу.

Навыки, приобретенные длительной тренировкой, и накопленный на протяжении веков опыт позволяли древним мастерам изготовлять большое количество пластин различной величины. Совокупность приемов, которые они применяли для этого, получила название пластинчатой техники, или стесывания.

Наряду с ней широко распространилась и техника получения отщепов путем оббивания, или скалывания. Возродившись в мезолите, она была усовершенствована по сравнению с мустьерской. Оббивка производилась тщательно подготовленными концами отбойников, которые изготовлялись из желваков и нуклеусов. Благодаря возросшей точности ударов, наносившихся двусторонне и по всему краю, получались заготовки необходимой формы.

Полученные в процессе первичной обработки кремня пластинки, отщепы, нуклеусы и заготовки подвергались вторичной обработке. Чтобы из них делать орудия, употреблялись различные приемы: техника резцового скола, подтески, ударного и крутого ретуширования (рис. 19).

К позднему мезолиту техника изготовления пластинок улучшилась, значительно усовершенствовалась. Правильно ограненные и лишь слегка изогнутые пластинки имели небольшую величину и маленькие ударные бугорки. Большинство их было получено, вероятно, не стесыванием, а отжимом от нуклеусов. Давление на нуклеусы в нужной точке создавалось при помощи специальных отжимников.

К прежним приемам обработки добавились новые: отжимное, мелкое и плоское ретуширование, микролитическая техника. Отжимная техника употреблялась для нанесения мелкой ретуши, оформляющей лезвия и рабочие края многих типов орудий. Помимо торцового закрепления орудий в рукоятях, применялось боковое крепление в специально выбранных пазах.

На юго-востоке и в центре Белоруссии особенно большое распространение получила так называемая микролитическая или вкладышевая техника производства орудий. Изготовление микролитов, закреплявшихся затем с помощью смолы в пазах различных оправ, было крупным достижением кремневого производства. Кремень расходовался при этом более целесообразно и экономно благодаря членению пластин на части. Появились легкие и прочные орудия. Лезвия или зубцы составлялись из небольших сечений пластинок или специально подготовленных микролитов — прямоугольников, сегментов, треугольников, трапеций. Можно предполагать по следам сработанности, что они использовались в основном как составные части лезвий режущих орудий. Однако часть их могла служить наконечниками стрел, другие употреблялись для рыболовных снастей.

Рис. 19. Трудовые приемы в каменном веке:

1, 2—отжимание пластин, *3*—отбивание с помощью посредника, *4*—нож-клинок с боковой выемкой, *5*—оббивание на наковальне, *6*—отжимное ретуширование, *7*—микроретуширование, *8*—расчленение бивня при помощи срединного резца, *9*—гравировка кости боковым резцом, *10*—сверление ручным сверлом, *11*—сверление двуручным сверлом с древком, *12, 13*—работа скребком, *14*—работа скреблом, *15*—употребление скобеля, *16, 17*—лощение шкуры, *18*—строгание, *19*—употребление копьеметалки

Из кости и рога делались рукояти и стержни наконечников, в пазы которых «вкладывались» кремневые микролиты. Костяные и роговые топоры, долота и тесла применялись при обработке дерева.

В процессе производства некоторых орудий требовалось употребить несколько различных, нередко трудоемких производственных операций. Орудия приобретали устойчивую форму и размеры.

Кремневый инвентарь в различных областях рознился не только типами орудий, но и их количественным соотношением.

Хозяйство. Естественно-географические условия оказывали, как и прежде, огромное влияние на охотничье-рыболовческие племена мезолита. В раннем мезолите продолжали удерживаться многие верхнепал.еолитические традиции ведения хозяйства. Не было заметных различий и в кремневом инвентаре, если не считать большого распространения наконечников стрел и грубооббитых топоров, скребков на отщепах, разнообразных скобелей и ножевидных орудий, а позднее и микролитических форм. Применение составных орудий, в особенности лука со стрелами, обеспечивало успех в охоте на мелких нестадных животных, водоплавающую и боровую птицу и добыче рыбы. Использование топора и тесловидкых орудий значительно ускорило обработку дерева, постройку жилищ, сооружение охотничьих ловушек и заколов (закот) на рыбу, а также, по-видимому, изготовление примитивных долбленых челнов.

В связи с этим значение загонной или облавной охоты упало. Стало возможным существование меньших коллективов. Нередко родовые общины проникали на территории, расположенные на значительном удалении от мест первоначального обитания. Дальние походы совершали и отдельные группы мезолитических охотников. По этнографическим данным лишь четвертая-пятая часть всех общинников (взрослые мужчины) могла участвовать в таком промысле, который велся вдали от поселений. Возрастание количества населения сверх того предела, который мог прокормиться на освоенных рыболовных и охотничьих участках, принуждало мезолитические общины осваивать все новые территории, расселяясь вдоль рек по путям, известным, вероятно, еще со времен палеолита. Направление такого передвижения обусловливалось в первую очередь географическими факторами. С юго-востока заселялись территории, расположенные вдоль Днепра и его притоков, а с юга и юго-запада — верховья Припяти и бассейн Немана.

Племена, овладевшие микролитической техникой производства орудий, избавлялись от необходимости держаться вблизи значительных кремневых местонахождений. Началось освоение местностей, бедных кремневым сырьем или вообще не имеющих кремня.

Если судить по размерам поселений, мезолитические родовые общины были невелики и не превышали нескольких десятков человек. Многие поселения существовали малое время, культурных остатков здесь обнаружено немного. Поэтому мезолитические племена нельзя считать оседлыми. Наличие отдельных мезолитических поселений протяженностью от нескольких сот метров до километра объясняется, наверное, неоднократным возвращением на излюбленное место.

Изменения в хозяйственной деятельности приводили к тому, что количество родовых общин увеличивалось, а численность каждой из них становилась меньше. Экономические связи между ними еще отсутствовали.

Не исключена возможность, что при расселении родов менялись установившиеся в племени брачные связи. Это, с одной стороны, могло способствовать нарушению эндогамности племен и, с другой стороны — переходу женщины в тотемистическую группу мужа. Роль женщины в эпо-

ху мезолита, по-видимому, еще более возрастала в связи с длительными отлучками мужчин-охотников.

Соприкосновение территорий, занимаемых различными племенами к концу мезолита, способствовало возникновению первой формы собственности — племенной. Несомненно, сначала само расселение племен, а затем регулирование взаимоотошений между различными племенами и родами потребовали совершенствования родоплеменнои организации.

2. ПЛЕМЕНА МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Области расселения. Памятники материальной культуры, относящиеся к мезолитическому времени, разделялись длительное время по аналогии с западно-европейскими: на свидерские (соответственно позднемадленские и азильские), тарденуазские и кампинийские. За этими «цивилизациями», культурами, «индустриями», понимаемыми как стадии в развитии мезолитической культуры, следовала эпоха неолита. В области, примыкающей к Балтийскому побережью, между свидером и тарденуазом вклинивалась культура маглемозе с характерными для нее орудиями из кости и рога *.

Однако накапливались данные о том, что в действительности историческое развитие было более сложным. Еще П. П. Ефименко говорил о двух путях перехода от палеолита к неолиту — макрслитическом и микролитическом [3]. В свою очередь К- М. Поликарпович отмечал сплошное распространение тарденуаза в юго-восточной части республики, южнее линии Брянск — Чериков — Ново-Быхов — Друть — Виленщина [4]. По М. В. Воеводскому, на севере лесной полосы получили развитие «макролитические культуры», т. е. культуры, напоминающие кампиньи, а в лесостепи и степи — «микролитические» [5]. Таким образом, оказалось, что на одних территориях не было стадии кампиньи, а на других — тарденуаза. Наряду с этим стало выясняться, что в некоторых областях комплексы кремневого инвентаря содержали как макролитические, так и микролитические орудия.

Заимствования свидерских форм в тарденуазе и появление микролитов в свидере были замечены Л. Савицким [6]. Постепенная микролитизация позднепалеолитических комплексов была характерна для днепровских поселений Украины [7]. Поселения, материал которых имел смешанные черты, получили на территории Польши название свидеро-тарденуазских. Однако исследования последних лет показали, что для введения такого понятия не было достаточно оснований [8]. Изучение эпохи мезолита на территориях Литвы, непосредственно с северо-запада примыкающих к Белоруссии, позволило установить, что свидерская культура в Литве сохранялась и в мезолитическую эпоху. В ней, однако, появились новые изделия тарденуазского облика и макролитические орудия[9]. Здесь не найдены поселения с отдельными «тарденуазскими» и «кампинийскими" комплексами [10].

Итак, стало особенно важным установить область распространения свидерской культуры на поздних этапах ее развития, относящихся к мезолитическому времени, и взаимоотношение ее с культурой микролитов.

М. В. Воеводский обосновывал существование свидерской культурной области, простирающейся от Польши до Оки и верхней Волги, и указывал на своеобразие деснинских памятников [и]. По мнению А. А. Формозова, верхневолжские поселения уже нельзя сопоставлять со свидерскими

* В Восточной Прибалтике выделена аналогичная культура Кунда.

ки по времени, ни по культуре [12]. По-видимому, можно рассматривать северный мезолит как смешанный макро-микролитический с преобладанием макролитоидных элементов [13], если одновременно учесть, что макролитичность нарастает к концу мезолита [14], а микролитичность не получила здесь развития. Область распространения макролитических орудий, подобных верхневолжским, охватывала бассейны Десны, Сожа и верховье Днепра [15]. Верхние горизонты Гренска и Латков, в которых наряду со свидерскими найдены вырождающиеся формы пластинчатых наконечников, скребки на отщепах и микроскребки, миниатюрные проколки и резцы, сечения пластинок-вкладышей, уже открывают собою в Посожье эпоху мезолита.

Посожье, за исключением низовий, верховья Днепра и Двины [16] могут быть отнесены к области распространения макролитических орудий, простирающейся далее к северо-востоку.

В Понеманье же ранний мезолит отражает живучесть свидерских традиций [17]. Область распространения таких памятников охватывает также верховья Припяти [18] и уходит на Волынь.

Между неманской и верхнеднепровской областями, в которых развивалось преимущественно макролитическое производство, а именно на юго-востоке Белоруссии располагалась область с господством микролитических изделий [19].

Следует указать на то, что микролитическая индустрия далеко не одинакова. П. П. Ефименко выделил западнорусскую, или днепробалтийскую группу памятников [20]. М. Я- Рудинский, по-видимому, учитывая работы ряда белорусских археологов, отметил существование «зоны полесского тарденуаза» на нижней Припяти[21]. Позднее Д. Я. Телегиным было включено в состав южнорусской микролитической области все Киевское Поднепровье [22]. В. П. Левенок ограничил область распространения «позднего микролитического мезолита» примерно линией Могилев — Мстиславль — Брянск — Курск[23], которая является и юго-западной границей верхневолжско-днепровской макролитической области.

Эта линия, однако, показывает скорее не предел области «сплошного распространения тарденуаза», а северо-восточную черту, до которой встречались микролиты. В то время как граница, проведенная К- М. Поликарповичем, разделяла некогда культурно-исторические общности, последняя указывает лишь на сферу их взаимодействия.

Наконец, изучение мезолитических поселений Припятского Полесья позволило уточнить северные границы области с преимущественным изготовлением микролитических изделий. Она охватывает нижнее течение Соло и Десны на востоке, доходит на западе до притоков Припяти ътыри и Горыни, а на севере, по-видимому, достигает верховий Березины и Двины [24].

Трем большим областям, мезолитические поселения которых отличались характером материальной культуры, соответствовали в древности три различные племенные группы (рис. 20).

Племена **верхнего Поднепровья (область макролитов).** Племена, жившие на территории верхнего Поднепровья севернее Березины и Ипути, оставили после себя около 20 поселений, из которых большинство располагалось на берегах Сожа. Здесь мезолитические памятники обнаруживались в среднем через каждые 8—10 км. На участке долины Сожа протяженностью в ПО км по прямой между устьем Беседи и Славгородом известно, например, 9 поселений эпохи мезолита. Изредка они встречались и группами по два-три вместе (вблизи деревни Журавель Чериковского района, Славгорода, деревни Дубна Славгородского района, Вороновка Кормянского района).

Среди материалов, собранных на поселениях раннемезолитического времени, около половины орудий было изготовлено из кремневых пластин, в основном небольших по размеру. В числе орудий — пластинчатые черешковые наконечники стрел, небольшие пластинчатые наконечники с боковой выемкой у черешка, боковые, а реже срединные и угловые резцы, скребки на конце пластин и отщепов, имеющие нередко высокий профиль, двойные концевые скребки, округлые высокие скребки, ножевидные

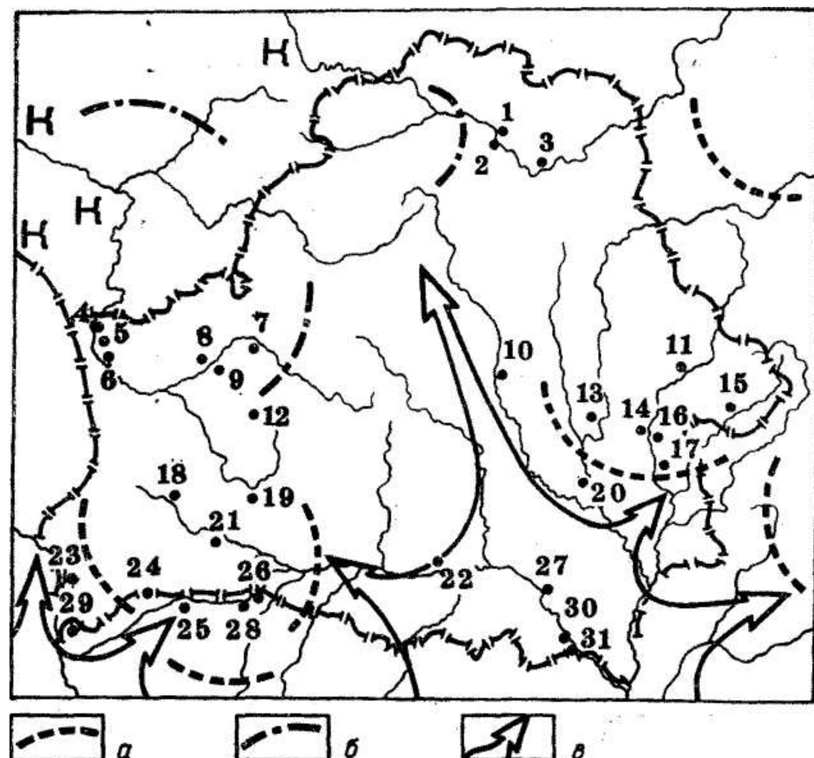

Рис. 20 Культурно-исторические области мезолитической эпохи. Условные обозначения: *а* — области с макролитическим производством, *б* — области с макро-микролитическим производством, *в* — проникновение племен с микролитическим производством. *К* — племена культуры Кунда с роговым и костяным производством.

Поселения- 1—Крумплево, 2—Петровщина (хутор Семенов), 3—Крыжи, 4—Перелом, 5-Цидовичи-Гожа. 5-Граидичи, 7-Черешля, в-Збляны, 9-Несиловичн, 10-Мнрославка, 11-Журавель (Мел), 12-Валевка (оз. Свитязь), 13-Кистенн (Коромка), *14*-Вороновка. (Городок, Гренск), /5-Гайковка (Печенеж), 16-Аношки (ол. Дратунь) 17-Рудня Споницкая (Латки), 18-Заречье, *19*- Бобровичи (озеро), 20-Шихов 21-Ополь, 22-Дорошевичи 23-Прилуки, 24-Орехово, 25-*Вевмр,* 26-Сеньчицы, 27-Юревичи, 28-Нобель 29-Пульмо (оз. Свитязь), 30-Рожава, 31-Белосорока

пластины с ретушью, с боковой выемкой, пластины-вкладыши, пластины со скошенным концом и притуплённым краем, скребла, скребки, грубые иуклеовидные орудия (рис.21).

Позднемезолитические орудия поселений среднего Посожья чаще изготовлялись на отщепах. Наряду с прежними типами орудий среди них имелось больше вырождающихся форм пластинчатых наконечников, концевых скребков на плоских пластинках и отщепах, овальных скребков, скобелей, среди которых часть вырабатывалась из массивных отщепов,

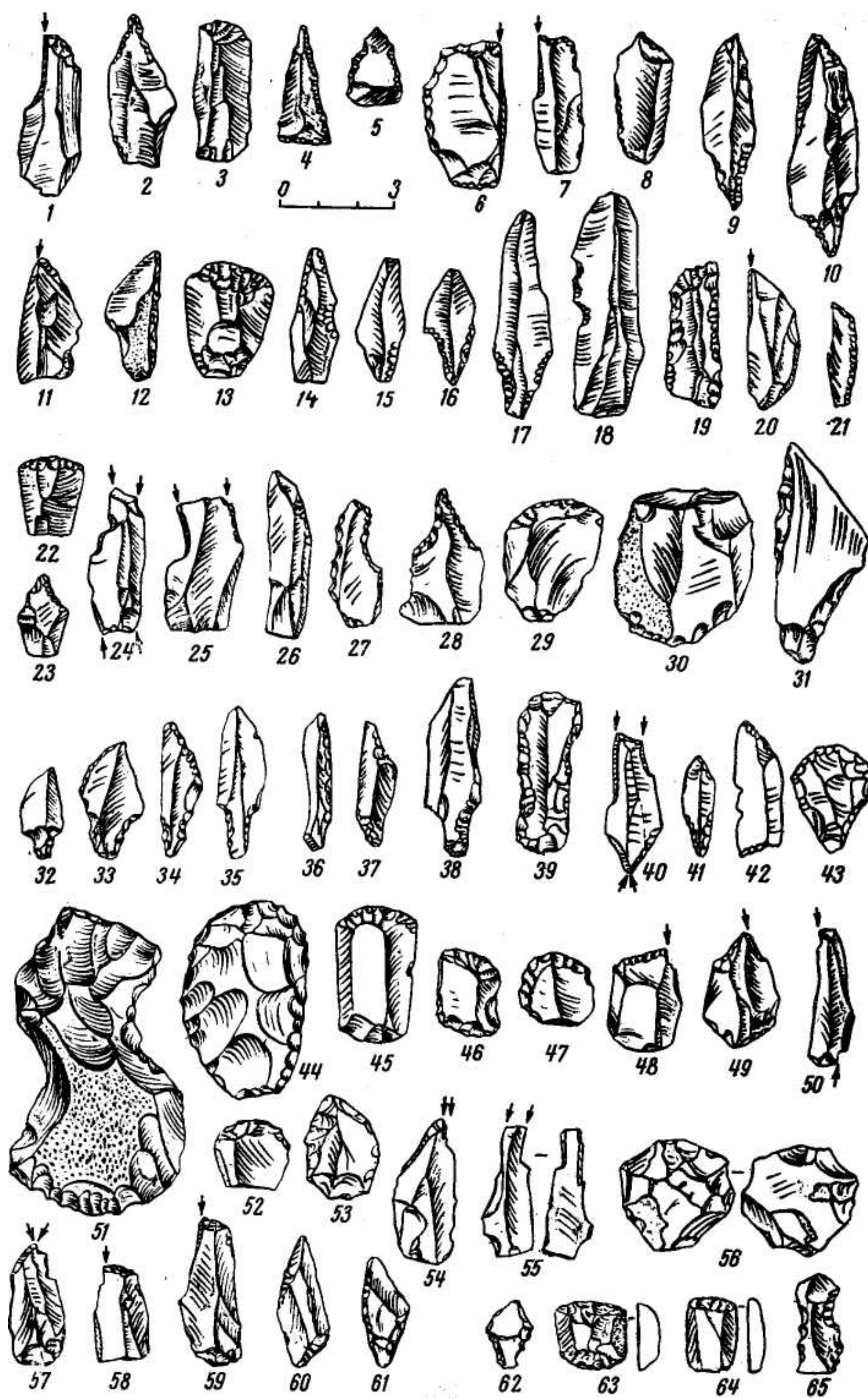

Рис. 21*. Кремневые орудия поселений Днепра и Сожа (мезолит)

* См. пояснение в конце книги.

угловых резцов, нередко массивных и грубо обработанных, сверл, проколок и крупных ножевидных пластин. Однако особенно характерно появление грубооббитых топоров и топоровидных орудий. Обычно топоры подвергались двусторонней оббивке, имели линзовидное сечение и овальную форму, а иногда боковые перехваты для закрепления в рукояти. Часть подобных орудий, отличавшихся своим плоско-выпуклым сечением, могла служить теслами. Значительно более редко встречались так называемые траншевидные топоры с почти прямым лезвием и узким заостренным обухом, овальные пики, которые имели узкое лезвие и удлиненные пропорции, а также грубо обработанные листовидные острия [25] (рис. 23: **1-11**).

К раннему мезолиту могут быть отнесены поселения, которые расположены на первой террасе правобережья Сожа, возле устья Лобчанки, неподалеку от деревни Толкачевка Славгородского района, между обрывистым левым берегом и озером, в урочище Узвяжное, вблизи деревни Кремянка, на склоне крутого берега, южнее Славгорода в урочище Узлужье, южнее деревни Дубна в урочище Бытарино Поле неподалеку от озера Святое, на правом берегу у деревни Костюковка Кормянского района, в правобережье вблизи Литвиновичей, около деревни Верхи в урочище Городок к югу от реки Горны — правого притока Сожа — возле деревни Вороновка Кормянского района [26], на песчаных всхолмлениях в урочище Латки в устье реки Спонка около деревни Рудня Споницкая Ветковского района.

Поселения позднемезолитического времени были обнаружены в Чериковском районе по правобережью Сожа неподалеку от деревень Журавель, Добрянка [27], на песчаных берегах болота Печенеж в окрестностях деревни Гайковка Костюковичского района по правобережью Беседи.

При раскопках поселения Печенеж были обнаружены как орудия неолитического облика, так и архаичные рубящие орудия, концевые скребки и резцы. Отсутствие обломков сосудов и залегание на глубине 0,5 м в нижних слоях почвы и под нею свидетельствовали о мезолитическом возрасте поселения [28].

Несколько большие раскопки произведены в урочище Мел вблизи деревни Журавель. Поселение располагалось здесь на первой террасе правого берега Сожа, круто обрывающегося к воде. На глубине 0,3—0,5 м в месте перехода к подпочве залегал насыщенный угольками культурный слой. В нем были выявлены не только скребки и резцы различных типов, но и двустороннеоббитые овальные топоры, листовидные острия, траншевидный топор, массивные скобели и резцы [29].

В Поднепровье наиболее известны поселения, которые располагались на второй надпойменной террасе вблизи деревни Яново Быховского района, Кистени Рогачевского и южнее Шихова Жлобинского районов.

Несколько памятников с макролитическими орудиями было найдено в верховьях Двины, особенно около озера Охват, а поселение на правом берегу реки возле деревни Крыжи ниже Витебска даже раскапывалось [30].

Племена Понеманья и верхней Припяти (область микро-макролитов). Мезолитические племена, развивавшие материальную культуру, которая отличалась от культуры как племен среднего Посожья, так и восточнополесских, жили на западе Белоруссии. Их территория охватывала бассейн Немана, верховье Припяти и бугско-припятское междуречье. На территории Белоруссии известно более 30 поселений, оставленных этими племенами. Некоторые из них занимали большую площадь и отличались обилием обработанного кремня.

По Неману, например, на участке длиной в 30 км от деревни Гончары до деревни Збляны Лидского района известно 4 поселения. От устья Котры до границы с Литвой обнаружено 13 поселений на протяжении около 70 км — в основном на песчаных всхолмлениях второй террасы между деревнями Гожа и Перелом Гродненского района [31]. В верховьях Припяти на пространстве примерно в 110 км, между деревнями Самары Ратненского района УССР и Невель Пинского района найдено 8 поселений, среди которых очень большие вблизи деревень Орехово, Любязь, Нобель, Сеньчицы, вдоль юго-западной границы Белоруссии.

На раннемезолитических поселениях встречаются пластинчатые черешковые и листовидные наконечники стрел. Наряду с иволистными здесь из широких пластин изготавливались наконечники типа Лингби. Были распространены и пластинчатые ромбовидные наконечники, наконечники с треугольным пером, сверла и проколки.

Помимо срединных, клиновидных и боковых резцов употреблялись резцы на углу пластин и отщепов, грубые массивные резцы разных типов, в том числе комбинированные и клювовидные (рис. 22).

Среди скребков попадались архаичные формы с рабочим краем на конце высоких пластинок, двойные концевые скребки на коротких пластинках, иногда со скошенным краем. Но в значительно большем количестве встречались скребки, сделанные на конце тонких пластин и отщепов, боковые и округлые скребки как очень широкие, так и миниатюрные. Значительным было количество скобелей, скребловидных орудий и резаков, изготовленных из пластин или отщепов, иногда очень массивных.

Ножевидные орудия представлены большим количеством пластин, иногда с ретушью по лезвиям, со скошенным концом, с ретушированными выемками на боковой стороне, предназначенными для скобления. Наряду с ними имелись ножи из широких отщепов, режущие орудия, у которых лезвия составлялись из небольших сечений пластинок-вкладышей.

Изредка встречаются в инвентаре и микролиты западных типов. Это микропластинки с притуплённым краем, узкие косые треугольники — «ланцетовидные острия», трапеции и прямоугольники высокой формы с вогнутыми боковыми сторонами.

Инвентарь местных позднемезолитических поселений изобилует крупными макролитическими орудиями. Среди макролитов наиболее важны грубооббитые топоровидные орудия. Характерным типом являются удлиненные овальные топоры с односторонней или двусторонней оббивкой. «Траншевидные», т. е. треугольные, или трапециевидные, топоры и тесла представлены в основном широкими массивными формами. Из нуклеусов изготавливались долотовидные орудия в форме вытянутого прямоугольника. Лезвие тех и других обычно образовалось путем нанесения поперечного скола на конце орудия, а затем подправлялось вторичной обработкой. В верховьях Припяти обнаружены короткие тесловидные орудия с полукруглым рабочим краем и орудия типа пик, овальные с заострением и дисковидные рубящие орудия, грубооббитые топоры с боковым перехватом, миндалевидные грубые сверла (рис. 23: 12—21).

Значительное поселение располагалось, по-видимому, на второй террасе правого берега Немана возле деревни Збляны Лидского района. Дюнообразные возвышения на второй террасе Немана, лежащие между руслом реки и озером Черешля, неподалеку от одноименной деревни Новогрудского района, также были заселены в эпоху мезолита. Здесь на пространстве около 3 км найдено несколько сот кремневых орудий и ножевидных пластин, большинство из которых имеет небольшие размеры.

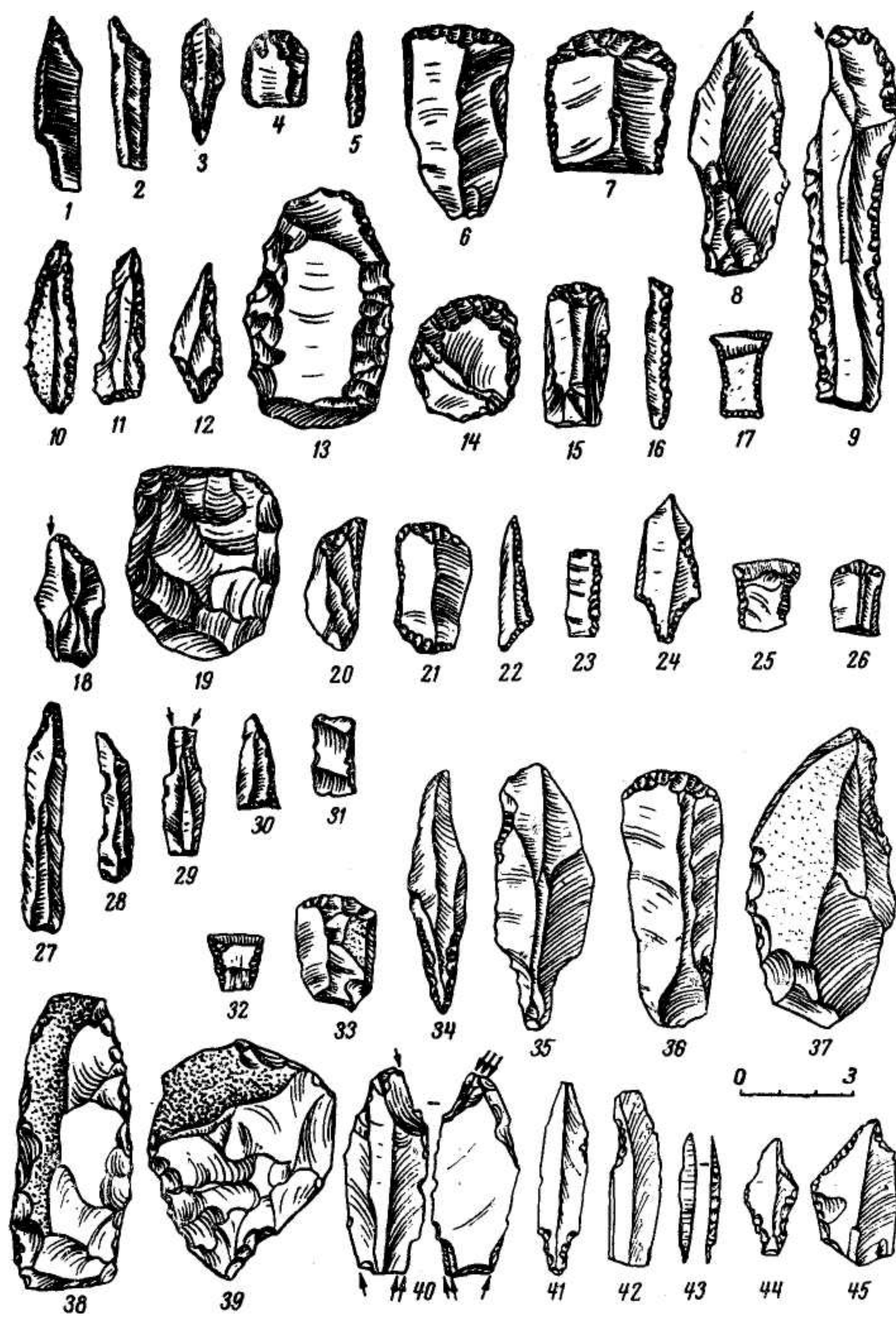

Рис. 22 *. Кремневые орудия поселений Понеманья, верхней Припяти и Западной Двины (мезолит)

См. пояснение в конце книги.

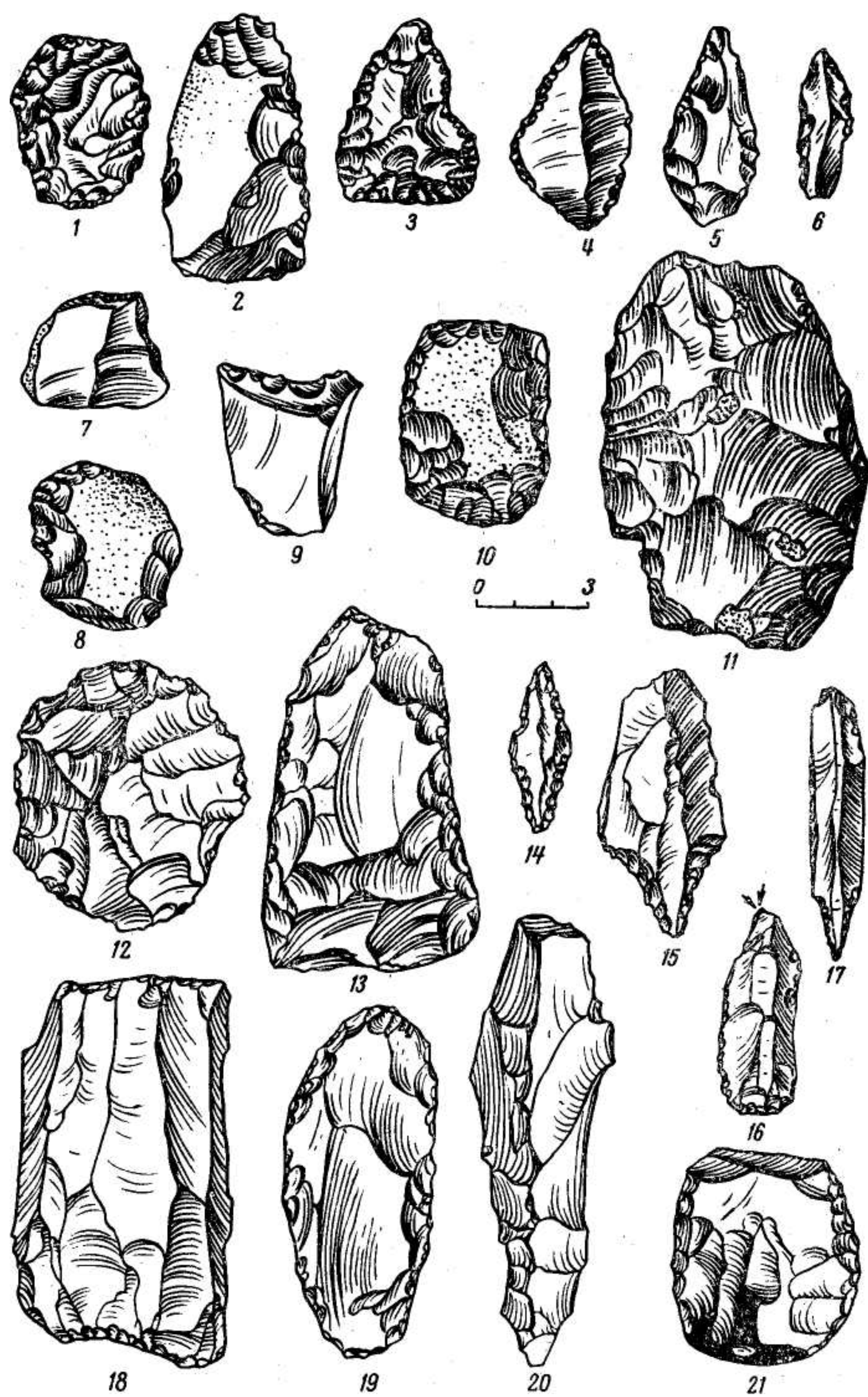

Рис. 23*. Макролитические кремневые орудия с поселений Сожа (1—*11)* и Ясельды *(12—21)*

* См. пояснение в конце книги.

Помимо микролитов, на поселении Черешля-VI имелись крупные орудия, в том числе и рубящие.

На песчаных всхолмлениях, возвышающихся над поймой в междуречье Немана и его левого притока Молчади, возле деревни Несиловичи Дятловского района обнаружена группа мезолитических поселений. Расположенная на окраине деревни стоянка Несиловичи-I дала микролитические материалы, а поселения, лежавшие на дюнообразном возвышении среди поймы к северо-западу от деревни,— микро-макролитические (Несиловичи-П, IV) или только макролитические (Несиловичи-Ш)[32].

В Слонимском районе возле деревни Черленка было поселение, в комплексе орудий которого присутствуют микролиты [33].

Материалы, обнаруженные на поселении, которое располагалось^ на юго-западном берегу озера Свитязь Новогрудского района, частично относятся также к мезолитическому времени. Наряду с крупными орудиями здесь имеются микролиты [34].

Большое поселение было расположено на склоне моренного бугра или останца коренного берега в правобережье Ясельдьг восточнее деревни Ополь Ивановского района[35], где выявлены как большие скопления обработанного кремня, так и растрескавшиеся камни, которыми обкладывались древние очаги.

В междуречье Ясельды и Щары на моренном бугре, вдающемся в озеро Бобровичское, против одноименной деревни Ивацевичского района, были обнаружены остатки шести очагов, а вокруг скопления орудий и кремней со следами обработки. По-видимому, длительное время жили мезолитические общины возле Нобеля и Сеньчиц на верхней Припяти. Оба поселения также расположены на моренных останцах, перекрытых песчаными всхолмлениями. Здесь за все время исследований найдено несколько тысяч кремневых орудий и десятки тысяч кремней с признаками обработки.

Отдельные поселения обнаружены довольно далеко к северу, одно из них — в Подвинье, возле деревни Крумплево, выше городского поселка Диена.

Племена восточного Полесья (микролитическая область). Юго-восточная часть Белоруссии в период позднего мезолита была занята племенами, изготовлявшими микролитические орудия. Эти племена обживали территорию Полесья от нижнего Сожа и Десны на востоке до рек Стыри и Бобрика на западе. Их поселения встречались на Березине (Мирославка Березинского района), Птичи, Случи (хутор Стомогил у деревни Песчанка Солигорского района), а отдельные — даже на Западной Двине (Семенов Хутор возле деревни Петровщина). На территории Белоруссии обнаружено до 30 памятников с микролитической индустрией. Из них 10 — вдоль нижней Припяти, на участке от Мозыря до деревни Белосорока Наровлянского района, имеющем протяженность около 90 км.

Обычно территория таких стоянок невелика и культурных остатков на них немного. Но в южной части Белоруссии были и более значительные поселения протяженностью в несколько сот метров (Белосорока).

Из тонких и узких правильно ограненных пластин изготавливались ножи со скошенным ретушью концом или с притуплённым краем, частично ретушированные, по лезвию, сечения-вкладыши, сверла и проколки, резцы, главным образом угловые и боковые, концевые и боковые скребки. Многие виды скребков и скобелей были сделаны на отщепах и имели небольшие размеры. Характерны двойные концевые скребки на высоких пластинках со скошенным, краем, скребки на отщепах со скошенным

краем и на высоких отщепах, миниатюрные округлые скребки, скребки-резцы.

Наиболее типичная часть инвентаря — микролиты — узкие микропластинки с притуплённым краем и иногда со скошенным или заостренным концом, изделия геометрически правильных форм. Особенно разнообразными были трапеции. Среди них различались крупные равнобедренные, широкие, низкие с крутой ретушью по боковым сторонам или с плоской ретушью, иногда заходящей за спинку, прямоугольные с заострением на углу (рис. 24).

Из остальных типов достойны внимания скобели на пластинках с изогнутым или выемчатым рабочим краем на боковой стороне, миндалевидные орудия с двусторонней оббивкой, вкладыши топоров, резаки.

Наличие пластинчатых наконечников — непременная особенность местных комплексов орудий. Они имеют обычную листовидную, черешковую или ромбическую формы и напоминают свидерские, причем черешки у них разнообразны — короткие, широкие или заостренные, иногда с одной стороны сильнее выделенные ретушью, иногда чуть намеченные. Сравнительно много вырождающихся форм, изготовленных из отщепов, и миниатюрных по размеру, обработка которых такая же, как у микролитов.

Помимо рукоятей, оправ для микролитов, веретенообразных наконечников с пазами или без них, изготавливались, если судить по материалам смежных областей, топоры из рога и с кремневым лезвием, вставленным в расщелину отростка рога, гарпуны с односторонними зубцами, плоские, с расширенным зубом, выемкой или отверстием у основания, зубчатые копья, цельные рыболовные крючки из кости.

Наконечники с пазами для вкладышей были обнаружены, например, в торфяниках у деревень Своятичи Ляховичского района и Гадиловичи Рогачевского, игловидный наконечник — возле деревни Залешаны. Костяную острогу вытащили из Сожа вблизи Чечерска. Мотыгообразный роговой топор с отверстием и выемкой для кремневого лезвия нашли при расчистке Мухавца у деревни Волки под Брестом.

Наиболее ранние поселения Полесья располагались либо у тыльной части первых надпойменных террас, либо на дюнообразных всхолмлениях, лежащих на этих террасах вблизи коренного берега и обычно близко от водоемов. Подобные поселения известны возле деревень Лясковичи и Дорошевичи Петриковского района, Юревичи Калинкоричского, Рожава и Белосорока Наровлянского района [36]. В этих местах среди песчаных раздувов встречаются следы древних кострищ, мелкие осколки кремня и кремневые орудия, среди которых микролитов геометрически правильной формы еще немного.

Мезолитические поселения с микролитическим инвентарем существовали в Туровщине (возле деревень Бурези и Хильчицы), на реках Птичи (Ивашковичи, Глуск, Кныши, Моисеевичи), Уборти (Милошевичи), Щаре (Чемелы).

Немало таких поселений обнаружено в нижнем Посожье. К наиболее значительным относилось поселение, известное на песчаных всхолмлениях урочища Крупец по левому берегу Беседи, возле деревни Столбун Ветковского района. Были стоянки и в урочище Замостье, поблизости от деревни Присно Ветковского района, а также на Соже, ниже Гомеля — возле деревень Скиток, Новые Терешковичи, Старая Паперня.

Мезолитические племена. В период раннего мезолита на территории Белоруссии обитали две большие группы племен. Одни расселялись по верхнему Днепру и Посожью, вторые — от Волыни и верховья Припяти до бассейна Немана включительно. Для производства своих орудий они

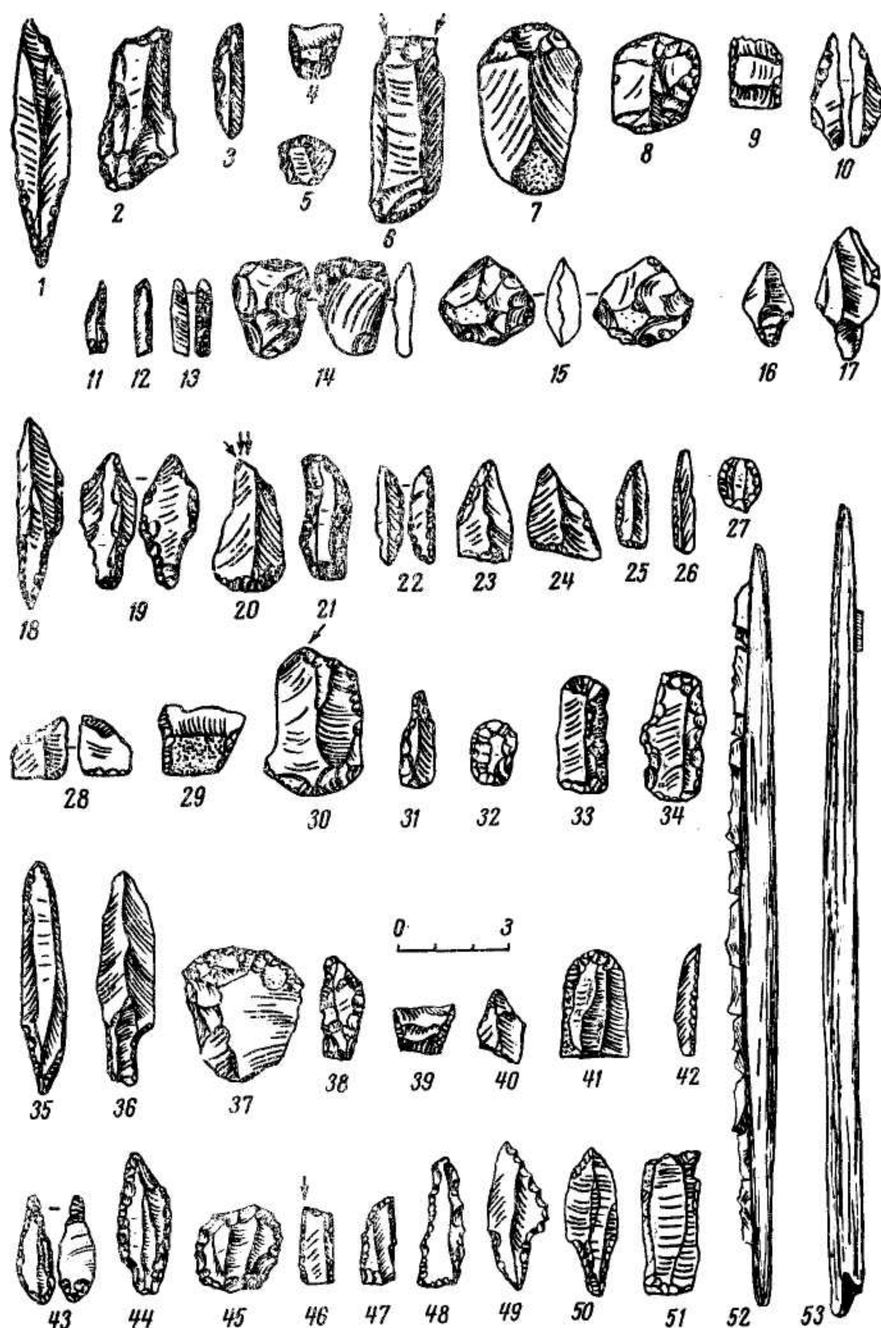

Рис. 24*. Микролитические и другие кремневые орудия поселений Восточного Полесья (мезолит)

---

* См. пояснение в конце книги.

нуждались в обилии кремня и использовали большие кремневые месторождения, которые часто встречаются в этих областях.

Верхнеднепровские племена были, наверное, потомками местных верхнепалеолитических общин. Население, жившее в западной части территории Белоруссии, происходило от тех свидерских племен, которые обитали здесь в предшествующий период.

Расположенные на юге и в центре Белоруссии территории, бедные кремневым сырьем, стали заселяться племенами лишь в середине мезолитической эпохи. Эти племена изготавливали вкладышевые орудия с микролитами. Область их формирования лежала, вероятно, к югу от границ республики.

Продвинувшись на север по долинам Днепра и Припяти, а затем по Березине, Птичи и Случи, они достигли Западной Двины на севере, среднего Сожа на востоке, Стыри и верховья Немана на западе. Проникновение их в области, занятые более древним населением, особенно сказалось в Понеманье, где сложилась микро-макролитическая культура. Господство микролитических форм в этой культуре позволяет, однако, предполагать, что основой позднемезолитического населения в бассейне Немана продолжали оставаться те племена, которые жили здесь в ранний период.

В своем движении на север племена, развивавшие культуру микролитов, обходили те места, где обитало много местных раннемезолитических родов. По-видимому, этим объясняется сохранение в позднем мезолите областей с микролитическими традициями производства в верховье Припяти и сожско-деснинской области.

Вторая группа племен, изготовлявших микролиты западных типов, распространилась главным образом в Повисленье. Но их редкие поселения появились также в верховьях Горыни [38] и Стыри, на берегах Западного Буга (Прилуки, Заказанка, Белая Гора) [39]. Сложившись на местной свидерской основе, культура мезолитических племен северо-восточной Польши, Литвы и Западной Белоруссии впитала в себя элементы культуры пришельцев и приобрела характерный микро-макролитический облик.

Для определения этнической принадлежности мезолитических племен очень мало данных. Два длинноголовых черепа, подобные тем, которые известны в мезолите средней Европы, были найдены в Литве. Люди, бытовавшие некогда в украинском Поднепровье и Крыму, принадлежали к европеоидам. Они были близки к кроманьонскому типу, отличались высоким черепным сводом, массивным скелетом.

Таким образом, от Дании до днепровского Надпорожья и Крыма в мезолите жили люди европеоидного облика. Лицевая часть была у них более плоской, но эта черта рассматривается антропологами скорее как псевдомонголоидная.

Наряду с этим в могильниках Поднепровья встречен и второй тип человека, отличающийся большей грациальностью, который был близок древнесредиземноморскому. Напротив, к западу от Варшавы (Яниславицы) был найден костяк, имевший лаппоноидные признаки.

Можно полагать, что территория Белоруссии в эпоху мезолита была составной частью обширной области, заселенной протоиндоевропейскими племенами, часть из которых могла оказаться впоследствии и праиндоевропейскими, т. е. такими, из которых в процессе дальнейшего исторического развития сложились индоевропейцы.

Глава III

НЕОЛИТ

Эпоха неолита в основном определяется промежутком времени от IV до II тысячелетия до н. э. Но в южной части республики она, по-видимому, началась еще в V тысячелетии до н. э., а на севере продолжалась несколькими столетиями позднее.

Неолит может быть разделен на периоды: ранний (до III тысячелетия), средний (от 3500—3000 до 2500—2300 гг. до н. э.) и поздний.

Во времена неолита первобытнообщинный строй с его присваивающей формой ведения хозяйства достиг наивысшего расцвета. На протяжении всей эпохи рыболовство и охота оставались основными видами хозяйственной деятельности, причем значение рыболовства как источника пищи выдвинулось на первое место. Орудия, которые обнаружены на неолитических поселениях, удовлетворяли разнообразным требованиям первобытного рыболова и охотника.

При изготовлении орудий первобытные люди использовали все богатство накопленных приемов обработки камня, кости, рога и дерева. Применение во второй половине эпохи шлифовки и сверления было первой характерной чертой нового способа производства орудий. Нередко, изготавливая составное орудие, древний мастер должен был произвести пять-шесть различных производственных операций и хорошо знать свойства используемого материала. Продуктом деятельности были орудия, форма которых настолько соответствовала их назначению, что в основных чертах сохранилась до настоящего времени (наконечник, нож, топор, тесло, долото и т. п.).

Начало изготовления глиняных сосудов — вторая характерная черта эпохи — это грань, которая, по выражению Ф. Энгельса, отделила варварство от дикости[1]. Употребление глиняных сосудов способствовало хранению запасов пищи и свидетельствовало, что неолитическая община иногда имела в своем распоряжении некоторое количество еды сверх необходимого. Это в свою очередь создавало предпосылки дальнейшего прогресса. Изготовление глиняных сосудов в лесной полосе опередило по времени широкое распространение шлифованных орудий.

Эпоха, в которую люди научились шлифовать каменные орудия и изготовлять глиняные сосуды, получила название неолитической, или «новокаменной» *.

Для периода раннего неолита характерны мезолитические формы орудий и приемы их обработки. Лишь по наличию обломков древнейших глиняных сосудов можно отличить ранненеолитические поселения от позднемезолитических.

---

* В Западной Европе принято считать, что неолит начался с овладения навыками первобытного земледелия и скотоводства. Изготовление глиняных сосудов в лесной полосе Восточной Европы началось раньше перехода к производящему хозяйству.

В позднем неолите глиняных сосудов изготавливалось значительно больше, обжиг их улучшился, форма и размеры стали более разнообразными, орнаментация усложнилась. Этот период ознаменовался расширением ассортимента каменных орудий, распространением новых способов обработки. Количество поселений значительно возросло, а их размеры увеличились. Некоторую роль в экономике первобытных общин стал играть межплеменной обмен. Заметно усилились заимствования в материальной культуре.

Наиболее важным явлением этого периода было продолжавшееся несколько столетий преобразование присваивающего хозяйства в производящее. Началась так называемая «неолитическая революция» — переход к скотоводству и земледелию, повлекший разложение первобытнообщинного строя. Скотоводство и земледелие в лесную полосу Европейской части Союза проникли с юга. Благодаря этому дикие собиратели даров природы превращались в производителей пищи. Поэтому неолитическая эпоха на белорусской земле может быть названа и эпохой начавшегося овладения навыками скотоводства и земледелия.

Изменения в способе ведения хозяйства повлекли перемены в общественном строе обитавших здесь племен. Матриархат достиг в неолите зрелых форм парной семьи, рода, племени, предстал как наивысшая организация общества в условиях господства присваивающих форм хозяйства, первобытнообщинной собственности и коллективного труда. Эти процессы шли параллельно со сложением крупных этнических общностей (племен), занимавших значительные территории.

1. ХОЗЯЙСТВО И ПОСЕЛЕНИЯ

Природные условия. В эпоху неолита, как и прежде, жизнь человеческих общин находилась в огромной зависимости от естественно-географических условий. Их хозяйство было приспособлено к присвоению готовых даров природы, а поселения располагались в таких местах, где были наиболее удобны рыболовство, охота и собирательство.

Сеть рек к этому времени уже сформировалась и имела современные очертания. Удобные места для поселения представляла первая надпойменная терраса. Закончилось развитие высокой поймы или надпойменной террасы, и некоторые места ее настолько подсохли, что стали пригодными для обитания. Лишь у северных рек ее формирование продолжалось. Образовались широкие поймы в долинах рек Поднепровья, Понеманья, в бассейнах Припяти и Западного Буга с их многочисленными озерами-старицами — результатом меандрирования рек.

В заболоченных понижениях Полесья сохранялось довольно много озер, частично проточных. Более двух тысяч озер насчитывало Белорусское Поозерье. Озера располагались здесь в понижениях среди морен молодого ледникового рельефа. Они, как правило, были связаны протоками между собой и с реками бассейна Западной Двины.

Реки в эпоху неолита были более полноводными, а их сток осуществлялся равномернее. Он не имел больших колебаний, в частности бурных весенних половодий. В свою очередь и озера имели большую площадь, так как спуск вод реками сказывался еще мало, а заторфованность берегов не достигала нынешних размеров.

К IV тысячелетию до н. э. установился теплый и очень влажный климат, характерный для позднего атлантического периода. Уровень водоемов достигал в это время наибольшей величины. Постепенно климат ста-

новился все более сухим и умеренным. Наступил суббореальный климатический период, который продолжался в течение III—II тысячелетий до н. э. и сопровождался пересыханием водоемов, а иногда и образованием прослоек сильно разложившегося торфа.

На Балтике продолжало развиваться теплое литориновое море, которое в самом конце эпохи превратилось в море лимнеа. Полагают, что в конце атлантического периода произошла третья трансгрессия литоринового моря, в середине суббореального периода — четвертая. В промежутках между ними были регрессии, которые сопровождались усиленным врезанием рек Балтийского бассейна.

В связи с наиболее благоприятными климатическими условиями, существовавшими в эпоху неолита, теплолюбивая растительность максимально продвинулась на север. Смешанные дубовые леса произрастали на всей территории нынешней Белоруссии. На юге появились даже теплолюбивые граб и бук. Повсеместно распространились ольха и береза. Напротив, небольшая примесь ели попадалась лишь в северных лесах *.

Дремучие леса водораздельных пространств, обширные луга и огромные болота Белоруссии представляли приют многочисленным современным видам животных и птиц, большинство которых сохранилось до нашего времени. Благородный олень, лось, тур, зубр, кабан, медведь, бобр, косуля и другие животные были объектом охоты. Водоемы обладали несметным богатством рыбы, Сом, лещ, щука, судак и другие виды рыб вылавливались неолитическими рыболовами постоянно. Начиная с конца зимы, когда случались моры рыбы, и от начала таяния льдов до середины лета во время нерестов они наверняка могли добывать пищу сверх необходимой.

Более полное использование природных богатств, естественно, требовало расширенного производства орудий. Для этого, помимо кости и рога, использовались местные залежи мелового кремня и россыпи валунного. В верховьях Двины и Днепра на изготовление крупных орудий шел кремень воскового, реже темно-серого цвета. Из серого с крапинками кремня вырабатывались орудия на поселениях Среднего Посожья. Крупные орудия в бассейнах верхней Припяти и Немана изготавливались из местного полосатого и серого кремня. На остальных территориях использовался разноцветный валунный кремень. В северной части республики и в Центральном Полесье неолитические мастера были вынуждены в связи с отсутствием кремня чаще обращаться к другим породам камня, к рогу и кости.

В позднем неолите для изготовления крупных, тщательно обработанных с двух сторон изделий употребляли высококачественный меловой кремень. Его добыча осуществлялась открытым способом у обрывистых берегов Сожа, Беседи, Немана, с размытой поверхности меловых залежей на реке Ясельде. Для этой же цели закладывались шахты, обнаруженные пока только у городского поселка Красное Село, на реке Россь в Волковысском районе (рис. 25).

Благоприятным условием ведения неолитического хозяйства было и то, что на территории современной Белоруссии повсеместно, исключая лишь некоторые полесские районы, встречались залежи различных глин и суглинков — сырье для изготовления сосудов.

Известно около 500 поселений эпохи неолита, причем 4/5 этих поселений сконцентрировано в долинах рек бассейнов Припяти, Сожа и Немана. По-видимому, это объясняется не столько недостаточной изучен-

* Эпоха неолита приходится на время климатического оптимума — наиболее благоприятного климата.

Рис. 25. Вид па неолитическое поселение у озера Литвин, близ деревни Юревичи Калинковичского района (верхний снимок). Шахты вблизи г. п. Красное Село (Красносельский) Волковысского района

ностью северной Белоруссии, сколько особенностями расселения древних племен *.

Поселения. Условия, которым должны были удовлетворять места расположения поселений в эпоху неолита, определялись, как уже отмечалось, необходимостью вести присваивающее рыболовческо-охотничье хозяйство. Как правило, заселялись места, близкие к водоему, удобные для рыбной ловли, которые настолько возвышались над поймой, что их обычно не заливало при весенних разливах. Они были достаточно удалены от болотных массивов, изобилующих носителями массовых заболеваний, защищены от господствующих холодных ветров.

Наряду с этим при выборе мест поселения принимались во внимание наличие поблизости необходимого сырья — глины и кремня и степень защищенности от неожиданных нападений иноплеменников.

Излюбленные места обитания располагались неподалеку от крупных и средних рек при впадении в них мелких речек, около озер-стариц или протоков, соединяющих озера у устьев или истоков рек, впадающих или вытекающих из них, на берегах рыбных озер, в местах, где береговая линия наиболее изрезана. Наибольшее количество древних поселений группировалось в тех местах долин, где пойма широка, есть многочисленные озера и речки.

За прошедшие тысячелетия многие из этих озер заболотились и превратились в торфяники. Русла рек отступили от мест древних поселений. Отдельные участки первой надпойменной террасы покрылись слоями торфа, и под ними оказались культурные горизонты неолитического времени. Тем не менее и сейчас без труда определяется древняя береговая линия, к которой были приурочены поселения неолитической общины.

Места расположения древних поселений, кроме того, имели и местные особенности. В Полесье, где надпойменные террасы рек плохо выражены, а вторая терраса обычно отстоит от русла на десятки километров, подавляющее большинство неолитических поселений было размещено на первой террасе, возвышенных участках поймы и на песчаных дюнообразных всхомлениях. Однако в верховьях Припяти для этой цели использовались и низкие моренные бугры, нередко встречающиеся здесь вблизи водоемов.

Первобытные рыболовы и охотники Посожья предпочитали селиться по широкому пойменному левобережью, где и сконцентрировано около 4/5 всех поселений. Напротив, в долинах Немана и Двины неолитические общины облюбовали себе места на первой или на второй надпойменной террасе, а иногда даже на мысовидных участках коренного берега или на краях моренных возвышенностей, близко подступающих к водоемам. При этом в Поозерье они гораздо охотнее сооружали свои поселки у береговых линий озер.

Поселения эпохи неолита обычно размещались невысоко, на 2—3 метра выше уровня водоема. Исключение составляли лишь те из них, которые располагались на дюнообразных всхолмлениях или на коренных берегах. Часть таких поселений, возможно, следует относить к IV тысячелетию до н. э., когда уровень воды в водоемах значительно повысился.

Верхние слои почвы на территории древних поселений разрушены во время распашки и последующей эрозии. Торфяниковые поселения вскрываются при прокладке осушительных канав. Поверхность дюнообразных

* В пределах республики на территории Припятского Полесья выявлено 156 поселений, на берегах Днепра—47, по Сожу и Беседи—114, на Немане, Щаре и Вилии—103, вдоль Березины—12, в левобережье Западного Буга—24 и, наконец, в Подвинье—16. (См. В. Ф. Исаенко. Археологическая карта Белоруссии, вып. I. Памятники каменного века. Минск, 1968).

песчаных всхолмлений, как правило, денудирована, значительные участки почвенного слоя уничтожены, а песок подвергается перевеванию. Именно поэтому те находки, которые содержались прежде в культурном слое поселения, оказываются на поверхности. В некоторых местах обнаруживаются десятки кремневых орудий, сотни отщепов кремня, пластин и нуклеусов, сотни обломков глиняных сосудов, порой встречающиеся скоплениями. Изделия из кости и рога, напротив, в песчаных почвах не сохранились. Материалы, собранные на местах поселений эпохи неолита и полученные при раскопках, позволяют судить о характере материальной культуры различных племен.

Производство и применение орудий. Для производства орудий в эпоху неолита, кроме кремня, использовались другие породы камня, кость, рог, дерево, а также иные материалы. Кремень был основным поделочным материалом. Те же приемы обработки кремня, которые процветали в мезолите, продолжали с успехом применяться в новую историческую эпоху. Техника получения тонких правильно ограненных пластинок, как и ранее, отличалась большим совершенством. На юге и юго-востоке она была основой, на которой развивалось производство микролитических орудий. Однако постепенно все большее значение приобретали техника получения тонких широких отщепов, плоское ретуширование, состругивание *.

В среднем неолите распространилась двусторонняя обработка лезвий и краев орудий. Поверхности некоторых из них подвергались сплошной ретушировке. Ретушь краевая двусторонняя, притупливающая, заостривающая или состругивающая, крутая или плоская, широко применялась мастерами новокаменной эпохи. Лезвия рубящих орудий стали шлифовать.

Наконец, в позднем неолите приемы тщательной отжимной ретуши стали употреблять для отделки поверхности некоторых типов кремневых изделий, а пильчатой ретуши — при обработке краев. Рубящие орудия, которые изготовлялись уже не только из кремня, но и из других пород камня, часто шлифовались, а то и полировались по всей поверхности. В конце периода появились первые сверленые топоры и мотыги. Наивысшего уровня достигло производство составных каменных орудий. Древние мастера применяли различные способы крепления наконечников и топоров к древкам и рукоятям — торцовый, боковой, с помощью роговых муфт, боковых перехватов, высверлин и т. п. При изготовлении орудий в строгой последовательности, они применяли ряд технологических операций, из которых слагался единый производственный процесс.

Для неолитической техники характерны, с одной стороны, совершенство некоторых изделий и их узкая специализация, а с другой—массовое изготовление однотипных орудий с наименьшей затратой труда и времени. Последнее достигалось либо путем менее тщательной отделки орудий, ограничением числа рабочих приемов до минимума, либо созданием так называемых комбинированных орудий, имеющих двойное или даже тройное предназначение (резцов-скребков, ножей-скобелей, скребков-скобелей, наконечников-сверл-ножей и т. п.). И та и другая черты производства объясняются, вероятно, развивавшейся к концу неолита специализацией части общинников, появлением древних умельцев, лучше других владеющих техникой добычи и обработки кремня.

Орудия изготовлялись, как правило, на территории самих древних поселений. Специальные места, в которых осуществлялась первичная обработка кремня и отбивались заготовки для будущих орудий, так называемые мастерские, появились только в конце эпохи. Они размещались

* Снятие тонких чешуек кремня.

вблизи мест добычи высококачественного мелового, а также валунного кремня. В это время кремневое сырье, вероятно, как и полуфабрикаты, превратились в предмет обмена.

Мастерские существовали на реке Росси, притоке Немана, недалеко от красносельских кремнедобывающих шахт. Крупные мастерские были обнаружены у деревни Даржи Лидского района (Боркова Гора), по правому берегу Немана ниже Гродно, восточнее деревни Ополь на Ясельде, возле деревни Журавель в Посожье.

В ранненеолитических комплексах орудий, по видимому, происходили лишь количественные изменения: увеличивалось число рубящих орудий, проколок, скребков, скобелей, вкладышей; уменьшалось количество резцов древних типов и орудий, изготовлявшихся из пластин, таких, как концевые скребки, наконечники стрел, скобели с боковыми выемками,

Как и в мезолите, поселения юго-восточной Белоруссии имели кремневый инвентарь, состоящий преимущественно из микролитических орудий. Напротив, многие свидерские и топоровидные формы орудий входили в материальную культуру ранненеолитических племен Понеманья и верхней Припяти.

В среднем неолите широко распространились двусторонне обработанные орудия: топоры, тесла и долота, наконечники стрел и дротиков. Из плоских отщепов в больших количествах вырабатывались установившиеся типы скребков, имеющих округлую форму, скребков с рабочим краем на расширенном конце, скобелей с вогнутым рабочим краем, проколок с жальцами на естественных заострениях, широких резаков или ножей, угловых резцов.

Полностью шлифованные клиновидные топоры, тесла и долота, имевшие линзовидное или овальное сечение, появились в поздненеолитическое время. На юге современной Белоруссии вошли в употребление большие кремневые серпы, частично приобретаемые путем обмена с племенами, обитавшими на Волыни. Изогнутые серповидные ножи появились у населения Понеманья, а короткие серпы или вкладыши к серпам — в бассейне Сожа. На юге находили широкое применение треугольные наконечники стрел, в бассейне Немана такие наконечники отличались разнообразием своих оснований. Зато в Поднепровье употреблялись главным образом наконечники листовидные и ромбические.

Хотя кремневый инвентарь поздненеолитических поселений обогатился новыми типами орудий, в нем оставались и древние мезолитические формы. По крайней мере до конца эпохи удерживались в хозяйственном быту пластинчатые формы наконечников (поселения Стрелица возле деревни Рудня Шлягинская Ветковского района, Веть-VI в Быховском районе, Литвин-II вблизи деревни Юревичи Калинковичского района), концевые скребки (Камень в Пинском районе, Добрый Бор в Барановичском), пластины с притуплённым краем и скошенным концом, овальные грубооббитые топоры (Добрый Бор, Камень, Лысая Гора возле деревни Апечки Столбцовского района), срединные и боковые резцы (Веть-VI, Лысая Гора), а также трапеции с крутой ретушью на боковых сторонах (Литвин-П, река Турья вблизи деревни Слободка в Калинковичском районе, Грудок у деревни Яремичи Кореличского района, Камень).

С помощью изготовленных орудий люди неолита вели лов рыбы, занимались охотой, обрабатывали камень, кости, рога, шкуры животных и дерево. При этом производительность труда благодаря усовершенствованию орудий возрастала иногда довольно значительно. Так, если прикрепление грубооббитого топора к рукояти повысило эффективность работы в 4 раза по сравнению с ручным топором, то шлифование и рационализация закрепления подобных орудий утроили производительность

труда. Усовершенствование лука и стрел облегчило промысел, обеспечило точность стрельбы, значительный запас стрел. Улучшение орудий и методов обработки древесины давало древнему рыболову долбленые челны, различные рыболовецкие сооружения.

Изготовление глиняных сосудов. Прототипы глиняных сосудов из кожи, дерева, бересты, корзин, обмазанных глиной, у нас не сохранились, но существование их в предыдущие эпохи несомненно, так как есть этнографические аналогии. На глиняных сосудах, особенно ранних, с большей или меньшей отчетливостью заметно подражание им.

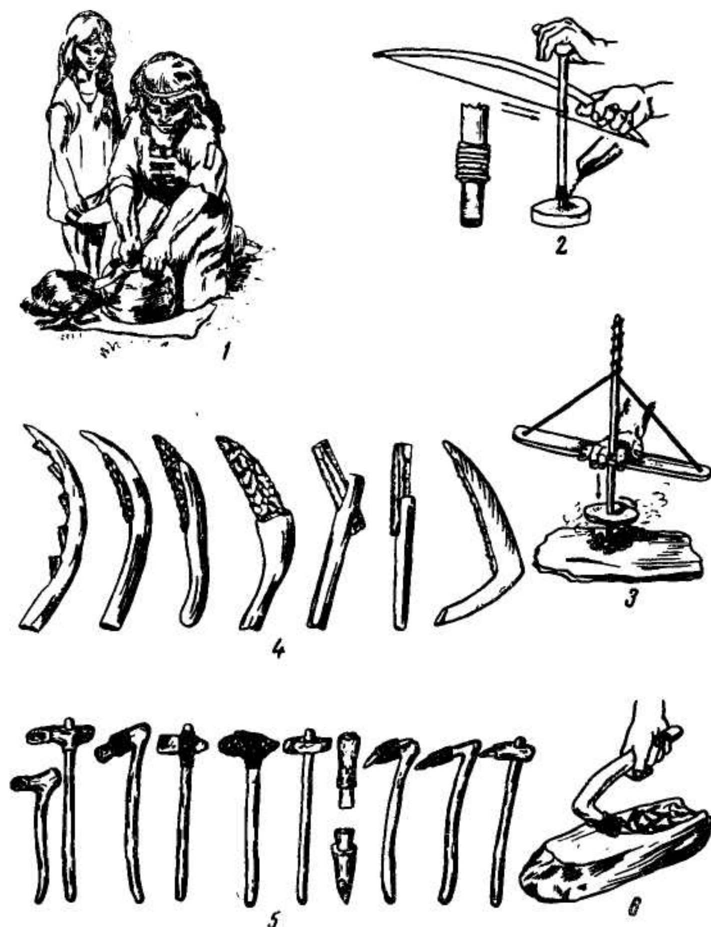

Рис. 26. 1 — лепка сосудов, *2—3* — приемы сверления (с подсыпкой песка), *4* — способы крепления серпов, 5 — крепление топоров и тесел, *6* — работа теслом

Сосуды начали изготовлять, по-видимому, одновременно в нескольких местах. Поэтому и технология изготовления древних сосудов различна. В глиняное тесто, из которого изготавливали сосуды, добавляли растительную или ракушечную примесь, толченый камень-дресву или песок. Из глиняных лент, которые скреплялись по-разному, лепились толстостенные остродонные сосуды, затем они подсушивались и обжигались на открытом костре. Плохая замешка теста и неравномерный, слабый обжиг были причиной того, что древнейшая керамика плохо сохранялась. Сосуды орнаментировались очень скудно. Остродонный сосуд, тяжелый и

громоздкий — немой свидетель оседлого образа жизни неолитической общины. Его удобно устанавливать в углублениях почвы, в песке, между камнями очага.

Постепенно приемы, с помощью которых изготовлялись глиняные сосуды, совершенствовались. В среднем неолите обе поверхности сосуда тщательно заглаживались гребенкой и глиняные ленты лучше сцепливались между собой методами торцового налепа или бокового прилепа. Были выработаны устойчиво соблюдающиеся формы сосудов, обладающие наряду с этим значительным местным своеобразием. В тесто чаще добавляли песок, кварц, толченый гранит или ракушки. Усовершенствовался обжиг. На сосудах появился богатый орнамент, тщательно нанесенный исполнителем. Это свидетельствует о большом значении орнамента (рис. 26, 29, 32).

Орнаментированный фрагмент керамики — страница древнейшей летописи. Орнаментация тесно связана с надстроечными явлениями. Она имела магическое, ритуальное значение и потому может быть отнесена к родо-племенным знакам, т. е. может служить этническим признаком. Прослеживается общая линия развития орнаментации — от сплошного покрытия стенок сосуда к зональному расположению орнамента и затем к расчленению орнаментации, сочетанию различных элементов и мотивов. Явных признаков заимствований на средненеолитической керамике еще не наблюдается.

В период позднего неолита в быту появились сосуды различного размера и назначения и усложненной профилировки. Орнаментация сосредоточивалась в верхней части изделия, распадалась на отдельные зоны и участки, которые разделялись свободными промежутками. Иногда эти зоны создавали правильную геометрическую композицию, обрамлялись иным орнаментальным элементом, чем тот, который заполнял зону. Появилась так называемая «кухонная» — почти не украшенная посуда и плоскодонные сосуды.

Нередко изменения в форме сосудов и появление иных орнаментальных мотивов объясняются заимствованием у соседних культур.

Археологическая культура. Под археологической культурой подразумевается исторически сложившаяся общность археологических памятников (поселений, могильников, мастерских и т. п.), которые занимали общую территорию, существовали примерно в одно и то же время (в одни исторические периоды) и обнаруживали единообразие материальной культуры. Последнее существовало в таком объеме и подробностях, которые не могут быть объяснены ни одинаковыми условиями существования, ни тем, что племена, их оставившие, находились на одном и том же уровне общественно-экономического развития. Таким образом, памятники, объединяемые в одну культуру, должны отличаться главным образом специфической орнаментацией керамики, украшениями, если последние имеют узкий ареал, особенностями погребального обряда, а также своеобразием производства и форм орудий и сосудов, особенностями расположения поселений, устройства жилищ, хозяйственной деятельности и т. п.[2] Такие черты материальной культуры развиваются в результате территориального обособления различных племенных групп на определенном отрезке времени [3] и соблюдения традиций предшествующих поколений.

Важнейший признак, по которому выделяется та или иная археологическая культура, начиная с неолита, есть характер ее керамики, в особенности форма и орнаментация сосудов. Инвентарь (т. е. набор орудий) — более динамичная сторона материальной культуры, чувствительная к межкультурной диффузии, заимствованиям и подверженная конверген-

ции*. Инвентарь в меньшей степени отражает надстроечные и этнические явления.

Единообразие материальной культуры населения, оставившего археологические памятники, наверняка свидетельствует о его этнической н языковой общности. Менее вероятно обратное положение. Археологическая культура эпохи неолита соответствует племени или группе родственных племен, говоривших на близких племенных языках [4].

Заимствования в материальной культуре сопровождались, несомненно, языковыми заимствованиями. Отсутствие первых свидетельствовало о том, что не было причин и для вторых. Иногда считают возможным говорить о генетически связанных культурах применительно к памятникам, оставленным одной и той же этнической общностью. При этом подразумеваются культуры, которые либо следовали одна за другой во времени, либо соприкасались в территориальном отношении. В большинстве подобных случаев, пожалуй, лучше было бы говорить или о различных этапах (стадиях) одной культуры, или о ее локальных вариантах. Выделение этапа или варианта возможно лишь при установлении внутри культуры круга памятников, у которых наряду с совпадением всех основных признаков существует ряд устойчиво сохраняющихся второстепенных признаков, не наблюдающихся у остальных ее памятников. Процесс формирования культуры идет параллельно с процессом ее распадения на локальные, по-видимому, племенные варианты. Вариант, развиваясь, может превратиться со временем в генетически близкую культуру. Археологические культуры имеют этапы развития, которые в основном совпадают с историческими периодами, но та или иная стадия (этап) может несколько опережать или отставать от общего уровня развития, т. е. заканчиваться раньше или позднее соответствующего периода. Этап культуры при определенных условиях превращается в культуру-преемницу.

2. НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

Области распространения. Накопившиеся к 20-ым годам данные позволили очертить обширную область распространения сосудов, украшенных ямочными и гребенчатыми орнаментами. Она охватывала лесную полосу и север Восточной Европы, и именно здесь размещались предки финно-угорских племен.

Советские исследователи полагали, что современные этнические общности являются образованием сравнительно позднего времени, и внимание их поэтому в большей степени было приковано к общественно-экономическим вопросам, внутреннему развитию общества и, что особенно важно, к критике теории миграций (переселений), с помощью которой буржуазные ученые пытались объяснить все изменения в материальной культуре. Преодолев ограниченность обеих точек зрения, советская историография поднялась в послевоенные годы на новую ступень.

Культура племен, украшавших свои сосуды оттисками гребенки и ямками, как оказалось, не была единой. Прежде всего в Поднепровье начала обрисовываться зона гребенчатой керамики.

Большое сходство неолитических материалов Смоленщины с сожскими и теми, которые были обнаружены в Быховском районе, отмечалось А. Н. Лявданским [6]. К. Яжджевский проследил распространение гребенчатых орнаментов на обломках неолитических сосудов, встречающихся

* Независимое появление в составе культуры, вызванное одинаковыми условиями существования и уровнем общественно-экономического развития.

на территории от северной Польши до Быховщины [7]. Большие обследования, которые провел в Посожье К. М. Поликарпович, позволили сделать вывод о том, что господствующей на сожских стоянках была керамика с зубчато-чеканным орнаментом, нанесенным сбоку. Аналогии для нее были найдены на обширной территории, начиная от Новгорода до Донца. Напротив, керамика с ямочными орнаментами, которая также присутствовала на неолитических поселениях Посожья, сближалась с волго-окской [8].

В 1932 г. А. Н. Лявданский констатировал распространение гребенчатой керамики в неолитическую эпоху по всей территории Восточной Белоруссии [9]. Обобщив имеющиеся данные, М. Е. Фосс выделила в 1952 г. особую группу памятников, расположенных западнее верховий Десны и Волги. Они отличались от восточной группы памятников преобладанием гребенчатых орнаментов на сосудах [10]. А. Я. Брюсов рассматривал отдельные области, из которых верхневолжская имела ямочно-зубчатую керамику, северо-западная, или белорусская, — зубчатую и, наконец, южнобалтийская, включая Калининградскую область,— ямочную керамику [п].

Наконец, в 1958 г. А. Гардавский отделил от верхнеднепровской область распространения западной керамики с преобладающими гребенчатыми орнаментами. Она простиралась на востоке до устья Десны и линии, проходящей вдоль бассейна Немана, а на западе — до устья Одера и Эльбы [12]. Культура с керамикой подобного «гребенчатого» типа в настоящее время называется днепро-эльбской или польско-украинской. Племена, оставившие ее, уже не считаются праугро-финскими.

В то же время Н. Н. Турина вслед за М. Е. Воеводским нашла необходимым выделить область распространения керамики с ромбическими деснинскими орнаментами. На севере и западе эта область доводиться ею до Днепра [13]. П. Н. Третьяков, возражая, проводит западную границу «деснинского варианта» волго-окской культуры значительно далее к востоку — по водоразделу между верховьями Днепра и Десны [14]. Разногласия вызваны тем, что границы, в которых употреблялась ямочно-гребенчатая керамика, на западе нечетки, есть переходные стоянки [15]. Кроме стоянки возле деревни Немыкари в Смоленской области [16], такие поселения нередки и на среднем Соже [17].

Изучение украинских памятников с керамикой, украшенной отпечатками гребенки, дало возможность Д. Я. Телегину выделить здесь особую культуру с гребенчато-накольчатой керамикой, названную днепродонецкой. Область, занимаемая этой культурой, по его мнению, протянулась широкой полосой с юго-востока на северо-запад, от степей Донца и Приазовья по крайней мере до низовий Десны и Сожа, а затем далее на север по Днепру и на запад вдоль Припяти [18]. Где-то на западе она должна была смыкаться с родственной ей днепро-эльбской культурой. Верхнеднепровские поселения также относились к зоне культур с различными вариантами гребенчатой керамики, которая охватывала не только Белоруссию, но и Валдай, Прибалтику, Польшу, север Украины [19].

П. Н. Третьяков намечает ареал, «где обитали племена верхнеднепровской неолитической культуры». Помимо верхнего Днепра, в него включаются бассейн нижней Десны, верховья Двины и Немана, нижняя Припять. Неманские памятники, так же как верхнеднепровские, по его предположению, должны быть особо выделены в составе западной неолитической области.[20].

На всем восточном п.обережье Балтийского моря, включая области, прилегающие к устьям Двины и Немана, изготовлялась типичная гребенчато-ямочная керамика, известная прежде по материалам территории

Финляндии [21]. Как далеко в зону гребенчатой керамики проникали прибалтийские племена, изготовлявшие такую керамику, не было известно до выявления поселения Скема на озере Нарочь, стоянки Береща в Лепельском районе и др.[22] Благодаря работам последних лет удается очертить с большей точностью, чем прежде, области распространения различных неолитических культур и их вариантов.

Параллельно с изучением керамики, находившейся в обиходе неолитических племен, шло исследование кремневого инвентаря.

Среди исследователей XIX столетия господствовало мнение, что в эпоху неолита использовали лишь шлифованные каменные орудия. Так называемые «отбойные» орудия считались палеолитическими. Е. Р. Романов разделял эти взгляды еще в 1910 г.[23] В. Шукевич же понимал, что на неолитических поселениях употреблялись и те и другие [24].

При этом продолжали изготовляться многие мезолитические типы орудий. К- М. Поликарпович, как несколько ранее и Л. Савицкий, подчеркивал, что «некоторые типы инвентаря тарденуаза встречаются в неолите».

Положение М. Я. Рудинского о том, что неолит днепровского Надпорожья развивается на базе эпипалеолитической, сохраняя ее черты на протяжении всего своего существования и оставаясь в оформлении кремневых орудий от начала до конца неолитом малых форм и микролитических изделий [25], в основном подтверждено последующими исследованиями, в том числе и проведенными по юго-востоку республики.

Иначе обстояло дело в Понеманье. Искусственно отделив тарденуазскую культуру от кампиньи, В. Антоневич предполагал, что «неолитическая цивилизация с востока поглотила эту (тарденуазскую) культуру, морфологические элементы которой прослеживаются в новых индустриальных комплексах». В свою очередь кампиньи проникло в Литву из районов, лежащих южнее [26]. Но в Литве, как оказалось, нет отдельных «кампинийских» и «тарденуазских» комплексов, а есть единая микро-макролитическая культура, с которой непосредственно связаны и ранние неолитические памятники [27].

Накапливается все больше данных, свидетельствующих о преемственности неолитических культур по отношению к культурам эпохи мезолита. Для некоторых из них эта преемственность может считаться доказанной, как например, для культуры гребенчато-накольчатой керамики Полесья [28].

В результате сосуществования культур макролитов и микролитов возникла, вероятно, деснинская культура, а стоянки позднего мезолита Литвы переросли в культуру «гребенчатой керамики» [29].

В среднем неолите материальная культура отдельных групп племен имела еще более заметные различия. Вероятно, усилилось языковое обособление. Сложилась большая этнокультурная область родственных племен, изготовлявших разные виды гребенчатой керамики. В состав этой области входила и большая часть нынешней территории Белоруссии (рис.27).

Верхнеднепровская культура с керамикой, которую целесообразнее всего назвать гребенчато-ямочной, охватывала бассейн реки к северо-востоку от Друти и Ипути.

Территория Центрального и Восточного Полесья, как и среднее Поднепровье, была областью поселений с гребенчато-накольчатой керамикой. В основном их следует отнести к припятскому варианту днепро-донецкой культуры.

Бассейны Немана, Щары и Ясельды входили в ареал неманской культуры, достигшей верхней Припяти.

К северу от Вилии, верховий Березины и Днепра, т. е. главным образом в бассейне Западной Двины, неолитическое население, гораздо более редкое, чем на юге Белоруссии, изготавливало два вида керамики, широко известные на поселениях Прибалтики — типичную гребенчато-

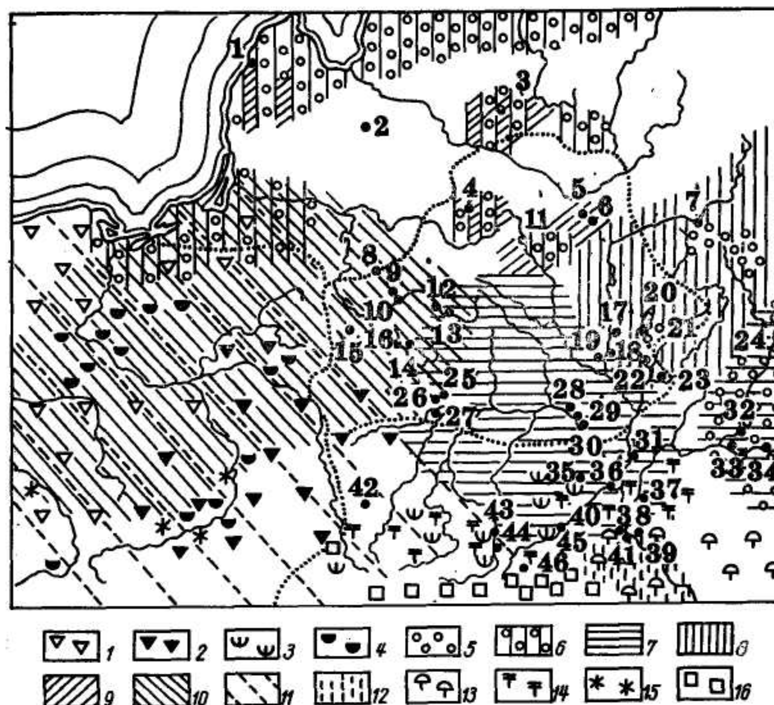

Рис. 27. Племена эпохи неолита. Условные обозначения: *1* — племена восточной группы культуры воронковидных кубков, *2* — племена южной группы культуры воронковидных кубков, *3*— племена волынской группы культуры шаровидных амфор, *4* — племена позднего этапа культуры шаровидных амфор, 5 — племена яыочно-гребенчатой керамики восточного типа, *6* — племена прибалтийской «типичной» гребенчато-ямочной керамики, 7—племена культуры гребепчато-накольчатои керамики, *8*— верхнеднепровские племена с гребенчато-ямочной керамикой, *9* — севере белорусские племена с пористой керамикой, *10* — племена иеманской или «•днепро-эльбекой» культуры с гребенчатой керамикой, *11* — племена культур шнуровой керамики, *12*—племена раннего этапа среднеднепровской культуры, *13* — племена ямной культуры, *14*—позднетрипольские племена, *15* — поселения с «праменистой» керамикой, *16* — трипольские племена.

Поселения: 1—Сарнате, 2—Двиете, 3—Лубана (озеро), 4—Никольцы (Скема), 5—Осовец (р. Кривина), 6—Головск (р. Кривина), 7—И. Немыкари, 8—Дубичай, 9—Даржы (Боркова Гора), 10—Гончары (х. Бор), I I — Заценье (р. Цна), 12—Яремичн (Грудки), !3—Апечки (Лысая Гора), 14—Добрый Бор, 15—Красное Село (шахты;, 16—Русакове (Завила), 17—Веть (оз. Становое), 18—Ходосовичи (оз. Хоршово, Мошка, оз. Дедное), 19—Лучин (Завалье, Иванское, Сосонка, Борок, Борок Семинский), 20—Сябровичи (Липов Брод, Бурьяка), 21—Залесье (Остров), 22—Рудпя Шлягилская (Стрелица, Чачуровка), 23—Романовичи, 24—Брянск (Черепеньки), 25—Камень (р. Бобрик), 26—Бокиничи, 27—Теребень, 28—Мозырь (Пхов), 29—Юревичи (оз. Литвин), 30—Слободка (р. Турья), 31— Мнево (Лес), 32—Очкино (Мыс Очкинскпй), 33—Погореловка (Эсмань), 34—-Скупсово. 35—Коленськое (Моства), 36—Горностайполь (Грипи), 37—Евминка, 38—Бортничи, 39—Софиевка. 40—Гатно, 41 —Стретовка, 42 —Зимне, 43— Войцеховка, 44—Колодяжно, 45—Городок, 46—Райки

ямочную н пористую (разновидность гребенчатой или нарвекой). Здесь существовали соответственно и две различные археологические культуры.

Эта картина расселения племен в эпоху неолита на территории Белоруссии, однако, будет неполной, если не отметить признаки проникнове-

ния племен с восточной ямочно-гребенчатой керамикой (деснинского варианта) в бассейн Сожа, распространение племен культуры воронковидных кубков в междуречье Западного Буга и Ппипяти с Ясельдой.

Культура гребенчато-накольчатой керамики племен Полесья. Область, которую занимали полесские племена, простиралась от рек Бобрик и Стырь, притоков Припяти, до нижнего Сожа и от Березины до днепро-донецкого междуречья.

Только в пределах белорусского Полесья известно около 140 поселений указанной культуры. Одним из наиболее заселенных участков было нижнее течение Припяти от Мозыря до деревни Мосаны Хойникского района. Здесь на протяжении 90 км по прямой насчитывалось не менее 39 памятников. Скопления поселений были выявлены в левобережье Припяти: против Мозыря — 5, вблизи Юревичей Калинковичского района — 8, на Туровщине — 9.

Местные памятники характеризовались широкогорлыми остродонными сосудами, изготовленными из теста с растительной примесью. У них были прямые или слегка отогнутые наружу венчики, нередко скошенные наружу и утолщенные в нижней части. Коническая часть сосудов часто по высоте превышала их верхнюю, цилиндрическую часть, причем на месте перехода образовался крутой изгиб, а донышко имело острый угол в сечении.

Сосуды украшались главным образом отпечатками гребенки и наколами. Как правило, система орнаментации была расчленена на зоны и сосредоточивалась в верхней части поверхности, на изгибе и донышке. Края сосудов нередко были волнистыми, снабжались вмятинами и ямками.

Инвентарь по-прежнему сохранял микролитические традиции. Наряду со многими типами микролитов в его составе появились траншевидные топорики и тесла, треугольные наконечники стрел, резаки. Изменилось соотношение типов орудий в пользу плоских округлых скребков и скребков на отщепах, скобелей, пластинок с зубчатым краем (рис. 28).

В раннем неолите было больше прямостенных сосудов, изготовлявшихся из теста с обильной растительной примесью. Их венчики не утолщались, а донная часть заполнялась глиняной массой. Хорошо заглаживалась только наружная поверхность, а внутренняя нередко сохраняла расчесы. Орнаментация была скудной и состояла из горизонтальных полос гребенчатых отпечатков, широких вмятин, редких наколов, прочерченных в виде косой сетки линий да ряда цилиндрических ямок, подчеркивающего венчик.

Позднее сосуды все чаще изготавливались из глиняного теста с примесью песка, кварца, а то и дресвы или ортштейна. Они начали приобретать и более сложную профилировку — отогнутый венчик, подобие шейки, излом стенок, уплощенные донышки. Постепенно стали преобладать накольчатые орнаменты, а не гребенчатые, широко распространились скорописные наколы *, «лапчатые» орнаменты **, а в меньшей степени лунчатые ямки, насечки, прямоугольные вдавления.

Орнаментация расчленялась на зоны, чередующиеся со свободными промежутками. Те и другие нередко принимали треугольные и ромбические очертания, иногда прямоугольные. Горизонтальные узоры, опоясывающие сосуд, были наиболее распространенными. Они дополнялись диагональными, а иногда и вертикальными рисунками (рис. 29).

* Скорописные наколы наносились палочкой, которая не отрывалась от поверхности. Наколы в рядах, палагаясь друг на друга, создавали бороздчатый след.

** «Лапчатый» орнамент выдавливался концом палочки, который предварительно обматывался крученой нитью, способом бокового накола.

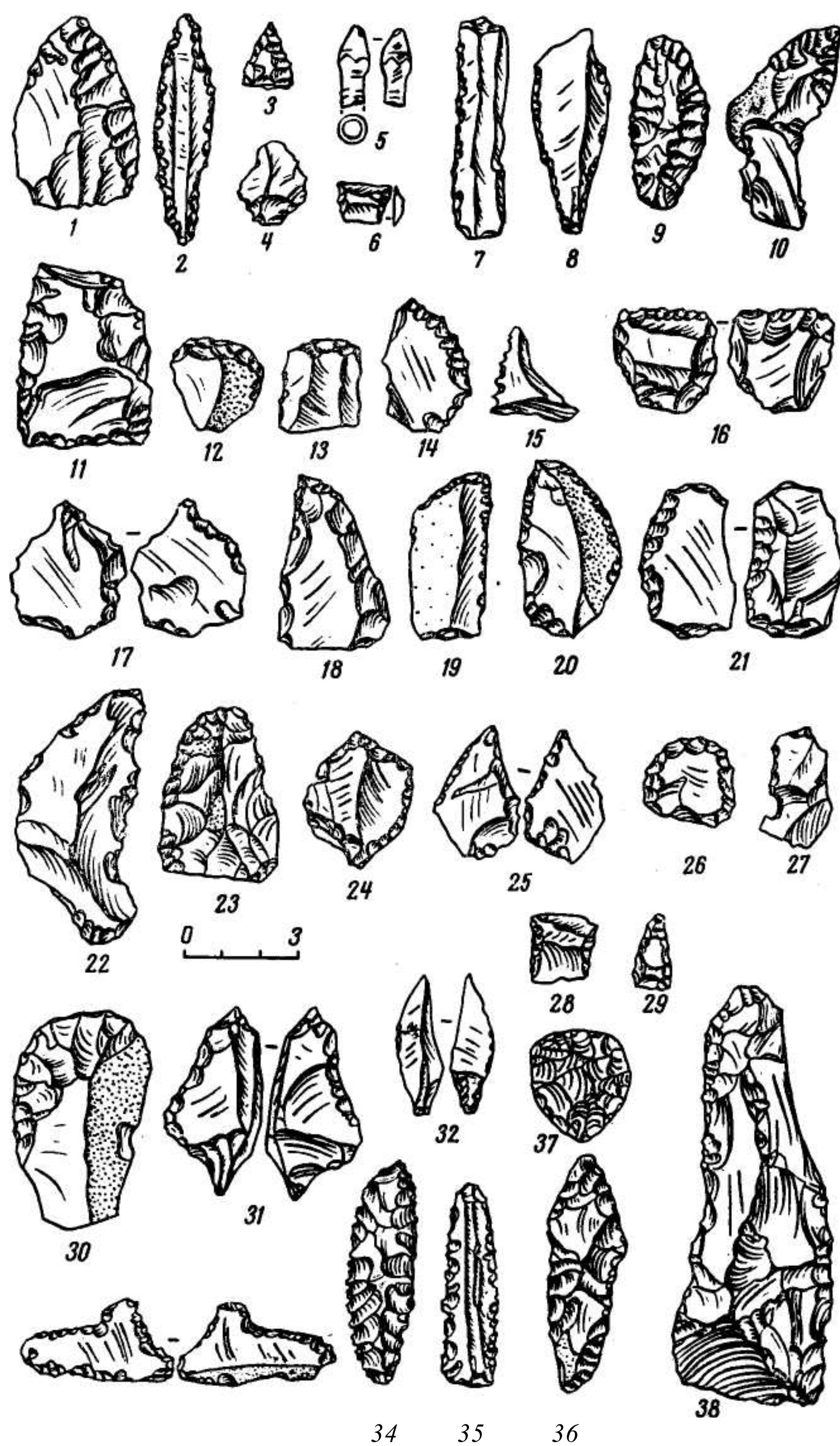

Рис. 28*. Орудия поселений восточного Полесья

* См. пояснение в конце книги.

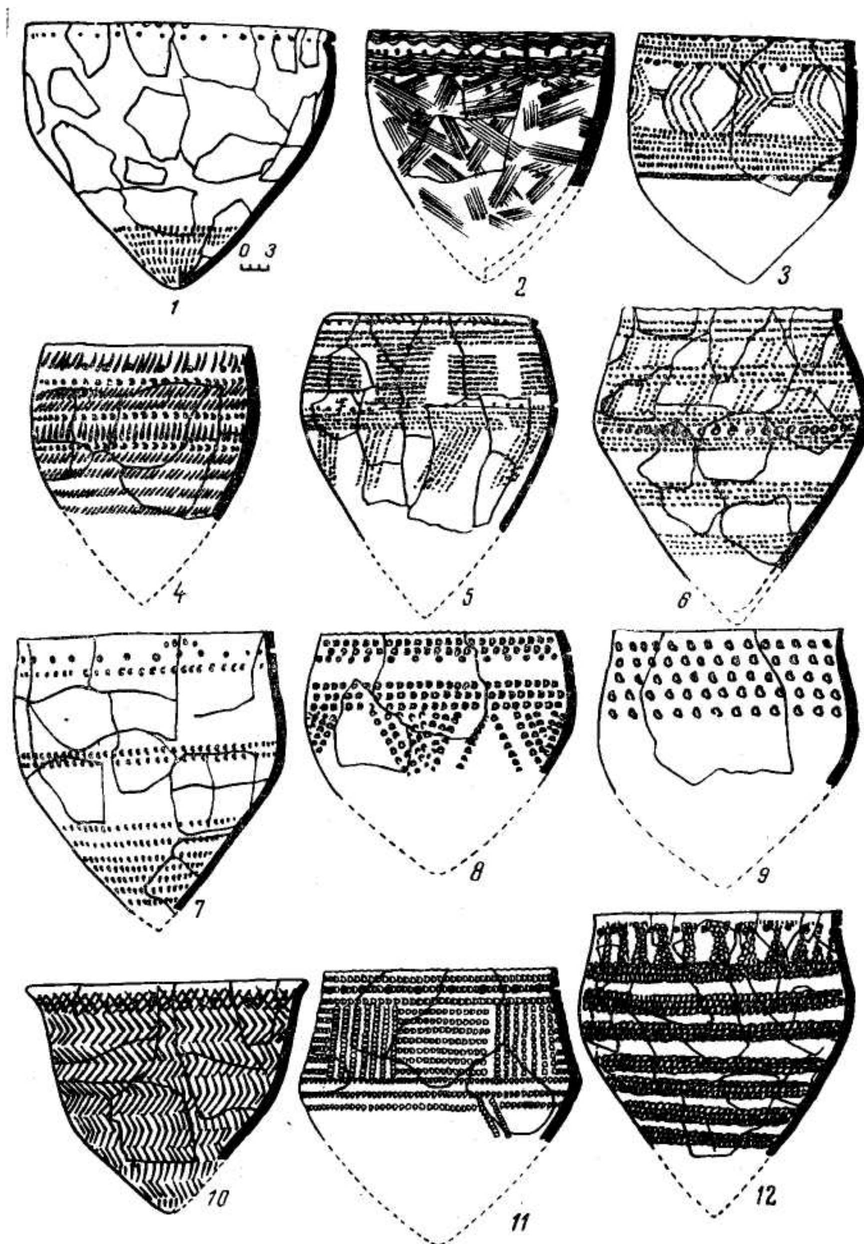

Рис. 29. Реконструкции сосудов с поселений на оз. Литвин возле Юревичей Калинковичского района *(1—7, 10, 11)*, около Мозыря (8, *9)* и близ д. Хвощевка в Хойникском районе *(12)*

Если в раннем неолите встречались еще тонкие пластинки и их сечения, пластинчатые наконечники стрел или сверла, боковые резцы, концевые скребки, микропластинки с притуплённым краем и трапеции с круто отретушированными сторонами, то в поздненеолитическое время больше употреблялись ножевидные орудия из широких плоских отщепов, угловые резцы, проколки одинарные и двойные на заострениях отщепов, скребки из расколотой кремневой гальки, концевые и боковые скребки и скобели на тонких огщепах. При обработке краев микролитов и скребков более широко употреблялась состругивающая ретушь. Нашли применение треугольные наконечники стрел и топорики как с двусторонней обработкой, так и только с краевой. Наконец, появились шлифованные орудия, серповидные ножи и вкладыши к серпам.

Длительное употребление микролитической техники обработки на поселениях Полесья, по-видимому, объясняется также скудностью месторождений кремня и поэтому более широким, чем на других территориях, производством орудий из кости и рога.

Известны лишь найденные на поверхности ранненеолитические материалы (Ломыш и Рожава Наровлянского района; Наровль; Борисовщина Хсйникского; Пхов под Мозырем; Новоселки и Дорошевичи Петриковского, Милошевичи Лельчицкого). Они были пополнены в результате проведения небольших раскопок (Струмель, Гастятино на севере Киевской области, Закота вблизи Юревичей Калинковичского района) [30], при которых были найдены скудно орнаментированные сосуды с невысоким коническим дном и цилиндрическими стенками.

Поздненеолитические комплексы получены при раскопках в Калинковичском районе вблизи деревень Юревичи и Слободка. Была выделена группа памятников типа Литвин, относящихся к III—IV этапам днепродонецкой культуры [31].

Два из них располагались на юго-западном берегу озера Литвин близ Юревичей, по-видимому, на останцах первой надпойменной террасы. В раскопе площадью 210 кв. м, который был заложен на поселении Лигвин-I, удалось обнаружить остатки углублявшегося в материк жилища овальной формы. Если судить по той его части, которая углублялась в землю на 0,7—1,0 м и имела размеры 3,6Х2,7 м, действительные размеры жилища были около 5,0Х3,4 м. В орнаментации сосудов господствовали накольчатые орнаменты.

На втором поселении (Литвин-П) были заложены раскопы общей площадью до 400 кв. м. Среди находок встретилось около 2000 обломков, принадлежащих 80 сосудам, и 450 кремней со следами обработки, десятая часть из них — это орудия. Гребенчатые виды орнаментов, нанесенные на шестой части всех обломков сосудов, несколько преобладали над накольчатыми. На поселении, по-видимому, было по крайней мере два наземных небольших жилища с очагами, выложенными камнями.

В слое с обломками гребенчато-накольчатых сосудов на поселении Литвин-Ш были найдены обломки горшков, принадлежащие шнуровой и многоваликовой керамике, что позволило конечную дату существования памятников подобного типа относить к первым векам II тысячелетия до н. э.

Раскапывались также поселения, расположенные на реке Турье и озере Бернатово вблизи деревни Слободка Калинковичского района и на берегу Припяти возле поселка Пхов под Мозырем.

Большой вклад в изучение культуры гребенчато-накольчатой керамики сделан украинскими археологами. Многие поселения этой культуры изучались на территории Киевской и Черниговской областей у границ Белоруссии. К их числу относится торфяниковая стоянка Мостава

вблизи деревни Коленьское под Коростенем, впервые давшая керамику, характерную для Волыни и южного Полесья [32]. Остатки небольшого жилища, слегка углубленного, с очагом в центре были вскрыты на поселении Вита-Литовская возле Киева [33]. В материале поселения Бузьки, кроме костей диких животных, найдены кости домашнего быка, домашней свиньи и собаки, роговая мотыга [34]. Изучение ряда поселений вблизи устья Припяти (Грини, Пустынка, Мнево) позволило объединить в северный (точнее полесский) вариант днепро-донецкой культуры памятники северной Украины (типа Пустынка-V) и юго-восточной Белоруссии [35] (типа Литвин). Смешение черт культур трипольской, воронковидных кубков, днепро-донецкой и ямочно-гребенчатой выявлено в материалах поздненеолитического поселения Мнево, датирующегося третьей четвертью III тысячелетия до н. э. Здесь же обнаружены остатки семи жилищ прямоугольной формы, которые имели размеры от 2,8х2 до 8,5х7,4 м. Внутри них овальные очажные ямы, а иногда и развалы сосудов, зернотерки, кремневые орудия [36].

На Украине известны и могильники племен, изготовлявших гребенчато-накольчатую керамику[37]. Вначале умерших хоронили в групповых погребениях, отрывая для этого большие овальные, а затем квадратные ямы. Покойников клали в вытянутом положении, засыпали охрой. В погребениях найдены украшения из зубов оленя, рыб, костяных пластин, нашитых на одежду, орудия из кремня, глиняные сосуды и т. п. Во второй половине IV тысячелетия до н. э. распространились одиночные погребения.

Неманская культура (бассейны Немана и верхней Припяти). На территории Белорусского Понеманья, в долинах Ясельды и верхней Припяти обитали неолитические племена со своеобразной материальной культурой. В ее состав входила керамика, представляющая разновидность гребенчато-накольчатой, хотя гребенчатые отпечатки занимали в орнаментации небольшое место.

Всего на западе республики известно около 120 поселений этой культуры. Из них 29 сосредоточено на сорокапятикилометровом участке долины Щары, между деревнями Шиловичи Слонимского района и Черленка Козловщинского. Памятники группируются у мест впадения небольших рек и особенно там, где есть песчаные всхолмления или близко к поверхности залегают меловые кремненосные породы. Так, возле деревни Понемонь Кареличского района найдено 5 поселений, неподалеку от Несиловичей Дятловского — 6, а в окрестностях деревень Погост-Загородский и Камень Пинского района — 20.

В последние годы в неманской культуре удалось выделить ранний и поздний этапы.

На раннем этапе неолитическое население пользовалось остродонными горшками желто-серого цвета с растительными примесями в тесте [3S]. В верхней части сосуды обычно сужались. Края венчиков в некоторых случаях слегка отгибались наружу, а донышко оттягивалось вниз. Внешние поверхности горшков хорошо заглаживались, а в некоторых случаях даже ангабировались жидкой глиной, изнутри они выравнивались с помощью зубчатого штампа.

На срезе венчиков встречаются неглубокие вмятины или насечки, а под венчиками — ряд глубоких круглых ямок. Орнамент состоит из насечек и оттисков гребенки, неглубоких ямчатых вдавлений различной формы, оттисков, нанесенных концом разлохмаченной палочки, наколов и прочерченных линий. Чаще всего узоры располагались горизонтальными поясами, причем прочерченные линии нередко образовывали сетчатые композиции. Орнаментация ранней керамики довольно изреженная.

Для ранненеолитического кремневого инвентаря наиболее характерны микролиты, свидероидные наконечники стрел, разнообразные скребки, в том числе и концевые, рубящие орудия, среди которых встречаются траншевидные топоры.

Одной из групп, которой представлен ранний неолит Понеманья, являются памятники типа Дубичай, изучавшиеся вблизи одноименной деревни в юго-восточной Литве [39]. Обломки сосудов и орудия этого времени обнаружены на поселениях Трахимовы Кусты и Бабинка, возле деревни Понемонь и Грудок, у села Яремичи Кореличского района.

К числу ранних относятся поселения, найденные над Ясельдой около деревни Заречье против города Березы, к югу от деревень Камень и Бокиничи Пинского района и в верховье Припяти, неподалеку от Сеньчиц. Заречненского района УССР.

В середине III тысячелетия до н. э. начался поздний этап неманской культуры, представленный памятниками типа Лысой Горы и Доброго Бора[40].

Поселение Лысая Гора расположено на краю первой надпойменной террасы правобережья Немана близ деревни Апечки Столбцозского района. На раскопанной площади (504 кв. м) обнаружено более четырех очагов, сложенных из камней.

При раскопках поселения Добрый Бор в Барановичском районе на возвышении, окруженном пойменными болотами Щары, было вскрыто около 1000 кв. м. Среди обнаруженных ям три, вероятно, являются остатками слегка углублявшихся в землю жилищ почти прямоугольной формы площадью не более 10—12 кв. м. В жилищах и вокруг десятка кострищ собрано свыше 430 орудий и 3 тыс. обломков сосудов [41].

Очажное пятно, яма, заполненная охрой, и скопление древних остатков были найдены при обследовании поселения Бор на мысу между долинами Немана и Дитвы, неподалеку от деревни Песковцы [42].

Из других поселений, которые раскапывались, характерно Яново вблизи деревень Низ, Русаково Слонимского района и особенно Камень в Пинском районе. Здесь была вскрыта площадь более 700 кв. м, причем в слое с культурными остатками сохранилось около 2 тыс. костей. Обитатели поселения охотились на дикого кабана, лося, тура или зубра, благородного оленя. Но у них уже были и крупный рогатый скот и, вероятно,, лошади, а в значительно меньшем количестве свиньи. Из рогов и костей изготовлялись топоры, пешни, тесла, долота, проколки [43]. Найдены амулет из клыка собаки, клинки из расщепленных клыков кабана.

Поздненеолитическое население применяло лепную глиняную посуду двух форм — горшки и миски. Горшки имели острые днища и профилированные стенки с выраженной шейкой. Миски были широкооткрытые со слегка загнутыми внутрь краями венчиков. Стенки сосудов, тесто которых обычно содержит растительную примесь и дресву, хорошо обожжены и имеют коричневую с серыми оттенками окраску. Внешняя поверхность их, как правило, хорошо заглажена.

Орнамент, которым украшались сосуды, состоял из различных наколов, или округлых или овальных вдавлений, прочерченных линий и очень редко гребенчатых оттисков. Все отмеченные элементы орнамента на керамике располагались горизонтальными поясами. Временами пояса прерывались. Изредка встречались наклонные и вертикальные композиции, а также зигзаги. На некоторых — более сложные волнистые и сетчатые узоры (рис. 30).

Очень характерен для поздней керамики способ формирования и украшения края сосудов. Изнутри под краем отогнутого венчика, а часто и с внешней стороны, чередуясь, наносились глубокие наколы, создаю

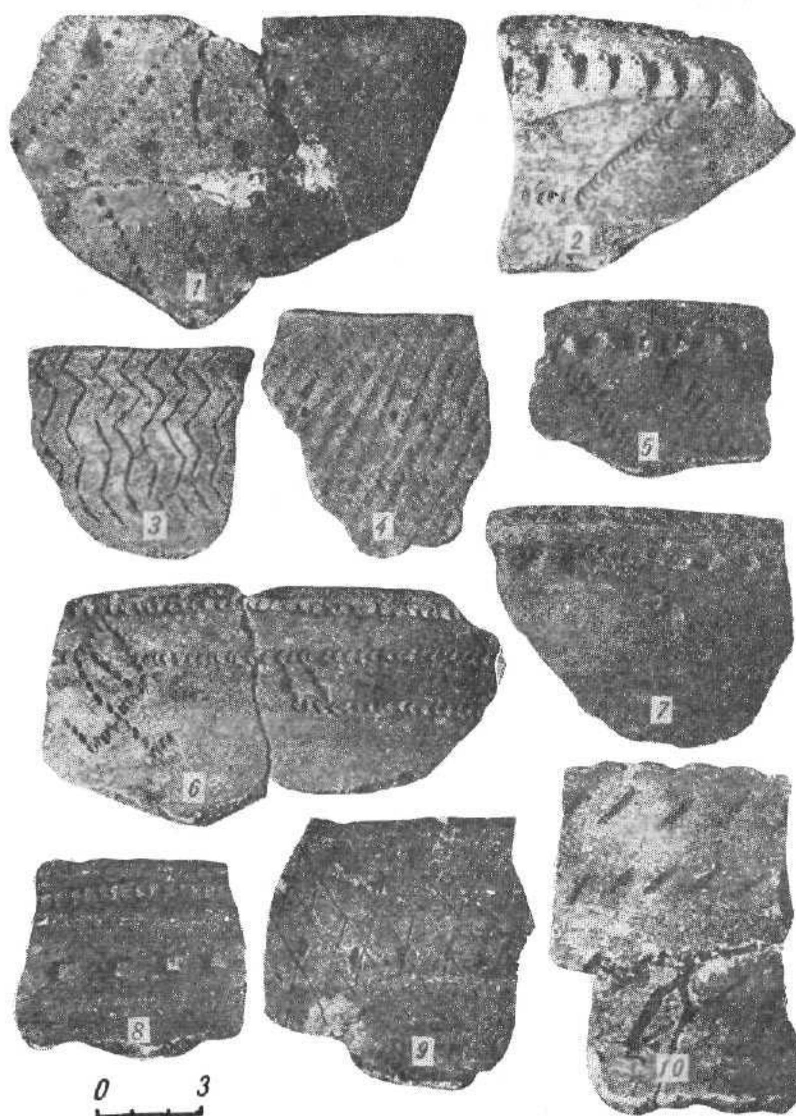

Рис. 30. Обломки поздне-неолитических сосудов поселений Понеманья (Добрый Бор)

щие выпуклости на противоположной поверхности. Это приводило к тому, что самый край венчика часто оказывался загнутым внутрь. Срез венчиков орнаментировался насечками или вмятинами.

На позднем этапе при сохранении многих ранненеолитических типов орудий получили распространение треугольные наконечники стрел с прямыми и вогнутыми основаниями, обработанные в большинстве своем лишь по краю; топоры с прямыми, порой шлифованными лезвиями; широкие серповидные ножи и зазубренные пластинки-вкладыши к серпам, каменные шлифованные топоры (рис. 31).

Сравнение материалов неманских поселений свидетельствует, что памятники типа Лысой Горы и Доброго Бора генетически связаны с ранненеолитическими памятниками этой территории [44].

Наиболее близкие аналогии материалам поздненеолитических поселений Западной Белоруссии встречаются в центральной и северо-восточной Польше [45].

Памятники производственного назначения — мастерские — имелись в ряде мест Понеманья, богатых кремнем, в частности на реке Росси, левом притоке Немана, вблизи шахт по добыче кремня, которые существовали в окрестностях городского поселка Красное Село.

Количество шахт, обнаруженных здесь в толще меловых отторженцев, превысило тысячу.

Изучено около ста шахт[46]. Они углублялись порой на 8—10 м, имели подбои и штреки, направление которых выбиралось в зависимости от залегания прослоек кремневых желваков. Устья шахт имели диаметр 1,2—1,8 м, а длина подбоев достигала 1,5—2 м. При проходке шахт использовались кирки из рогов оленя или лося. По-видимому, добыча кремня в шахтах получила широкое развитие в позднем неолите. Орудия из красносельского мелового кремня найдены в ряде поселений Понемаиья.

Культура гребенчато-ямочной **керамики племен верхнего Поднепровья.** До настоящего времени на территории верхнего Поднепровья выявлено около ста памятников с гребенчато-ямочной керамикой, из них особенно много в Посожье. Здесь на участке долины протяженностью в 110 км по прямой — от Славгорода до устья Беседи — найдено 70 поселений неолита. Как правило, они располагались группами. У Славгорода найдено 7 поселений, возле деревни Струмень Кормянского района — 5, столько же — вблизи деревень Сябровичи — Петрополье Чечерского района, в окрестностях деревни Рудня Шлягинская и Юрковичи Ветковского района — 6. По пяти поселений известно на Днепре в окрестностях деревень Ново-Быхов и Лучин Рогачевского района.

Верхнеднепровские неолитические племена изготовляли в развитом неолите широкогорлые толстостенные сосуды с коническим или яйцевидным дном, имевшие порой выпуклые бока, прямые или слегка сужающие: ся вверх стенки. Подобные сосуды вылепливались из теста, в которое чаще добавлялись песок и дресва, реже — растительная примесь. Можно предполагать, что высота донной части сосудов составляла не более трети общей их высоты (рис. 32:1).

Позднее у некоторых из них в нижней части венчиков появилось утолщение, напоминающее «воротничок». Венчик сосудов иногда стал отгибаться наружу, а донышко приобрело большую округлость. Сосуды стали значительно отличаться друг от друга размерами, высотой и формой дна.

Наиболее ранние памятники верхнеднепровской культуры были, по-видимому, синхронны II. этапу культуры днепро-донецких племен[47] или даже входили в состав гомельско-черниговской группы последней[48].

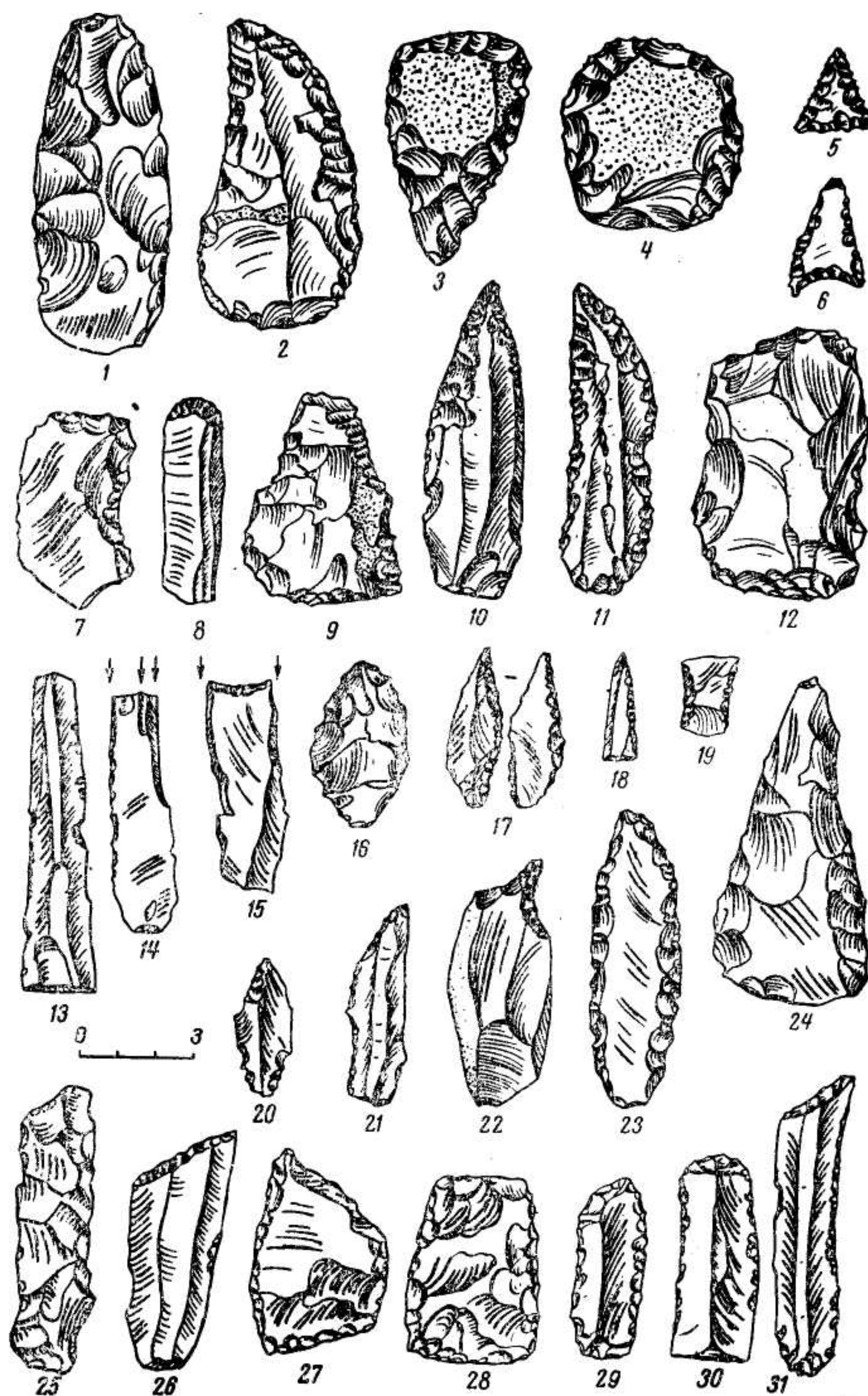

Рис. 31*. Кремневые орудия поселений Понеманья и верхней Припяти

* См. пояснение в конце книги.

Но именно в это время происходило расселение племен с ямочно-гребенчатой керамикой, благодаря чему образовалась широкая полоса соприкосновения, в которой встречались поселения с керамикой обеих культур. Эта полоса проходила от Донца по Сейму, через долину Сожа, затем вдоль левого берега Днепра, причем как будто выше Жлобина местами переходила на правый берег. Здесь сложились памятники типа Романовичей, материалы которых разнородны. К этому типу относятся в Чечер-

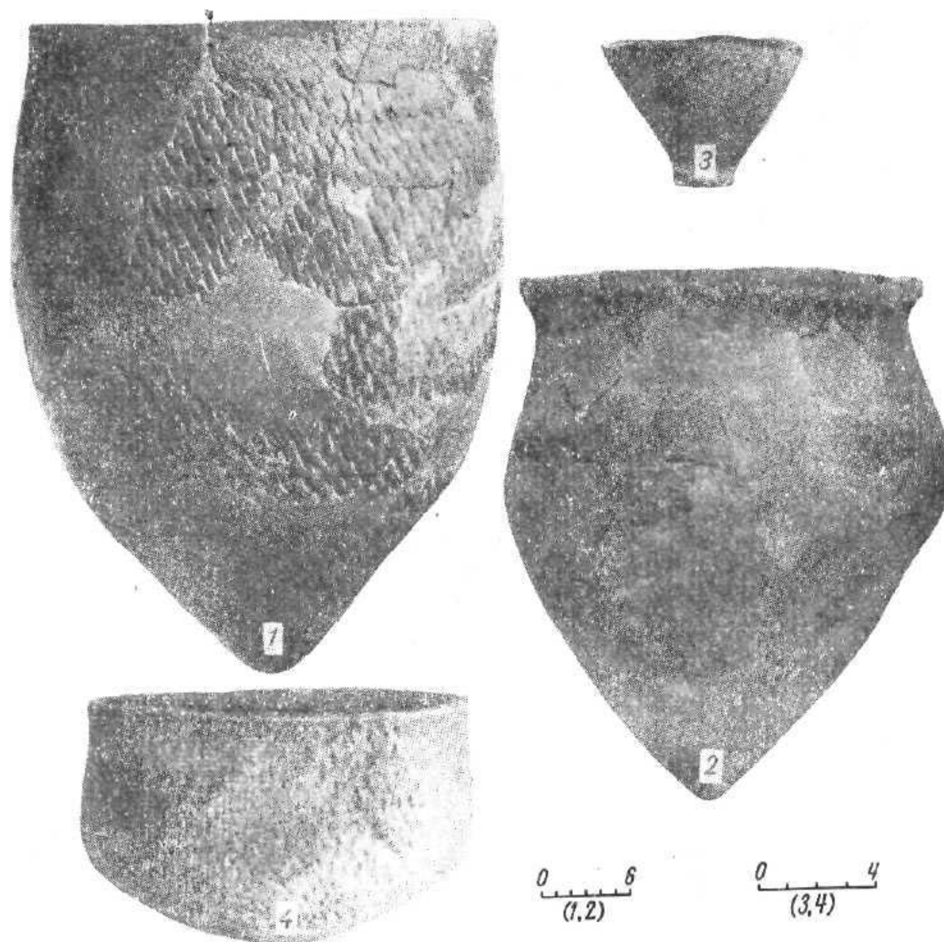

Рис. 32. Неолитические сосуды. 1 — Ходосовичи Рогачевского района, *3, 4* — Кривинский торфяник (стоянка Осовец-II), *2* — Апечки Столбцовского района

ском районе поселения Городок около деревни Залесье, Шепотовичи, Цыганский Бугор вблизи деревни Ухов, в Ветковском районе Чачуровка около деревни Рудня Шлягинская и др. Полагают, что наиболее чистый комплекс находок, характеризующий ранний этап верхнеднепровской культуры, дают Залесье и Шепотовичи.

Поверхность обломков сосудов, найденных здесь, была сплошь покрыта орнаментом, составленным из глубоких продолговатых ямок или оттисков крупной гребенки, в котором отсутствовала зональность Многие орнаменты составлялись из ямок различной глубины и очертаний. На посуде все же часто преобладала гребенчатая орнаментация (рис. 33).

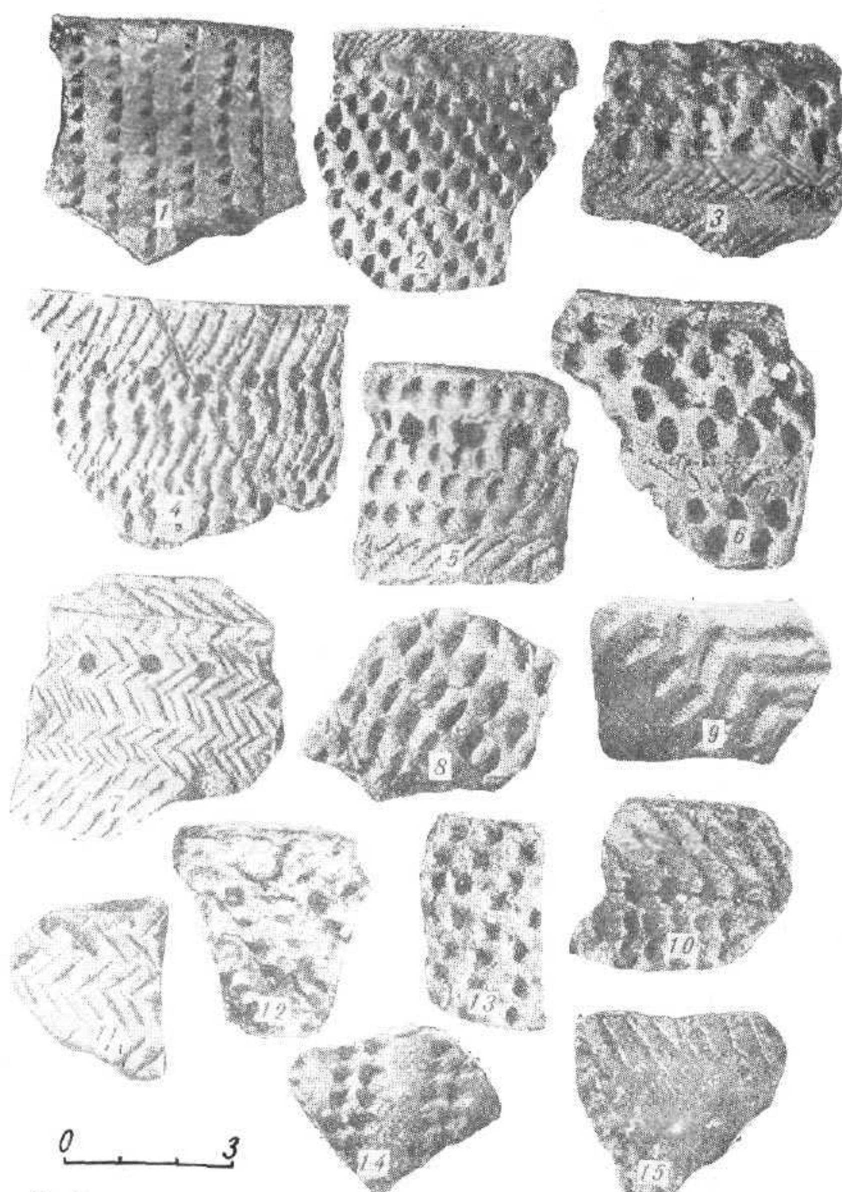

Рис. 33. Обломки неолитических сосудов с поселений Поднепровья (Стрелица)

Поздний этап культуры представлен памятниками, объединенными Д. Я. Телегиным в рогачевскую группу III этапа днепро-донецкой культуры. К числу наиболее характерных относятся поселения, раскапывавшиеся вблизи деревни Лучин Рогачевского района и, по мнению И. И. Артеменко, в урочище Стрелица, возле Рудни Шлягинской.

Хотя в их керамике увеличилось количество лапчатых орнаментов и узоров из различных ямок, гребенчатые орнаменты преобладали над теми и другими. Из оттисков гребенки составлялись сложные композиции.

Система орнаментации стала распадаться на зоны, которые приобрели вид ромбов, свисающих треугольников, зигзагов и, наконец, стали окаймляться.

Техника изготовления микролитов развития не получила. В инвентаре отсутствуют, в частности, геометрически правильные микролиты. В то же время в состав его входят другие мезолитические формы — макролиты.

Около половины орудий, которые были найдены при раскопках поселений, составляли скребки, а также скобели. Эти орудия изготавливались преимущественно на отщепах различной формы и толщины. Ножи — вторая наиболее распространенная категория орудий. Сюда входили тонкие пластины, обработанные отжимной ретушью по краю, режущие орудия из широких пластин или отщепов с заострением на конце, обработанным по краям плоской ретушью, и клювовидные резчики (рис. 34).

Примерно десятая часть инвентаря приходится на топоровидные орудия. Наиболее древний так называемый сожский тип топора имеет форму слегка вытянутого овала, двустороннюю оббивку, линзовидное сечение. Однако более распространены клиновидные узкообушные топоры и тесла продолговатой формы, имеющие выпуклые лезвия.

Типичные наконечники стрел листовидные, ромбические и черешковые, обработанные с двух сторон. Лишь в позднем неолите некоторое применение нашли треугольные наконечники.

К концу неолита распространились топоры, тесла, долота с пришлифованными лезвиями или полностью отшлифованные, серповидные ножи и вкладыши, отличающиеся от неманских.

Количество кремневых орудий на верхнеднепровских поселениях несравнимо больше, чем на стоянках нижней Припяти.

Среди десяти тысяч собранных вблизи деревни Романовичи изделий было 166 ножей, 135 скребков, 12 резцов, 23 проколки, 30 топоров, несколько наконечников стрел, обломки разнородных сосудов [49].

Материалы поселений Чачуровка и Бурьяка, Негатень, Липов Брод (деревни Петрополье, Сябровичи Чечерского района) имели признаки, сближающие их с культурой ямочно-гребенчатой керамики. В орнаментации нередко господствовали ямочные орнаменты [50].

На поселении в урочище Остров, расположенном у деревни Залесье Чечерского района, были выявлены остатки наземного жилища. Внутри в воронковидной яме глубиной 0,5 м располагался очаг с выкладкой из растрескавшихся камней. Здесь, кроме золы, обнаружены обломки глиняных сосудов, а на некоторых камнях — следы шлифовки, зарубки, комки охры. По-видимому, среди поселений II этапа наиболее ранним может считаться Хоршево, расположенное на берегу озера в пойме левобережья Днепра, к западу от деревни Ходосовичи Рогачевского района. До половины всех обломков сосудов было покрыто оттисками мелкозубчатого штампа, а инвентарь включал архаичные типы орудий [51]. Более поздними были соседние стоянки Палик, Мошка, Дедное.

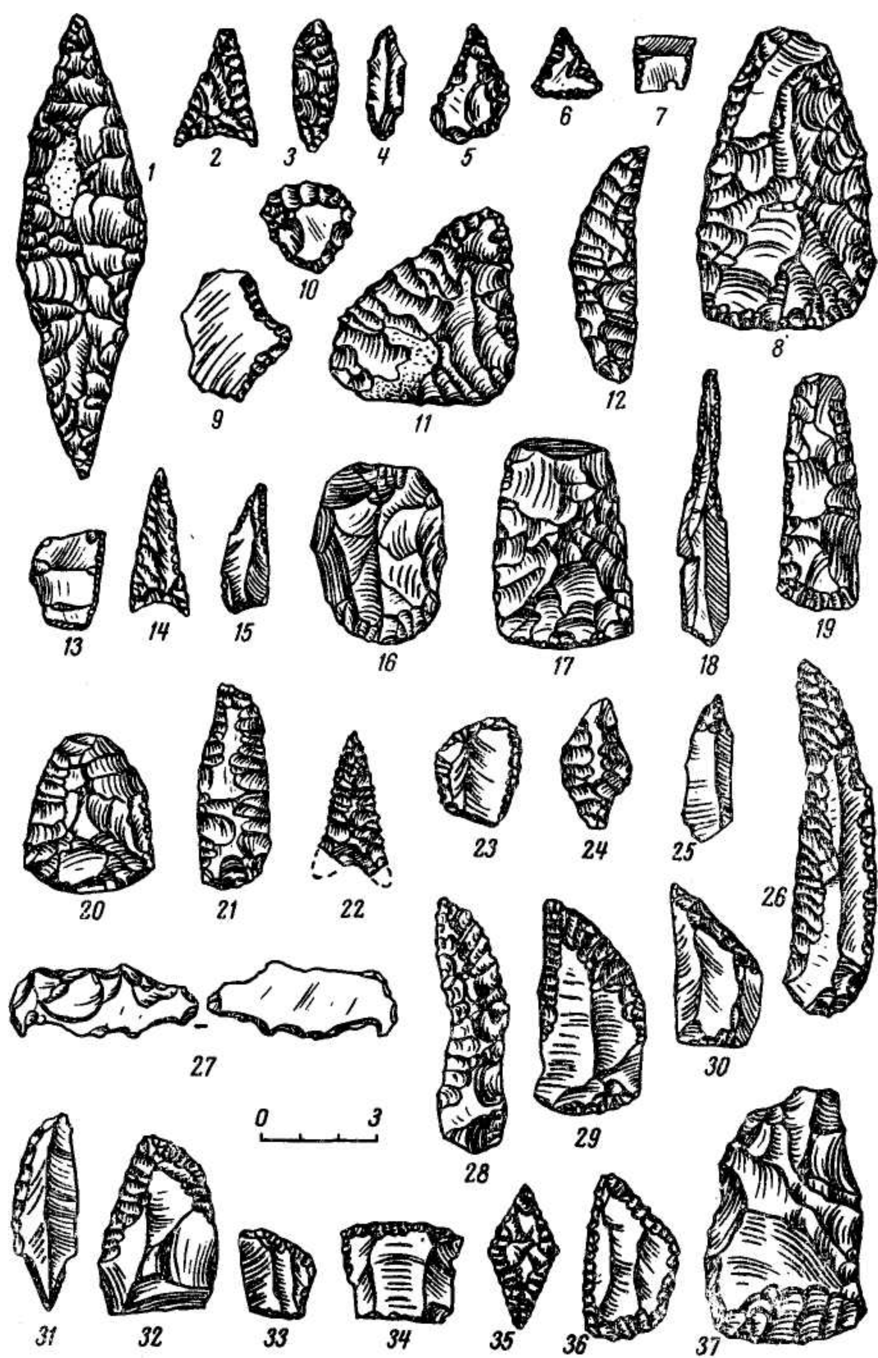

Рис 34*. Кремневые орудия поселений Днепра и Сожа

* См. пояснение в конце книги.

Одно из самых характерных — поселение Сосонка, которое обнаружено вблизи деревни Лучин Рогачевского района [52]. Оно располагалось на невысоком возвышении среди поймы рек Днепра и Сосонки. В раскопе площадью 300 кв. м были обнаружены остатки жилища размером 3,4Х3—2,4 м, слегка углубленного в землю; в центре — очаг диаметром около метра. К жилищу вел ход длиной до 4 м и шириной 1,4 м. Шесть столбов вокруг, по-видимому, поддерживали конусообразную кровлю.

В жилище и вокруг него было найдено 78 орудий и около 1200 обломков сосудов.

Близкие материалы получены неподалеку — на поселениях Борок Семинский и Завалье, а также в Рогачевском районе на стоянках вблизи деревни Веть [53].

Наиболее крупные раскопочные работы велись на поселении Стрелица, которое размещалось на небольшом возвышении — останце первой надпойменной террасы на берегу озера в пойме Сожа и Шлягинки. Здесь было вскрыто более 1000 кв. м. Слой с неолитическими материалами прорезался десятками грунтовых погребений, относящихся уже к эпохе бронзы [54].

На территории поселения обнаружены остатки нескольких кострищ, свыше 450 орудий, 3 тыс. отщепов, 8 тыс. обломков глиняных сосудов. Лишь пятая часть всех обломков не имела орнамента. Треть их украшалась разнообразными гребенчатыми узорами, несколько меньше — ямками различной формы, а восьмая часть — лапчатыми вдавлениями. Ямочные и лапчатые орнаменты преобладали над гребенчатыми, причем как будто в нижних слоях поселения это преобладание было еще заметнее.

Некоторое количество обломков в тесте содержало растительную примесь или даже примесь кровавика, но большинство сосудов изготавливалось из теста с примесью песка и дресвы.

Неолитические племена северной Белоруссии. Белорусскому Поозерью известно около десятка поселений, на большинстве которых встречается пористая и типичная гребенчато-ямочная керамика.

О ранненеолитической культуре этой территории некоторое представление дают материалы из нижнего слоя торфяникового поселения Заценье на реке Цне в Логойском районе. Здесь найдены фрагменты широкогорлых остродонных сосудов с прямыми венчиками, в тесте которых есть примеси растительных остатков и толченых раковин. На стенках заметны следы заглаживания зубчатым штампом. Срезы венчиков украшались насечками, а под ними наносился ряд глубоких круглых ямок. Орнаменты, состоящие из редких поясов мелкозубчатых оттисков, насечек и наколов, сосредоточивались в верхней части горшков. Среди изделий из рога и кости наиболее характерны долота из расщепленных вдоль крупных трубчатых костей.

Во второй половине III тысячелетия до н. э. в юго-восточной Прибалтике появились племена, употреблявшие типичную гребенчато-ямочную керамику. Они проникли и на территорию Белоруссии, распространившись до реки Вилии и Лепельских озер.

В обиходе у них были крупные горшки с округлыми днищами и прямыми венчиками, в тесто которых примешивалась дресва. Сосуды орнаментировались горизонтальными чередующимися рядами оттисков широкозубой гребенки и глубоких круглых ямок. Среди кремневых изделий наиболее характерны иволистные наконечники стрел и дротиков.

Раскопкам подверглось лишь поселение Скема-I, расположенное возле деревни Микольцы Мядельского района, на узком перешейке между

озерами Нарочь и Мястра, у протоки Скема. В раскопе (120 кв. м) были найдены остатки полуземлянки неправильной овальной формы с наибольшим диаметром до 3,5 м и очаг из камней. Кроме типичной гребенчато-ямочной, здесь выявлены фрагменты пористой гладкостенной керамики[55].

Остатки той же культуры были обнаружены на реке Свольне около Освеи, на озере Береща в Лепельском районе и в некоторых других местах северной Белоруссии[56].

Племена с типичной гребенчато-ямочной керамикой на севере республики были немногочисленными и жили короткое время среди местного, более древнего населения.

Наиболее значительные памятники этого населения — Кривина у деревни Головск Сенпенского[57] и Осовец возле одноименной деревни Бешенковичского районов[58]. Эти торфяниковые поселения, расположенные на берегу южного притока Западной Двины реке Кривине, в древности находились возле большого озера, которое к настоящему времени полностью заросло. На обоих памятниках Ескрыто около 700 кв. м. Во время раскопок найдены очаги из камня и кострища, остатки деревянных сооружений, обломки сосудов и изделия из кремня, кости, рога и дерева, а также кости животных. Керамика представлена обломками крупных остро-

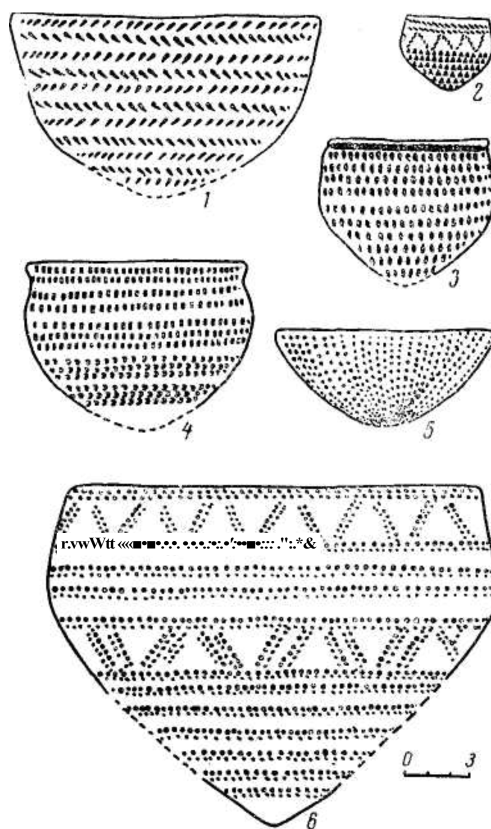

Рис. 35. Реконструкция сосудов поселений Кривинского торфяника (Сенненский район):

1, 2, 3, 4, 6—Кривина, 5—Осовец-П

донных сосудов серого цвета со скошенными внутрь краями прямых венчиков. В тесте стенок, которые лепились способом торцового прилепа, есть такие же примеси, как у ранней керамики, но обе поверхности их уже хорошо заглаживались. Сосуды украшены насечками, различными мелкими вдавлениями, слабовыраженными наколами, гусеничными и гребенчатыми отпечатками. Эти элементы обычно располагались на сосудах редкими горизонтальными поясами.

Обитатели неолитических поселений этого времени широко использовали костяные и роговые орудия — шилья, ножи, кинжалы, долота, тесла, топоры, наконечники стрел, гарпуны, рыболовные крючки (рис. 37). Из дерева изготовлялась разнообразная домашняя утварь. Меньше употреблялись кремневые орудия — иволистные наконечники стрел и дротиков, скребки на отщепах, мелкие режущие орудия из пласгинок.

При раскопках на реке Кривине удалось собрать значительное количество различных предметов культа и украшений — подвесок из янтаря

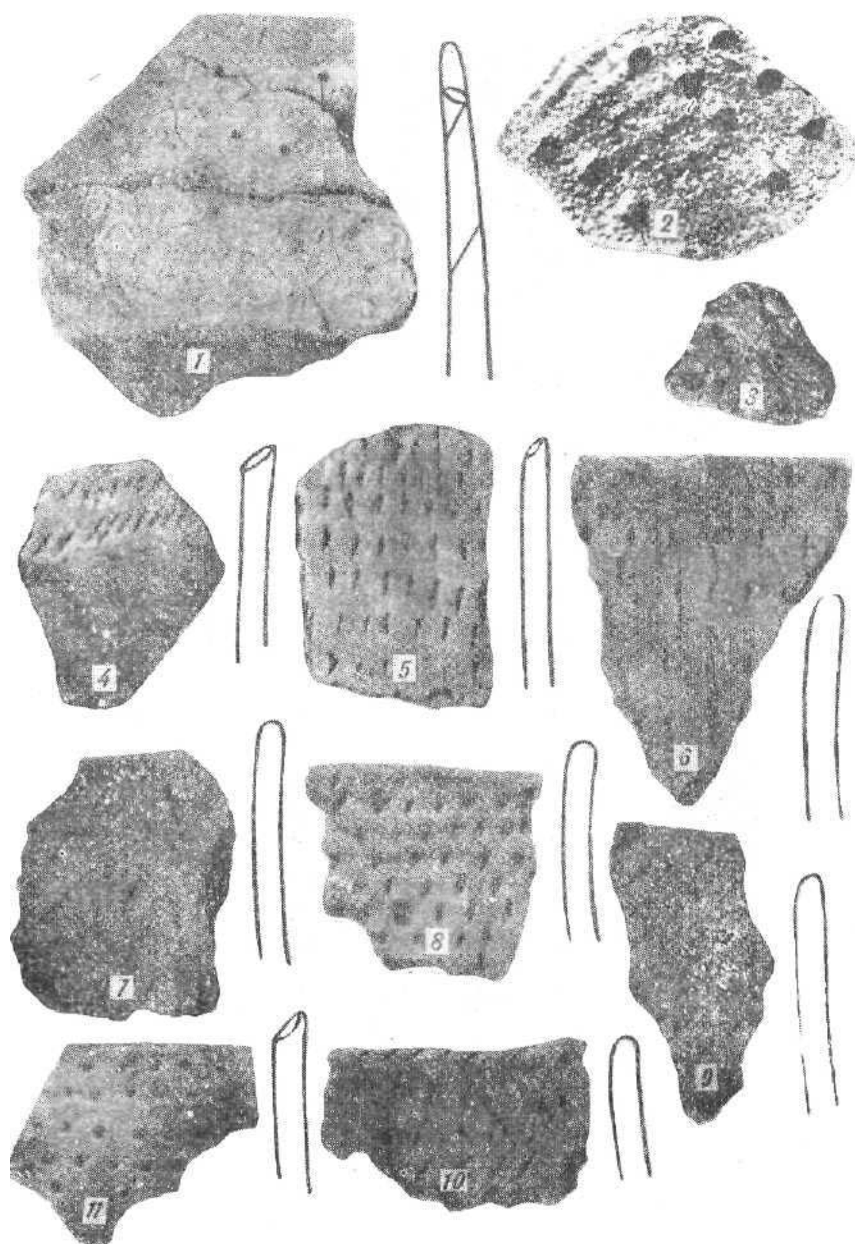

Рис. 36. Обломки сосудов поселении северной Белоруссии

1—Заценье, *2, 3*—Скема-1, 4—10—Кривина

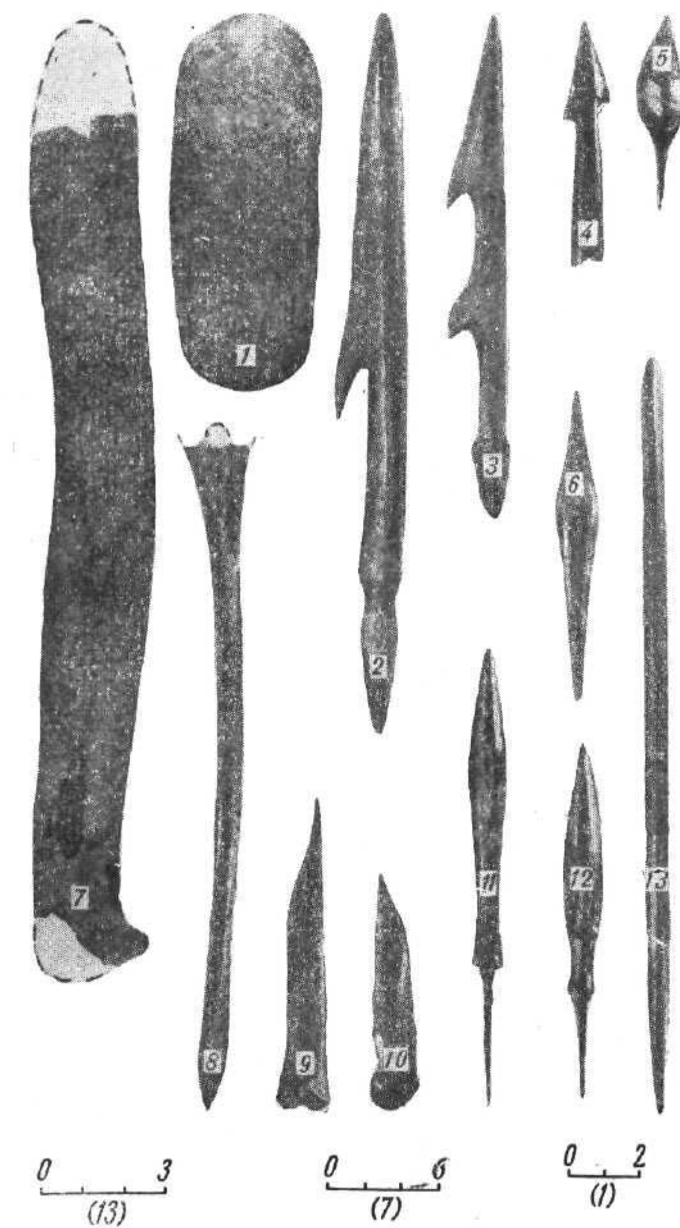

Рис. 37. Орудия из кости и рога торфяпиковых поселений северной Белоруссии:

1—топор, *2, 3, 4*—гарпуны, 5, 6*, 11, 12, 13*— наконечники стрел. 7—кинжал, 5—игла, *9, 10*—проколки. *1—5, 8—13*—Осовец-II. *6,* 7—Заценье

и зубов животных, разнообразных костяных пластинок, изображений птиц и животных, а также обнаружить небольшую деревянную фигурку человека [59].

Поселения, по культуре аналогичные Кривинскому, выявлены возле Нарочи, у деревни Новоселки на реке Нарочанке, возле Лиснянских и Лепельских озер, а также на Усвятских озерах. Довольно значительное сходство с ними можно найти и на поселениях развитого неолита юго-восточной Прибалтики [60].

В первой половине II тысячелетия до и. э. в материальной культуре неолитического населения северной Белоруссии произошли значительные изменения. Сюда передвинулась часть верхнеднепровских племен, которые были вытеснены на север носителями среднеднепровской культуры. Хотя здесь по-прежнему изготовлялись остродонные сосуды с примесями растительных остатков и толченых раковин, формы их становились более разнообразными. Обе поверхности стенок часто заштрихованы. Сосуды украшались орнаментом, который в основном состоял из частых рядов насечек, гребенчатых оттисков, а также различных ямочных «давлений (рис. 35, 36).

Еще у неолитических по облику сосудов появились плоские донца, распространились шнуровые и нарезные орнаменты.

Хронология культур. Выделение археологических культур и определение их ареалов еще недостаточны для определенных исторических заключений. Это возможно лишь после установления их хронологии.

Для датировки неолитических культур Европы до недавнего времени применялись две хронологические шкалы. По одной из них начало эпохи приходилось на конец IV — первые века III тысячелетия до н. э., а по другой — на тысячелетие ранее. По мнению одних, неолит заканчивался в 1600—1500 гг. до н. э. Другие утверждали, что это случилось в конце III — начале II тысячелетия до н. э.

Подобное несовпадение объяснялось разными критериями в определении начала и конца эпохи *, различием в датировке древностей средиземноморских и ближневосточных цивилизаций, имевших уже письменность. Успехи в археологических исследованиях и применении радиоуглеродного, спорово-пыльцевого и других методов обосновали ту европейскую хронологическую шкалу, которая предполагает большую древность и длительность периодов.

На территории теперешней Белоруссии, как уже отмечалось, развивалось несколько археологических культур, которые были распространены также в смежных областях.

Ранние памятники с гребенчато-накольчатой керамикой «уходят в глубь эпипалеолитических времен» [62]. Первый этап днепро-донецкой культуры соответствовал по времени среднему этапу буго-днестровскоп культуры, сурской культуре нижнего Поднепровья, второй фазе линейно-ленточной керамики с нотным орнаментом [63], которые датируются концом V — началом IV тысячелетия до н. э.[64] Окончание второго этапа приходится на время раннего Триполья — первую половину IV тысячелетия до н. э. Памятники третьего этапа дожили на территории киевского Полесья до середины позднего Триполья и появления древнейших поселений со шнуровой керамикой, заканчивая свое существование здесь в середине III тысячелетня до п. э.

На территории Польши ранний неолит начался с появлением древ-

* Культуры шнуровой керамики в средней Европе и Прибалтике относятся к позднему неолиту, а в Поднепровье с их распространением связывается начало бронзового века.

нейших земледельцев — дунайских племен с линейно-ленточной керамикой — в 4200—3500 гг. до н. э,[65]

Лишь в следующем периоде (3500—2500 гг. до н. э.) здесь началось развитие культуры гребенчатой керамики. Средний неолит Польши ознаменовался также продвижением племен, изготовлявших воронковидные кубки, в юго-восточном направлении от Балтийского побережья, где они оказали немалое влияние на культуру Эртебёлле (Ютландия). Лишь к концу этого периода носители культуры воронковидных кубков достигли Волыни и появились в верховьях Припяти (Цытылья Малоритского района, Хабарище, Невнр) и па Ясельде (Носки, Мотель) [66]. Обломки воронковидных сосудов обнаружены даже вблизи озера Нарочь*[57] и деревни Мнево, против устья Припяти [68].

Воронковидные сосуды напоминали усеченные конусы, опрокинутые вниз меньшим основанием. У них был широкий, изломом выделенный, утолщенный внизу венчик, немного выпуклое брюшко, узкое донышко. На шейке иногда проходил валик и размещались ушки. Скудный орнамент изредка окаймлял край и утолщение венчика. В тесто сосудов примешивались песок, дресва, шамот.

В 2900—2000 гг. до и. э. почти в той же области появились племена культуры шаровидных амфор, однако они были гораздо более малочисленными. Лишь на короткое время (2300—2100 гг. до и. э.) они проникли на Волынь[69]. Местная их группа получила название волынской мегалитической культуры.

Самая ранняя (льяловская) ямочно-гребенчатая керамика волго-окских племен датируется в настоящее время от конца IV до середины III тысячелетия до н. э.[70], а развитая — второй половиной этого тысячелетия или его концом[71]. Предполагается, что в этой области на несколько столетий раньше фатьяновцев распространились племена волосовской культуры. Эту культуру в зависимости от времени существования фатьяновской, принадлежащей к числу культур шнуровой керамики, относят либо к первой половине[72], либо к самому концу III тысячелетия до н. э.

Хронология как культур волго-окского междуречья, так и тех, которые существовали в северной Белоруссии, тесно связана с установлением возраста культур Прибалтики.

Культуры с наиболее архаичной керамикой типа Сперрингс и нарвской были отнесены после длительной дискуссии к концу IV — первой половине III тысячелетия до н. э.

Появление подобных культур А. Эйряпя объяснял южными связями, т. е. распространением из области среднего Поднепровья, а Л. Ю. Янитс— переселением с востока [73]. Точка зрения Эйряпя отчасти подкрепляется исследованиями Н. Н. Гуриной, проследившей нарвекие традиции даже в Подвинье [74], и Ф. А. Загорского, описавшего памятники типа Оса на востоке Латвии [75].

Во второй половине или середине III тысячелетия до н. э., а по мнению финских исследователей, в 2000—1250 гг. до н. э. в областях, примыкающих к балтийскому бассейну, начали распространяться памятники с типичной гребенчато-ямочной керамикой *. Е. Штурме установил ее генетические связи с волго-окской [76] и тем самым не только подтвердил мнение Х. А. Моора [77], но и открыл возможность сопоставления датировок.

В восточной Латвии носители типичной гребенчато-ямочной керамики были ассимилированы ранненеолитическим населением. Свидетельством

* Типичная гребенчато-ямочная керамика близка к волго-окской ямочно-гребенчатой. Нельзя путать ее с гребенчато-ямочной керамикой Верхнего Поднепровья.

тому может служить поздненеолитическая керамика типа Пиестиня, близкая кривинской, которая некоторое время бытовала вместе с гребенчато-ямочной и изготовлялась и после нее еще в начале II тысячелетия до н. э.[78] Появившиеся около 2100—1800 гг. дон. э., а скорее всего в 1900 гг. племена культуры ладьевидных топоров * смогли ассимилировать местное прибалтийское население лишь к югу от Даугавы (Двины) и Абавы, а севернее сами растворились в его среде[79].

Для датировки раннего этапа местных культур непосредственно на территории Белоруссии получено немного данных.

В Полесье, особенно в его западной части, найдены поселения с древнейшей гребенчатой керамикой и еще мезолитическим но облику инвентарем — Сеньчицы, Заречье, против Березы, Бокиничи, Новый Двор, Камень в Пинском районе. Культурный слой некоторых залегает так низко, что возвышается всего на 1—2 м над уровнем воды. По этой причине, например, ранненеолнтический горизонт поселения Камень сказался частично перекрытым прослойкой раковин Unio. По современным палеоклиматическим данным, такие памятники должны быть древнее середины атлантического периода — времени, когда увлажнение климата привело к повышению уровня водоемов, т. е. относится к середине или даже первой половине V тысячелетия до и. э.[80]

Подтверждают такую датировку и соответствия культуре Эртебёлле — наличие сосудов с оттянутым, шипообразным острием на донышке, ракушечной примеси в тесте, кремневых пиков и топоров-транше.

Очень архаичный сосуд найден в урочище Закота, вблизи деревин Юревичи Калинковичского района. Он подобен горшку с ранненеолитического поселения Заваливка на реке Тетерев (УССР), украшенному орнаментом, истоки которого можно найти в буго-днестровской культуре[81].

В долине Днепра, под Киевом, и на нижней Припяти неоднократно попадались обломки толстостенных сосудов, которые имели высокие прямые стенки, низкое коническое дно и были слабо орнаментированы. Время их употребления восходит к I этапу днепро-донецкой культуры [82].

Раннюю верхнеднепровскую керамику иногда считают близкой к льяловской и на этом основании датируют концом IV — началом III тысячелетия до н. э.

Часть поселений верхнего Днепра Д. Я- Телегин объединяет в гомельско-черниговскую группу и относит ко II этапу днепро-донецкой культуры [83], т. е. удревняет еще более — почти на полтысячелетие.

Хотя ранненеолитические комплексы в северной части Белоруссии еще неизвестны, их наличие можно предполагать. По аналогии с памятниками типа Дубичай (Литва) [84] и Оса (Латвия) они должны относиться ко времени до появления типичной гребенчато-ямочной керамики, т. е. будут не позднее первой половины III тысячелетия до н. э.

От начального периода эпохи перейдем ко времени, завершающему ее.

Поздненеолитические памятники типа Литвин на нижней Припяти, объединяемые в восточно-полесский вариант днепро-донецкой культуры, относятся к III и IV этапам ее существования[85]. Об этом свидетельствуют некоторые соответствия позднетрипольским древностям, воронковидным кубкам, а позднее — шаровидным амфорам, шнуровой и многоваликовой керамике. Они продолжали, наверное, существовать не только в конце III, но и в первых веках II тысячелетия до н. э.

Многие черты позднего этапа неманской культуры объясняются влиянием племен, изготовлявших воронковидные сосуды. Поэтому он может быть отнесен ко второй половине III тысячелетия до н. э.

* Относится к культурам шнуровой керамики или одиночных погребений Прибалтики.

Наконец, пористая керамика Подвинья встречается как вместе с «типичными гребенчато-ямочными» сосудами, так и со шнуровой керамикой. Начальная дата ее получена радиоуглеродным методом для поселения Кривина — 2320 лет до н.э.

Как на севере Белоруссии, так и в Понеманье неолитические племена продолжали обитать и позднее, кое-где сохранив многие черты своей культуры чуть ли не до середины II тысячелетия до н. э. .

3. ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПЛЕМЕН НЕОЛИТА

Племена раннего **и** среднего неолита. Древние племена Полесья уже в V тысячелетии до н. э. начали переходить к неолиту. Культура, известная по раннегребенчатой керамике, появившись на Волыни и в верховьях Припяти, в течение нескольких столетий распространилась на обширные пространства от бассейна Немана до Донца. Вместе с тем она распадалась, наверное, на локальные варианты. На основе полесского варианта сложилась днепро-донецкая культура, расцвет которой наступил в первой половине — середине IV тысячелетия до н. э.

Несколькими столетиями спустя в Понеманье уже существовали памятники раннего этапа неманской культуры, обособление которых произошло под воздействием культуры Эртебёлле, памятников типа Дубичай и Серова **(Цедмар).** В бассейне Двины появились поселения с пористой керамикой, близкие нарвекой культуре и памятникам типа Оса в Латвии.

Таким образом, у неолитического населения бассейна Немана издревле были довольно тесные связи с племенами южной Прибалтики, а на территорию Подвинья вообще распространялись восточноприбалтийские культуры.

В конце IV — первой половине III тысячелетия до н. э. тайнами керамического производства овладели племена днепровского Левобережья и волго-окской области. Их сосуды еще сравнительно мало отличались друг от друга, и керамика верхнеднепровских поселений в типологическом отношении занимала промежуточное положение между гребенчатой и ямочно-гребенчатой при довольно резком различии в инвентаре.

К Ш тысячелетию до н. э. оформилась этнокультурная область, занятая родственными племенами, которые изготавливали разновидности гребенчатой керамики. Ядром ее были территория южной Белоруссии и Украинское Полесье.

Начиная со второй половины IV тысячелетия до н. э., область, занимаемая днепро-донецки ми племенами, постепенно сокращалась под давлением, которое развивали с запада трипольцы, с юга — племена среднестоговской культуры, а с северо-востока — население, изготовлявшее ямочно-гребенчатую керамику.

Племена позднего неолита. Относительно спокойный ход исторического развития был нарушен в середине III тысячелетия до н. э. К этому времени племена, которые изготовляли гребенчато-накольчатую керамику, подвергаясь на территории Украины многовековому двустороннему давлению, либо ассимилировались там, либо переместились в долины рек верхнего Днепра. В Правобережье жило позднетрипольское население, а на Киевщине появились племена древнеямной культуры, занявшие обширные пространства степей между Волгой и Днепром.

Носители ямочно-гребенчатой керамики продвинулись в бассейне средней Десны до линии Чернигов — Полтава — Славянск, развивая

своеобразную деснинскую культуру. Область распространения ее сомкнулась с верхнеднепровской, благодаря чему восточная часть Поднепровья превратилась в зону соприкосновения двух больших' этнокультурных общностей.

Материалы, обнаруженные западнее деревни Казаковка Славгородского района, в урочище Ледник близ деревни Студенец Ветковского района, в урочище Цыганский Бугор неподалеку от деревни Ухов Ветковского района и в других местах среднего Посожья, свидетельствуют о распространении племен культуры ямочно-гребенчатой керамики и на эту территорию.

Яйцевидные сосуды, изготовлявшиеся этими племенами, содержали *п* тесте главным образом минеральные примеси, а в их орнаментации господствовали ямочные и лапчато-ямочные виды орнаментов — горизонтальные полосы. Наносились настолько глубокие ямки, что на внутренней поверхности сосуда образовывались соответствующие им бугорки. Среди ямок встречались круглые, овальные, ромбовидные. Небольшая часть орнаментов выполнена отпечатками крупнозубчатой гребенки, наносившимися перпендикулярно поверхности.

Во второй половине III тысячелетия до н. э. на малозаселенный север Белоруссии начали проникать племена, изготовлявшие «типичную» гребенчато-ямочную керамику. Их поселения, как уже отмечалось, обнаружены на восточном берегу озера Нарочь, неподалеку от реки Вилии, вблизи озера Береща в Лепельском районе, на реке Свольна, правом притоке Западной Двины и, наконец, возле деревни Н. Немыкари под Смоленском. Культура их либо деградировала в последующем, либо растворилась в местной ранненеолитической.

Племена культуры воронковидных сосудов в то же время проникли на Волынь и бугско-припятское междуречье, а их памятники появились даже на Ясельде и верхней Припяти. Они оказали значительное влияние на местную культуру «гребенчатой» керамики, отодвинув ее ареал еще дальше к северу.

Племенам с гребенчатой керамикой оставалось расселяться лишь по двум путям — из верхнего Поднепровья на сравнительно слабо заселенный северо-восток и из Понеманья в районы, примыкающие к балтийскому побережью с юга. Этим и объясняется, наверное, распространение во второй половине III тысячелетия до н. э. поселений с культурой «гребенчатой» керамики, близкой неманской, по территории Польши. На восточное происхождение ее указывают А. Гардавский и Т. Сулимирский[86]. В своем продвижении поздненеолитические племена достигали Одера, верховий Вислы, а порой и Эльбы, соседствуя с племенами культуры воронковидных кубков. Последняя приходила в упадок.

С другой стороны, недавнее овладение способами производящего хозяйства открывало широкие возможности для роста производительных сил на тех пространствах, где увеличившиеся по численности племена рыболовов и охотников уже не могли прокормиться.

Вся вторая половина III тысячелетия до н. э. прошла под знаком взаимодействия различных племен. Это отразилось на их материальной культуре—увеличилось количество заимствованных элементов. В верхнеднепровской культуре возросло число ямочных орнаментов, на поселениях Полесья появились обломки сосудов с примесью кровавика (влияние Триполья), форма части неманских сосудов приблизилась к воронковидным сосудам, пористая керамика бассейна Двины впитала элементы типичной гребенчато-ямочной.

В первых веках II тысячелетия до н. э. экспансия племен шнуровой керамики, продвигавшихся несколькими группами, докатилась до нынеш-

ней территории республики. Часть неолитического населения оказалась вытесненной к северу, в других местах создавалась чересполосица. На большей части территории республики она выразилась в том, что, попав в среду местного населения, пришельцы держались компактно и преимущественно в долинах больших рек.

Взаимоотношения пришлых племен с местными составляли содержание исторического процесса всей первой половины II тысячелетия до н. э. Лишь к 1600—1500 гг. до н. э. произошло выравнивание экономики и сложились культуры, впитавшие в себя разнородные элементы.

Этническая принадлежность. Характер материальной культуры неолитических поселений позволяет предполагать, что уже к III тысячелетию до и. э. на территории Восточной Европы сложились крупные этнические общности. Одна из них соответствовала днепро-донецкой культуре, которая всецело тяготела к северо-западу, к территории современной Белоруссии и Прибалтики.

Исследование нескольких крупных могильников на Украине позволило установить, что представители днепро-донецких племен принадлежали к группе поздних кроманьонцев, северных европеоидов, а именно к протоевропейскому типу, обладавшему небольшими признаками монголоидной метисации, или псевдомонголоидностью.

Этнокультурная область племен с различными видами гребенчатой керамики была в ее северо-восточной и северной частях перекрыта племенами, изготовлявшими ямочно-гребенчатую керамику. Лишь в среде последних ищут ныне предков финно-угров.

Исследуя вопросы, связанные с происхождением балто-славянских племен, лингвисты и археологи всегда обращаются к племенам культур гребенчатой керамики, так как именно они жили на той территории, которая, судя по гидронимам—названиям рек, относилась к балто-славянской прародине.

Раньше полагали, что к нерасчленившимся еще индоевропейцам относятся лишь племена культур шнуровой керамики (А. Я- Брюсов, И. И. Артеменко, X. А. Моора и др.). Сделана, правда, попытка выделить в их среде древних прабалтов, живших от Поднепровья до юго-восточной Прибалтики [87].

Большинство лингвистов в настоящее время считает, что индоевропейские языки начали формироваться не во II тысячелетии до н. э., как это полагал, например, известный польский славист Т. Лер-Сплавинский, а значительно раньше. В. Георгиев, обобщив новые данные, приходит к выводу, что уже в неолитическую эпоху выделились все основные семейства языков индоевропейской общности, в том числе и балто-славянское.

Естественно поэтому утверждать, что племена «шнуровиков» в бронзовом веке проникли на территорию, где уже до них жило древнейшее индоевропейское население (А. Гардавский, Д. Я- Телегин). Д. Я- Телегин приписывает племенам культуры гребенчатой керамики большую роль в сложении балто-славянской этнической общности.

Неолитические традиции, отчетливо выразившиеся в культурах периода средней бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.), когда индоевропейские языки уже не только существовали, но кое-где имели письменность, говорят о том, что культуры, а наверное, и этнические общности времен неолита не исчезали бесследно. Они в той или иной степени участвовали в сложении современных народов. Их роль в этом процессе еще не выяснена.

Известно лишь, что образование племен, которые изготовляли различные варианты гребенчатой керамики,— важный этап в создании той

основы, на которой впоследствии формировались как славянские, так и балтийские народы.

Хозяйство и семейно-родовые отношения. Родовые общины во времена неолита накопили большой производственный опыт и владели навыками, которые позволяли им прекрасно приспосабливаться к естественно-географическим условиям. Знание повадок животных, условий рыбного лова, свойств растений, производственных возможностей различных подручных материалов помогало им в борьбе за существование. Повсеместно основным объектом охоты был дикий кабан. Обитатели поселения Камень охотились также на лося, благородного оленя, зубра или тура и бобра. Зато Кривинская община предпочитала охотиться, кроме того, и на кабана, медведя и лося. В культурном слое Кривины встречаются скорлупа лесного и водяного орехов, желуди и зерна льна. Возле деревень Збунин на Буге и Черное в Речицком районе найдены скопления раковин — свидетельство собирательства.

Судя по археологическим и этнографическим данным, присваивающее хозяйство в неолите получило наивысшее развитие. Разнообразные, порой сложные орудия охоты и рыболовства (луки, топоры, остроги, ловушки, загоны, закоты, сети, челны и др.) позволяли вести промысел небольшими коллективами. Благодаря распространению рубящих орудий стало возможно широкое использование дерева для возведения жилищ и хозяйственных сооружений. Изготовление глиняных сосудов большой емкости обеспечивало неолитические общины надежными хранилищами запасов пищи. Наконец, в позднем неолите появилось не только прядение и плетение, но, наверное, и ткачество, и изготовление цыновок. Овладение навыками скотоводства и земледелия было важным, достижением материальной культуры поздненеолитических племен.

Есть лишь косвенные доказательства перехода в позднем неолите к производящему хозяйству. Кости домашних животных, найденные на поселениях Кривина, Добрый Бор, Бурьяка, могут быть отнесены и к более позднему времени. Большинство кремневых серпов и сверленых каменных мотыг представляют собой случайные находки. Но кости 18 особей быка и пяти свиней обнаружены вместе с неолитическими материалами на поселении Камень в Пинском районе (19% от общего количества животных). На юге Белоруссии еще в конце III тысячелетия до н. э. жили племена культуры, которой, если судить по материалам раскопок на Киевщине, уже в середине III тысячелетия до н. э. было известно скотоводство и примитивное земледелие [88].

Значительное увеличение количества и размеров поселений — демографический «взрыв» в позднем неолите, усиление обмена в это время и значительные заимствования, наблюдавшиеся в материальной культуре, также свидетельствовали о наличии качественного скачка в способах ведения хозяйства. Пыльцевые диаграммы торфяников Полесья показывают, что уже в IV тысячелетии до п. э. здесь началась усиленная вырубка или выжигание лесов. Она постепенно распространялась к северу, достигнув Подвпнья в конце III тысячелетия до н. э.

В хозяйстве тем не менее по-прежнему главенствовали занятия рыболовством и охотой. Связанная с ними недостаточная эффективность труда отдельного человека, как и раньше, вызывала необходимость коллективного общинного хозяйства. Расчистка лесов под поля требовала совместных усилий. Численность таких коллективов, однако, уменьшилась до нескольких десятков человек, если судить по размерам и числу жилищ на неолитических поселениях.

Обычно поселение состояло из нескольких небольших хижин. Каждая могла дать приют 8—10 обитателям (Литвин, Добрый Бор, Сосонка).

Жилища были наземные с легким перекрытием и расположенным посередине очагом, вымощенным или обложенным небольшими камнями. Иногда жилища углублялись в землю, имели площадь в 10—12 кв. м и овальную или почти прямоугольную форму. В нескольких местах Белоруссии были обнаружены следы более сложных, возможно, свайных построек (Кривина возле деревни Головок Сенненского района, Михедовичи Петриковского района).

Совместный труд сопровождался коллективным потреблением и общей собственностью на все основные средства получения материальных благ. Право личной собственности распространялось лишь на вещи и орудия индивидуального пользования.

В первой половине неолита родовая община оставалась экономически замкнутым мирком, как и в предыдущие эпохи. Она состояла в основном из родственников по женской линии, которые не могли вступать в брак между собой, т. е. представителей одного материнского рода. В общину включались и мужья, которые брались из другого, строго определенного рода. Иными словами, осуществлялось матрилокальное (при матери) поселение мужей.. Внутри род распадался на парные (синдиасмические) семьи. В период позднего неолита такая семья по отношению к родовой общине приобрела большую, чем ранее, экономическую независимость и стала, по-видимому, более прочной. Сложилась «развитая» парная семья.

Это обстоятельство нашло отражение в том, что жилища, в которых размещались семьи, были разбросаны друг от друга на расстояния, которые измерялись иногда сотнями метров. По существу их можно рассматривать даже как отдельные поселения. Для размещения рода требовались уже немалый район и возведение группы подобных поселений. Последнее позволяло удачно сочетать коллективные и индивидуальные виды работ. Между обитателями различных поселений одного рода впервые стали осуществляться по сути экономические, производственные связи.

Члены семьи и рода были равноправны. Судя по этнографическим данным, женщины участвовали в рыболовстве и охоте, главенствовали в собирательстве и мотыжном земледелии, изготавливали сосуды и хранили запасы пищи, шили одежду, были хранительницами домашнего очага. В отличие от мужского женский труд обеспечивал членов семьи и рода постоянной пищей. Дети оставались в роду и наследовали скарб и орудия труда своих родственников по материнской линии. Получение избыточного, прибавочного продукта, которое вначале было редкостью, к концу эпохи стало более частым явлением.

Материнская родовая община и племя. Роды, связанные единством происхождения и установившимся брачным порядком, составляли племя. По Ф. Энгельсу, «род и племя представляют собой лишь различные ступени кровного родства». Брачный порядок, как и прежде, был эндогамным по отношению к племени и экзогамным по отношению к роду. Подобные взаимоотношения внутри племени способствовали сохранению производственных традиций и передаче их от поколения ,к поколению, обеспечивали сохранение основных отличительных признаков племени (языка, обычаев, верований, орнаментации сосудов и т. п.) и препятствовали вырождению, обеспечивая появление умственно и физически полноценного поколения.

В неолите родо-ллеменпная организация общества достигла зрелых форм.

В новых условиях взаимного соприкосновения многочисленных племен и родов, столкновений с соседями, вымирания и ассимиляции неко-

торых родов брачные связи все более усложнялись и запутывались. В состав родов и племен могли приниматься, если следовать этнографическим данным, представители других, почему-либо распадающихся родов и племен. Подобные обстоятельства вызывали ослабление эндогамных запретов. В позднем неолите распространилось заключение некоторого количества экзогамных для данного племени браков. По-видимому, именно этим могут быть объяснены межплеменные заимствования в материальной культуре. В конечном счете такое расширение круга брачащихся лиц способствовало как укреплению семейных связей, так и распространению патрилокального (при муже) поселения жены.

Численность племен к концу неолита, если судить по количеству поселений, увеличилась на территории современной Белоруссии примерно в 6 раз по сравнению с предыдущей эпохой. Особенно сильно возросло древнее население Посожья и Припятского Полесья, несколько меньше— на западном Буге и в Понеманье. Лишь север оставался слабо заселенным.

Наверное, тогда одновременно существовало 150—200 поселений, в каждом из которых жило в среднем около 30 человек. Если судить по материальной культуре этих поселений, они относились к трем-четырем племенам или племенным группам. Численность племен определялась, таким образом, в полторы-две тысячи человек, что вполне соответствует этнографическим данным. Население территории ограничивалось величиной средств существования, которые она могла обеспечить. С этой точки зрения в южной части республики к концу неолита могла возникнуть перенаселенность, и это толкало местные племена либо к расселению в долины мелких рек и на север, либо к овладению производящим хозяйством.

Взаимоотношение между различными племенами стало, особенно в позднем неолите, существенным фактором общественного развития. Этническая общность в это время выступала уже не только как кровнородственное объединение, но и как результат определенных экономических и социальных отношений, являлась продуктом исторического развития.

Верования и искусство неолитических племен. Не только взаимоотношения человека **с** природой, но и те отношения между людьми, которые сложились в условиях наивысшего развития присваивающего хозяйства, послужили основой духовной жизни неолитических племен, их идеологии.

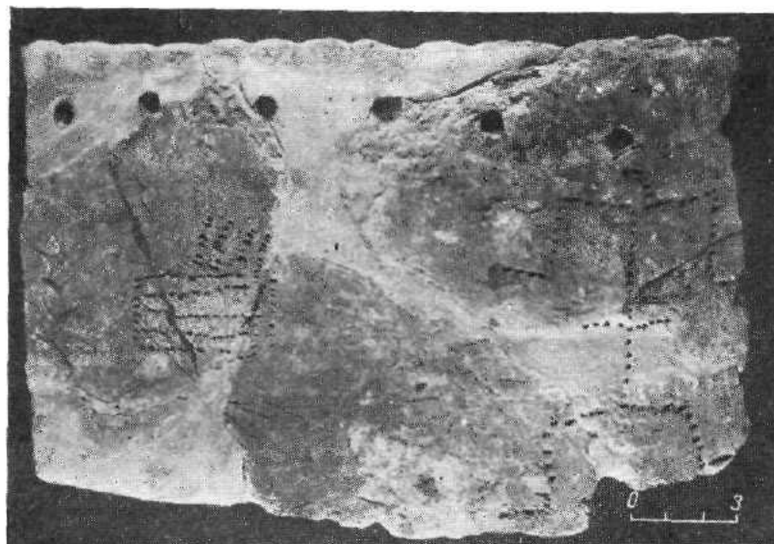
В эпоху неолита тотемистические представления, развиваясь, сложились в стройную систему верований и культов, обрядов и ритуалов — первобытную, религию. Тотемизм достиг своих зрелых форм. В условиях более тесных взаимоотношений племен и родов тотем все чаще выступал как родовое или племенное имя, как мифический «родоначальник» и «защитник» сородичей.

Тотемизм органически переплетался с культом предков — покровителей рода и анимизмом — представлением о злых и добрых духах, влияющих на человеческую жизнь. Анимизм, видимо, стимулировался тем, что на судьбу человека в эпоху неолита более чем когда-либо прежде стали оказывать влияние не только силы природы, но и отношения, которые слагались внутри рода, между родами и племенами. Под шелухой колдовства, знахарства скрывалось знание лечебных свойств растений, народная медицина[89].

По-видимому, в позднем неолите наметился переход к семейному культу предков. Об этом может свидетельствовать появление одиночных погребений.

Женщины выступали как хранительницы обрядов и обычаев, связанных с тотемистической религией. Наряду с ними, по-видимому, большим влиянием пользовались в материнских родовых общинах и колдуны-чародеи. Существовала сложная система запретов —табу, представлявшая собой совокупность моральных норм, соблюдение "которых требовалось от каждого члена рода. В неолите она применялась, вероятно, и для регулирования общественных отношений.

Выработались более сложные обряды посвящения юношей и девушек в равноправные члены рода.

Риг. 38. Стенка сосуда с изображением «человека» и «уточки» (поселение Литвин н*а* нижней Припяти)

Так как религиозные представления отстают от экономического **и** общественного развития, можно предполагать, что начало развития земледелия и скотоводства не сразу нашло отражение в религиозных представлениях. Тотемизм мог сложиться **в** более или менее законченную религию только в обществе, **в** котором кровнородственные связи были единственными между людьми, и самостоятельный хозяйственный коллектив отождествлялся с родом или материнской родовой общиной**.** Нарушение этих условии в конце неолита подрывало устои тотемистической религии.

Тем не менее некоторые тотемистические представления оказались настолько живучими, что дошли до пас в народных обрядах, сказаниях и творчестве. Особенно много древних черт сохранилось в «караванном» свадебном обряде, распространенном среди жителей Полесья. Главную роль на свадьбе обычно играют мать, брат, сват, но не отец невесты. Отец садится за стол с дружиной жениха. Жениха сажают на вывернутый кожух на покути. Это означает приобщение жениха к родовым богам невесты. Невесту .садят на дежу с тестом, покрытую кожухом — так выражается признание девственности, связь с тотемом, обеспечивающим плодовитость. В свадебном обряде обязательно присутствует церемония сближения двух родов .после враждебной стычки. Жениху «громничноп» свечкой, зажженной от кремня, поджигают волосы. Наконец, караван -

воплощение бога-предка выпекают женщины. Разыгрывается сложная процедура вкушения тотема-каравая[90].

Пережитки тотемистических представлений присутствуют в народном творчестве. По преданиям от съеденной рыбы, особенно щуки, рождаются сильные, красивые богатыри. Всегда счастлив брак с медведем. Медведь — «батюшка», «дедушка», «сам». В некоторых свадебных песнях невеста называется медведицей. Коза противопоставлена корове как старое и злобное божество. На севере Белоруссии разыгрывается ве-

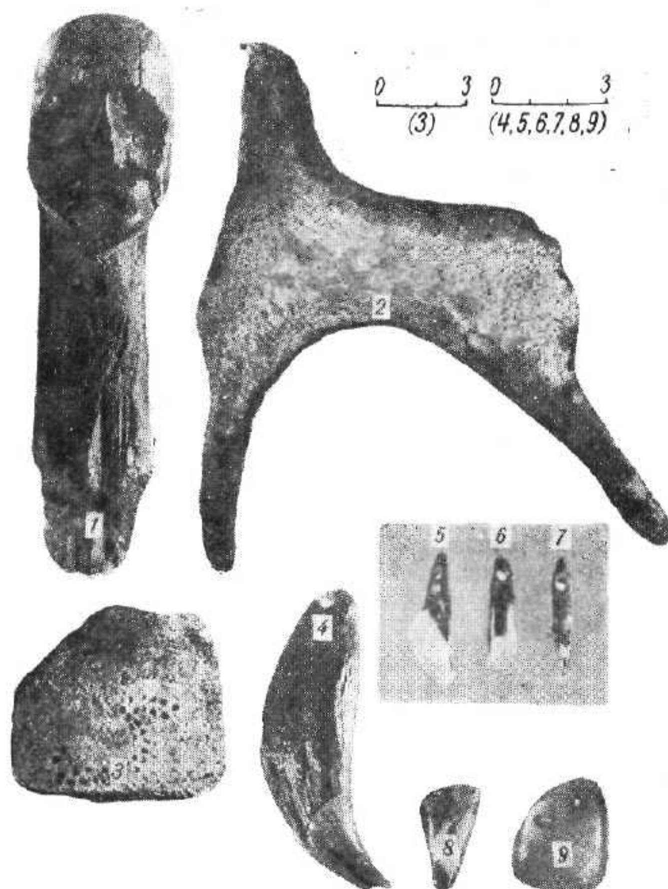

Рис. 39. Предметы неолитического искусства и украшения поселений Кривинского торфяника:

1— фигурка человека. *2*—фигурка оленя, 3—обломок сосуда с «уточкой», *4—9*—костяные и янтарные подвески

сенний обряд «комоедицы», инсценирующий пробуждение медведя. На окнах и конках домов вырезаются фигурки птиц или животных, чтобы уберечься от злых духов. С этой же целью расписываются деревянные ложки, вышиваются полотенца, сберегаются «громовые стрелки» — каменные топоры. Аист, по народному поверию, приносит благополучие, уж обеспечивает здоровье жителей дома, а вот карканье вороны, крик совы или вой собаки — к несчастью. В ряде преданий животное считается более сильным и мудрым, чем человек, как и положено божеству-тотему[91].

Несомненно, образы тотемистической религии воплощались в художественных произведениях. Если не считать богато орнаментированных сосудов, на неолитических поселениях Белоруссии немного предметов искусства. Кремневая фигурка четвероногого животного найдена на стоянке Взлужье возле деревни Костюковка Кормянского района. Фигурные кремни обнаружены на Кривине, в Камне, в Добром Боре. Фрагмент кривинского сосуда был украшен контурами уточки, плавно очерченными двойной линией, состоящей из неглубоких ,ямок. На поселении Добрый Бор в систему орнаментации сосуда включена фигурка в виде ромба с крючками, напоминающая человека. Неолитический этюд — композиция «уточка и человек» — был изображен наколами в верхней части сосуда, найденного при раскопках поселения Литвин-I (рис. 38). Среди обломков амулетов есть изображение рыбы (?) с зубчатым «раем (Кривина), сделанная из рога фигурка оленя (Осовец). Наконец, особо следует отметить еще одну интересную находку — небольшого деревянного идола (Кривина) (рис.39).

Наверняка, и ткани, и сшитая из них одежда позднего неолита имели сложные узоры, нашитые украшения. Часть геометрических орнаментов, характерных для белорусского народного творчества, находит аналогии в орнаментации неолитических сосудов.

Искусство в эпоху неолита было почти неотделимо от религиозных представлений. Это вызвано всем укладом жизни материнских родовых общин. Усложнение орнаментации в позднем неолите отразило большую сложность религиозных представлений. Утратив многие реалистические черты, характерные для верхнего палеолита, оно стало схематичнее, абстрактнее.

Глава IV

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

В конце III — начале II тысячелетия до н. э. на территории современной Белоруссии начался бронзовый век, В обиходе появляются медные и бронзовые изделия, хотя подавляющее большинство орудий труда по-прежнему изготовлялось из камня. Основное содержание новой эпохи заключалось в повсеместном распространении животноводства и земледелия вплоть до превращения их в господствующие формы хозяйства, в развитии более регулярных меновых отношений, постепенной замене м.атеринско-родовых отношений патриархатом.

Вся эпоха может быть разделена на три периода. Ранний период в 1600—1500 гг. до н. э. сменился средним, а с 1200—1100 гг. начался поздний период бронзового века, продолжавшийся до раннего железного века.

Памятники эпохи бронзы на территории. Белоруссии были известны уже во второй половине XIX в. Ряд исследователей (3. Глогер, Е. П. Тышкевич, К. П. Тышкевич, Ф. В. Покровский, Е. Р. Романов, В. Шукевич и др.) собрали значительные коллекции, состоящие в основном из каменных топоров. *

1. ХОЗЯЙСТВО ПЛЕМЕН БРОНЗОВОГО ВЕКА

Производство и употребление орудий труда, В Белоруссии нет залежей меди и олова, которые необходимы для получения бронзы, и поэтому первые очаги древней металлургии возникли далеко за ее пределами.

Впервые, металлические изделия на территории СССР начали: изготавливать в Закавказье в Конце III тысячелетия до н. э. Несколько позднее производство бронзы возникло на Кавказе, Урале и в Прикарпатье. Соседние с этими центрами металлургии племена получали готовые изделия, s свою очередь являясь посредниками в их распространении. Позднее развилось местное бронзолитейное производство на привозном сырье.

---

* Сохранились сведения о 2000 находок, представленных каменными сверлеными топорами и топорами-клиньями, а изредка булавами и мотыгами. Коллекция Е. П. Тышкевича (имение «Зыково» Логойского района) насчитывала 445 каменных орудий, собранных в основном на территории бывшей Минской губернии. Н. П. АвенаріГус только в 1885 г. собрал в окрестностях деревни Эсьмоны Белыничского района 125 топоров. М. Ф. Кусцинский, живший в имении «Завидичи» на Лепельском озере, имел 92 орудия. Генерал Озерский (Борисовщина) накопил в своей коллекции 94 топора. Ф. О. Вильчинский (имение «Смулки», Литва) был обладателем 600 каменных топоров, часть которых найдена в Ушачском районе.

В музеях республики хранится в настоящее время около 400 шлифованных топоров, 30 мотыг и кремневых серпов.

К нам бронзовые изделия попадали главным образом путем обмена с племенами, обитавшими в более южных районах. Из раскопок и случайных находок на территории республики известны бронзовые топоры — пальштабы и кельты, наконечники копий, шилья, долота, ножи,

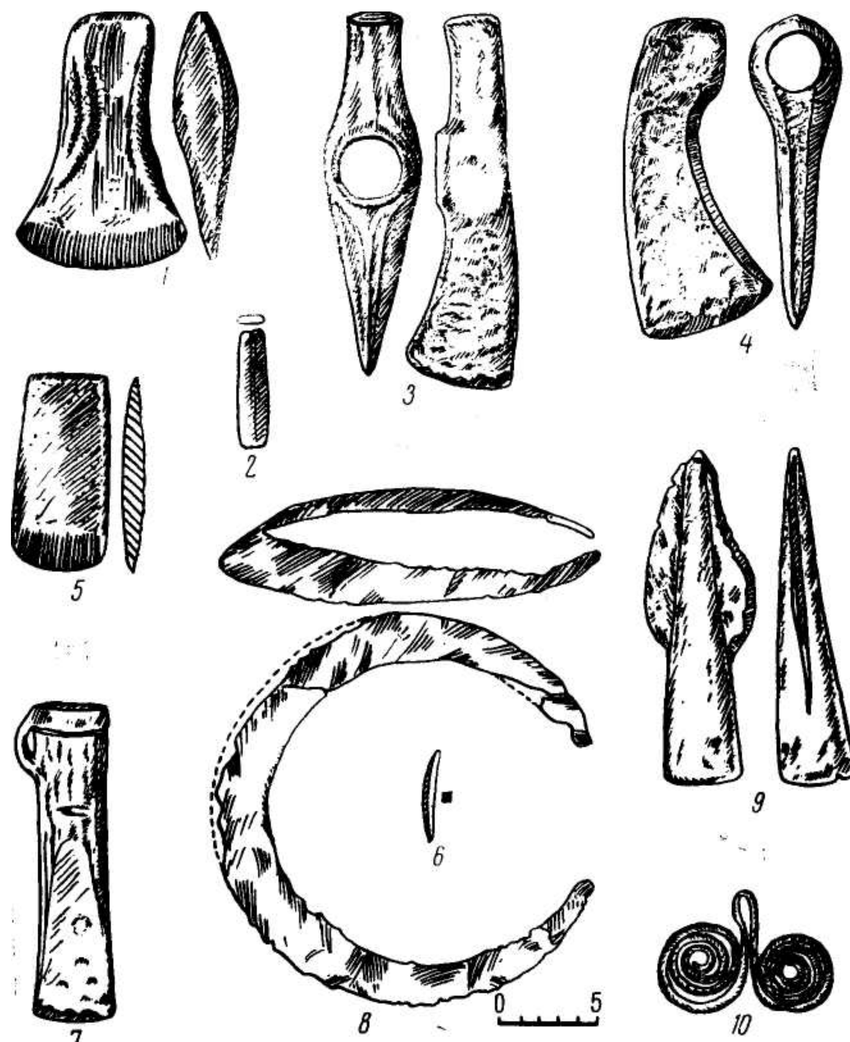

Рис. 40. Орудия из меди, изделия из бронзы:
1—топор-пальштаб, Ново-Быхов, 2—долото, д. Борисовщина Хойникского района, 3-топбр, д. Ходосовичи, ур. Мошка Рогачевского района, *4*—топор, д. Ходосовичи, ур. Мошка, 5—тесло, с. Каличонки Быховского района, *6*—шило, ур. Мошка, 7—топор-кельт, д. Бердыж Чечерского района, *8*—диадема, ур. Стрелица, д. Рудня Шлягинская Ветковского района, *9*—наконечник копья д. Ходосовичи, ур. Мошка, 10—очковидиая привеска, ур. Мошка

различные украшения (рис. 40). Большинство этих изделий без сомнения привозные, и мы пока не располагаем достаточными доказательствами наличия местной металлургии.

Отдаленность Белоруссии от центров металлургии в бронзовом веке, особенно в начале, была причиной незначительного распространения бронзовых изделий *.

---

* Медные и бронзовые орудия и украшения найдены в тридцати пунктах Белоруссии. Количество таких предметов достигло 50.

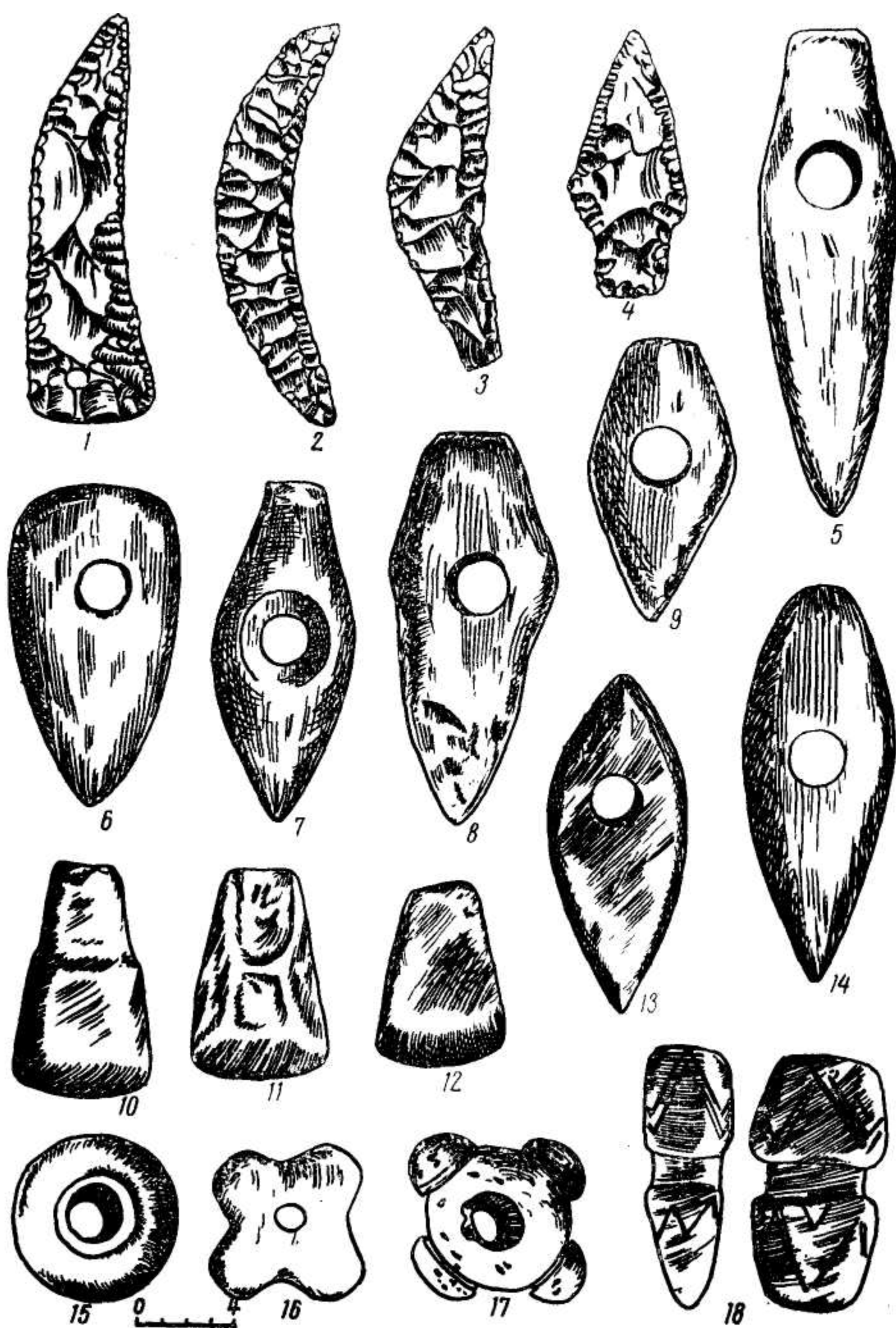

Рис. 41*. Каменные орудия труда и оружие эпохи бронзы

* См. пояснение в конце книги.

Поэтому по-прежнему развивается обработка камня для изготовления орудий труда. Одновременно с кремнем широко используются другие породы камня (песчаник, гранит, диорит и т. п.). Еще более широко, чем в неолитическую эпоху, использовались шлифование, полирование, сверление и пиление камня, нанесение пильчатой ретуши. Изменялась форма некоторых орудий. Кроме топоров-клиньев, которые наряду с линзовидными приобретают четырехугольное сечение и предназначаются для обработки дерева, появились сверленые топоры ладьевидной, обушковой или близкой к ним формы, которые, вероятно,, являлись оружием (рис. 41). Повсеместно распространялась в это время новая для северной и восточной Белоруссии форма стрел — треугольная с выемкой в основании. Немного позднее возникли черешковые наконечники. Наконечники стрел изготавливались исключительно из кремня. Только в железном веке кремень не выдерживает конкуренции и постепенно вытесняется металлом. Кремневые резцы и проколки успешно заменяются медными и бронзовыми. По-прежнему, в эпоху бронзы широко применялись кремневые скребки, ножи, наконечники копий и дротиков. Часто встречаются долота и тесла, при этом они в большинстве случаев зашлифованы по всей поверхности. Распространились серпы и серповидные ножи.

Обращает на себя внимание, что из камня продолжают изготовлять такие орудия, которые мало уступают бронзовым. Это свидетельство того, что металлом очень дорожили.

Как и раньше, для изготовления орудий использовался валунный кремень, но наиболее ценилось сырье, добытое из меловых отложений. В это время продолжается широкая добыча кремня в шахтах у Красного Села[1]. В конце эпохи увеличивается количество металлических изделий, начинается постепенный упадок кремневой индустрии.

Примитивное животноводство, земледелие. Важнейшая черта бронзового века — развитие животноводства и земледелия. К югу от республики и в некоторых южных ее районах зачатки животноводства и земледелия известны еще в неолите, но на остальной территории современной Белоруссии эти формы хозяйства повсеместно распространились лишь в эпоху бронзы.

Выращивание культурных злаков давало возможность разнообразить пищу древнего человека, сделать се более питательной. Льняное волокно использовалось для изготовления одежды, веревок, рогож, покрывал и т. п.

Очевидно, на первых порах под посевы готовились небольшие участки земли преимущественно в поймах рек. Они обрабатывались каменными и роговыми мотыгами, которые встречаются в виде подъемного материала или при раскопках поселений и могильников бронзового- века (рис. 42), По мере развития земледелия начали появляться большие поля,.'а это потребовало очищения новых участков от леса. Деревья вырубали и жгли. Зарождалось более прогрессивное подсечно-огневое земледелие. О том, что леса усиленно вырубались, говорят многочисленные находки в Белоруссии каменных шлифованных топоров-клиньев. Жатва производилась при помощи кремневых серпов. Зерно мололи на ручных зернотерках.

Заливные луга в широких поймах белорусских рек Верхнего Днепра, Немана, Двины, Припяти и их притоков создавали благоприятные условия для разведения домашних животных. Навыки разведения домашнего скота были постепенно восприняты населением средней и северной полосы Белоруссии.

Разведение домашнего скота делало человека более независимым от окружающей природы. Он имел готовые запасы мяса, которые мог в лю-

бое время использовать. Кроме того, от домашних животных человек получал кожу и шерсть, из которых шил обувь и теплую одежду, вырабатывал ткани. Позднее человек усовершенствовал породу скота, получил молоко. Быки и лошади использовались как тягловая сила.

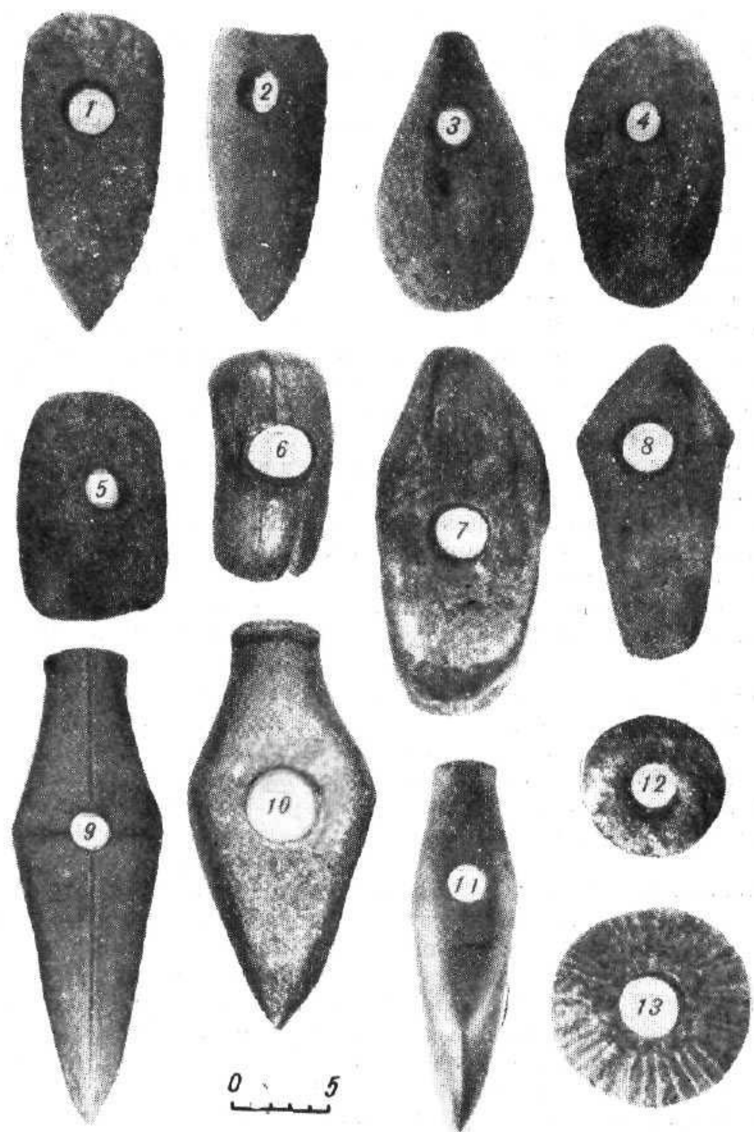

Рис. 42. Мотыги *(1— 8)*, топоры *(9—11)*, булавы *(12, 13)* из камня и рога:

1, *2*—Мозьфский район, *3*—д. Горочичи Калипковичского района, *4*—д. Горбов Березовского района, 5—д. Хохульки Плисского района Витебской области, *6*—д. Лесная Славгородского района, 7—д. Заценье Логойского района. Я—Д. Хорево Пружанского района, 9—Д. Абидовичи Быховского района, *10*—Поднепровье, *1J*—Д. Гноево Хойникского района, *12*—ур. Стрелица, д. Рудня Шлягинск^я Ветковского района, *13*—Пинск

Археологические данные свидетельствуют, что в эпоху бронзы на территории современной Белоруссии были распространены крупный и мелкий рогатый скот, лошади, свиньи [2].

Удельный вес животноводства был более значителен по сравнению с земледелием. Подсечно-огневое земледелие с его примитивной мотыгой

не могло- дать много продуктов. Это наступило позднее, когда при обработке земли использовались железные орудия и несравнимо возросла производительность труда сеятеля.

В бронзовом веке продолжают бытовать и прежние занятия — рыболовство, охота и собирательство. Разумеется, рыболовство и особенно охота при развивающихся животноводстве и земледелии теряют прежнее положение, но все же еще долго остаются важным источником пополнения пищевых запасов.

Земледелие и животноводство требовали расширения керамического производства.

Огромные сосуды, которые служили неолитическому человеку кладовыми съестных припасов, исчезают, так как с развитием прядения и ткачества, а также с усовершенствованием обработки дерева появляются более удобные емкости и приспособления для хранения припасов. Сосуды уменьшены в размерах, но стали более разнообразными по форме и назначению. Появляются горшки для приготовления пищи, сосуды для сохранения жидкостей, миски, кубки и другая глиняная посуда. Сосуды становятся более тонкостенными, хорошо обжигаются, при этом в тесте уже почти не встречаются такие характерные для неолита примеси, как трава и толченые раковины. В бронзовом веке, как правило, в тесто примешиваются песок, дресва и другие неорганические примеси.

Меняется форма горшков. Дно их приобретает округлость, затем уплощается и, наконец, становится совсем плоским. Венчик отгибается. Возникновение плоского днища объясняется появлением очагов с ровным подом и примитивных столов.

Находки каменных орудий — топоров, долот, тесел — свидетельствуют, что и в обработке дерева древнее население достигло значительных успехов.

На поселениях эпохи бронзы изделий из кости и рога почти не сохранилось. Изредка они встречаются в захоронениях этого времени — проколки, шилья, мотыги и т. д. Пять длинных костяных долот обнаружены в остатках погребения, выявленного в карьере у городского поселка Куренец Вилейского района. Лишь в шахтах у Красного Села обнаружено много роговых орудий древнего горного дела — кирки, ударные орудия, копалки.

Общественное разделение труда и первобытный обмен. Выделение скотоводческих племен среди остальной массы населения Ф. Энгельс называл первым крупным разделением труда[3]. Этот процесс в своеобразной форме прослеживается и на территории Белоруссии. На рубеже III и II тысячелетий до н. э. на берегах озер и рек располагались поселения племен различных культур в основном с неолитическим укладом хозяйства. В это же время с юга вдоль рек начали продвигаться племена культур шнуровой керамики, которые владели стадами домашних животных и выращивали культурные растения. Пришельцы не столько брали готовые продукты от природы, сколько производили их сами — выращивали зерно, разводили животных.

Между неолитическими племенами не мог еще существовать регулярный обмен, так как прибавочный продукт редко попадал в их руки. В новых условиях межплеменных контактов в бронзовом веке возникли широкие возможности для регулярного обмена. Население культур шнуровой керамики поставляло домашний скот и зерно. Из богатых кремневыми залежами районов, таких, как окрестности Красного Села, кремень распространялся в места, где его было мало. С побережья Балтийского моря попадал янтарь. Население обменивалось медными и бронзовыми изделиями.

Развитие животноводства и земледелия повысило производительность труда настолько, что создавался избыток продуктов, который частично откладывался в запас на «черный день», а в основном использовался для обмена. Постепенно выделялись группы, которые по различным причинам отличались имуществом среди соседей, например роды, которые владели лучшими землями и пастбищами, имели большие стада животных и больше зерна. Жители мест, где добывался высококачественный кремень, сбывали его в виде заготовок или изделий в другие районы. В более выгодном положении были племена, которые поселились на реках, служивших меновыми путями, или племена-посредники в обмене металла, который в это время, очевидно, очень высоко ценился. В свою очередь в эпоху бронзы внутри родов появляются семьи более бедные и более состоятельные, чем средние общинники. Так зарождалась родовая аристократия на одном полюсе общества и неимущие — на другом.

Появление избытка продуктов, накопление некоторыми группами населения богатств создали почву для вооруженных столкновений. В неолитическом обществе для таких столкновений не было глубоких оснований. Причиной раздоров могли быть тогда нарушение племенных границ, кровная вражда или вторжение чужих племен. Сейчас же ко всему этому добавляются новые и более важные причины: захват имущества, лучших земель и пастбищ, ключевых позиций на меновых путях. Порожденные накоплением прибавочного продукта и богатств войны в свою очередь способствовали увеличению богатств победителя.

Накопление отдельными группами населения богатств, учащение военных столкновений объясняют сокрытие в это время кладов медных и бронзовых изделий.

В эпоху бронзы происходил более быстрый прирост населения, чем в предыдущее время. Увеличение продуктов питания, которое произошло, в результате занятий животноводством и земледелием, привело к появлению многочисленного, выносливого и физически более сильного потомства. Прежние племенные территории становятся тесными и не могут прокормить растущее население. Таким образом, в некоторых районах появляется избыток жителей и ухудшаются условия их существования. Люди должны были искать себе новые места для обитания. Часть племени отделялась и переселялась на новые земли. На территории Белоруссии переселение в бронзовом веке происходило по долинам крупных рек в основном с юго-запада и с юга на север, по Днепру и его притокам. Переселения, очевидно, происходили в разное время, импульсами; это значит, что некоторое время племя жило на одном месте, а позже, с появлением избытка населения или в результате давления извне, переселялось дальше.

2. КУЛЬТУРЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Волна мощных миграций — первое крупное доисторическое переселение народов, начавшееся в степях и лесостепях Украины, к началу II тысячелетия до н. э. докатилось до территории Белоруссии.

Относительно спокойное историческое развитие, свойственное неолитической эпохе, было нарушено здесь крупными переменами как в составе древнего населения, так и в его хозяйстве, а следовательно, и во всей его культурной и общественной жизни.

Эти события неразрывно связаны с изменениями, охватившими всю центральную и восточную Европу. Они вызваны прежде всего быстрым распространением племен культур боевых топоров и шнуровой керами-

ки*. К началу II тысячелетия до н. э. племена культур шнуровой керамики достигли берегов Рейна на Западе, Ютландии и южной Скандинавии на севере, расселились по всей южной и восточной Прибалтике, заняли бассейны Вислы, Немана, Западной Двины, а также верховье и среднее течение Волги[4]. В настоящее время утвердилось мнение, что племена культур шнуровой керамики — это часть древних индоевропейцев — предков славян, балтов и германцев.

Безусловно, появление на территории Белоруссии пришельцев встретило сопротивление местного неолитического населения, а часть его даже вынуждена была переселиться в более северные районы. В дальнейшем же, очевидно, установились относительно мирные взаимоотношения, которые могут быть объяснены значительной разницей в использовании природных ресурсов. Местное население, которое вело еще неолитическое хозяйство, занималось в основном рыболовством и охотой, а шнуровики искали урожайные земли и пастбища для занятия скотоводством и земледелием. Археологические материалы подтверждают факт сосуществования шнуровиков с местными племенами, их постепенное сближение, а где-то к середине II тысячелетия до н. э. и слияние.

Почти вся территория Белоруссии в период ранней бронзы была заселена племенами культур шнуровой керамики. Но в некоторых местах, особенно на севере, среди непроходимых лесов и болот на небольших реках и озерах еще долгое время продолжало существовать местное неолитическое население, которое, хотя и воспринимало новые влияния, продолжало развивать свою культуру, которая постепенно трансформировалась в культуру бронзового века.

В Белоруссии, как и в других районах Европы, во времена ранней бронзы отдельные группы шнуровиков имели сходную материальную культуру. Позднее образуется больше различий, которые объясняются как внутренним развитием зачастую изолированных друг от друга племен, так и влиянием местного поздненеолитического населения. В южной и юго-восточной Белоруссии появились памятники среднеднепровской культуры и полесской группы культуры шнуровой керамики, северо-запад занимали племена прибалтийской или висло-неманской культуры, а в Подвиньи и прилегающих районах в основном продолжало обитать неолитическое по укладу хозяйства население (рис. 43).

Во время средней бронзы в белорусском Поднепровье распространяется сосницкая культура, а в Полесье — тшцинецкая культура. Своеобразные памятники этого времени встречаются также в Понеманье и Подвинье (рис. 46). Позднебронзовое время на территории Белоруссии изучено пока что очень мало.

Среднеднепровская культура. В период ранней бронзы юго-восток Белоруссии занимала среднеднепровская культура **. Она в начале второй половины III тысячелетия до н. э. возникла на Киевщине. Происхождение культуры определяется по-разному[5]. И. И. Артеменко считает, что она возникла на основе среднеднепровского варианта ямной культуры. Основу, на которой складывалась среднеднепровская культура, искали в культуре позднетрипольских племен (Е. Ю. Кричевский, Т. С. Пассек), в древнеямной культуре (В. Н. Даниленко, М. Гимбутас, И. И. Артеменко), в культуре шаровидных амфор (Э. Шпрокгоф, Я. Ябджевский, Э. Штурме). Несомненное участие неолитических племен в ее формировании заставило предполагать истоки культуры непосредственно в их среде (А. Я- Брюсов, Т. С. Пассек, П. Н. Третьяков) или связывать с ними через посредство среднестоговской и древнеямной культур (Д. Я-

* Получили название по характерному украшению сосудов отпечатками шнура.
** Известно около 90 памятников этой культуры.

Телегин, О. Ф. Логодовская). Наконец, возможно, эта культура сложилась у племен, изготовлявших керамику, в состав которой входили шаровидные амфоры и колоколовидные сосуды, переселившихся в среднее Поднепровье с запада (С. С. Березанская, М. М. Бондар).

В настоящее время в развитии среднеднепровскои культуры (выделяются два этапа — ранний (с 2400 по 2200—2100 г. до н. э.) и поздний (по 1500—1400 гг. дон. э.)[6].

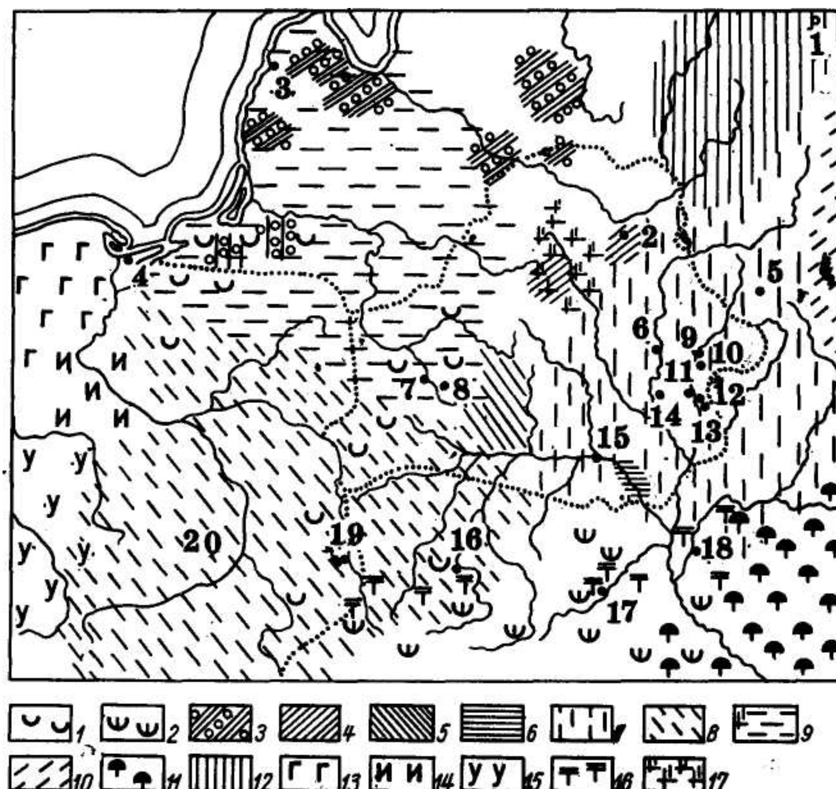

Рис. 43. Культуры периода ранней бронзы. Условные обозначения: 1 — племена культуры шаровидных амфор, *2* — племена волынской группы культуры шаровидных амфор, *3, 4* — племена с поздненеолитической «пористой» керамикой, 5 — племена с поздненеолитической «гребенчатой» керамикой, *6* — племена с поздненеолитической гребенчато-накольчатой керамикой, *7*— племена среднеднепровскои культуры, *8* — племена других культур шнуровой керамики, *9*— прибалтийские племена «висло-неманской» культуры или культуры «одиночных погребений», *10* — племена фатьяновской культуры, *11* — племена катакомбной культуры, *12* — поздненеолитические племена валдайской культуры, *13* — племена гробской культуры, *14* — племена ивенской культуры, *15* — племена унетицкой культуры, *16* — позднетрипольские племена, *17* — борисо-лепельская группа племен шнуровой керамики.

Поселения: I—Щепочник (оз. Селигер), 2—Головск (Кривина). 3—Сарнате. 4—Жуцев, 5—Печкуры (р. Остер), 6—Быхов (Ксекдзова Гора), 7—Яново, 8—Добрый Бор, 9—Ст. Каменка (Сосновая Грива). 10—Сябровичи (Липов Брод), 11—Бердыж (Коковня), 12—Ухов (Цыганский Бугор), 13—Рудня Шлягинская (Стрелица), 14—Ходосовичи, 15—Загорины, 16—Городок, 17—Городок, 18—Евминка, 19—Стшижов, 20—Злота

Ранний этап известен лишь на территории Киевщины и Черкасщины, где найдены поселения и курганные погребения. В курганах обнаружены останки с вытянутым трупоположением на спине самой разнообразной ориентировки. Погребения содержали и каменные сверленые топоры и глиняные сосуды — горшки, миски и чашки.

В конце III тысячелетия до н. э. население среднеднепровской культуры в поисках новых земель начало экспансию на север, в область верхнего Поднепровья, заселенного неолитическими племенами. Среднеднепровцы стали значительным этническим элементом в этом крае, хотя

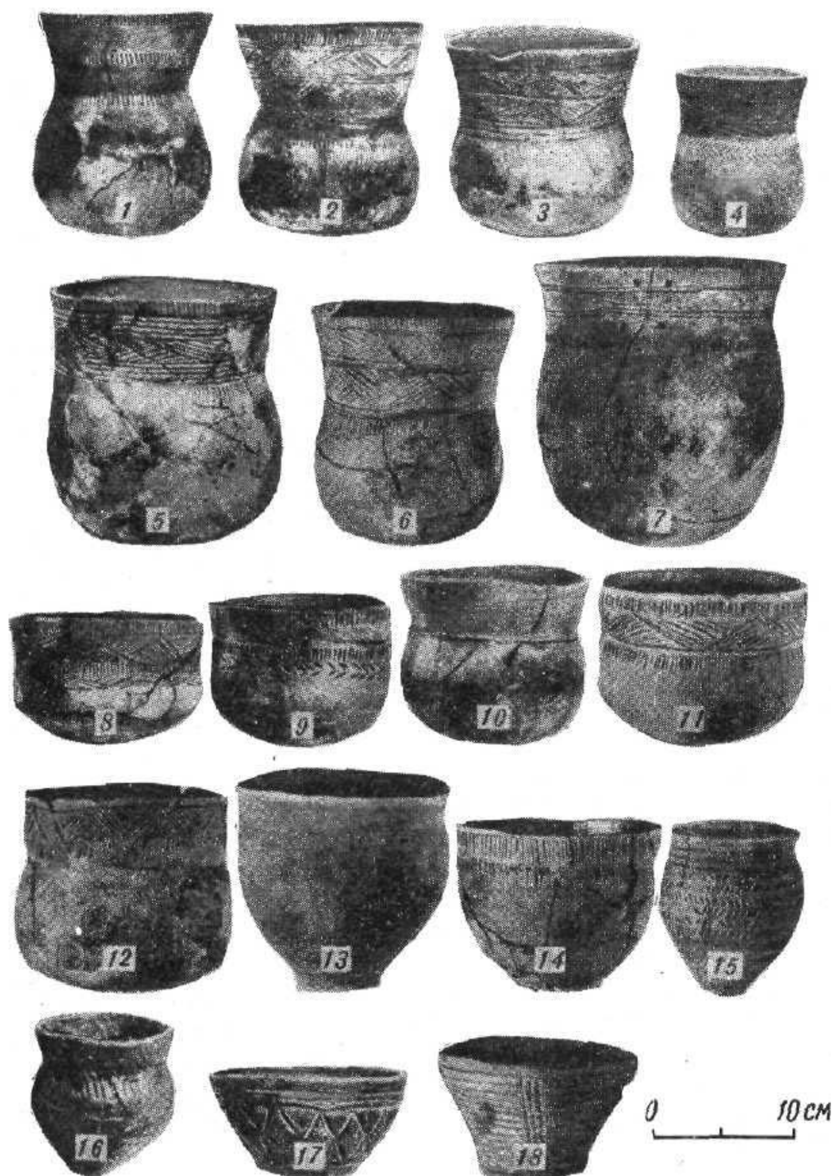

Рис. 44 *. Сосуды среднеднепровской культуры

здесь еще и продолжали существовать группы прежнего населения, часть которого отступила, очевидно, в верховья Днепра и Подвинье.

Расширяя свою территорию, среднеднепровцы столкнулись с населением волынской мегалитической, катакомбной, фатьяновской и других культур. Все это вело к значительному усложнению их материальной и

* См. пояснение в конце книги.

духовной культуры, хотя, вероятно, основные причины этого нужно искать в ее внутреннем развитии.

В самой среднеднепровской культуре появились памятники двух групп — киевской и днепровско-деснинской. Только в зону распространения второй входила территория белорусского Поднепровья.

Поздний этап среднеднепровокой культуры широко представлен различными памятниками — поселениями и могильниками, а также отдельными находками. Поселения встречаются на песчаных дюнах и различных возвышениях в пойме, реже они размещались на краю террасы. Культурный слой достигает 30—35 см толщины.

Раскопки ряда поселений дали много фрагментов керамики, а также различный кремневый инвентарь — скребки, ножи, наконечники стрел и копий, топоры-клинья с линзовидным сечением. Встречаются и шлифованные каменные топоры.

Особое значение для характеристики культуры среднеднепровских племен на территории Белоруссии имеют раскопки поселений Ксендзова Гора и Завалье. Поселение Ксендзова Гора расположено в 4 км к югу от Быхова, в пойме правобережья Днепра. В раскопах площадью 420 кв. м были обнаружены ямы от столбов, каменные очаги и очажные ямы, которые свидетельствуют о существовании наземных столбовых жилищ. На поселении найдены кремневые орудия и отщепы, фрагменты керамики, шарообразные каменные растиральники и обломок зернотерки. Находки в основном концентрировались у очагов.

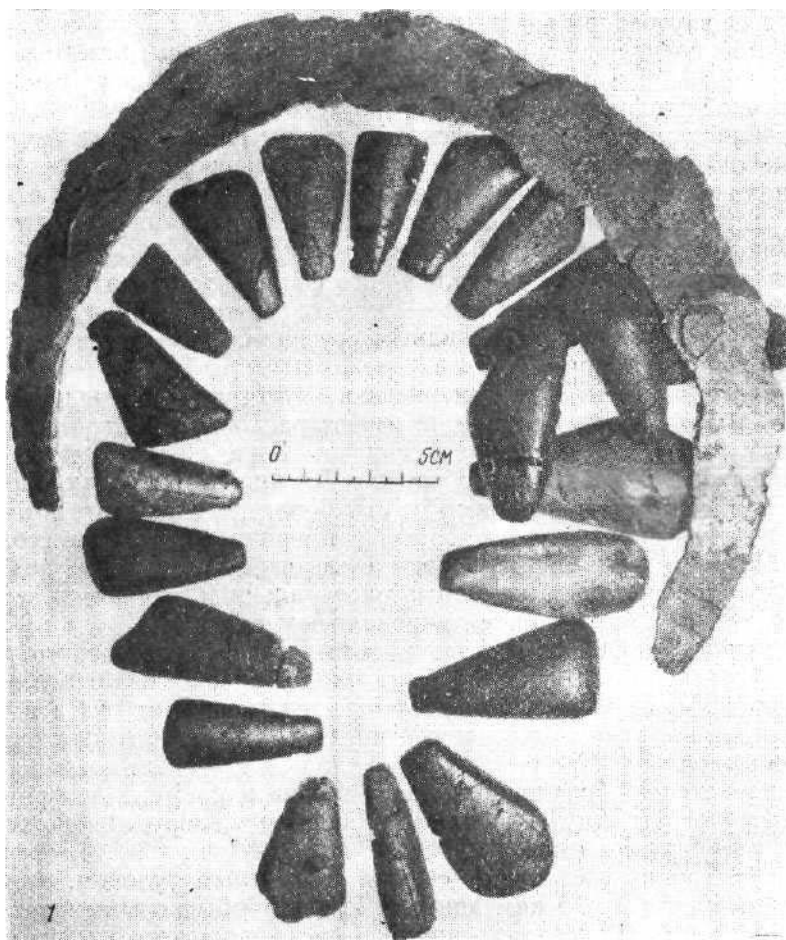
Поселение Завалье находится у села Лучин Рогачевского района. Во время раскопок (310 кв. м) были найдены два овальных в плане кострища и остатки наземного жилища, состоящие из очага в центре, скопления золы, угля и обгоревшей древесной коры, а также следов от сгоревших столбов. Коллекция, собранная на поселении, состоит из кремневых изделий, различных расщепленных кремней и фрагментов сосудов[7]. Сосуды среднеднепровских племен Белоруссии можно объединить в три группы (рис. 44).

Первую группу составляют сосуды с округлым туловом, отогнутым наружу венчиком и плоским днищем. Цвет их обычно красноватый или серо-коричневый. В тесте есть примеси песка и мелкого кварца. На поверхностях заметна штриховка, оставшаяся от заглаживания. Они чаще всего орнаментировались оттисками перевитой веревочки, линейного и зубчатого штампа, палочки с обмотанной ниткой или шнуром, а также нарезными линиями. Орнаменты, которые сосредоточивались лишь в верхней части сосудов, состоят из соприкасающихся заштрихованных треугольников, елочных узоров, горизонтальных и диагональных рядов.

Ко второй группе относятся плоскодонные не орнаментированные сосуды баночной формы с прямыми стенками, суживающимися книзу. Поверхности их также имеют следы заглаживания.

Третью группу образуют тонкостенные хорошо обожженные сосуды с округлым или уплощенным дном, высокой прямой или отогнутой наружу шейкой ц шаровидным туловом. Характер орнамента этих сосудов близок первой группе.

Среди памятников позднего этапа среднеднепровской культуры наиболее изучены могильники, которые дают богатый материал. Погребения располагались недалеко от поселений. Над ними обычно насыпались круглые курганы высотой до 3 м, диаметром до 30 м. Погребения непосредственно на материке под курганной насыпью встречаются редко, наиболее характерны погребения в материковых ямах овальной или прямоугольной с округленными углами формы. Под одной курганной насыпью встречаются от одного до четырех погребений.

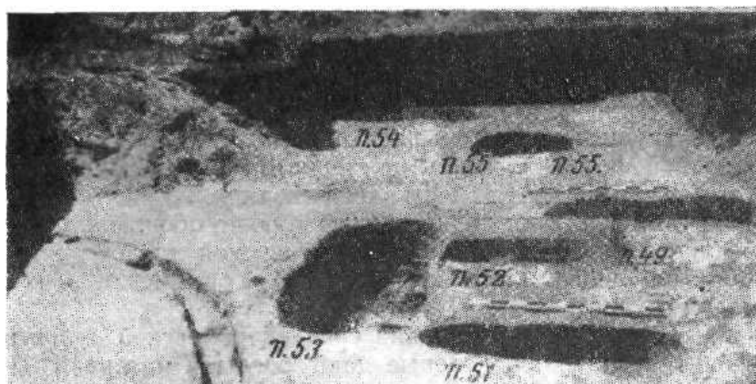

Рис. 45. Погребения среднеднепровской культуры (ур. Стрелица):
1—украшения—диадема и янтарные подвески, *2* вскрытые могильные ямы

Большой материал был получен при раскопках курганов, расположенных в пяти пунктах близ села Ходосовичи Рогачевского района (в урочищах Мошка, Сергеева Грива, Палик и др.). Здесь было изучено 41 погребение[8].

Изучение курганов показало, что у среднеднепровцев было два погребальных обряда — трупоположение и трупосожжение, при этом трупосожжения пока, что встречены лишь за пределами БССР.

Трупоположения, как и трупосожжения, в курганах встречаются в одних и тех же мобильниках, сопровождаются сходным инвентарем. Очевидно, эти два обряда существовали одновременно. Интересно, что на позднем этапе развития культуры повсюду распространяется захоронение трупов в согнутом положении на левом или правом боку. Покойник укладывался в большинстве курганов верхнего Поднепровья головой на запад.

На позднем этапе известны и грунтовые захоронения (рис. 45).

В сотнях пунктов найдены сверленые топоры и кремневые клинья, которые происходят именно из таких разрушенных погребений. Крупный могильник был в свое время уничтожен около деревни Печкуры в Рославльском районе, вблизи восточной границы Белоруссии. Четыре погребения исследовались в урочище Сосонка, возле деревни Лучин Рогачевского района; еще три—в урочище Попово, у поселка Пролетариат в Ветковском районе (раскоп 64 кв. м). Один из наиболее крупных могильников, где на площади 100 кв. м было вскрыто 12 погребений, есть в урочище Липов Брод, около деревни Сябровичи Чечерского района.

Подобные погребения лучше изучены на могильнике в урочище Стрелица, у деревни Нудня Шлягинская Ветковского района Гомельской области, который относится к середине II тысячелетия до н. э.[9] Это наиболее поздний могильник среднеднепровской культуры, поэтому материалы, полученные в результате его раскопок, представляют исключительный интерес. Всего здесь в раскопах, превышающих 2000 кв. м, вскрыто 94 грунтовых захоронения с трупосожжением в могильных ямах овальной формы. Лишь одна могила содержала трупоположение. В захоронениях найдены самые разнообразные вещи: каменные сверленые и клиновидные кремневые топоры, каменная булава, полировальные плиты, наконечники стрел, дротиков и копий, ножи и скребки, медные браслеты, гривны, нож, наконечник копья, янтарные подвески, бисер, а также фаянсовая египетского происхождения бусина и бусина из стекла, сосуды.

Инвентарь, обнаруженный в захоронениях позднего этапа, состоит из керамики, каменных и бронзовых орудий труда, оружия и украшений [10].

Сосуды, входящие в состав погребального инвентаря, лепились из глины, в которую примешивался песок и кварц, поверхности их особенно хорошо заглаживались.

По форме сосуды из погребений разделяются на горшки, миски, чашки, кубки и банки.

Самый характерный для всей среднеднепровской культуры тип — горшки с округлым или уплощенным днищем и вытянутой шейкой. Другой тип горшков обладает туловом, близким к шаровидному, и очень высокой шейкой, отогнутой наружу. Имеются сосуды с округлым или плоским днищем и короткой отогнутой наружу шейкой. Редко встречаются шаровидные слегка приплюснутые горшки с короткой шейкой. Несколько чаще — плоскодонные невысокие сосуды с короткой шейкой и окуглыми плечиками. Употреблялись также плоскодонные горшки с подобными плечиками, но они имели высокую слегка отогнутую шейку.

Как в погребениях, так и на поселениях встречаются сосуды колоколовидной формы с угловатыми плечиками.

Миски на территории среднего Поднепровья найдены лишь в погребениях раннего этапа.

Чаши, которые встречаются и на территории Белоруссии, были круглодонными и плоскодонными. Кубки представлены четырьмя типами: округлодонными сосудами со слегка выпуклыми стенками, несколько похожими на предыдущие экземпляры — с перехватом в верхней части, небольшими цилиндрическими сосудиками бокаловидной формы и высокими сосудами с перехватом посередине.

Последнюю, пятую группу керамики составляют плоскодонные банки. В верхнем Поднепровье особенно широко были распространены шароподобные сосуды с высокой шейкой[11].

Сосуды средиеднепровской культуры украшались оттисками шнура и линейного штампа, нарезными линиями, насечками и мелкими углублениями. Для территории Белоруссии был особенно характерен многозонный орнамент, располагавшийся обычно в верхней части изделия, а самые типичные композиции состояли из горизонтальных рядов соприкасающихся заштрихованных треугольников.

Кремневые изделия погребений состоят из пластинчатых ножей, наконечников стрел и копий, скребков, скребел, резчиков, клиновидных топоров и т. д.

В захоронениях очень часты наконечники стрел. Обычно они имеют треугольную форму с выемкой в основании, изготовлены из тонких ножевидных пластинок и по всей поверхности обработаны струйчатой ретушью. Имеются еще черешковые наконечники и иволистые.

Среди каменных изделий чаще всего встречаются обушковые топоры, которые по форме подразделяются на несколько типов: с длинным, коротким, усеченным обушком. Лопастных топоров встречается меньше, а топоры ладьевидные, которые вообще не характерны для среднеднепровской культуры, имеются лишь в единичных экземплярах.

Изготовлялись орудия труда прямо на месте поселения. Об этом свидетельствуют находки незаконченных экземпляров топоров, а также высверлин. В некоторых местах обнаружены каменные полировальные плиты, которые использовались для обработки каменных и костяных изделий.

В захоронениях найдены пронизи, ожерелья из зубов животных, булавки и цилиндрические бусины.

С юго-восточных берегов Балтийского моря от этнически близких племен прибалтийской культуры среднеднепровцы получали украшения из янтаря — подвески трех типов: удлиненно-овальные, в виде плоского кружка с большим отверстием в центре, трапециевидные пластинки, завершающиеся плоским кружком.

Янтарь встречается в захоронениях редко, да и только в более богатых курганах, которые принадлежали, вероятно, зарождающейся знати.

Металлические изделия представлены орудиями труда, оружием и украшениями — шильями, ножами, топорами, наконечниками копий, очковидными привесками, височными кольцами, браслетами, диадемами, гривнами, бляхами (рис. 40).

Шилья имеют четырехгранную форму и заостренный рабочий конец. Нож с лезвием треугольной формы, очевидно, использовался и как наконечник дротика, так как имел довольно массивный расширяющийся к лезвию черешок. Второй нож имел листовидное лезвие. Медные топоры известны двух типов: это вислообушный топор с круглым отверстием на конце для топорища и расширяющейся вниз рабочей частью, самые

близкие аналогии ему встречаются среди кавказских топоров. Найден и втульчатый топор ладьевидной формы, который весьма напоминает каменные топоры Прибалтики. Наконечники копьев имеют круглые втулки и перья листовидной формы. Очковидные привески скручивались из четырехгранной медной проволоки, а после слегка проковывались, что придавало им плоскую форму.

В большинстве своем металлические орудия изготовлены из меди, и только нож из захоронения в урочище Мошка был изготовлен из бронзы. Для шильев использовалась почти чистая медь с натуральной примесью серебра, свинца и железа. Такой химический состав этих вещей указывает на их происхождение — Балканский полуостров или Прикарпатье. Наибольшее же количество изделий изготовлялось из металла кавказского происхождения, представляющего собой медно-мышьяковистый сплав. Кроме мышьяка, присутствовали незначительные примеси олова, серебра, никеля, свинца и железа.

Почти все металлические изделия имеют аналогии на Кавказе или в Прикарпатье и на Балканах, что свидетельствует об обмене. Изделия, подобные втульчатому топору, диадемам и наконечникам копий, пока на соседних территориях не известны. Этот факт свидетельствует о том, что, возможно, часть металлических орудий изготовлялась на месте из слитков, приобретенных у соседних племен.

Среднеднепровская культура существовала в верхнем Поднепровье всю первую половину II тысячелетия до н. э. Такой вывод основывается на датировке металлических изделий, которые имеют аналогии на юге и юго-востоке[12].

Основой хозяйства среднеднепровцев были животноводство и земледелие, сохранились и прежние занятия — рыболовство, охота и собирательство. О животноводстве свидетельствуют находки в захоронениях костей домашних животных — свиней, лошадей, а также крупных и мелких рогатых животных. Отпечатки зерен на сосудах и находки зернотерок неопровержимо доказывают существование земледелия. Бедные и богатые захоронения говорят о зарождении среди среднеднепровцев имущественной дифференциации.

Полесская группа поселений культуры шнуровой керамики. Племена, изготовлявшие шнуровую керамику, в своем расселении по просторам Восточной и Средней Европы не миновали территории Полесья *. Здесь ими была оставлена полесская группа памятников шнуровой керамики[13]. Область их распространения охватывала не только западную часть Белорусского Полесья, но и, по-видимому, смежные районы Западной Украины и Польши, на территории которых выделялось еще несколько групп шнуровой керамики: стшижовская в среднем Побужье, злоцкая в Повисленье[14], надбужанская по нижнему течению Буга [15] и др. Наиболее близкий к полесской шнуровой керамике стшижовский ее вариант датируется 1800—1500 гг. до н. э.[16]

Известно три десятка поселений, на которых собраны обломки глиняных сосудов, которые характерны для местной шнуровой керамики. Поселения культуры шнуровой керамики располагались на песчаных всхолмлениях и участках первой надпойменной террасы, нередко даже в тех же местах, где и поселения эпохи неолита. К их числу относятся

* Область сложения культур шнуровой керамики помещают главным образом в северном Причерноморье (И. И. Борковский, П. Глоб, К. Струве, М. Гимбутас, А. Я. Брюсов) или в бассейнах Одера и Эльбы, где по радиоуглеродным датировкам они существовали уже в 2500—2000 гг. до н. э. (Г. Ю. Беренс, М. Бухвальден). Напротив, гипотезу о северном, скандинавском, происхождении культур «боевых» топоров или шнуровой керамики (Г. Коссина, О. Менгин, П. Гримм) в настоящее время поддерживают немногие (М. Мальм).

Невир, Нобель, Иванчицы (УССР), Горбов Березовского района, Теребень, Камень, Остров Пинского, Велемичи Сталинского и др.

У деревни Пересудовичи Березовского района на песчаном всхолмлении южного берега озера Белого на поселении найдено два разрушенных полуземляночных жилища. Они имели, вероятно, овальную форму, размеры около 2,5Х5 м и углублялись на 0,3—0,4 м в материк. Внутри одного из них был очаг открытого типа.

Для материальной культуры полесских поселений характерны обычные формы глиняных сосудов, широко распространенные на всей территории, занятой культурами шнуровой керамики. К их числу принадлежат сосуды с эсовидным профилем и широким дном, сосуды колоколовидной формы с высоким венчиком и перехватом на тулове, шаровидные сосуды с отогнутой шейкой, снабженной иногда «воротничком», имеющие порой узкое плоское дно, амфоры с невысокой шейкой и ушками на наиболее расширяющейся части тулова или на плечиках. Сосуды известны лишь в обломках; они изготавливались из глины с примесью песка или мелких зерен кварца, поверхность их либо заглаживалась, либо сохраняла легкую штриховку. Они были тонкостенные, хорошо обожженные, коричнево-желтого цвета.

В орнаментации преобладали горизонтальные мотивы, выполненные отпечатками шнура, опоясывающими весь сосуд по шейке и плечикам. Встречались и свисающие вниз вершинами треугольники и подковообразные отпечатки, нанесенные с помощью шнура. Широко употреблялись горизонтальные, зигзагообразные, елочные мотивы, которые образовывались «гусеничками», короткими нерезными или прямоугольными отпечатками. На поверхность сосудов иногда наносились мелкие наколы, спиралевидные орнаменты, налепные шишечки.

По-видимому, в обиходе племен шнуровой керамики сохранились почти все те же типы орудий, которые были выработаны еще в неолитическую эпоху. Наряду с этим широкое применение нашли шлифованные кремневые топоры-клинья, имеющие толстый обух и прямоугольное сечение, сверленые боевые топоры — клиновидные широкообушные, молотковидные, ромбовидные с усеченным обухом и др. Вероятно, местными типами орудий нужно считать серповидные ножи с сохранившейся пяткой и сверленые каменные мотыги, которые известны в единичных экземплярах (рис. 41, 42). Можно полагать, что некоторые каменные орудия были получены путем обмена с племенами соседних территорий. К числу их, вероятно, следует отнести клиновидные топоры из кремня коричневого цвета, найденные в юго-западной части Полесья, серповидный нож, изготовленный из черного волынского кремня с поселения на озере Погост в Пинском районе, ладьевидный топор, найденный у городского поселка Антополь, несколько кремневых кинжалов с треугольным лезвием. Стрелы снабжались в основном черешковыми наконечниками, реже — треугольными с выемкой в основании. Как орудия труда, так и другие бронзовые и медные изделия приобретались либо путем обмена, либо отливались из металла закарпатского происхождения.

Материальная культура полесских поселений сочетает в себе элементы как прибалтийской, так и среднеднепровской культуры. Однако, несомненно, значительную роль в ее формировании играло то обстоятельство, что развитие полесских племен шнуровой керамики происходило в условиях сложных этнических контактов. На территории, занимаемой поселениями этих племен, кое-где встречались поздние поселения культур шаровидных амфор, волынской мегалитической, воронковидных кубков и даже культуры гребенчатой керамики, взаимоотношения которых почти не изучены, но их влияние ощущается. Хотя и делаются по-

пытки объяснить происхождение шнуровой керамики из древних фаз этих культур, их пока нельзя признать удачными. Следует учитывать и взаимосвязи их с поздним трипольем и возможное влияние катакомбной культуры, погребения которой встречены даже в верховьях Вислы.

Племена, жившие в Полесье, хотя и вели производящее хозяйство, по-видимому, немалое значение придавали охоте и рыболовству. Кости домашних животных встречаются вместе с боевыми топорами, шнуровыми сосудами и украшениями в погребениях. Жители разводили крупный рогатый скот, свиней, овец, коз, лошадей. Умерших погребали в согнутом положении в ямах, которые иногда обкладывались каменными плитками, сверху насыпался курган. Порой в погребениях встречались остатки нескольких умерших. Погребались и по обряду трупосожжения. В связи с этим интересно упоминание о погребении в каменном ящике, обнаруженном близ деревни Зыково Логойского района[17].

Пока нет отчетливых признаков, по которым бы полесская группа памятников шнуровой керамики отделялась от стшижовской, в то же время польские исследователи локализуют район стшижовской культуры на среднем Буге [18]. И. И. Артеменко считает возможным распространить его на верховья Стыри и Горыни [19], а Ю. В. Кухаренко— вообще на весь бассейн верхнего течения Припяти, включая Ясельду[20], т. е. почти на всю область памятников полесской группы культуры шнуровой керамики.

Племена прибалтийской (висло-неманской) культуры. В эпоху ранней бронзы на территории белорусского Понеманья и юго-восточной Прибалтики появились племена прибалтийской, или висло-неманской, культуры «одиночных» погребений. Могильники, имевшие по нескольку погребений, располагались на невысоких песчаных возвышенностях. Еще чаще встречаются одиночные захоронения. Умерших хоронили в довольно глубоких ямах, положив на бок в скорченном положении. Чтобы обеспечить своему сородичу возможность потустороннего существования, вместе с трупом в могилу клали ладьевидные топоры и топоры-клинья, каменные костяные орудия труда, украшения из зубов животных, шифера и янтаря, а также глиняные сосуды. Это были горшки небольших размеров с уплощенным или плоским дном и эсовидной профилировкой стенок, в верхней половине сосудов наносился орнамент, состоящий чаще всего из нарезных линий или оттисков шнура (рис. 48). Временами в погребениях встречались кости животных—овец, коз, свиней, крупного рогатого скота.

Поселений племен прибалтийской культуры найдено немного, и они, как правило, имеют тонкий культурный слой с небольшим количеством находок. Это свидетельствует о том, что местные шнуровики-животноводы часто передвигались с места на место. Распространение их памятников указывает на значительную роль, которую играли эти племена в истории северо-западной Белоруссии.

Особый интерес для характеристики прибалтийской культуры на территории белорусского Понеманья представляет погребение в окрестностях Красного Села (Волковысский район). Погребение находилось на дне древней шахты, где добывался в меловой толще кремень. Скелет лежал на правом боку в скорченном положении, головой к югу. Вместе с ним находился плоскодонный горшок серого цвета (с песком в тесте) хорошего обжига. Сосуд имеет выпуклое брюшко, суженную шейку и отогнутый наружу венчик. Под венчиком — три ряда глубоких, наклоненных в противоположные стороны нарезов, образующих орнамент в виде «нарезной елочки». Здесь же найдена иголка, сделанная из стенки трубчатой кости с большим ушком.

На территории восточной Прибалтики культура шнуровой керамики появилась, вероятно, в 1900—1700 гг. до н. э. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что она проникла сюда из днепровского бассейна, так как имеет ряд общих черт со среднеднепровской культурой. Последнее объясняется скорее всего генетическими связями[21]. Следовательно, расселение племен ранней бронзы в северо-западной Белоруссии нужно отнести к несколько более раннему времени — рубежу III и II тысячелетий до н. э.

К памятникам неустановленной культурной принадлежности относится погребение с трупосожжением около деревни Низ Слонимского района, на левом берегу Щары. Погребение помещалось в овальной яме глубиной 1,4 м и размерами 1,7x1,3 м. На дне ямы были замечены мелкие угольки и зола. Здесь же найден топорик четырехугольной формы с отшлифованной поверхностью и развал плоскодонного сосуда биконической формы (рис. 48). В тесто сосуда примешан песок. Поверхность его в верхней части орнаментирована горизонтальными рядами прямоугольных оттисков, нанесенных наклонным штампом, между этими рядами существовал зигзаг из таких же оттисков.

На некоторых поселениях эпохи бронзы Понеманья (Несиловичи, Лысая Гора) встречаются мелкие фрагменты сосудов, подобных по орнаментации.

В Понеманье население бронзового века, как правило, обитало на местах предшествующих неолитических поселений. Поэтому в материале как ранней, так и средней бронзы заметно влияние предшествующих неолитических традиций. Это проявляется в существовании гребенчатых орнаментов, правда, незначительных оттисков штампа на краях венчиков и особенно в ряде глубоких ямок под ними. Так, на поселении Лысая Гора, кроме обломков профилированных горшков со шнуровым орнаментом на шейке, найдены фрагменты подобных по форме плоскодонных сосудов, украшенных по всей поверхности оттисками линейного штампа. По находкам на других поселениях (Яремичи, Русаково-II) можно судить, что такие же сосуды в некоторых случаях орнаментировались вдавлениями в виде «огуречных семян».

В эпоху средней бронзы по-прежнему изготовляются плоскодонные профилированные сосуды, но края венчиков их зачастую утолщаются и скашиваются наружу. К этому времени относится погребение Лысой Горы, где был обнаружен развал тюльпановидного сосуда с четочным * орнаментом по всей поверхности (рис. 48). Здесь же было найдено небольшое количество кальцинированных костей. В некоторых случаях сосуды средней бронзы имели на шейке шнуровые оттиски.

В эпоху поздней бронзы на Понеманье распространилась древняя штрихованная керамика, элементы которой зародились еще в предшествующее время. Обломки сосудов подобной керамики встречены на многих поселениях северо-западной Белоруссии. Судя по фрагментам из Павловичей и Комлевичей на реке Щаре и Славичей на Немане в Гродненском районе, сосуды были тонкостенные и довольно крупных размеров[22].

Бронзовый век северной Белоруссии. Памятники северной Белоруссии изучены мало. До последнего времени известны были преимущественно лишь случайные находки каменных сверленых топоров[23].

При раскопках неолитических поселений Скема-I, К.ривина-1 и Осовец-II в последние годы получены материалы, позволяющие охарактеризовать некоторые черты культуры племен бронзового века на этой

* Узор, состоящий из коротких черточек, как бы нанизанных на одну линию. Наносился гибким штампом, на котором с промежутками была намотана крученая нить.

территории. На стоянке Скема-I найдены фрагменты сосудов с примесью песка в тесте, орнаментированные горизонтальными оттисками шнура, нарезной елочкой, оттисками линейного штампа и короткой «колючей проволоки». Вероятно, к этому же времени относятся и черешковые наконечники стрел.

Работы на Кривинском торфянике показали, что в северной Белоруссии длительное время существовало местное неолитическое население, культура которого в первой половине II тысячелетия до н. э. постепенно приобретала черты, свойственные культуре бронзового века.

Лесистость, почти непроходимые болотистые просторы, многочисленные озера, мелкие речки и протоки, на которых еще с давних времен существовали поселения неолитических рыболовов и охотников, очевидно, препятствовали широкому проникновению в белорусское Подвинье шнуровиков. Поэтому племена их чаще оседали на больших водных путях, мало затрагивая глухие уголки.

Керамика верхнего слоя поселений Кривина-I и Осовец-П удерживает многие архаичные черты: остродонность, пористость стенок, насыщенные орнаменты неолитического характера у большинства сосудов. Однако уже начинают появляться шнуровые оттиски, нарезные линии, которые нередко скомпонованы в елочные узоры; распространяются оттиски линейного штампа. Встречаются и обломки тонкостенных, округлодонных и плоскодонных сосудов с примесью песка или дресвы в тесте, у которых орнаменты начинают концентрироваться в верхней части. Такие сосуды орнаментировались горизонтальными отпечатками шнура, треугольниками из нарезных линий (рис. 48).

Часть подобной керамики была заимствована у культур шнуровой керамики, например среднеднепровской.

Очевидно, в несколько более позднее время здесь появляются слабо или вовсе не орнаментированные плоскодонные сосуды с выразительной штриховкой на стенках.

Помимо обычного инвентаря бронзового века, на севере были распространены орудия из кости и рога.

Таким образом, в северной Белоруссии складывалась своеобразная культура бронзового века, основу которой составляли местные неолитические традиции.

Тшцинецкая культура. К середине II тысячелетия до н. э. на пространствах между Днепром и Одером сложилась большая этнокультурная общность тшцинецкой * и других, близких к ней, культур. Они занимали область, включавшую почти все Повисленье южнее нижнего Буга [24] (собственно тшцинецкая культура), бассейн Припяти, исключая его северную часть (тшцинецко-комаровская культура в ее припятском варианте по С. С. Березанской[25] или лубенский вариант тшцинецкой культуры по А. Гардавскому) [26]. В верховьях Стыри, Горыни и по южной Случи лежала область комаровской культуры. Низовья Припяти и особенно верхнее Поднепровье и бассейн Десны, по И. И. Артеменко [27], занимала сосницкая культура или сосницкий вариант тшцинецко-комаровской культуры по С. С. Березанской (рис. 46).

В настоящее время на территории белорусского Полесья известно более 60 памятников среднебронзового времени, из которых большинство с уверенностью может быть отнесено к тшцинецкой культуре. Поселения этой культуры были расположены на песчаных всхолмлениях у берегов рек и озер, на первых надпойменных террасах в местах, обычных для поселений более раннего времени, а также и на высоких коренных берегах в тех немногочисленных местах, где они имеются.

---

* Названа так по поселению у деревни Тшцинец Пулавского повета (ПНР).

Среди более значительных памятников — поселения у деревень Прилуки Брестского района, Горбов Березовского, Хомск Ивановского, Митяевичи Старобинского, Бурези (урочище Казаргать) Житковичского районов[28].

Сосуды, характерные для тшцинецкой культуры, изготавливались из теста, в которое примешивались дресва и песок, а изредка также и толченый кремень. Среди сосудов преобладали довольно высокие (тюльпановидные) горшки со слегка эсовидным профилем и узким дном.

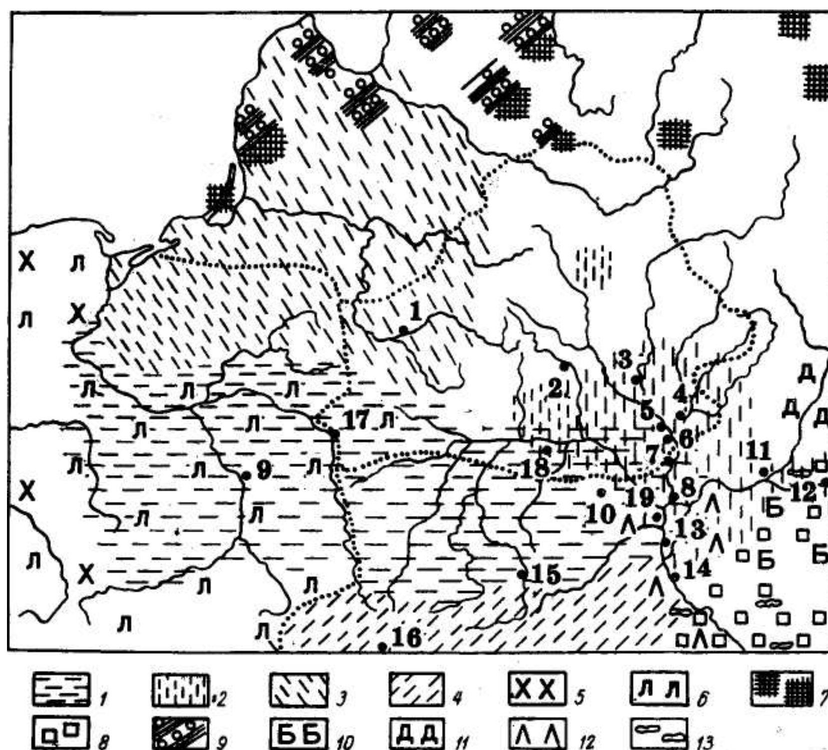

Рис. 46. Культуры периодов средней и поздней бронзы: 1 — племена тшцинецкой культуры, *2* — племена сосницкой культуры, *3* — племена прибалтийской культуры, *4*—племена кемеровской культуры, *5*—племена предлужицкой культуры, *6* — племена лужицкой культуры, *7*—племена древней текстильной керамики, *8* — племена срубной культуры, *9* — племена поздненеолитической «пористой» керамики, *10*— племена бондарихинской культуры, 11 — деснинские поселения, *12* — поселения лебедиевского типа, *13* — поселения с многоваликовой керамикой.

Поселения: 1—Мацевчуки, 2—Борисовщина, 3—Лучин (Сосонка), 4—Гомель (Смоловка) 5—Речица, 6—Мохов, 7—Деражичи, 8—Пустынька. 9—Тшцинец, 10—Народичи 11 —Сосница (Ьоромка), 12-Марьяновка, 13—Лебедивкэ, 14—Бортничи, 15—Войцеховка, 16—Комарив, 17—Прилуки, 18—Хильчицы, Бурези, 19—Домантово

Нередко край венчика был скошен наружу. Орнаментация сосредоточивалась преимущественно в верхней части сосудов, часто и на скосе венчика. Наиболее распространенным был орнамент, состоящий из параллельных бороздок, опоясывающих сосуды вблизи шейки. Эти бороздки иногда прерывались бороздками, идущими по вертикали. Орнаментальную систему завершали снизу, проходя примерно по плечикам сосуда или ниже, зигзагообразные или треугольные мотивы, удлиненные ямки, черточки, дугообразные желобки, шишечки. Иногда налеп-

ной валик опоясывал сосуд. У некоторых горшков имелись ушки с вертикальными отверстиями или без них. Реже встречались обломки сосудов, которые были орнаментированы неточными и совсем редко шнуровыми элементами. По шейке часто проходил ряд круглых ямок, а иногда и выпуклин — «жемчужин».

Кроме горшков, тшцинецкое население использовало кубки, кувшины, жбанки, миски, глиняные ложки, рогатые или высокие биконические пряслица и т. п. Стенки некоторых сосудов пронизаны небольшими отверстиями, они, по-видимому, использовались как дуршлаги. Материалы с поселений тшцинецкой культуры (слитки, шлаки, формочки для литья и т. п.) позволяют говорить уже о местном производстве бронзовых изделий. Но в инвентаре по-прежнему господствовали орудия из кремня и других пород камня — двусторонне обработанные черешковые и треугольные наконечники стрел и дротиков, длинные изогнутые или треугольные серпы, многочисленные скребки, шлифованные и сверленые топоры, клинья, долота, мотыги. Среди металлических изделий любопытны кинжалы, браслеты с завитками на концах, булавки с завитком на конце или гвоздевидной шляпкой, кольца, скрученные из сложенной вдвое проволоки. Изделия из бронзы, обнаруженные как при раскопке поселений, так и в погребениях и нескольких кладах, указывают зачастую на тесные связи с поселениями предлужицкой культуры западной Польши. Оловянистую бронзу для производства орудий, как известно, еще ранее употребляли племена унетицкой культуры.

Поселения тшцинецкой культуры, как правило, тяготели к наиболее урожайным землям. На территории Польши на пространствах, занятых лессовыми почвами, были обнаружены тшцинецкие землянки, размер которых колебался от 2,5Х2 до 6Х3 м. Хотя преобладающей формой хозяйства было земледелие, развивалось и животноводство, причем больше всего разводили крупный рогатый скот и свиней.

Интересные подробности, касающиеся планировки поселений и характера жилищ, получены во время раскопок, проведенных в последние годы на севере Украины. Жилища имели прямоугольную форму, средний размер 14х7 м и углублялись в землю до 1 м. В жилищах были каменные очаги или купольные печи и возвышения — «столики». Иногда основания тех и других слагались из обожженных где-то на стороне глиняных валиков. Жилища были накрыты двухскатными крышами, а их стены изготавливались из плетня, обмазанного глиной. На поселении Пустынка в Черниговской области были обнаружены остатки 23 жилищ. Они протянулись двумя линиями вдоль песчаного всхолмления и располагались в 25—30 м друг от друга. Среди жилищ попадались и двухкамерные с одним-двумя очагами. Около каждого жилища и в самом жилище находилось значительное количество фрагментов больших широко открытых горшков, количество которых исчислялось несколькими десятками.

Кроме поселений, важными памятниками культуры являются изредка встречающиеся грунтовые и курганные погребения с трупоположением. На территории Польши были открыты погребения, в которых умершего хоронили в положении лежа на боку; кроме одиночных, здесь встречались двойные и даже групповые погребения. Реже попадаются сожжения трупов, при которых остатки в виде золы и угля, кальцинированных костей, перемешанных вместе с украшениями, орудиями, бытовыми вещами ссыпались в специально выкопанные небольшие ямы.

Погребения встречаются и на территории Белоруссии. На берегу Буга, у деревни Прилуки Брестского района, были найдены два целых сосуда, происходившие, по-видимому, из грунтового погребения [29]. Поблизости Черска, на реке Стоходе (Волынская область УССР) был

раскопан курган, содержавший погребение с трупосожжением [30]. Тшцинецкий сосуд с поверхностью, украшенной четочным орнаментом и налепным валиком, был вместе с кальцинированными костяками обнаружен на поселении Лысая Гора у деревни Апечки Столбцовского района, т. е. далеко к северу от основного ареала культуры [31].

Поселение с сильными тшцинецкими чертами в материальной культуре выявлено у деревни Деражичи Лоевского района, что, по-видимому, должно рассматриваться как свидетельство распространения памятников тшцинецкой культуры до Днепра [32].

На основе производящего хозяйства, такого развития земледелия и скотоводства, которое выдвинуло их значение на первое место, оттеснив охоту и рыболовство на второй план, у тшцинецких племен произошли значительные изменения общественного строя, религиозных и прочих представлений. Некоторые виды орнаментов и черты погребальных обрядов заставляют предполагать существование культа солнца и представления о животворящей и очищающей силе огня.

В отличие от ряда исследователей А. Гардавский ищет истоки тшцинецкой культуры не в среде культур шнуровой керамики, а в младшей фазе гребенчатой керамики эпохи неолита [33]. Вероятно, эта точка зрения привела его к удревнению тшцинецкой культуры.

Большинство исследователей относят культуры тшцинецкого круга ко второй половине II тысячелетия до н. э. (Ю. Костшевский, С. С. Березанская, И. И. Артеменко). По А. Гардавскому, развитие тшцинецкой культуры началось в 1700—1600 гг. до н. э.[34]

Многие археологи и лингвисты высказывают мнение о праславянской принадлежности тшцинецкой культуры. Другие пытаются связать ее с лужицкой культурой, а через нее и со славянами.

Сосницкая культура. В пятидесятых годах в левобережье Днепра, на Десне и Сейме была выявлена группа памятников сосницкого типа * с керамикой, близкой тшцинецкой. По мнению И. И. Артеменко, эта керамика обладает признаками, которые позволяют говорить не о сосницком варианте тшцинецко-комаровской культуры (С. С. Березанская), а выделить отдельную культуру, родственную ей.

В область, занимаемую памятниками сосницкой культуры, входили нижние течения Десны и Припяти, белорусское Поднепровье до Быхова и Славгорода [35]. Здесь, в основном на левобережье Днепра, известно более 40 памятников этой культуры. Область их распространения почти совпадает с южной частью ареала среднеднепровской культуры (рис. 46).

Для сосницкой культуры характерны плоскодонные сосуды со слегка выделенной шейкой, прямым или слегка отогнутым венчиком, подобные тшцинецким (рис. 47). Край венчика нередко утолщен и срезан наискось наружу. Сосуды изготавливались из теста с примесью песка и дресвы, а поверхность их хорошо заглаживалась. Наряду с этими были распространены и более ребристые и округлодонные сосуды. В отличие от тшцинецкой культуры часто орнаментирована вся поверхность сосудов, сама орнаментация богаче и разнообразнее.

В орнаментации присутствуют обязательно горизонтальные мотивы и треугольники, свисающие вниз вершинами, или пояса из соприкасающихся сторонами треугольников. Типичным является и орнамент из прочерченных заштрихованных треугольников, отороченных ямками[36]. Прочерченные виды орнаментов не играли такой большой роли, как в тшцинецкой культуре. Напротив, для украшения сосудов гораздо чаще употреблялись четочные орнаменты, сложные узоры, зигзаги, прямо-

---

* Названа по поселению у города Сосница Черниговской области.

угольные углубления, отпечатки мелкозубчатого штампа, ямки, шнуровые орнаменты. Под венчиком иногда проходит ряд цилиндрических наколов, изредка в верхней части сосуда налеплялись валики.

Помимо обломков сосудов, культура известна по более или менее обычным типам кремневых орудий и черешковым наконечникам стрел.

На поселении Сосница было раскопано жилище, имевшее размеры 7,2x6,2 м с глинобитным очагом внутри, а в заполнении жилища обнаружены кости быка, овцы, свиньи, обломки сосудов. В полуземляноч-

Рис. 47. Сосуды периодов средней и поздней бронзы южной Белоруссии:

1—Д. Ходосовнчи, ур. Мошка, 2—д. Лучин, ур. Сосонка Рогачевского района, 3—*4*~Туровщина, 5—д. Горошков Речицкого района, 6—7—д. Прилуки Брестского района, 8—д. Борисовщина Глусского района

ных жилищах других поселений северной Украины (Волынцево Сумской области, Зазимье Киевской области) были обнаружены глиняные формы для отливки кельтов, долот, вислообушного топора.

Несколько памятников сосницкой культуры изучалось и на территории Белоруссии. К их числу принадлежат те, которые расположены на месте городища у деревни Мохов Лоевского района, вблизи деревень Присно Ветковского, Горошков Речицкого и Гадиловичи Рогачевского районов. Разнообразно орнаментированная керамика, в том числе и многоваликовая, была основной частью материальной культуры этих

Рис. 48. Сосуды бронзового века северо-западной и северной Белоруссии:

1—шахта возле г. п. Красное Село Волковысского района, *2*—ур. Яново, д. Низ Слонимского района, *3*—у р. Лысая Гора, д. Апечки Столбцовского района, *4*—д. Мацевчуки Щучинского района, *5, 6*—торфяниковое поселение Осовец Бешенковичского района

поселений. Металлические изделия, находившиеся в быту у сосницких племен, аналогичны тшцинецким.

Среди племен сосницкой культуры был более широко распространен обряд сожжения трупа. Четыре погребения по такому обряду были обнаружены около деревни Лучин Рогачевского района (урочище Сосонка). Скопления золы и пережженных костей вместе с глиняными сосудами были зарыты в небольших ямках на глубине до 0,5 м [37]. Еще одно погребение с сожжением обнаружено близ деревни Ходосовичи Рогачевского района (урочище Мошка). Здесь в скоплении золы, имеющем более 1 м в диаметре, найдены кальцинированные косточки, развал сосуда и треугольный наконечник стрелы с выемкой в основании. Могильники с трупами в скорченном состоянии на левом боку, ориентированными на запад или восток, были выявлены на Черниговщине. Помимо обычного погребального инвентаря, здесь были кости быка, овцы, свиньи. Сверху насыпан небольшой курган.

По-видимому, уровень общественно-экономического развития сосницких племен мало отличался от юго-западных соседей и был близок тому, который наблюдался у их непосредственных генетических предшественников — племен среднеднепровской культуры.

Временами на юго-восток республики в область тшцинецкой культуры проникали племена из лесостепи Украины, изготовлявшие многоваликовую керамику. Кроме находок на нижней Припяти, об этом же говорят погребения у деревни Борисовщина Глусского района, вблизи реки Птичи, которые содержат многоваликовые сосуды[38] (рис. 47).

Наличие оформившихся индоевропейских языков и разнообразие культур во II тысячелетии до н. э. позволяют высказать мнение, что к периоду средней бронзы наверняка не существовало балто-славянской общности, если она даже и имела место в предыдущие времена.

3. ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПЛЕМЕН

Родовые отношения и патриархальная семья. В эпоху бронзы на территории современной Белоруссии продолжал развиваться первобытнообщинный строй. Условия жизни требовали крепкой родовой организации. Это диктовалось необходимостью совершать вооруженные набеги на соседние земли или защищаться от вторжений.

Развитие животноводства и земледелия, обработка металлов, распространение обмена привели к большим изменениям в общественной жизни, связанным с накоплением богатств и нарушением былого имущественного равенства.

Мужчина превращается в животновода-пастуха, владельца скота. Самое раннее и примитивное мотыжное земледелие, которое возникло из собирательства (занятия в основном женского), осуществлялось женщиной. Но со временем, когда посевы переместились с грядок на поля,, требовались большие физические усилия для очистки участков от леса. С использованием примитивного рала первенство и в этом занятии начинает переходить к мужчине, так как тягловое животное—бык, а позже и лошадь были выращены и приучены к пахоте мужчиной. В то же время на плечи женщины легли значительно возросшие домашние заботы. Домашнее хозяйство женщина вела и в неолите, но в связи с присваивающим характером человеческих занятий круг домашних работ не был столь значительным. Сейчас же обязанностью женщины стали сохранение и размол зерна, варка разнообразной растительной и мясной пищи. Значительную часть времени женщина отдавала ткачеству, кото-

рое стало возможным в значительных размерах в связи с выращиванием льна.

Таким образом, произошло довольно резкое разделение труда между полами, обусловленное традициями и в основном специфичностью того или другого занятия. И это разделение произошло не в пользу женщины. В мужских руках сконцентрировались основные источники производства продуктов, при этом именно эти источники — животноводство и земледелие давали возможность систематически получать прибавочный продукт. Если ранее в добывании пищи мужчины и женщины занимали одинаковое положение, а в общественной жизни женщина-мать как глава семьи и объединяющая сила определенного коллектива занимала доминирующее положение, то в эпоху бронзы, как уже отмечалось, в хозяйственной жизни, а также в общественной первенство перешло к мужчине. «Весь избыток, который сейчас давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в использовании его, но не могла иметь доли в собственности. «Дикий», воин и охотник, удовлетворялся в доме вторым местом после женщины, «более кроткий» пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе»[39].

Сейчас мужчина, вступая в брак, не переходит в род жены, а, наоборот, забирает женщину к себе, так как он является собственником скота и зерна. Вместе с тем мужчина заинтересован передать наследство своим детям, в особенности сыну. В связи с этим счет родства начинает производиться по отцовской линии. Таким образом, не только экономически, но и политически складывается и укрепляется патриархат как совокупность экономических, общественных и идеологических отношений.

Развитие способов производства привело к тому, что отдельные семьи начинают успешно добывать себе средства к существованию, все реже обращаясь к помощи общины. На поле и пастбище, хотя то и другое еще тысячелетия будут оставаться общинной собственностью, работа все чаще и чаще производилась отдельными патриархальными семьями. Продукты, скот и зерно, а также вымененные на них изделия — все, что добыто своим трудом, каждая семья стремится сохранить у себя.

Развивается частная собственность на продукты производства. Вместе с этим возникает и тенденция распространить права собственности на сами средства производства.

Таким образом, появление и укрепление экономической самостоятельности семей внутри родов постепенно подрывает коллективные принципы. Ф. Энгельс писал, что отдельная семья стала силой и при этом грозной силой, противостоящей роду[40].

В идеологии полесских племен шнуровой керамики есть признаки культов домашнего божества и предков; вероятно, у них уже было распространено и патриархальное рабство.

Во время раскопок могильников среднеднепровской культуры были найдены семейные усыпальницы, насчитывающие до четырех погребений под одной курганной насыпью. Центральное положение обычно занимало мужское погребение.

Появление имущественного неравенства видно по погребальному инвентарю. Обычными находками были один или несколько сосудов, каменных и кремневых изделий. Встречаются и еще более бедные погребения, где есть только один сосуд с каким-нибудь кремневым орудием или вообще нет вещей. Наряду с такими погребениями изредка встречаются курганы, выделяющиеся своим богатством. В качестве примера можно привести инвентарь погребения из кургана в урочище Мошка,

около деревни Ходосовичи [41]. Тут вместе с костяком находились типичные для среднеднепровской культуры глиняные сосуды, 4 кремневых ножа, подвеска из янтаря, каменный сверленый ладьевидный топор, песчаниковая полировальная плита, 27 кремневых наконечников стрел с выемкой в основании, кремневый шлифованный топор-клин, обломок каменного сверленого топора, медные топор и наконечник копья, 53 отщепа кремня, костяное изделие, вероятно, проколка, 2 медные очкообразные подвески. Таким образом, в погребении было найдено 95 вещей. Здесь находилась могила знатного и богатого человека. Курган с этим погребением выделяется среди других и своими размерами — высота 2,2 м, диаметр 20 м, в то время как бедные курганы с бедными погребениями имели высоту до полуметра и диаметр примерно 10 м, а иногда встречались насыпи и еще меньших размеров.

Верования племен эпохи бронзы. С изменениями в хозяйственном и общественном укладе произошли и соответствующие изменения в мировоззрении человека, в частности в его религиозных представлениях. Основа религии—вера в сверхъестественное и загробную жизнь осталась неизменной, только внутри этих понятий произошли определенные перестановки. Теперь начинают придавать большое значение силам природы и духам, которые связывались со скотоводством и земледелием. Эти изменения нашли определенное отражение и в погребальных памятниках, к сожалению, почти в единственных и скупых источниках для познания религиозных представлений человека того времени.

Обычай класть с покойником необходимые ему вещи — посуду, орудия труда, оружие — существовал с давних времен, но вытянутое трупоположение, характерное для неолитического населения лесной полосы Восточной Европы, заменилось погребениями в скорченном положении. Этот новый обычай принесли племена культуры шнуровой керамики.

Рассматривая детали погребального обряда, можно заметить, какое большое значение придавалось огню. Так или иначе огонь сопутствовал покойнику на его пути в страну мертвых.

Часто перед погребением участок, предназначенный для могилы, очищался огнем. Иногда обходились и без костра, почва только посыпалась принесенной золой. Дно могильной ямы, как правило, также посыпалось золой, а иногда и красной краской — охрой. С культом огня и верой в его очистительную силу связан, вероятно, и обычай населения более позднего времени сжигать умерших.

Магическое значение, без сомнения, придавалось и разнообразным орнаментам на глиняных сосудах; орнаменты символически выражали различные религиозные понятия, хотя вместе с тем удовлетворяли и эстетические потребности.

РАЗДЕЛ II

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Важной вехой в социально-экономическом развитии племен, обитавших на территории Белоруссии, была древняя металлургия железа. Ф. Энгельс писал, что железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов.

Железные орудия раньше появились на юге Белоруссии (VII—VI вв. до н. э.), а на севере — двумя-тремя столетиями позднее.

Железо добывалось из болотных или озерных руд (бурого железняка), залежи которых в лесной полосе Восточной Европы распространены повсеместно. Для получения железа сооружалась глиняная куполообразная печь-домница, нижняя часть которой снабжалась отверстиями, куда вставлялись глиняные трубки-сопла. Измельченная руда и древесный уголь слоями загружались в домницу. Затем уголь поджигался, а внутрь печи через сопла с помощью мехов нагнетался воздух. (Отсюда древний способ добычи железа в отличие от современного назван сыродутным). Температура в домнице поднималась до 700—1200°, в результате чего происходило восстановление железа из руды (т. е. его окислов). Восстановленное железо оседало на дно печи и накапливалось здесь, образуя кусок пористой ноздреватой массы — крицу. Извлеченная из домницы крица прогревалась в горне, проковывалась и превращалась в железную болванку. Из нее кричники-кузнецы изготавливали железные изделия — топоры, серпы, ножи, копья и т. д. Производительность орудий из железа была в несколько раз выше, чем из камня, меди и бронзы.

Уже в начале железного века на территории Белоруссии, как и в лесной полосе Восточной Европы в целом, сложилась подсечная система земледелия. При ней важнейшим агротехническим средством была зола. Обработка земли заключалась в забороновании семян в землю, перемешивании ее с золой при помощи деревянной бороны-суковатки. В местах, где были распространены плодородные почвы (на юге Белоруссии), довольно рано появилось пашенное земледелие. Свидетельством тому служит кривогрядильное деревянное рало, выявленное в торфянике возле деревни Каплановичи Несвижского района. Позднее (в VIII—IX вв.) появляется соха, снабженная железным сошником. Наряду с подсечным земледелием развивалось скотоводство.

Дальнейшее развитие земледелия и скотоводства создавало известные условия для накопления запасов (зерна, например). Для защиты этих ценностей вместо открытых неукрепленных селищ стали возникать укрепленные поселения-городища.

Металлургия железа, подсечное земледелие и скотоводство превратились в основу экономики древнего населения, что обеспечивало регулярное получение прибавочного продукта. В связи с этим усилился процесс разложения первобытнообщинных отношений, возникла новая хозяйственная ячейка общества — большая патриархальная семья, внутри патриархального рода появилась возможность обогащения отдельных семейных общин, между ними установились отношения господства и подчинения. Обостряются противоречия между родами и племенами. Военные столкновения становятся обычным явлением. Грабежи и угроза нападения враждебных соседей заставляли племена сплачиваться в крупные союзы.

В начале железного века на территории Белоруссии и соседних с ней республик (на севере Украины, Смоленской и Псковской областей РСФСР) сложились новые археологические культуры. Северная и средняя части республики были заселены древними балтами — племенами, родственными славянам (культуры штрихованной керамики и днепродвинской). В южной Белоруссии были распространены милоградская, поморская, а позднее (с III—II вв. до н. э.) на их месте — зарубинецкая культуры. В VI—VIII вв. и. э. на территории Белоруссии появляются бесспорно славянские памятники.

Глава V

ПАМЯТНИКИ ЮЖНОЙ БЕЛОРУССИИ

1. ПЛЕМЕНА МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ЗАПАДНЫЕ СОСЕДИ

Расселение (VII—III вв. до н. э.). Милоградская культура получила свое название от поселка Милоград (Речицкий район), около которого на древнем городище в 1951 г. археологи получили материалы, характеризующие жизнь обитателей поселения в раннем железном веке[1]. Аналогичные материалы дали и другие городища, расположенные в бассейне верхнего Днепра. Большие раскопки велись близ деревень Горошково, Глыбов Речицкого района, Мохов-П, Чаплин Лоевского района, Асаревичи Брагинского района, Любны Гомельского района, Щатково Бобруйского района и др. Письменных источников о племенах милоградской культуры не сохранилось. Памятники этой культуры на территории Белоруссии исчисляются сотнями. Много их и в лесной полосе Украины. Здесь от древнего поселения у села Подгорцы они получили условное название «подгорцевских»[2]. Материальная культура подгорцев близка милоградской культуре на территории Белоруссии. Это дает основание и ту и другую культуры объединить под общим названием «милоградская». Итак, племена милоградской культуры — это одна большая этническая общность, занимавшая в раннем железном веке юг и юго-восток Белоруссии и лесную полосу Украины.

Археологические данные свидетельствуют о следующих очертаниях территории милоградской культуры. На севере памятники этой культуры занимали почти все левые притоки Припяти. Граница проходила по водоразделу бассейнов Припяти и Немана. В верховьях Лани (левый приток Припяти), около Клецка (поселок Городище), находится одно из северных городищ милоградской культуры, а в верховьях левых притоков Немана уже располагаются городища культуры штрихованной керамики (Качановичи, Аношки—Козлы). Расстояние между этими городищами составляет 10—15 км. В бассейне Березины памятники милоградской культуры доходили до среднего течения. Севернее этой территории милоградская культура смешалась с культурой штрихованной керамики. Эта переходная зона достигала нескольких десятков километров. В бассейне верхнего Днепра памятники милоградской культуры занимали районы Могилевской области. Они доходили почти до среднего течения Сожа.

На северо-востоке милоградские племена граничили с племенам!! днепродвинской культуры. Их восточными соседями были племена юхновской культуры. Граница между ними проходила в нижнем течении Ипути и Десны. На юге эти племена доходили до лесостепной полосы, а именно до верховьев Южного Буга и граничили здесь со скифами-пахарями и племенами высоцкой культуры. На западе они распространялись до бассейна Западного Буга. В верховьях Припяти обитали их западные соседи — племена поморской культуры, которые на

территории БССР занимали юго-западную часть современной Брестской области. Памятники милоградской культуры по характеру поселений, могильников и некоторым особенностям материальной культуры можно разделить на два варианта: полесский и днепровский (рис. 49).

Полесский вариант. Поселения. Основным типом поселений племен милоградской культуры в Полесье были селища. Этот тип памятников изучен здесь плохо. Выявлено лишь несколько десятков селищ. На территории Туровского междуречья Припяти и Ствиги на площади до

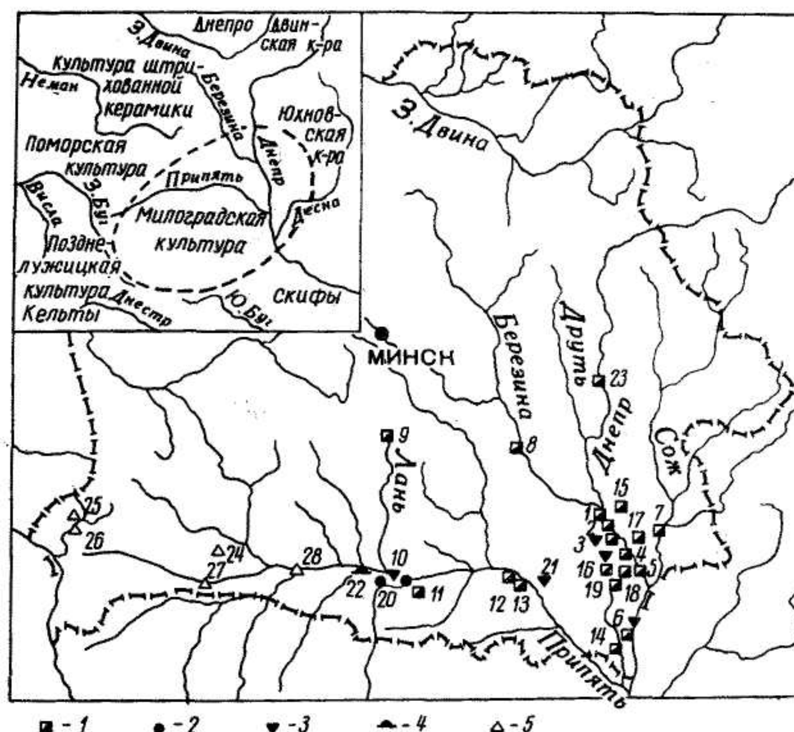

Рис. 49. Карта памятников милоградской (1—4) и могильников поморской (5) культур. Условные обозначения: 1 — городища, *2* — селища, *3*— бескурганные могильники, *4* — курганные могильники, *5* — бескурганные могильники поморской культуры.

Памятники: 1—Милоград. 2—Глыбов, 3—Горошково, 4—Чаплин, 5—Мохов-1, 6—Асаревичи. 7—Любны, 8—Щатково, 9—хутор Городище у Клецка, 10—Погост, 11 —Бечи. 12—13—Ясенец, 14—Чикаловичи, 15—Черное, 16—пос. Храбрый, 17—Копань. 18—Липняки, 19-Колпень, 20-Хильчицы, 21—Боровики, 22—Дубой, 23—Яново, 24—Дрогичии, 25—Ротайчицы, 26—Тростяницы, 27—Леликово Кобринского района, 28—Пинск; во врезке: ----------- примерная территория милоградской культуры в Поднепровье

20 кв. км обнаружено 11 селищ. Аналогичные селища есть также в Петриковском, Мозырском, Калинковичском, Наровлянском районах Белорусского Полесья. Селища эти располагаются по преимуществу в местах с плодородными почвами, по берегам рек, имеющим высоту до 3—4 м. Судя по подъемному материалу, площадь селищ достигает 1 га, а иногда больше. Селища, как правило, располагаются группами. Недалеко от них, в глухих и сильно заболоченных местах, есть городища-убежища. Одна из таких групп расположена при впадении Ствиги в Припять. Очень интересное селище этой группы выявлено на северной окраине деревни Погост Житковичского района, в урочище Сырец, на правом берегу старицы Припяти (Малый Старик). Высота селища над

летним уровнем воды в реке около 4 м. Площадь этого поселения весьма значительна. Мощность культурного слоя 0,6—0,7 м. Здесь на площади раскопа в 200 кв. м выявлено полуземляночное жилище, в заполнении которого найдена милоградская керамика. Рядом с селищем с юго-восточной стороны находится бескурганный могильник, на котором вскрыто одно погребение..

Городищ-убежищ в Полесье насчитывается не менее пятидесяти. Все они расположены среди болот, в трудно проходимых местах, на небольших всхолмлениях. Их обычные размеры колеблются в пределах 3—5 га. Культурный слой на городищах отсутствует. Одно из самых больших городищ такого типа в Белорусском Полесье находится в 1 км южнее деревни Бечи, в 3 км от правого берега Припяти и на таком же расстоянии от правого берега Ствиги. Окружающая городище местность почти со всех сторон заболочена. Лишь его площадка, окруженная со всех сторон валом, возвышается над заболоченной местностью на 2 м. В плане городище имеет треугольную форму с закругленными углами. Длина вала в периметре 1410 м. Площадь всего городища около 9,5 га. Высота вала 1—2 м, ширина 10—12 м. Площадка разделена внутренним валом на две части: западную — в 2,6 га и восточную — более 6,8 га.

В некоторых местах Полесья городища-убежища располагаются парами на расстоянии одно от другого в 1 км, например два городища у деревни Ясенец Мозырского района[3]. Они имеют овальную форму, площадка каждого из них укреплена двумя валами и рвами. Очень интересное городище у деревни Чикаловичи Брагинского района. Оно располагается в 1 км от реки Брагинки, имеет овальную форму, окружено двумя валами (10—20 м один от другого), между которыми в двух противоположных концах насыпаны валы-перемычки. Они разделяют площадку между наружным и внутренним валом почти на две равные части. Это городище имеет три площадки (рис. 50).

Днепровский вариант. Поселения. В поречье Днепра основной тип поселений — городища. В настоящее время известно не менее двухсот городищ. Чтобы установить время их сооружения и изучить системы укреплений, были сделаны разрезы валов на Чаплинском и Горошковском [5] городищах. Установлено, что под валами этих городищ есть небольшие прослойки культурного слоя, в котором обнаружены вещи милоградской культуры. Следовательно, милоградская культура на территории БССР возникла до появления городищ.

По условиям расположения городища могут быть разделены на мысовые и болотные (рис. 50). Первые устраивались на высоких берегах рек, вторые — вдали от них. Мысовые городища сооружались на крутых берегах рек, высота которых от уровня поймы достигала от 10 до 20 м. С одной стороны мыс обычно был ограничен рекой, с другой — оврагом. В некоторых случаях мыс ограничивался оврагами с двух сторон. Валы и рвы, как правило, устраивались с открытой, напольной стороны. Форма городищ зависела от конфигурации мыса. В связи с этим городища имели разнообразные формы: треугольные, прямоугольные с округлыми углами, трапециевидные, яйцевидные и т. п. Чаще всего валы имеют дугообразную форму. Есть также городища с Г-образными валами. Вал на городище в Милоградах имеет П-образную форму. Размеры колеблются в пределах от 0,3 до 0,8 га. Некоторые городища имеют по два вала, однако большинство укреплялось одним.

Горошковское, Милоградское городища разделены валами на, две площадки. Наиболее исследованное поселение — Горошковское городище Речицкого района. Оно располагается на правом довольно высо-

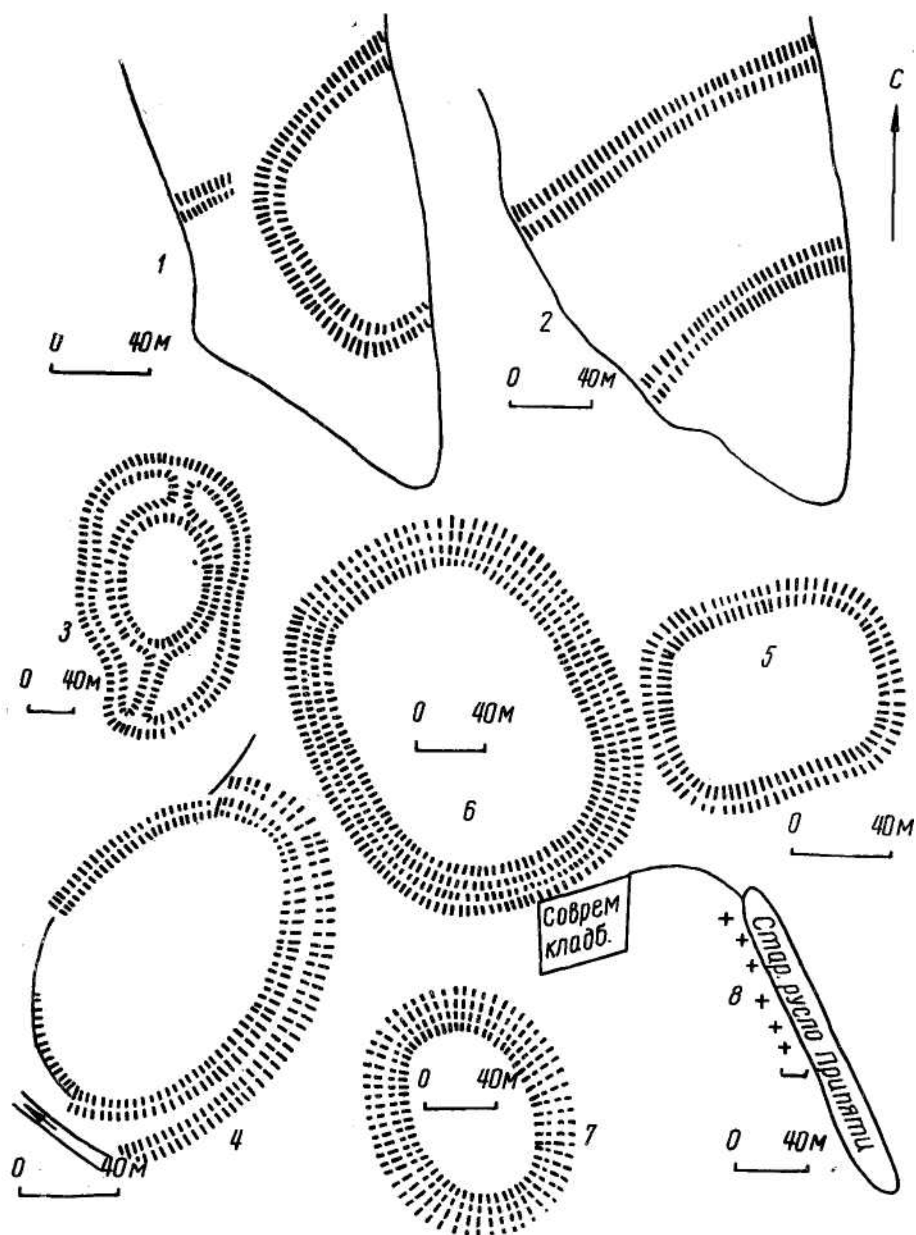

Рис. 50. Планы поселений милоградской культуры:

1—7—городища, *8*—селище и могильник. 1—Милоград, *2*—Горошково, 3—Чикаловичи, *4* — Щатково, 5—Копань, *6*—7—Ясенец, *8*—Погост

ком берегу Днепра, на северной окраине деревни. С восточной стороны городище примыкает к пойме Днепра, а с юго-западной — к широкому и глубокому оврагу. Площадка имеет треугольную форму. Ее максимальная длина 90 м, ширина (у самого вала) около 100 м. Дугообразный вал тянется от кромки высокого берега Днепра в сторону оврага. Длина до 115 м, высота до 2 м, ширина у основания до 20 м. Размеры площадки около 0,5 га. Она несколько наклонена в сторону стрелки мыса. Мощность культурного слоя в среднем 0,4—0,7 м.

В 80 м от первого вала в сторону плато есть второй вал также дугообразной формы. Его длина около 180 м. На площадке, заключенной между двумя валами, культурный слой отсутствует. По обе стороны второго вала, у кромки берега, располагается бескурганный могильник. Второй могильник, но уже более позднего, зарубинецкого времени — в нескольких десятках метров от второго вала.

Болотные городища находятся обычно на растоянии 3—5 км от берегов рек, на небольших всхолмлениях, среди болот. Количество таких городищ по сравнению с мысовыми невелико — известно лишь несколько десятков. Они выявлены и на правобережье, и на левобережье Днепра, Березины, Сожа и других рек днепровского бассейна. Почти каждое болотное городище было заселено, о чем свидетельствует наличие культурного слоя на площадке. Эти городища имеют сравнительно небольшие размеры —от 0,5 до 1 га. В плане они круглые или прямоугольные со слегка закругленными углами. Укреплены городища со всех сторон кольцевыми валами. Около некоторых из них обнаружены селища. К болотным городищам относятся Копань, Храбрый Речицкого района; Василевка Гомельского района; Липняки, Уборки Лоевского района и др.

Жилища и хозяйственные постройки. Характерная черта милоградской культуры — своеобразные жилища. Они разделялись на два типа: полуземлянки и наземные столбовой конструкции. Первый тип встречается довольно редко. Одно полуземляночное жилище обнаружено на Моховском городище Лоевского района. В плане овальное, длина его около 8 м, ширина 6 м. Нижняя часть углублена в материк на 1 м и имеет корытообразную форму. По краям жилища — ямки, в которые под углом вставлялись жерди. Верхний конец жердей прикреплялся к столбу, поставленному в центре. Жилище имело вид юрты. Очаг располагался в центре и имел вид простого костра. Внутри обнаружены многочисленные предметы, среди которых особый интерес представляет железное тесло. Аналогичные предметы широко распространены в скифских и гальштатских древностях и датируются VI в. до н. э. На основании этого можно полагать: как и поселение в целом, жилище относится к началу существования милоградской культуры на территории Белоруссии. Второе полуземляночное жилище обнаружено на селище близ деревни Погост Житковичского района. Оно было углублено в материк на 0,3 м. Здесь обнаружен раздавленный круглодонный горшок милоградской культуры.

Наземные жилища столбовой конструкции вскрыты на городищах и селищах (рис. 51: 1—4). Размеры их небольшие и колеблются в пределах 10—16 кв. м. В плане — квадратные или прямоугольные, иногда с закругленными углами. Сооружались они в основном на ровном месте. Стены жилищ делались из бревен, которые в углах вплотную подгонялись друг к другу. С наружной или внутренней сторон стен ставились столбы, к которым прикреплялись бревна. Столбы противоположных стен вверху скреплялись, и на них держался потолок и крыша. Вход делался в одной из стен или в углу. Очаги открытые. Аналогичный способ сооружения жилищ был распространен в железном веке и на территории Польши.

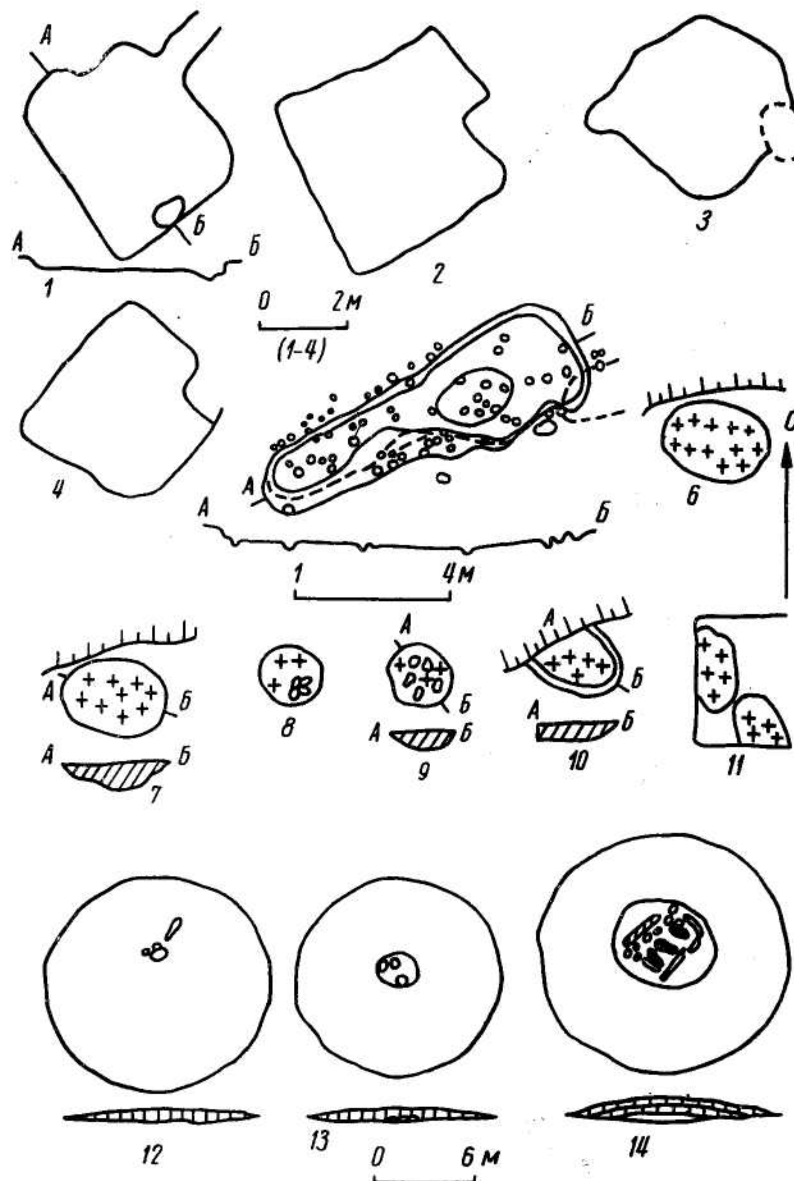

Рис. 51. Планы жилищ и погребений милоградской культуры:

1-4—жилища, *5—11*—бескурганные погребения, *12—14*—курганы. 1—2—Милоградское городище, *3 — 4*—Горошковское городище, *5—11* различные типы погребальных ям Горошковского могильника, *12—14*—курганы в Дубое

При раскопках поселений выявлены следы ям-погребов и других хозяйственных ооружений. Почти около каждого жилища был небольшой погреб в виде ямы с приступками. Такие постройки хозяйственного типа имели перекрытия, как в шалаше[6].

Погребальный обряд. Для племен милоградской культуры характерны трупосожжение и трупоположение. Могильники этой культуры делятся на два типа — бескурганные и курганные. Бескурганные распространены на всей территории милоградской культуры, а курганные—в Полесье и на Волыни. На Волыни обнаружены курганные погребения, восходящие к эпохе бронзы.

Бескурганные могильники на территории БССР открыты близ деревень Горошково, Боровики (Мозырского района), Чаплин, Погост. Один из них найден в деревне Рудяки (северная Украина). Бес-курганные — в Ровенской области. На территории Белоруссии обнаружено не менее десяти могильников милоградской культуры. О. Н. Мельниковская наиболее полно исследовала бескурганный могильник в Горошкове, где вскрыто не менее 70 погребений с сожжением. Все погребения ямные. Ямы имели в основном круглую форму. Их глубина в материке колеблется в пределах 0,4—0,6 м. Круглые ямы имели диаметр от 0,5 до 1,5 м, а овальные — длину до 1,8 м, ширину —0,8 м. Ориентировка овальных ям была в основном с северо-востока на юго-запад. Большинство погребений (около 78%), кроме сожженных костей чаловека, ничего не имело. В 15 погребениях были предметы материальной культуры: обломки лепных сосудов (некоторые из них имеют полный профиль сосуда), пряслица, булавки, бронзовое кольцо скифского типа стремя выступами. Целых сосудов не встречено. По-видимому, сосуды во время погребального ритуала разбивали и в яму бросали лишь обломки. Три целых сосуда как исключение найдены в могильнике близ деревни Боровики. В некоторых погребениях в Горошкове обнаружены куски красной и желтой охры. Кальцинированных костей в погребальных ямах обычно мало, и все они, как правило, очищены от угля и золы (рис. 51: 5—11). В отдельных погребениях найдены камни. Несколько погребений содержали по одному необожженному зубу от крупного рогатого скота. Кроме того, обнаружены ямы без костей человека, но с керамикой милоградского типа. В двух ямах, расположенных в нескольких метрах одна от другой, находились две половинки одного и того же сосуда[7]. Интересно, что совершенно аналогичен могильник в Погосте, где обломки одного и того же сосуда были в погребении и в яме без костей, которая располагалась в двух метрах от погребения. В погребении Погоста найдены небольшое количество кальцинированных костей и необожженные кости животных.

Как уже отмечалось, курганные могильники милоградской культуры на территории БССР есть и в Полесье. Один из них находится у деревни Дубой Сталинского района Брестской области, в низовьях Горыни. Этот могильник располагается на лугу чз сравнительно низком месте. По данным Ю. В. Кухаренко, здесь около 60 круглых в плане курганов диаметром от 6 до 22 м, высотою до 2 м. В 1955—1956 гг. было вскрыто 13 курганов. Для всех характерно трупоположение. Кости очень плохо сохранились. В курганах обнаружены одиночные и коллективные погребения (до трех скелетов). Ориентировка погребений — толовой на юго-восток. Захоронения производились в подкурганных ямах или на грунте. Подкурганные ямы были глубиной до 1 м. В отдельных курганах сооружены деревянные постройки прямоугольной формы, в которых помещались трупы. В погребениях найдены лепные круглодонные сосуды, наконечники копий, украшения и др. В отдельных курганах найдены предметы материальной культуры. Копья этих курганов (а их здесь всего пять

экземпляров) по типу аналогичны гальштатским, а некоторые из лепных сосудов напоминают собой высоцкие. Эти вещи и позволяют датировать вскрытые дубойские курганы второй четвертью I тысячелетия до н. э. В этом могильнике прослеживается социальное разделение погребенных. Один из богатых курганов (№ 5) имел большие, чем остальные, размеры: диаметр 22 м, высота около 1,5 м. Верхняя часть кургана из плотного суглинка. Под его насыпью, почти на уровне материка, были погребены двое взрослых и подросток. Они лежали на овальной насыпной площадке из желтого речного песка, ориентированной с северо-запада на юго-восток. Длина площадки 5 м, ширина 3,5 м. В юго-восточной ее части обнаружены уголь и зола. Возможно, что это следы тризны. У головы одного из взрослых золотая серьга — калачик с гвоздевидной шляпкой, у ног лежали обломки лепного сосуда. Под останками черепа второго взрослого — железный наконечник копья, у ног — раздавленный горшок. Вещей около скелета подростка не было (рис. 51 : 12—14).

Хозяйство и материальная культура. В эпоху железного века с распространением железных орудий труда появилась возможность более интенсивно заниматься земледелием. Железные орудия труда постепенно вытесняли предметы из камня, кости, рога, дерева и др. Дальнейшего развития достигло и скотоводство. Эти две производящие отрасли постепенно становились основными в хозяйственной деятельности людей. Это обстоятельство доказывается археологическими данными. Клад железных серпов обнаружен на городище в Горошкове. По типу все серпы напоминают скифские. Зерно растиралось здесь на каменных зернотерках. Они часто встречаются на поселениях. На некоторых лепных сосудах есть отпечатки зерен культурных злаков и соломы. Основной формой земледелия у всех племен милоградской культуры было подсечное огневое земледелие. Можно предполагать, что в местах более плодородных почв могло распространяться и пашенное земледелие. Орудия труда для обработки почвы, судя по аналогии с племенами других культур, вероятно, делались из дерева (рало, суковатка, копаница и др.). Применение железных орудий труда позволило отдельным группам этих племен в поисках лучших земель от берегов крупных рек уходить в глубь лесов. Можно предполагать, что вследствие этого и появились болотные городища.

Важной отраслью хозяйственной деятельности было скотоводство, тесно связанное с земледелием. Судя по данным остеологического определения, домашним животным принадлежало 83,6% костей. В состав стада входили все современные виды домашних животных: крупный рогатый скот — 39,2%, лошади — 30,1, мелкий рогатый скот (овцы, козы) — 16,8, свиньи — 13,9% [8]- Обнаружены также кости собаки.

Присваивающие отрасли хозяйственной деятельности (охота, рыболовство, собирательство) также играли определенную роль в экономике племен этой культуры. Об охоте свидетельствуют находки остеологических материалов диких животных. Объектом охоты были крупные такие животные: лось, зубр, благородный олень, медведь, кабан и др. Охота велась также и на пушного зверя.

Племена милоградской культуры занимались разнообразными домашними производствами. Из них по экономической значимости на первое место следует поставить производство железа из местных болотных руд. Производством железа занимались на каждом поселении. Об этом свидетельствуют находки криц и шлаки на всех тех памятниках, которые подвергались раскопкам. Из железа изготовлялись топоры, серпы, наконечники копий, дротики, стрелы, ножи, долота, шилья, посоховидные булавки с эсовидной головкой, браслеты и другие вещи. Эти предметы встречаются всюду.

В эпоху раннего железного века бронзолитейное производство получило дальнейшее развитие. Можно полагать, что бронза привозилась, так как на территории Белоруссии, как уже отмечалось, нет компонентов для получения этого сплава. На поселениях обнаружены тигельки, льячки, формочки, куски сплавленной бронзы.

Домашними промыслами были также изготовление лепным способом глиняных сосудов и других предметов из глины, обработка камня, кости, рога, прядение, ткачество, изготовление одежды, обработка кож. Таким образом, племена милоградской культуры производили все необходимое для удовлетворения повседневных нужд.

Важные элементы милоградской культуры выявляются в керамике (рис. 52: 1—4, 14—17). Сосуды, за исключением некоторых деталей, почти всех памятников одинаковы по форме, фактуре и орнаменту. Их можно разделить на две группы: сосуды без шеек и с шейками. Пер-г.ые шарообразные с усеченной верхней частью, а вторые яйцевидные. Поверхность сосудов шероховатая или слегка заглаженная. У большинства сосудов обеих групп высота и диаметр тулова почти одинаковы. Размеры самые разнообразные и колеблются в пределах 15—30 см. Однако часть сосудов имеет меньшую, чем диаметр, высоту и, наоборот, у некоторых из них высота несколько превышает диаметр тулова. Некоторые сосуды имеют слегка уплощенное днище. Они характерны для раннего этапа милоградской культуры. В качестве примеси добавлялась дресва или крупнозернистый песок. Кроме того, в Полесье в глину изредка добавлялся и шамот (черепки битых сосудов). Цвет глины варьирует от темно-коричневого до желтого. Обжиг относительно хороший. Толщина стенок колеблется в пределах 0,3—1 см.

Встречаются сосуды как неорнаментированные гладкостенные, так и с орнаментом. И тех и других сосудов на городищах, селищах и могильниках найдено примерно одинаковое количество. Орнамент на сосудах довольно прост — украшен край венчиков, шейка или верхняя часть тулова. Орнамент состоит из ногтевых вдавлений, насечек, круглых ямочек с наружной или внутренней сторон. Этот вид орнамента очень широко распространен в Полесье. На некоторых сосудах ямки нанесены круглой, заостренной или плоской палочкой, поставленной под разным углом по отношению к поверхности сосудов. На памятниках милоградской культуры, расположенных в пограничной полосе с культурой штрихованной керамики, встречаются сосуды покрытые штрихами, а в зонах стыков с племенами южновской, скифской, высоцкой и лужицкой культур — сосуды с орнаментом, характерным для этих культур. В некоторых местах были заимствованы даже формы сосудов других племен. Так, некоторые сосуды дубойских курганов имеют грушевидную форму и сосковидные налепы в верхней части тулова. Один из таких сосудов обнаружен в дубойском кургане № 7. Он имеет высоту около 46 ом. Горло сужено, кран венчика сильно отогнут наружу. Диаметр по верху около 17 см. Тулово находится в средней части и в диаметре равно 38 см. Низ округлый и несколько уплощен. В месте перехода шейки в тулово четыре сосковидных налепа. Эти сосуды характерны для племен высоцкой культуры, обитавших в верховьях Горыни. В бассейне верхнего Днепра такие сосуды не встречаются.

Весьма характерны для милоградской культуры своеобразные глиняные грузики (пряслица), повторяющие форму сосудов (рис. 52: 5,9—12). Эти изделия встречаются только в памятниках этой культуры. Их обычная высота и диаметр равны 2—3,5 см. Грузики (пряслица) найдены с орнаментом и без него. Многие из орнаментированных грузиков украшены таким же узором, как и сосуды. Часть таких вещей орнаментирована

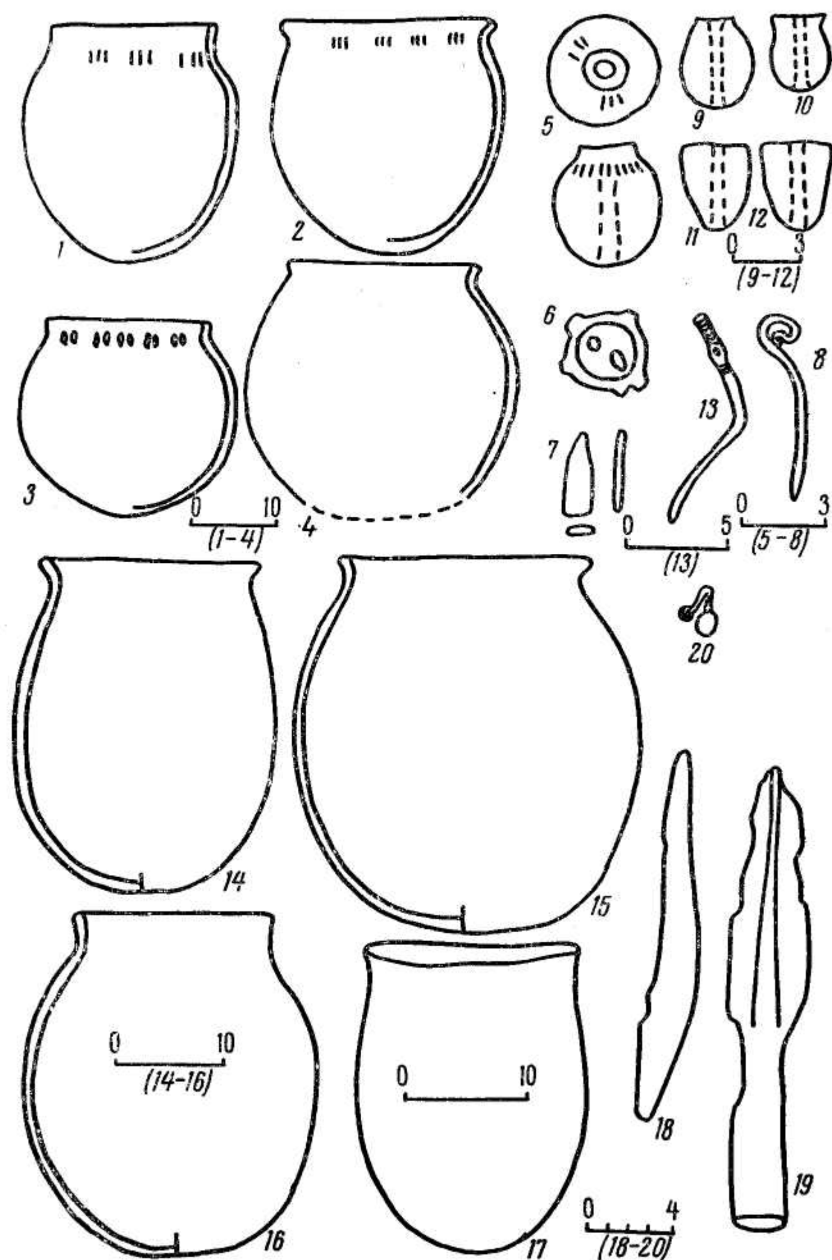

Рис. 52. Изделия милоградской культуры:

1—4, 14—17—круглодонные сосуды, 5, *9—12*—пряслица и грузики, *6* — бронзовое кольцо с выступами, 7—железный наконечник стрелы, *8, 13*—булавки, *20*—золотая подвеска, *18*—железный нож, *19*—железный наконечник копья. *1—8*—Горошковский могильник, *13*—Чаплинское селище, *14—20*—Дубойские курганы

заштрихованными треугольниками, поясками, кружочками, лесенками, елочками, чего нет на глиняных сосудах. Такой орнамент характерен для эпохи бронзы среднего Поднепровья. Племенам милоградскои культуры тоже свойственны грузики других форм — блоковидные, цилиндрические, крестовидные, плоские с пятью и более вырезами по краям и др.

На памятниках милоградской культуры встречается разнообразное вооружение: наконечники копий, дротики и наконечники стрел. Несколько дротиков найдено в Горошкове. По типу они раннескифские. Наконечники копий (5 экземпляров) обнаружены в Дубойских курганах (рис. 52: 19). Все они втульчатые, с листовидным пером, все одного типа. Одно из копий кургана № 5 в длину 20 см. Длина пера около 11 см, ширина до 4 см. По обе стороны пера есть ребра, плавно переходящие во втулку. Такие копья характерны для гальштатской культуры и для древностей скифов VII—VI вв. до н. э.[9]. Вероятнее всего, копья и дротики попали к племенам милоградскои культуры непосредственно от скифов. Наконечники стрел представлены двумя типами. Первый тип — трехгранные скифские и второй — местные железные плоские треугольной формы (рис. 52: 7). Те и другие наконечники стрел обычно имеют длину 3—5 см. Находки стрел скифского типа позволяют предполагать, что на территорию племен милоградской культуры проникали скифы с целью захватить военную добычу. С наружной стороны вала городища в деревне Асаревичи Брагинского района найдено большое количество скифских стрел.

Орудия труда представлены топорами, серпами, ножами с горбатой спинкой и другими предметами (рис. 52: 6, 8, 13, 18, 20). Были распространены разнообразные украшения: браслеты, посоховидные булавки с эсовидной головкой и гвоздевидные скифские, многочисленные подвески, серьги скифского типа и др.

Как уже отмечалось, часть оружия, орудий труда, украшений имеют аналогии в скифских и гальштатских древностях. На территории милоградскои культуры найдены также предметы высоцкой, лужицкой и раннелатенской культур. Все это позволяет предполагать, что племена милоградскои культуры находились в контакте с соседними племенами, в результате чего и проник сюда импорт других культур. Особенно интересны латенекие вещи, обнаруженные в Горошкове: железная раннелатенская цепь, клад браслетов, состоящий более чем из десяти экземпляров. Все вещи датируются IV—III вв. до н. э.

Племена милоградскои культуры бассейна верхнего Днепра имели связи с племенами культуры штрихованной керамики, в результате этого отдельные черты их проникли к обитателям культуры милоградского типа. Особенно это относится к племенам, которые обитали севернее устья Березины.

Самые ранние вещи, обнаруженные в древностях этой культуры, датируются VII—VI вв. до н. э., а поздние— III в. до н. э. О ранней датировке свидетельствуют копья из Дубоя, тесло из Мохово-I, а о поздней — клад браслетов раннелатенской культуры из Горошково. Однако в настоящее время в литературе распространена точка зрения О. Н. Мельниковской[10] о хронологических границах милоградскои культуры в пределах VI в. до н. э. по I в. н. э. Поздняя дата ею обосновывается материалами раскопок одного жилища в Милоградах, в котором выявлены в качестве датирующих вещей две позднелатенские фибулы, керамика килоградской культуры. В этом же жилище была керамика зарубинецкой культуры. Такое сочетание позволяет предполагать, что керамика милоградскои культуры попала в более позднее жилище уже из культур-

ного слоя. Поэтому впредь до накопления новых материалов и решения вопроса хронологии милоградской культуры более правдоподобная датировка этой культуры в пределах с VII в. до середины III в. до н. э. Однако начальный и заключительный этапы культуры по мере накопления новых данных будут уточняться.

Общественный строй. Религиозные представления. Племена милоградской культуры находились на стадии разложения первобытнообщинных отношений. Распространение среди этих племен однокамерных жилищ дает основание предполагать, что внутри родовых общин начали нарушаться родовые связи. Археологические данные позволяют считать, что нарушение таких связей раньше началось у племен южной и юго-восточной Белоруссии, чем у племен средней и северной частей БССР, где вплоть до середины I тысячелетия н. э. сооружались коллективные многокамерные жилища. Коллективный характер производства племен милоградской культуры, особенно в тех местах, где была распространена подсечная система земледелия, сдерживал их общественное развитие. Индивидуализация производства, повышение производительности труда, обмен способствовали накоплению материальных ценностей. Все это, вместе взятое, приводило к имущественному неравенству и расслоению общества. Этим может объясняться наличие кладов на городище Горошково (кельтских украшений, железных орудий труда и др). К милоградской культуре, видимо, может быть отнесен клад двух бронзовых кельтов и железного копья гальштатского типа, найденный в 1930 г. около деревни Урицкое Гомельского района[11]. Социальным расслоением, видимо, может быть объяснено и наличие различных по богатству захоронений в Дубойских курганах, в одном из которых была даже золотая серьга.

Один из трудных вопросов истории населения милоградской культуры — изучение идеологии: взглядов и религиозных представлений. Однако можно предполагать, что в основе религиозных представлений лежало обожествление сил природы. Главное место отводилось Солнцу и другим небесным светилам. Этим, вероятно, объясняется наличие солярных знаков на некоторых глиняных изделиях, в частности на грузиках. О. Н. Мельниковская считает, что у милоградоких племен был распространен культ коня [12]. С этим культом связываются многочисленные глиняные фигурки лошадей, которые выполнены довольно реалистически. Многие из них были разбиты. Культовое значение, видимо, имели и другие животные. Вероятно, этим можно объяснить находки костей домашних и диких животных в погребениях. Зубы животных и их кости использовались как амулеты, которые в представлениях людей были колдовским средством, якобы предохраняющим от вражеского «чародейства», болезней и т. д.

Происхождение и этническая принадлежность. О. **Н.** Мельниковская племена милоградской культуры отождествляет с неврами Геродота и полагает, что сама культура сформировалась на Волыни, откуда она проникла в Полесье, в среднее Поднепровье и позднее в бассейн верхнего Днепра [13]. Это обстоятельство она связывает с сообщением Геродота о переселении невров на земли буди нов [14]. Другие исследователи .возражают против отождествления невров с милоградской культурой. В. В. Седов считает, что основа этнонима невры находит объяснение на балтской почве и располагается за пределами милоградской культуры [15].

Есть основания предполагать, что территория племен милоградской культуры была значительно шире и не ограничивалась только Волынью. В эту территорию могут -быть включены бассейн Припяти и верхнего Днепра. Здесь в памятниках бронзового века выявляются керамические

материалы с таким же орнаментом, как и на милоградских городищах и селищах. Вопросы генезиса милоградской культуры могут быть решены на основании изучения древностей поздней бронзы на территории Поднепровья.

В этническом отношении население племен милоградской культуры некоторые советские археологи (Ю. В. Кухаренко, Е. А. Шмидт, В. В. Седов и др.) отождествляют с балтами. Это они пытаются доказать наличием здесь балтийской гидронимики. Действительно, на территории милоградской культуры, по данным В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, есть слабый пласт балтийских гидронимов [16]. Однако эти гидронимы во многих случаях не имеют достаточно надежной датировки. Поэтому не всегда на основании гидронимических данных можно категорично решать вопросы этнической принадлежности той или иной культуры. Кроме того, многие языковеды придерживаются взгляда, что после распада индоевропейской языковой общности существовала общность балто-славянская. Поэтому гидронимы могли быть общими как для балтийских, так и для славянских племен. Следовательно, языкознание и данные археологии не располагают еще убедительными доказательствами принадлежности милоградской культуры к балтийским племенам. Милоградская культура отличается от балтийской (в частности, от культуры штрихованной керамики) типами поселений, жилищ, погребальным обрядом, предметами быта, в особенности круглодонной керамикой, системой орнамента и др. Наличие некоторых балтийских черт в этой культуре (в керамике) объясняется связями, существовавшими между племенами. Как известно, связи существовали не только между родственными в этническом отношении племенами, но также и вдежду различными этническими объединениями.

Поэтому, если основываться только на отдельных элементах культуры, в равной степени можно видеть этническую близость милоградской культуры и со скифами. Вероятнее всего, племена милоградской культуры выделялись в самостоятельную группу протославян после распада балто-славянской общности. Эти племена, видимо, сохраняли какие-то черты индоевропейской общности.

Однако все эти вопросы требуют уточнений, дополнительных исследований.

Вопрос об этнической принадлежности племен милоградской культуры связан также с проблемой датировки заключительного ее этапа, с дальнейшей судьбой племен, с отношением к зарубинецкой культуре и др. По всем этим проблемам в историографии существует несколько точек зрения, которые часто исключают друг друга. Так О. Н. Мельниковская, признавая славянскую принадлежность милоградской культуры, по существу отрицает ее связь с зарубинецкими племенами (большинство советских археологов считает эту культуру славянской) и полагает, что она существовала до I в. н. э. Таким образом, чтобы быть логичным и последовательным, нужно признать, что одновременно существовали две славянские культуры: милоградская и зарубинецкая. При изучении могильников зарубинецкой культуры в белорусском Поднепровье такое сосуществование не наблюдается. Наоборот, культуры этих племен довольно четко разделяются.

Многие вопросы исторического развития племен милоградской культуры в настоящее время спорны, но, можно надеяться, будут разрешены в результате дальнейших археологических изысканий и раскопок как на территории БССР, так же и в северной части УССР.

Племена поморской культуры на территории БССР. На территории юго-западной Белоруссии и западной части Украины в третьей четверти

I тысячелетия до н. э. из бассейна Вислы проникли поморские племена. Это западные соседи милоградской культуры. Племена эти в основном занимали территорию Польши. Этническая принадлежность племен поморской культуры не определена. С ними связывают славян, балтов или германцев. Для племен этой культуры характерны два типа памятников: открытые поселения и бескурганные могильники подклешевого типа с сожжением. Поселения раскопкам не подвергались. Изучались лишь могильники в Дрогичине, Ротайчицах, Тростянице Брестского района, Леликово Кобринского района, в Пинске и в других местах[17]. Остатки погребального костра в некоторых погребениях высыпались в урну (горшок) . Сверху урна прикрывалась мисочкой, а два эти сосуда — большим лепным сосудом (клешем). От этого и могильники получили название подклешевых. Урны и миски обычно были малых размеров. Поверхность их заглажена. Сосуды украшены разнообразным орнаментом. Клеши имели бугристую поверхность. В некоторых захоронениях из камней делались ящики, куда ставились сосуды и урна.

Во многих погребениях вместе с кальцинированными костями найдены зола и уголь. В могильниках, кроме сосудов, другие вещи попадаются очень редко. Так, IB Дрогичине обнаружена бронзовая раннелатенская фибула, которая содержит аналогии в памятниках кельтов и датируется в пределах V—III вв. до н. э. Это первая такая находка на территории БССР. Стеклянные бусы и бусы из красного камня обнаружены в погребениях в Тростянице и Ротайчицах. В некоторых погребениях в Тростянице и Скорбичах найдены куски сплавившихся бронзовых поделок.

2. ПЛЕМЕНА РАННЕГО ЭТАПА ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Расселение (середина III в. до н. э.—начало II в. н. э.). Археологические данные свидетельствуют, что племена зарубинецкой культуры в своем развитии прошли два этапа: ранний и поздний.

Зарубинецкая культура получила свое название от села Зарубинцы Переяслав-Хмельницкого района Киевской области, около которого в 1899 г. В. В. Хвойка впервые обнаружил беокурганный могильник [18]. Древности этих племен изучены мало. Не установлена даже территория их расселения. Территорию зарубинецкой культуры Ю. В. Кухаренко ограничивает в основном правобережьем Припяти и Днепра ниже впадения Березины, правобережьем и левобережьем лесной полосы Украины, средним течением Стыри и Горний. Таким образом, по мнению Ю. В. Кухаренко, племена этой культуры занимали меньшую территорию, чем племена милоградской культуры [19]. Однако исследования и раскопки памятников раннего железного века в разных местах белорусского Поднепровья, прилегающих к Белоруссии с восточной стороны Смоленской и Брянской областей, на территории УССР позволяют очертить значительно большую территорию зарубинецкой культуры. На севере граница этих племен проходила по водоразделу Припяти — Немана. В бассейне Лани (левый приток Припяти) располагаются памятники зарубинецкоА культуры (рис. 53), а в бассейне Немана—штрихованной керамики.

Этническая граница этих племен почти совпала с милоградскоГ; культурой. В бассейне средней Березины четкая граница не прослеживается, поскольку здесь есть широкая чересполосная зона, где на памятниках раннего железного века обнаружены материалы культур зарубиисцкой и штрихованной керамики. Граница проходила в бассейне Друти. Произведенные археологические работы на городище Хомичи Быховского района, расположенном на левом берегу Друти, дали такие же материалы, как и

памятники других зарубинецких городищ. В бассейне верхнего Днепра эти племена обитали южнее Могилева (рис. 53). На северо-востоке они заселяли юго-западные районы Смоленской области и граничили здесь с племенами днепродвинской культуры. На востоке эти племена обитали в бассейне среднего течения Десны и граничили с племенами юхновской культуры. На юге племена зарубинецкой культуры доходили до бассейна Росси (правый приток Днепра), верховьев Южного Буга и были северными соседями вначале скифских, а позднее сарматских племен. На юго-

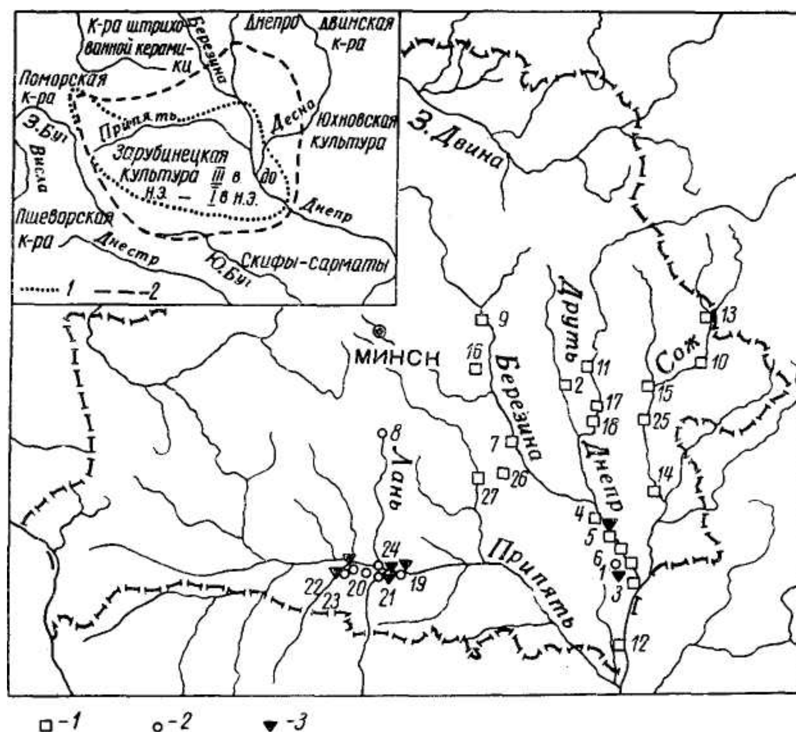
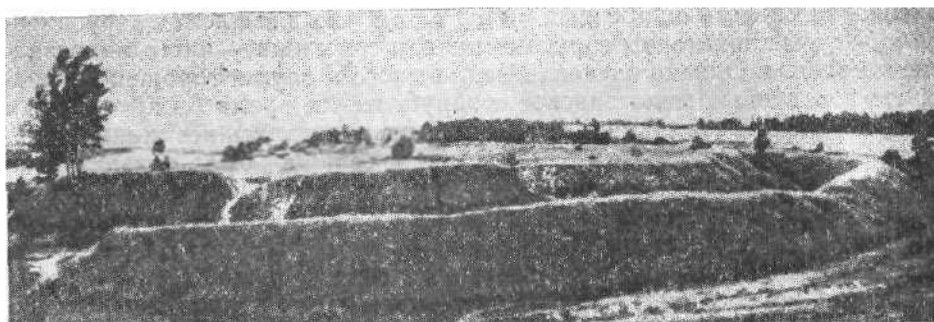

Рис. 53. Карта памятников раннего этапа зарубинецкой культуры.
Условные обозначения:
1 — городища, *2* — селища, 3 — бескургаиные могильники.

Памятники: 1—Чаплин, 2—Хомичи, 3—Мохов П, 4—Милоград, 5-Горошково, 6-Колочин-1, 7—Щатково, 8—Каплановичи, 9—Слободка, 10—Кричев, 11—Янозо, 12—Асаревичи, i3—Мстиславль, 14—Новоселки, 15—Славгород, !6—Богушевнчи, 17—Кистени, 18—Ви-1дкн, 19—Погост, 20—Велемичи-I и II, 21—Семурадцы, 22— Отвержичи, 23—Ремель, 24—иironино, 2о— Луначарск (Андружжа), 23—Павловичи, 27—Холопеничи; во врезке: . . . -------граница зарубинецкой культуры по Ю. В. Кухаренко. ----------- по П. Н. Третьякову, Л. Д. Поболю и др.

западе эти племена соприкасались с племенами латенской культуры — кельтами. На западе они занимали территорию до бассейна Западного Буга и граничили здесь вначале с племенами поморской, а позднее ншеворской культур. Граница племен зарубинецкой культуры во время дальнейших изысканий будет уточняться. Однако бесспорным можно считатч факт, что эти племена занимали значительно большую территорию, чем предполагает Ю. В. Кухаренко[20]. Племена зарубинецкой культуры'полностью перекрывали территорию милоградской культуры и в некоторых местах выходили за ее пределы. На севере, северо-востоке, востоке, юго-востоке, западе племена зарубинецкой культуры частично заняли земли, принадлежавшие ранее другим культурам и которые также существовали в период жизни племен зарубинецкого типа. Племена зарубинецкой культуры проникали в пограничные зоны почти всех своих соседей.

Локальные варианты в **белорусском Поднепровье.** На основании археологических данных прослеживаются различные варианты **зарубинецких** племен, из них на -территории Белоруссии можно выделить два: племена бассейнов Днепра и Припяти (Полесье). Для обитателей бассейна верхнего Днепра основным типом поселений были городища, сооруженные еще в более раньше время племенами милоградской культуры, а в бассейне Припяти — селища и городища-убежища. Распространение такого типа памятников, так же как и в более раннее время, можно пола-

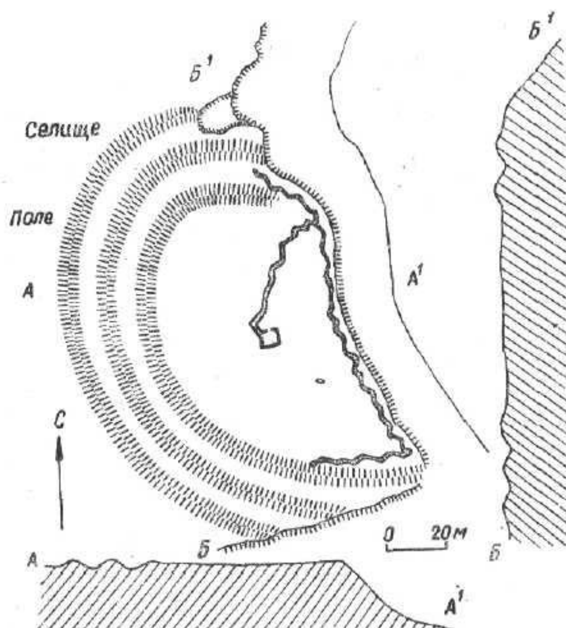

Рис. 54. Городище Вищин Рогачевского района. Вид северной стороны (верхний снимок), план с

гать, было связано с различными физико-географическими условиями, что уже отмечалось ранее. Для всех племен зарубинецкой культуры характерны только могильники бескурганного типа.

Памятники зарубинецкой культуры, в особенности поселения на территории БССР, по существу начали изучать с 1951 г., со времени образования Славянской экспедиции Института археологии АН СССР, возглавляемой профессором П. Н. Третьяковым. Отдельные памятники белорусскими археологами были обнаружены еще до Великой Отечественной войны. Материалы зарубинецкой культуры в бассейне верхнего Днепра обнаруживаются почти на каждом из мысовых и болотных городищ. Предметы, относящиеся к этой культуре, на городищах выделяются на

основании аналогичных находок в зарубинецких могильниках. Таких городищ известно не менее двухсот. Видимо, в зарубинецкое время многие из этих памятников были дополнительно укреплены как за счет досыпки валов, так и сооружения около некоторых городищ вторых валов. Около отдельных городищ возникли селища, которые, 'можно полагать, появлялись там, где не хватало места на площадке. В частности, известно селище около городища в Чаплине. Оно располагается между валом городища и бескурганным могильником, его площадь более одного га. Наличие таких селищ у городищ в бассейне верхнего Днепра позволило некоторым археологам сделать ошибочный (вывод о том, что для племен зарубинецкой культуры характерны только селища, а городища — чисто милоградские поселения. Однако изучение Чаплинского и других городищ показало, что городища в милоградское и зарубинецкое время были основным типом поселений. На площадке городищ располагались все жилые и хозяйственные постройки. Таких построек на селище было сравнительно немного. Археологические материалы на городищах выявляются в значительно большем количестве, чем на селищах. Эти данные и позволяют считать, что селища у городищ играли лишь'подсобную, вспомогательную роль. Из-за недостаточной изученности городищ нельзя абсолютно точно ответить на вопрос о том, были ли сооружены все 'городища только в милоградское время или, возможно, некоторые из них строились и племенами зарубинецкой культуры. Можно предполагать, что происходил естественный рост населения и поэтому, возможно, были случаи образования новых укрепленных поселений.

Одно из наиболее изученных поселений, на котором выявлено большое количество материалов зарубинецкой культуры, — Чаплинское городище. Площадь его около 0,6 га, укреплено одним дугообразным валом, с наружной стороны — рвом. Разрез вала показал, что за все время существования городища вал подсыпался три раза. К сожалению, не удалось установить время каждой из подсыпок. Помимо этого городища, большие материалы зарубинецкой культуры были обнаружены на городищах Мохов-П Лоевского района, Милоград, Горошково, Колочин-II Речицкого района, Щатково Бобруйского района и др.

В бассейне Припяти селища зарубинецкой культуры располагаются примерно в таких же топографических условиях, что и милоградские. Эти памятники изучены еще очень мало. Тем не менее известно до сотни таких памятников. Судя по концентрации в отдельных местах большого количества селищ, можно полагать, что по сравнению со временем милоградской культуры увеличилось количество населения. Так, в Туровском междуречье Припяти — Ствиги на площади до 20 кв. км обнаружено 17 селищ и 7 могильников раннего этапа зарубинецкой культуры. Площадь селищ, судя по подъемному материалу, составляет от 1 до 10 га. А одно из селищ около деревни Ремель Сталинского района занимает пространство в диаметре около 1 кв. км[21]. Селища зарубинецкой культуры часто располагаются рядом с селищами милоградской культуры или на одной и той же территории. Такие селища являются двухслойными памятниками. Селище зарубинецкой культуры в Погосте Житковичского района находится в урочье Панское поле рядом с селищем более ранним— милоградской культуры и тянется от него в западном направлении,вдоль старицы Припяти на расстоянии нескольких сот метров. Могильник зарубинецкой культуры, подобный этому селищу, располагается на юго-востоке от милоградского могильника. При небольших по размеру раскопках здесь выявлено два погребения зарубинецкой культуры. Рядом — селище и могильники зарубинецкой и милоградской культуры в Семурадцах Житковпчского района, на левом берегу Ствиги и в других местах.

Культурный слой на селище в Погосте прослеживается вдоль старицы на несколько сот метров. Его мощность составляет до 0,6—0,7 м, насыщен большим количеством вещей зарубинецкой культуры более раннего и позднего времени. Раскопкам подвергалось селище милоградской культуры у Велемич Столинского района. Здесь выявлены остатки трех полуземляночных жилищ и хозяйственные сооружения. Есть все основания предполагать, что племена зарубинецкой культуры при надобности использовали для укрытий городища-убежища более раннего времени. Однако не исключено, что некоторые из них могли быть сооружены и племенами этой культуры.

При раскопках поселений зарубинецкой культуры выявлено большое количество остатков жилищ (на территории БССР более трех десятков), хозяйственных наземных построек и ям-погребов. Все жилища небольшого размера — в пределах 10—24 кв. м. В плане в основном квадратные. Жилища разделяются на две группы: наземные и полуземляночные. Первые в основном сооружались пристолбовым способом и по типу напоминали жилища милоградской культуры. Более двух десятков таких жилищ выявлено на Чаплинском городище. Некоторые из столбовых наземных жилищ углублялись в культурный слой. Такого типа жилища были обнаружены на Мохов-II городище [22]. Жилища второй группы — это полуземлянки. Они характерны для Полесья. Три полуземлянки выявлены на селище в Велемичах [23]. Одна углублена в материк до 0,4 м. В плане неправильной прямоугольной формы и вытянута с севера на юг, длина около 6 м, ширина до 4 м. Стенки полуземлянки слегка наклонены. Ямы от столбов не прослеживались. Пол песчаный и совершенно ровный. В южной части расположена развалившаяся глинобитная печь; в глине— несколько камней. Рядом с печью на полу лежали обломки двух лепных сосудов. Кроме того, в заполнении ямы обнаружены обломки еще десятка различных сосудов зарубинецкой культуры. Такие же типы жилищ характерны и для зарубинецких племен других территорий.

Погребальный обряд. Погребальный обряд племен зарубинецкой культуры изучен сравнительно хорошо, поскольку в верхнем и среднем Поднепровье выявлено большое количество могильников бескурганного типа. Самый большой могильник этой культуры — Чаплинский. Он ярко характеризует погребальный обряд племен, обитавших в бассейне верхнего Днепра. Второй могильник обнаружен около городища Горошково. В Полесье раскопкам подвергались следующие могильники: в 1927 г. — Казаргать, а в послевоенное время — Воронине, Велемичи-I и II, Отвержичи, Ремель, Погост, Семурадцы (рис. 55: 3—7). В среднем Поднепровье могильники раскапывались у населенных пунктов Зарубинцы, Корчеватое, Койлов, Субботово и др. Судя по раскопкам этого типа памятников, у всех племен зарубинецкой культуры было распространено трупосожжение. Однако в среднем Поднепровье было широко известно и трупоположение. Так, из 103 погребений Корчеватовского могильника 33 были с трупоположением[24]. Этот обряд изредка встречается и в Полесье: в Велемичском-I могильнике обнаружено три трупоположения. Таким образом племена Полесья, как и Среднего Поднепровья, по погребальному обряду несколько отличаются от племен бассейна верхнего Днепра.

Наиболее полно исследован могильник бассейна верхнего Днепра — Чаплинский. Раскопки 1951 —1953 [25], 1956, 1957 гг.[26] обнаружили 282 погребения. В Горошкове выявлено 5 погребений [27]. Захоронения в Чаплине производились в круглых и удлиненных ямах. Диаметр первых в пределах 0,4—1,2 м, вторых длина 0,8—2,2 м, ширина 0,6—1 м. Для зарубинецкой культуры в основном характерны удлиненные ямы, их 78%, круглых—22%- Удлиненные ямы имели различные направления, но большин-

Рис. 55. Ранний этап зарубинецкоп культуры: 1—*2* — жилища, *3*—*6* — погребения, 7 — план памятников.

Памятники: *1*—Чаплин (№ 8), *2*—Чаплин (№ 9), *3*—7—Семурадцы Житковичского району

ство из них ориентировалось с северо-запада на юго-восток. Таким образом, размеры погребальных ям, их ориентировка, характер такие же, как и в могильниках милоградской культуры в Горошкове. Все погребения зарубинецкои культуры в Чаплине ямные. Остатки кремации ссыпались прямо в яму, а не в сосуды, как это было в некоторых погребениях в Полесье и в среднем Поднепровье. Трупосожжение происходило за пределами могильника, за исключением одного погребения, которое было произведено непосредственно в яме. В погребальные ямы клалось различное количество костей — от единичных до пятисот и более. Кроме того, до десятка погребений в Чаплине символические (кенотафы). Не исключено, что символический погребальный обряд совершался в честь родственников, погибших на чужбине. Большое количество погребений содержало очищенные от угля и золы кости. Они, вероятно, специально промывались. Часть погребений содержала остатки кострища: кости вместе с углем и золой, иногда уголь и зола высыпались в яму отдельной кучкой (рис. 56: 1,2).

В Чаплинском могильнике есть парные захоронения. Об этом свидетельствует антропологический анализ остатков костей и различные типы сопровождающих предметов материальной культуры (например, оружие, украшения и др.). Распространенным был такой ритуал — класть в погребальные ямы зубы и кости животных. Этот обычай характерен и для племен милоградской культуры. Он был широко распространен у населения среднего Поднепровья.

Значительная часть погребений Корчеватовского могильника содержала кости и зубы животных. В нескольких погребениях Чаплинского могильника, так же как и в милоградском могильнике в Горошкове, обнаружена охра. Часть погребений в Чаплине безинвентарная — предметов материальной культуры не было, только кости. Кроме того, определенное количество погребений содержало только обломки сосудов зарубинецкой культуры. Однако значительная часть погребений содержала различное количество вещей, от одного до десятка и более категорий. Наиболее распространенная категория вещей — керамика: миски и горшки. Преобладают миски. Погребений с сосудами 80%. Абсолютное большинство захоронений содержало только один сосуд. В небольшом количестве погребений по два сосуда и лишь в нескольких три. В четырнадцати погребениях лежали железные наконечники копий, в38—подковообразные фибулы и в таком же количестве погребений были среднелатенские фибулы. Позднелатенские фибулы содержали 46 погребений. Большинство погребений содержало по одной среднелатенской или позднелатенской фибуле. Однако часть погребений имела по две и три фибулы, а два — по четыре среднелатенских (рис. 56: 3—10).

Во всех погребениях выявлено большое количество орудий труда и украшений. В 18 захоронениях лежали железные ножи, один из них имел бронзовую рукоятку. В трех погребениях выявлены втульчатые топоры-кельты. Найдены также глиняные пряслица, зернотерки, песты, каменные бруски, железные шилья, иглы, браслеты, височные кольца, булавки и др. Особый интерес представляют античные (эллинистического времени) стеклянные бусы, найденные в 37 погребениях Чаплинского могильника. Количество бус в захоронениях различно, от одного до сотни экземпляров, а в одном даже около четырехсот штук. Почти все вещи в погребениях, за исключением сосудов, несут следы воздействия огнем. Это результат трупосожжения.

В бассейне Припяти раскопкам подвергалось до десятка могильников. Погребальный обряд в Полесье имеет некоторые особенности. Здесь были распространены ямные и урновые погребения с сожжением и трупополо-

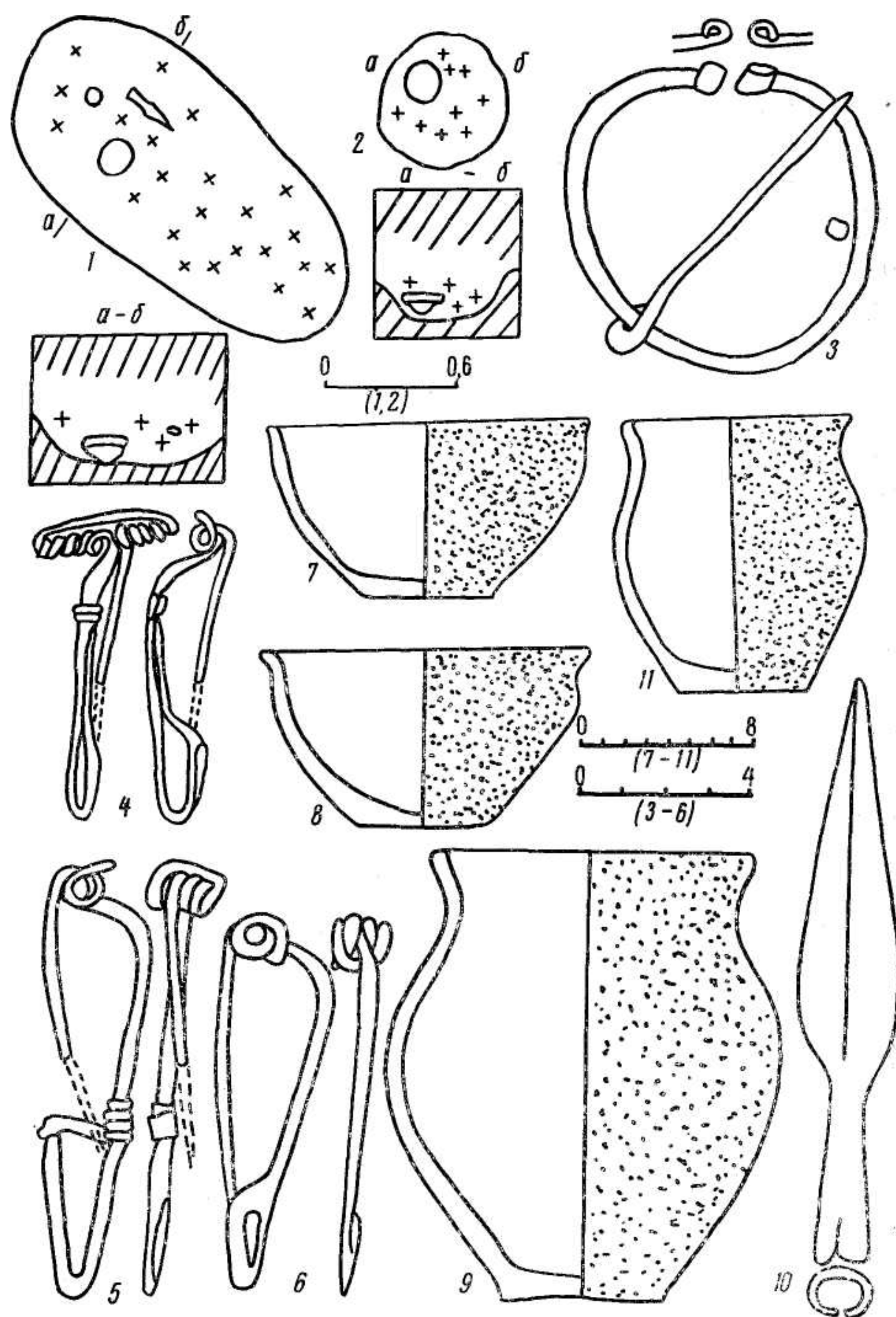

Рис. 56. Находки раннего этапа зарубинецкой культуры из Чаплина:

1—*2*—планы и профили погребений, *3*—подковообразная фибула, *4*—среднелатенская фибула, 5—фибула с подвязанной ножкой, *6*—позднелатенская фибула, 7—*9*—*11*—сосуды, *10*—железный наконечник копья

жением. Однако большинство погребений ямные. Погребения совершались в круглых и удлиненных ямах. Размеры их в основном такие же, как и в Чаплинском могильнике. Отличие заключается в том, что они ориентированы с запада на восток. Кроме того, в качестве сопровождающих вещей во многих погребениях найдены большие бронзовые булавки, не известные в Чаплине. В погребальных ямах довольно часто встречалось по три сосуда, среди них преобладали горшки.

В могильнике Семурадцы в погребениях встречены в основном сосуды малых размеров, по форме напоминающие большие сосуды зарубинецкой культуры (рис. 57: 2, 3, 7—12, 16, 17). Это дает основание считать, что в бассейне нижнего течения Ствиги обитала какая-то группа племен со своими особенностями, которые изготавливали миниатюрные сосуды для ритуальных целей. Эта древняя традиция восходит еще к высоцкой культуре. У всех же остальных племен зарубинецкой культуры территории БССР и среднего Поднепровья в погребальные ямы ставились большие сосуды таких же типов, какие встречаются на поселениях. В Полесье в большом количестве найдены среднелатенские и позднелатенские фибулы, их сейчас известно до сотни экземпляров (рис. 57: 1, 13, 15). Довольно часто встречаются разнообразные подвески, кольца, спиралевидные украшения и другие вещи. Редкие находки — наконечники копий, фибулы, ножи, браслеты и античные стеклянные бусы (рис. 57: 4—6, 14).

Хозяйство. Материальная культура. Археологические данные свидетельствуют, что основными отраслями хозяйственной деятельности племен зарубинецкой культуры были земледелие и скотоводство. О наличии земледелия говорят найденные серпы, каменные зернотерки, отпечатки зерен и соломы на сосудах зарубинецкой культуры. Можно полагать, что основной формой земледелия было подсечное. Однако на более плодородных почвах, так же как и у племен милоградской культуры, было, видимо, развито и пашенное. Одно из пахотных орудий труда — деревянное рало обнаружено в торфянике около деревни Каплановичи, в 10 км к югу от Клецка, в верховьях Лани. На расстоянии до двух километров от этой находки по берегам Лани вскрыто четыре древних селища, на которых попадаются материалы зарубинецкой культуры I в. н. э. Это и дает основание связывать эту находку с зарубинецкой культурой. Деревянный плуг не имеет железной рабочей части. Его длина около 2,6 м, длина ползуна, которым непосредственно рыхлилась земля, около 59 см. Он сделан из одного куска дуба: из сука изготовлен плоский в профиле грядиль, а часть ствола превращена в ползун, который имеет треугольную форму; его максимальная ширина 18 см. Несколько таких пахотных орудий известно на Украине и в Брянской области, и относятся они к скифской культуре. Рало в Каплановичах дает основание предполагать, что уже в раннем железном веке на территории БССР начал использоваться домашний скот (вол или лошадь) в качестве тягловой рабочей силы.

Серпы племен зарубинецкой культуры довольно часто встречаются на поселениях; в Чаплине обнаружено более десятка. Все они дугообразной формы, длина 20 см, ширина лезвия 2—2,2 см. Большинство из них такие, как и серпы милоградской культуры, они прикреплялись к рукоятке при помощи загнутой пятки. В Чаплине найдено и два серпа с другим устройством пятки. Один имел крючок в верхней части, который располагался в плоскости полотна, а другой прикреплялся к рукоятке при помощи двух боковых крыльев и крючка с тыльной стороны [28].

Развитой отраслью хозяйственной деятельности племен зарубинецкой культуры было скотоводство. Все те виды домашних животных, которые были известны племенам милоградской культуры, разводились также и в более позднее время. Охота, рыболовство и собирательство играли вспо-

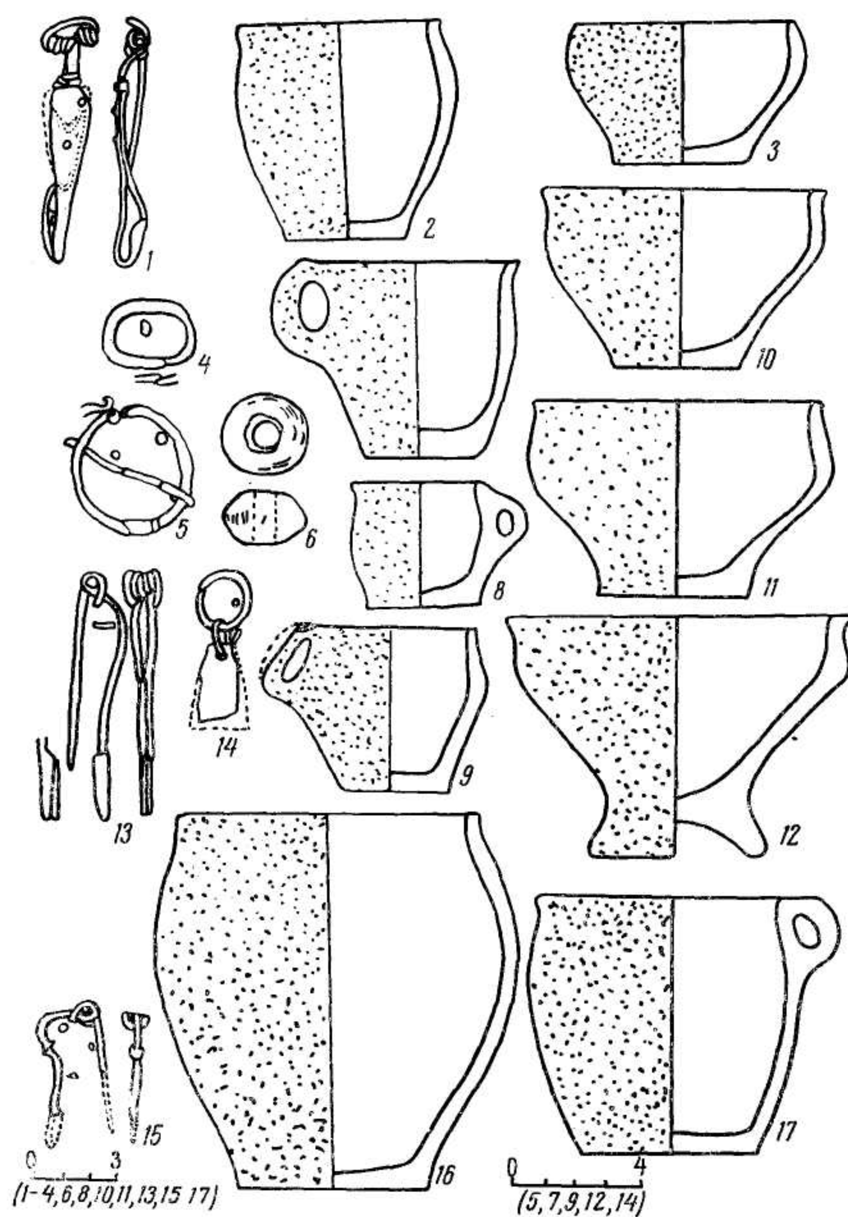

Рис. 57. Находки раннего этапа зарубинецкой культуры Полесья: 1- -4, 6, 8, 10, 11, 13, 15—17 — из могильника в Семурадцах, 5, 7, 9, 12, 14 — из могильника в Погосте Житковичского района

могательную роль в экономике. Среди этих племен были также распространены все те домашние занятия, которые появились и в более раннее время. Однако по сравнению с племенами милоградской культуры в обиходе в значительно большем количестве были распространены предметы из железа. На каждом памятнике находили ножи. Только в Чаплине обнаружено более 50, по форме они могут быть разделены 'на две группы: ножи с горбатой спинкой (или серповидные ножи) и ножи с прямой спинкой, в большинстве своем имеющие уступы со стороны лезвия и спинки. Они в основном свойственны ранней зарубинецкой культуре. Ыожи второй группы были характерны главным образом для более позднего времени. Кроме того, в Чаплине обнаружены ножи редких типов. Один из них имел широкое лезвие и бронзовую рукоятку, к которой была прикреплена цепочка. Второй нож по размерам сравнительно большой— длина более 30 см. Спинка у ножа напоминает современную бритву. Этот нож, видимо, можно считать боевым. Аналогии ему известны в греческих городищах северного Причерноморья.

В качестве рубящих орудий труда были распространены железные клиновидные топоры-кельты. Шесть топоров обнаружено в могильнике и на городище в Чаплине. По аналогии с Чаплиным, видимо, к зарубинецкой культуре может быть отнесен железный кельт, найденный в 1934 г. на городище Гренск, около деревни Новые Лядцы Кормянского района, в среднем течении Сожа [29].

Племена зарубинецкой культуры были знакомы со скифскими наконечниками стрел и с разнообразными железными копьями. По одному копью найдено в трех могильниках: Велемичи, Горошково и Корчеватое. В Чаплине—18 втульчатых копий. Наконечники копий из Чаплина в типологическом отношении могут быть разделены на две группы: дротики и копья с листовидным пером. Одни напоминают скифские и имеют длинную и укороченную втулку. Другие характерны и для скифов и для кельтов. Дротик с длинной втулкой обнаружен в погребении № 189 Чаплинского могильника. Его длина 31 см, сохранился очень хорошо. На одной части два шипа. Глубина втулки 16 см, ее диаметр по наружному краю 2,8 см, диаметр шейки 1,2 см. На втулке есть прорезь, которая у шейки выклинивается. Такие дротики известны в скифских курганах Мастюгино, Журавка и др.[30]

В бассейне верхнего Днепра были распространены подковообразные фибулы, сделанные в основном из железа, изредка из бронзы. Их диаметр в пределах 4—10 см. Прототипы этих предметов известны в скифских памятниках, например в Частых курганах под Воронежом и в других местах[31]. Можно полагать, что эти предметы были заимствованы племенами зарубинецкой культуры от скифов и в их конструкцию внесены усовершенствования. Две спиральные головки у скифских фибул завиты в плоскости, а у зарубинецких они перпендикулярны. Это простое усовершенствование, но оно способствовало тому, что фибула более надежно застегивала одежду и завитки головки прочно удерживали иглу.

Наиболее массовой категорией предметов были среднелатенские и позднелатенские фибулы. Заимствованы они у кельтов, но племена зарубинецкой культуры внесли в конструкцию кельтских фибул свои элементы, в частности изготовляли среднелатенские фибулы с плоским треугольным щитком. Фибул среднелатенского и позднелатенского типа только в Чаплине выявлено 131. Кроме того, в других памятниках зарубиецкой культуры, вместе взятых, обнаружено еще 192 такие же фибулы[32]. Эти предметы изготавливались из железа и бронзы. В типологическом отношении среднелатенские и позднелатенские фибулы бассейна верхнего Днепра сравнительно близки таким же фибулам из Полесья. Возникли

фибулы вначале у кельтов и от них были заимствованы другими племенами. Вначале фибулы проникли к племенам, обитавшим в верховьях правых притоков Припяти (Горынь, Случь и др.), когда среди кельтов бытовали раннелатенские типы. Такие предметы единичны. Позднее, когда кельты стали употреблять ереднелатенские фибулы, они постепенно начали распространяться среди всех племен зарубинецкой культуры.

Все племена зарубинецкой культуры употребляли разнообразные булавки, которые изготовлялись из железа и бронзы. Для локальных вариантов этой культуры территории БССР были характерны различные их типы. В Полесье широко распространены бронзовые булавки с кольцевидной и со спиралевидной головкой. Такие булавки имеют аналогии в древностях лужицкой и скифской культур. Среди племен в бассейне верхнего Днепра были широко известны посоховидные булавки малых размьров с гвоздевидной головкой скифского типа.

Большую группу предметов составляют различного типа украшения. Широко распространены браслеты. По форме самые разнообразные: спиралевидные, с завязанными концами, подковообразные и др. Изготовлялись из гладкой и крученой проволоки. Только в Чаплине таких вещей выявлено до трех десятков. Многие из них напоминали скифские. В быту довольно широко употреблялись разнообразные височные кольца, серьги, кольца на пальцы, пронизь ,и многочисленные другие изделия из металла.

Наиболее массовые находки на всех памятниках зарубинецкой культуры — керамика. Сосуды изготовлялись лепным способом. В противоположность милоградским вес плоскодонные. Сосуды разделяются на три группы: горшки, миски и малые сосудики. Главные группы — первая и вторая. Сосудики малых размеров представлены кружками, стопками, маленькими горшочками и мисочками, которые, видимо, производились для ритуальных целей. Кроме то-о, на поселениях выявляются глиняные плоские крышки, которыми покрывались большие сосуды. Горшки и миски по отделке поверхности груболепные или лощеные. Груболепные сосуды характерны для всех племен и всех хронологических периодов, а лощеные в основном для более позднего времени. По обжигу, цвету, характеру примесей в тесте груболепная керамика сравнительно близка милоградской. Разница лишь в том, что милоградская круглодонная, а зарубинецкая плоскодонная. Миски груболепные и лощеные, за исключением нескольких экземпляров, не орнаментированы. Часть груболепных горшков в верхней части имеет орнамент, сделанный ногтем или палочкой. Орнамент довольно прост: в виде насечек, ямок, защипов, напоминает собой орнамент на сосудах милоградской культуры. Целые сосуды в основном выявляются в погребениях. Так, во всех зарубинецких могильниках обнаружено до 300 горшков (из них в Чаплине до пятидесяти) и до 400 мисок (из которых в Чаплине более половины). На поселениях почти не было обнаружено целых сосудов. В местах расположения жилищ, в хозяйственных ямах довольно часто встречались разбитые сосуды. При раскопках Чаплинского городища и селища обнаружены фрагменты нескольких сот горшков и мисок, которые по типу такие же, как и в могильнике.

Горшки зарубиецкой культуры разделяются на два типа: с плавно округлыми боками и биконические. Их высота 10—35 см. Горшки первого типа имеют отогнутый наружу край, хорошо выраженную шейку и плавно округлое тулово. Эти сосуды в типологическом отношении напоминают милоградские сосуды с удлиненной шейкой. Разница лишь в том, что первые плоскодонные, а вторые имеют округлое дно. У этого типа горшков много различных вариантов. Так, для Полесья характерны горшки, у которых максимальный диаметр тулова в верхней части, шейка короткая, венчик слегка отогнут наружу. Горшки зарубинецкой культуры из памят-

ников бассейна верхнего Днепра имеют широкую часть в середине или даже несколько ниже.

Часть горшков первого типа в верхней части с ушками. У одного сосуда из Чаплина проделаны два ушка, которые располагались на тулове симметрично. Некоторые из горшков в Полесье и в среднем Поднепровье имели в верхней части налепные подковки. Сосуды с такими подковками не попадались в бассейне верхнего Днепра, их нет и в Чаплине. На некоторых горшках такого типа в верхней части есть налепные валики.

Горшки второго типа — биконические, обнаружены на всех памятниках зарубинецкой культуры. В Чаплине в погребениях найдено более десятка таких сосудов. Все они лощеные. У некоторых из них венчик отогнут наружу так же, как и у горшков первого типа. Такой тип сосудов племена зарубинецкой культуры, видимо, восприняли у своих соседей. Аналогии им известны в некоторых лужицких культурах в верхнем Повисленье.

Миски зарубинецкой культуры могут быть разделены в основном на четыре типа: чаши, миски с плавно округлыми боками, близкие к ребристым и ребристые. Три первых тина относятся в основном к более раннему времени и все груболепные. Миски ребристые, в подавляющем большинстве лощеные и относятся к более позднему времени. Диаметр мисок колеблется в пределах 10—30 см, высота 7—20 см. Большинство мисок таких размеров характерно для заключительного этапа культуры. Первый, третий и четвертый ти-пы мисок изготавливались -на всей территории зарубинецкой культуры. Найдено несколько десятков мисок первого типа, а миски третьего и четвертого типов исчисляются сотнями. Второй тип мисок в основном характерен для племен, обитавших в бассейне верхнего Днепра. Обнаружено несколько десятков таких сосудов в Чаплине. Можно полагать, что ребристые миски возникли в результате контактов зарубинецких племен с кельтским миром. На всех территориях, куда попадал кельтский импорт, найдены ребристые миски. Довольно близкие по типу лепные ребристые миски были распространены, например, у племен пшеворской культуры на территории Польши, равно как и у германских племен на территории Германии.

Некоторые миски зарубинецкой культуры (всех четырех типов) имели еще и кольцевые поддоны. В Чаплине найдено несколько штук с такими поддонами. Значительно больше их обнаружено в Полесье и в среднем Поднепровье; здесь собрано около трех десятков сосудов с поддонами.

Распространенные предметы всех племен зарубинецкого типа—пряслица. В Чаплине найдено более сотни пряслиц. Многие из них по форме воспроизводили сосуды зарубинецкой культуры. Есть биконические, круглые и других форм пряслица. Многие из них украшались таким же орнаментом, как и грузики (пряслица) милоградской культуры.

Связи. Стадии развития культуры. Датировка. В древностях зарубинецкой культуры, как уже отмечалось, есть импортные вещи. Это и дает основание считать, что племена зарубинецкой культуры имели контакты с непосредственными соседями.

Особенно тесными были связи с южными и юго-западными племенами. Об этом свидетельствует в первую очередь скифский и латенский импорт. Культуры скифов и кельтов оказали сильное воздействие на развитие зарубинецкой культуры. Это придало ей определенную скифскую и кельтскую окраски, которые сохранялись даже и в то время, когда основная территория скифов была занята сарматами, а кельтов в середине I в. до н. э. разгромила Римская империя.

У племен зарубинецкой культуры на территории Белоруссии были распространены скифские типы дротиков, наконечники стрел, подковообраз-

ные фибулы, булавки с гвоздевидной головкой, многочисленные браслеты, подвески, кольца, некоторые сосуды и отдельные пряслица.

В результате контактов с кельтами в широкий обиход вошли среднелатенские и позднелатенские фибулы, браслеты с напаянными шариками. Многочисленные аналогии в древностях кельтов имеют также долотовидные топоры-кельты, железные наконечники копий с листовидным пером и др. Кроме того, на территорию Белоруссии проникала даже кельтская гончарная керамика. Об этом свидетельствует находка обломка такого сосуда, покрытого графитом, в погребении № 115 Велемичского-1 могильника.

К племенам зарубинецкой культуры проникал эллинистический импорт из городов северного Причерноморья. На поселениях в среднем Поднепрозье, в таких, например, как Сахновка, Пирогово, Великие Дмитровичи, Пилипенкша Гора в Каневе, в большом количестве выявляются амфоры [33]. К северу находки такого типа уменьшаются. На городище к Чаплине, например, найдено только несколько обломков греческих амфор. В большом количестве встречены античные стеклянные бусы. Как свидетельствуют раскопки Чаплинского могильника, стеклянные бусы стали проникать сюда с самого начала существования зарубинецкой культуры и были в употреблении до появления позднелатенских фибул. Прекращение импорта бус в Чаплин, видимо, было связано с тем, что Ольвия — один из главных тортовых городов в Северном Причерноморье — в 55 г. до н. э. была разрушена гетами.

Племена бассейна верхнего Днепра были в контактах с племенами культуры штрихованной керамики. В результате этого отдельные вещи зарубинецкой культуры проникали к племенам культуры штрихованной керамики и, наоборот, от них — к племенам зарубинецкого типа.

Обитатели Полесья имели связи с племенами поморской культуры. Зто нашло свое отражение в некоторых чертах материальной культуры и в погребальном обряде. В западной части Полесья в небольшом количестве были распространены горшки, близкие к поморской культуре. В одном из погребений Велемичского-П могильника[34] из обломков сосуда было выложено своеобразное «ящичное» погребение, напоминающее погребение поморской культуры.

Племена зарубинецкой культуры среднего Поднепровья находились в контактах с сарматами, которые уже к началу II в. до н. э. заняли значительную территорию, принадлежавшую ранее скифам. Сарматские вещи найдены в пограничных памятниках зарубинецкой культуры.

Анализ материалов зарубинецкой культуры позволяет выделить три стадии развития этих племен. В основу положены датирующие вещи — фибулы латенского типа. Первая стадия может быть условно названа «дофибульной». Особенно хорошо прослеживаются захоронения этой стадии на могильнике в Чаплине, на котором самые ранние погребения находились в средней, слегка возвышенной его части. Таких погребений до полусотни. Для первой стадии характерны груболепные горшки и такие же миски. Лощеная керамика для этого времени не типична. Распространенными были чаши и миски с плавно округлыми боками, которые сравнительно близки к круглодонным сосудам милоградской культуры. На первой стадии были распространены дротики скифского типа, подковообразные фибулы, эллинистические стеклянные бусы. В целом для этой стадии типичны скифские и античные импортные вещи. В юго-западной части ареала культуры в это время в обиход начали входить раннелатенские фибулы, одна из которых обнаружена на могильнике в Черске.

Во время второй стадии зарубинецкой культуры повсеместно были распространены среднелатенокие фибулы. Разные типы и варианты таких

фибул зыявлены почти во всех могильниках и на большом количестве поселений зарубинецкой культуры. Погребения со среднелатенекими фибулами на Чаплинском могильнике располагались в основном по краям погребений первой стадии. Ко времени второй стадии на данном могильнике относится более 80 погребений. Среди племен были распространены железные втульчатые наконечники копий с листовидным пером, разные типы браслетов, ножи с горбатой спинкой, груболепные и лощеные горшки, в том числе и ребристые, миски с округлыми боками, миски, близкие к ребристым. В конце стадии изготовлялись ребристые лощеные миски. В это время в Чаплин поступило большое количество античных стеклянных бус. Вторая стадия характеризуется сильным влиянием латенской культуры. Прослеживаются также и черты скифской культуры, но в меньшей степени, чем это было ранее.

Во время третьей стадии зарубинецкой культуры были распространены позднелатенские фибулы. В Чаплинском могильнике более ста двадцати погребений третьей стадии. Все они располагались по окраине могильника. В конце стадии прекратило существование Чаплинское городище. В конце бытования позднелатенских фибул были оставлены все городища в бассейне верхнего Днепра. Основным типом поселений на этой территории стали селища, которые относятся уже к позднему этапу культуры. Для третьей стадии характерны груболепные и лощеные горшки, лощеные ребристые миски, наконечники копий с плавно округлым пером. В это время не поступал античный импорт. Начали утрачиваться элементы скифской культуры. К концу третьей стадии постепенно наступает «огрубение» зарубинецкой культуры и уменьшается количество элементов кельтской (латенской) культуры.

Чаплин — памятник, где прослеживаются все три стадии зарубинецкой культуры. Другие памятники не раскопаны полностью, поэтому выявлены материалы лишь некоторых стадий.

Вопросы датировки зарубинецкой культуры до настоящего времени остаются спорными. Ю. В. Кухаренко, А. К- Амброз и другие советские археологи в основном датируют эту культуру I в. до н. э. — I в. н. э.[35] Однако если принять предложенную этими исследователями датировку, тогда будет непонятно, почему в древностях этой культуры в большом количестве попадаются скифские вещи, А скифы, как известно, до II в. до н. э. были вытеснены со своей территории сарматами. Существование скифо-зарубинецких контактов и дает основание датировать начало зарубинецкой культуры временем не позднее середины III в. до н. э. Судя па наличию в зарубинецких памятниках поздних вариантов позднелатенских фибул (провинциально-римских), заключительный этап этой культуры можно определить началом II в. н. э.

Общественный строй. Патриархальное рабство. Идеология. Племена зарубинецкой культуры так же, как и милоградской, находились на стадии дальнейшего разложения первобытнообщинных отношений. Каждая патриархальная община обитала на отдельном городище. Изучая Чаплинское городище, П. Н. Третьяков пришел к выводу, что общеетвенные. отношения этого поселения можно определить как переходные от патриархальной болынесемейпой общины к территориальной (сельской) общине, хотя .и не ясным остается вопрос, насколько далеко этот процесс зашел в области производства[36].

Судя по материалам зарубинецких могильников, можно думать, что среди этих племен было распространено патриархальное рабство. Это утверждение основывается на том, что в могильниках, в том числе и в Чаплинском, выделяются группы довольнс богатых погребений. Ряд таких погребений содержал в себе относительно большое количество каль-

пикированных костей, оружие, украшения. В качестве примера можно привести погребение № 189 Чаплинского могильника, в котором есть железный дротик с длинной втулкой, железный нож с бронзовой рукояткой, обломок железного наконечника стрелы, 14 бронзовых пронизей *л* около 30 стеклянных бус, находящихся в сплавленном виде. Есть все основания предполагать, что оружие было принадлежностью воина, который являлся одновременно и членом родо-племенной верхушки, а украшения — женщины-рабыни. Сочетание в этом и в других захоронениях оружия и украшений по аналогии со скифскими погребениями [37], видимо, было следствием захоронений знатных людей и их рабынь (наложниц). Интересно, что в Мелитопольском скифском кургане[38] около рабыни, погребенной вместе со знатным скифом, лежали стеклянные бусы, близкие чаплинским, две позолоченные бронзовые серьги, бронзовые и железные браслеты и др.

Взгляды и религиозные представления, характерные для племен милоградской культуры, были распространены и у племен зарубинецкой культуры. На зарубинецких пряслицах нанесены такие же, как и на милоградских грузиках, солярные знаки. На одном из плоскодонных лощеных горшков Чаплина на нижней его части были до обжига сделаны четыре перекрещивающиеся линии. Найдены также амулеты, изготовленные из зубов волка, медведя и других животных.

У племен зарубинецкой культуры был распространен культ предков, культ своих прародителей. Это, в частности, выражено в погребальном обряде: в жертвоприношениях в честь умерших. В погребальную яму клались все те вещи, которые принадлежали людям и использовались в повседневном быту и которые, в представлениях людей, нужны были покойникам в загробном мире. Абсолютное большинство сосудов в погребальные ямы ставились целиком, а не их черепки. Другие вещи материальной культуры клали в яму после того, как их подвергали огню. Но ни один из предметов не был специально разбит, как у племен пшеворской культуры. В память о своих предках, вероятно, изготовлялись также антропоморфные фигурки. Одна из хорошо сохранившихся фигурок обнаружена на городище Богушевичи Березинского района. Фигурка высотой 3,5 см. Она обожжена, на ней хорошо видны два глаза, рот, нос, борода клиновидной формы и зачесанные волосы. По форме она похожа на скифа, например на куль-обской вазе. Антропоморфные изображения известны и на других памятниках зарубинецкой культуры.

Генезис. Отношение к милоградской культуре. Этническая принадлежность. Среди ученых нет единого мнения о происхождении племен зарубинецкой культуры. А. И. Тереножкин, например, считает, что культура сложилась в междуречье Днепра и Днестра на базе белогрудавской и чернолесской культур, которые относятся к поздней бронзе и началу железного века. Он полагает, что сложившиеся там племена зарубинецкой культуры проникли на территорию северной Украины и южной Белоруссии и ассимилировали здесь местные милоградские племена [33]. Но археологические материалы территории Белоруссии не подтверждают эту точку зрения. Здесь нет никаких данных, которые бы позволили думать, что зарубинецкие племена на территории Белоруссии появились в результате миграции из лесостепной части Украины.

В последние годы высказано и другое предположение. Ю. В. Кухаренко считает, что зарубинецкая культура сформировалась в западных районах Припятского Полесья и на Волыни [40] в результате проникновения на эти территории поморского населения из бассейна нижнего течения Вислы. По его мнению, в итоге ассимиляции во IP в. до и. э. с пришлым населением местных племен здесь возникла зарубинецкая культура, Тлким

образом, по Кухаренко, зарубинецкая культура — синтез пришлых и местных племен. Позднее, в I в. до н. э., эти племена проникли на всю остальную территорию Полесья, в бассейн среднего и верхнего Днепра, а в I в. н. э. они появились на Десне и Сейме. Но Ю. В. Кухаренко не объясняет, почему среди зарубинецких племен были распространены скифские вещи и в целом эта культура несет скифскую окраску. Скифы могли оказать влияние на племена этой культуры только во время своего могущества, а не после того, когда их территория была занята сарматами. Это и позволяет предполагать, что зарубинецкая культура сложилась еще до появления сарматов в среднем и нижнем Поднепровье, т. е. до II в. до н. э. Некоторые элементы сарматской культуры были распространены только среди племен среднего Поднепроъья, и это относится к более позднему времени этой культуры. На территории Белоруссии черты сарматской культуры не прослеживаются. Эти данные и позволяют считать, что зарубинецкая культура сложилась раньше, чем думает ГО. В. Кухаренко. Распространение памятников этой культуры на большой территории среднего и верхнего Поднпепровья дает основание думать, что племена зарубинецкой культуры сформировались на территории северной Украины и южной Белоруссии. В эту территорию частично входила лесостепная полоса междуречья Днепра — Днестра, Западное Полесье, Волынь, т. е. места, которые А. И. Тереножкин и Ю. В. Кухаренко определяли основными ареалами формирования зарубинецкой культуры.

Как свидетельствует изучение древностей зарубинецкой культуры, она сложилась па базе милоградской культуры. Образование этой культуры происходило под сильным влиянием позднескифской и латенской культур. Это нашло отражение в материальной культуре всех племен зарубинецкого типа: в вооружении, керамике, в распространении среднелатенских и позднелатенских фибул и в других вещах. В культуре населения Польши и других стран Европы кельты оставили глубокий след. Племена южных ареалов зарубинецкой культуры установили связи с кельтским миром в более раннее время, чем племена северных ареалов. Судя по находке раннелатенской фибулы на могильнике в Черске, племена юго-западной части ареала зарубинецкой культуры установили контакты с кельтами не позднее второй половины III в. до н. э.

Итак, археологические материалы позволяют ставить вопрос о том, что племена зарубинецкой и милоградской культур принадлежали к одному и тому же этническому объединению [41]. Есть все основания рассматривать эти две культуры как этапы развития одних и тех же племен в период разложения первобытнообщинных отношений. Связь между милоградской и зарубинецкой культурами доказывается следующими данными. Основной ареал зарубинецкой культуры находится на той же территории, что и милоградской. Почти каждое поселение — памятник этих двух культур. Жилища, хозяйственные сооружения, формы погребальных ям бескурганных могильников, их размеры, ориентировка одинаковы или близки друг другу. Много общего и в формах хозяйственной деятельности, в занятиях населения этих двух культур. Типы груболепных сосудов и орнамент на них также связаны между собой. О тем, что эти племена относятся к различным периодам раннего железного века, свидетельствует импорт других племен. Для милоградской культуры характерен ранний скифский и раннелатенский импорт, а для племен зарубинецкой культуры —позднескифский, среднелатенский и позднелатенский.

Об этнической принадлежности племен зарубинецкой культуры в науке было высказано несколько точек зрения. Еще до Великой Октябрьской социалистической революции после открытия зарубинецкого могильника и находок в нем фибул латенских типов немецкие археологи делали по-

пытку связать эту культуру с германскими племенами. Такой взгляд неоднократно критиковали советские археологи, поскольку он не подтверждается материалами всего ареала зарубинецкой культуры. На территории распространения зарубинецкой культуры нет также и германских гидронимов. Материальная культура всех этих племен отличается от материалов германских племен. А те черты латенской культуры, которые есть среди племен зарубинецкого типа, объясняются не проникновением сюда германских племен, а их связями с кельтским миром, так же как и проникновение черт кельтской культуры к германским племенам объясняется германо-кельтскими контактами.

В последнее время В. В. Седов высказал точку зрения, что зарубинецкая культура принадлежит западно-балтийским племенам, он связал ее с голядью. Племена зарубинецкой культуры, по Седову, единственная группа, проделавшая путь из западно-балтийских областей Повисленья до Верхнеокского бассейна [42]. Что касается передвижения племен, о котором пишет В. В. Седов, то археологическими данными это не подтверждается, письменных источников тоже нет.

Итак, нельзя археологически доказать передвижение племен даже в пределах БССР, 'поскольку материалы бассейна верхнего Днепра имеют отличие от полесских. Именно это и позволило выделить два локальных варианта зарубинецкой культуры в пределах Белоруссии. А те черты материальной культуры зарубинецкого типа, которые есть в древностях племен бассейна верховьев Оки, говорят о взаимосвязях этих племен. Притом это уже относится к середине I тысячелетия и. э. Отождествление племен зарубинецкой культуры с голядью не может быть принято по той причине, что, во-первых, голядь известна по источникам лишь эпохи Киевской Руси и хронологически не связывается с племенами зарубинецкой культуры, а, во-вторых, письменная голядь располагается далеко за пределами ареала зарубинецко": к\гльтуры. На территории этой культуры нет также и гидронимов, которые можно было бы отнести к голяди. Эти данные и не позволяют причислять зарубинецкую культуру к кругу балтийских древностей.

Большинство дореволюционных и советских археологов связывают зарубинецкую культуру с ранними славянами. Однако долгое время оставался нерешенным вопрос археологической связи племен этой культуры с древностями эпохи Киевской Руси. Черняховская культура, которая сменила зарубинецкую в лесостепной полосе Украины, не может рассматриваться как следующий этап развития этих племен, поскольку на основной территории зарубинецкой культуры, в том числе и на территории БССР, памятников Черняховской культуры нет. Территория распространения племен Черняховской культуры в основном находится в лесостепи и степи и только частично перекрывает территорию зарубинецкой культуры. В последнее десятилетие в лесной полосе Поднепровья, на основной территории раннего этапа зарубинецкой культуры, выявлены многочисленные памятники (Тайманово и др.), которые связываются, с одной стороны, с зарубинецкой культурой, а с другой — со славянскими древностями средневековья. Эти данные и позволяют предполагать, что зарубинецкая культура принадлежала ранним восточным славянам.

3. ПОЗДНИЙ ЭТАП ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Расселение племен (II—V вв. н. э.). Археологические исследования последнего десятилетия в лесной зоне Поднепро'вья показали, что здесь жили племена зарубинецкой культуры и в первой половине I ты-

сячелетия к. э. Изучение памятников освещает историю развития этих племен в начальный период «великого переселения народов».

Археологические памятники племен позднего этапа зарубинецкой культуры изучены еще недостаточно. Поэтому трудно представить территорию их расселения. На юге эти племена граничили с племенами черняховской культуры, которые, по данным некоторых археологов, занимали во II—V вв. степную и лесостепную зоны УССР. Среди ученых длительное время было распространено мнение о том, что Черняховская культура будто бы была,.следующим этапом развития зарубинецкой культуры. Однако такой взгляд ошибочен, поскольку на основной территории

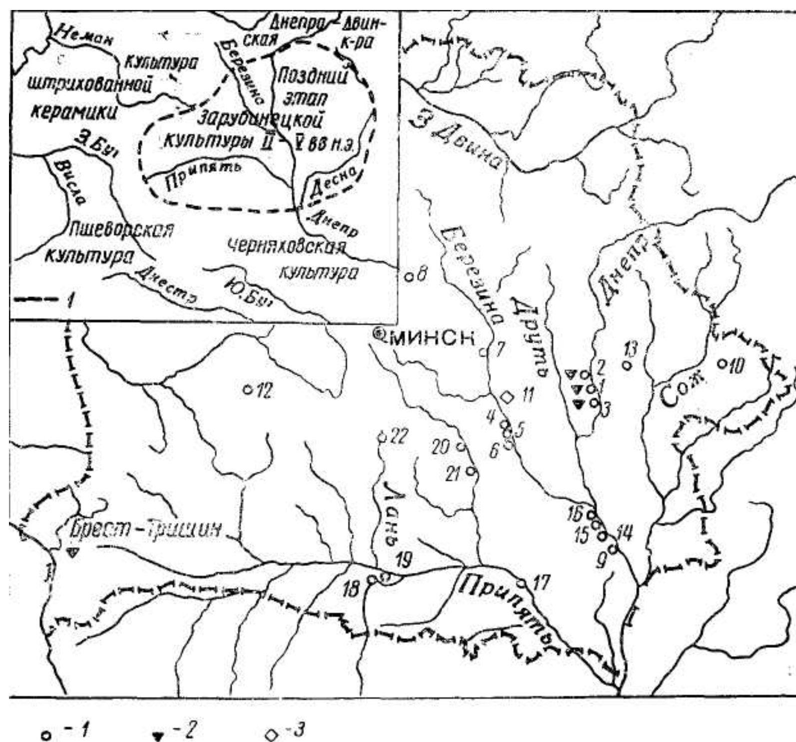

Рис. 58. Карта памятников позднего этапа зарубинецкой культуры. Условные обозначения: 1 — селище, 2 — бескурганный могильник, *3*—римские находки.

Памятники: 1—Абидня, 2—Тайманово. 3—Новый Быхов. 4—Симоновичи 5—Побчин 6—Поречье, 7—Красная Зорька (урочище Узвечев), 8— Красный Бор 9-Чаплин 10^ Климовичи. 11—Ольховка Кличевского района, 12—Каменка, 13—Хотище, 14—Колонии 15—Горошков, 16—Милоград, 17—Пхов, 18—Семурадцы, 19—Знаменка

зарубинецкой культуры памятников черняховской культуры нет. В коллективном труде о древней истории УССР [43] северная граница племен черняховской культуры проводится по линии Владимир-Волынский — Костополь (Ровенская область) — Житомир — Киев. До накопления новых материалов эта линия может считаться южной границей племен позднего этапа зарубинецкой культуры.

На севере эти племена занимали всю территорию, на которой обитали племена раннего этапа. Водораздел Припяти — Немана являлся также этнической границей с племенами культуры штрихованной керамики. Правда, в бассейне Березины позднезарубинецкие племена продвинулись на территорию своих северных соседей. Об этом могут свидетельствовать найденные на этой территории памятники позднего этапа зару-

бинецкой культуры. Эти племена на северо-востоке занимали значительную часть Смоленской области, а на востоке — часть Брянской области. Западная граница племен не определена еще до настоящего времени. Но обследования в Полесье, в междуречье Припяти — Ствиги, на площади в 20 кв. км позволили выявить здесь 8 селищ этого времени (рис. 58). Судя по археологическим метериалам из юго-западной части БССР (в частности, раскопкам могильника Брест-Тришин), здесь в III—IV вв. н. э. обитали племена, которые, по мщению Ю. В. Кухаренко, были готами и проникли сюда из нижнего Повисленья [44]. Однако анализ материалов этого могильника позволяет сделать вывод, что памятник располагается в зоне контактов племен позднего этапа зарубинецкой с племенами позднепшеворской культуры. Поэтому в этом могильнике выявляются предметы обеих этих культур.

Поздний этап зарубинецкой культуры сравнительно близок к культуре племен более раннего времени. Он по-прежнему содержит в себе некоторые элементы кельтской культуры. Это обстоятельство и дает основание относить памятники II—V вв. н. э. к зарубинецкой культуре. На всей территории, где обитали эти племена, основные типы памятников — селища и бескурганные могильники с сожжением.

Селища. Известны селища в лесной полосе Украины, в белорусском Поднепровье и на смежной территории РСФСР. В пределах Белоруссии обнаружено более 200 селищ, около некоторых из них есть могильники. О локальных вариантах этих племен на территории Белоруссии сказать что-либо трудно, поскольку селища в бассейне Припяти не подвергались раскопкам, хотя в Полесье и выделено несколько десятков памятников. Судя но данным подъемного материала, селища имели такие же размеры, как и поселения раннего времени; многие из них занимали одни и те же места. Б связи с тем что ранние и поздние материалы мало отличаются друг от друга, выделить более поздние комплексы не всегда возможно.

Совершенно иная картина наблюдается в бассейне верхнего Днепра. На этой территории все селища располагаются отдельно от .городищ, иногда на большом от них расстоянии. Поэтому два этапа зарубинецкой культуры довольно отчетливо разнятся. На позднезарубинецких селищах нет пи скифских, ни латенских вещей. Это позволяет относить их к более позднему времени, чем «классические» зарубинецкие поселения. Эти селища отличаются от ранних своими топографическими условиями расположения. Более поздние селища датируются римским и черняховским импортом. Они располагаются по низким берегам рек, иногда на небольшом вс:;с-лмлении высотой до 5 м над поймой реки. Поселения находились не только по берегам крупных, но и мелких рек *г.* по берегам озер. Абсолютное большинство этих селищ в настоящее время распахивается. В некоторых местах белорусского Поднепровья селища возникли рядом с городищами, например городище у Щатково Бобруйского района. На расстоянии до двух километров от этого городища, на прассм берегу Березины, выявлено три селища. Первое из них находится в 0,1—0,4 км ка восток от городища на пологом склоне и занимает территорию до 2 га. Второе селище располагается в 0,5—0,8 км ка запад от укрепленного поселения, в месте впадения реки Панюшковичи в Березину. Размеры его примерно такие же. Третье селище расположено в 1,2—1,7 км на запад от городища и тянется вдоль низкого правого берега Березины. Два последних селища разделены заболоченной поймой реки Панюшковичи шириною свыше ста метров. Судя по подъемному материалу и по данным раскопок, произведенным на первом селище, все поселения возникли примерно в одно и то же время, т. е. не позднее

II в. н. э., и просуществовали здесь вплоть до феодализма. Из датирующих вещей на первом селище найдена железная шпора римского типа III—IV вв. В западной его части обнаружены два полуземляночных жилища, которые по наличию в них некоторых вещей могут датироваться серединой I тысячелетия н. э.

Несколько селищ выявлено также на расстоянии до двух километров от Чаплинского городища. К сожалению, производить на них какие-либо работы не представляется возможным, так как эта территория занята домами и хозяйственными постройками.

Наиболее полно изучены селища в урочище Абидня[45] Быховского района, которое находится на левом берегу Адаменки у поймы Днепра и Тайманово этого же района. Селище в Абидне может считаться эталонным памятником, поскольку его материалы позволяют наиболее полно охарактеризовать поздний этап зарубинецкой культуры. Раскопки на этом поселении ведутся с 1960 г. На основании полученных материалов можно сделать вывод, что селище функционировало в пределах II—V вв. н. э. Судя по найденным обломкам керамики (до десятка) и небольшому количеству кремневых предметов, селище возникло на месте стоянки эпохи бронзы. Небольшие раскопки производились на селищах этого же времени близ деревни Красная Зорька Березинского района, Красный Бор Логойского района и др.

Селище в Абидне располагается на трех небольших всхолмлениях — на восточном, западном и северном. Самая высокая точка селища над поймой Адаменки находится в средней части восточного всхолмления и составляет около 4 м. Всхолмления отделены друг от друга более низкими участками: западное от восточного — участком шириной до 20 м, а восточное от северного — до 50—70 м. Низкие участки возвышаются над поймой на 2 м и более. Раскопки производились на всех трех всхомлениях и на каждом из них получены близкие в типологическом отношении материалы. Селище занимает до 6—7 га площади. Оно длительное время распахивалось. Поэтому культурный слой на возвышенных местах сильно разрушен. Но на пониженных участках, особенно у поймы Адаменки, *он* сохранился хорошо. Его мощность здесь достигает 0,6—0,8 м, и в нем сравнительно большое количество находок.

Жилища и хозяйственные постройки. У племен позднего этапа зарубинецкой культуры были распространены два типа жилищ: наземные столбовой конструкции и жилища полуземляночного типа. Полуземлянки в Абидне располагались на возвышенных местах селища. Всего выявлено двадцать девять полуземляночных жилищ. В плане они имеют квадратную или прямоугольную форму, их площадь колеблется в пределах от 8 до 24 кв. м. Остатки жилищ хорошо прослеживались на фоне желтого материнского песка. Их глубина в материке различна — от 0,4 до 1 м. Стены жилищ в основном ориентированы с северо-запада на юго-восток. Некоторые полуземлянки погибли при большом пожаре. На месте двух сгоревших полуземлянок позднее были сооружены новые жилища: в них было по два очага, залегавших на разных уровнях. Очаг, расположенный ниже, относился к более раннему жилищу, а выше—к позднему. В одной из полуземлянок (№ 11) оба очага выложены из камней, другой (№ 29) — ранний очаг — изготовлен из камней, а в более позднее время на его месте была сооружена глинобитная печь. Эти факты свидетельствуют о том, что ранние жилища погибли не в результате проникновенияна эту территорию враждебных соседей, а, видимо, случайно. Очаги у большинства полуземлянок в Абидне были открытыми. На полу жилищ и в заполнении их культурным слоем довольно часто встречаются разнообразные вещи. Интересно в этом отношении жилище № 24. Оно находи-

лось в возвышенной части западного всхолмления. Полуземлянка была обнаружена на глубине 0,2—0,25 м от уровня современной поверхности. Ее размеры 4,9x3,9 м, ориентирована с востока—северо-востока на запад—юго-запад. Жилище углублено в материк до 0,8 м, стенки несколько, наклонены. Размеры нижней части полуземлянки 4,35X3,35 м. В северо-восточной его части, на глубине 0,75 м от уровня зачистки, есть уголь, который занимал площадь 0,65X0.35 м. Под ним—сильно обожженная земля. Это свидетельствовало о том, что здесь был открытый очаг. Вдоль

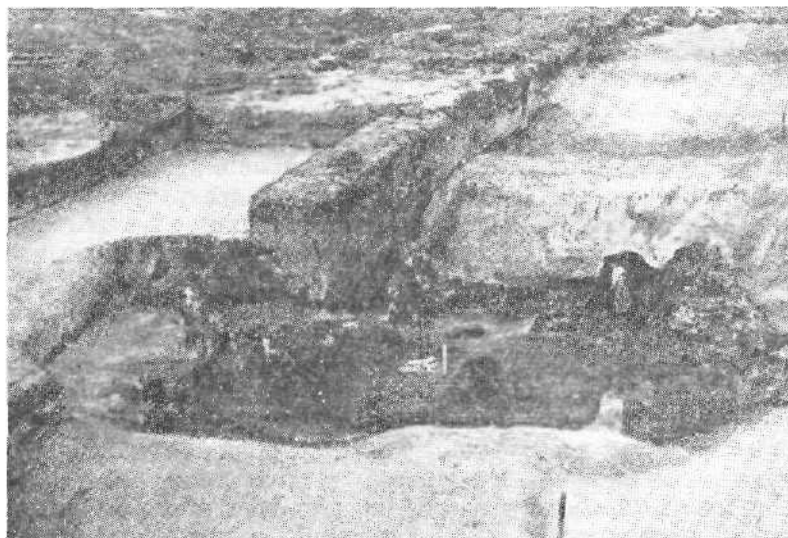

Рис. 59. Полуземляночное жилище на селище № 6 близ д. Таиманово Быховского района

восточной части обнаружен уголь сгоревшей стены. В разных местах жилища разбитые лощеные сосуды (два горшка и миска) и один грубо-лепный гладкостенный горшок. Кроме того, найдены бронзовая подвеска, бронзовое кольцо, железная булавка, стеклянная римская бусина, двадцать три пряслица (целые и в обломках), большое количество фрагментов лепных сосудов.

В других полуземлянках, кроме большого количества керамики, найдены многочисленные предметы, среди них есть и датирующие вещи. Так, в одной полуземлянке (№ 19) обнаружена сильно профилированная железная провинциально-римская фибула позднелатенского типа с плоской дужкой. Типы таких фибул относятся ко II в. н. э. Эта дата подтверждается также и другой находкой — подвеской, сделанной из краснолакового римского сосуда. По характеру лака (определение специалистов Государственного Эрмитажа) сосуд относился ко II в. н. э. Таким образом, это жилище — одно .из самых ранних в Абидне и относится ко II в. н. э.

Датирующие предметы, обнаруженные в других полуземлянках: фибулы с подвязанной ножкой Черняховского типа [46] (III—V вв. н. э.), украшения с выемчатой эмалью и др. Радиокарбонный анализ (Си) угля из одной полуземлянки (№ 1), расположенной в западной части восточного всхолмления, позволил установить се возраст — 1670 (±240) лет. Хронология этой полуземлянки не выходит за пределы первой половины I тысячелетия н. э. Датирующие материалы свидетельствуют, что полу-

земляночные жилища в Абидне существовали на протяжении четырех столетий — со II по V вв. н. э.

Полуземляночные жилища найдены и на других селищах. Так, в 3 км к северу от селища в Абидне, на северной окраине поселка Тайманаво, на распаханном поле было обнаружено свыше ста десяти черных пятен. Во время раскопок в 1967—1970 гг. здесь найдено 17 полуземляночных жилищ (рис. 59).

Аналогичные жилища полуземляночного типа распространены на поселениях II—V вв. н. э. в бассейнах среднего Поднепровья и среднего Подееенья [47]. Правда, в Подесенье жилища меньше углублены в землю и их размеры значительно большие, чем жилища в Абидне.

Вторым наиболее распространенным типом жилищ являлись наземные дома столбовой конструкции. На селище в Абидне они располагались на более низких местах. Сохранились эти жилища плохо, так как подверглись разрушению при распашке. По своему характеру они столбовой конструкции и аналогичны жилищам на городище в Чаплине. От них сохранилось огромное количество ям, выявленных при раскопках. Вещи и керамика, обнаруженные в местах расположения жилищ, в типологическом отношении близки вещам и керамике, выявленным в полуземлянках. Это и позволяет считать, что указанные два типа жилищ сооружались одним и тем же населением. На вскрытой части селища за все время жизни людей было построено не менее двухсот жилищ столбовой конструкции. Количество жилых построек определено по числу каменных очагов, выявленных при раскопках. Некоторые очаги сильно разрушены при распашке. Но большая их часть была углублена в материк, поэтому сохранилась относительно хорошо. Очаги имели диаметр в пределах 0,4—1 м. На некоторых из них найдены обломки, раздавленных сосудов.

Обитателями на селищах сооружались различного рода хозяйственные и производственные постройки и ямы-погреба. Одна из производственных построек находилась в 9—10 м на юг от полуземлянки № 24. В плане она квадратная, размеры 4,5Х4,5 м, имеет ту же ориентировку, как и жилище. По углам и вдоль стен столбы, от которых сохранились ямы диаметром 0,4—0,6 м. Глубина ям в материке колебалась в пределах от 0,35 до 0,64 м. В южной части этой постройки на материке есть скопление шлаков и сильно обожженной (докрасна) глины. Скопление глины и шлаков имело диаметр до 0,52 м. Среди шлаков найдена большая крица. Можно полагать, что в этой постройке располагалась домница для производства железа.

Погребальный обряд. Погребальный обряд племен зарубинецкой культуры изучен на основании раскопок погребений на могильниках. Один из могильников расположен вблизи селища в урочище Абидня. Всего здесь обнаружено 12 бескурганных погребений с сожжением, восемь из них находилось в западной части восточного всхолмления, а три — в южной части северного. Несколько погребений выявлено на могильнике около Ново-Быхова, два — близ поселений в Красной Зорьке и несколько десятков погребений этой же поры в Тайманаво. Бескурганные могильники с сожжением обнаружены и в среднем Поднепровье. В целом же могильники племен позднего этапа зарубинецкой культуры изучены еще слабо. Останки сожженного вне погребения покойника помещались в круглые и удлиненные ямы. Размеры погребальных ям (а удлиненных и ориентировка) такие же, как и на могильнике раннего этапа зарубинецкой культуры в Чаплине. В одних случаях в яму высыпались лишь кости, в других — кости вместе с золой и углем. При погребениях в Абидне найдены и целые сосуды и их обломки, аналогичные сосудам на селище. Кроме керамики, костей в некоторых погребениях

найдены пряслица, римские бусы, железные булавки, подвески и др. Все эти предметы имеют аналогии в комплексе вещей, найденном на селище. Как и в могильнике, в Чаплине вместе с сожженными костями человека обнаружены необожженные кости домашних животных. В Чаплинском могильнике кости лежали сверху, а в Абидне (погребение № 1) кости лошади и домашнего быка — под костями человека. Погребение № 1 находилось в круглой яме диаметром 1,05 м; ее глубина в материке до 0,25 м. Количество кальцинированных костей в этом погребении необычно велико, в несколько раз больше, чем в других могилах. По-видимому, здесь было погребено несколько покойников. Особенность погребений могильников в Абидне, Ново-Быхове, Красной Зорьке по сравнению с более ранними заключалась в том, что они располагались на сравнительно большом расстоянии друг от друга. Все погребения в Абидне относятся к начальному периоду существования селища, позднее на месте могильника возникло селище.

Хозяйственная деятельность. Основные предметы материальной культуры. Изучение археологических материалов приводит к заключению, что у племен позднего этапа зарубинецкой культуры происходило дальнейшее развитие производящих отраслей хозяйства. Земледелие и скотоводство занимали основное место в экономике племен. На поселении в Абидне кости диких животных полностью отсутствуют. Это свидетельствует о том, что охота в хозяйстве не играла никакой роли. Незначительным было и рыболовство, поскольку предметы, связанные с ним, найдены в небольшом количестве.

Можно полагать, что дальнейшее развитие производительных сил в земледелии и скотоводстве обусловило собой переход обитателей поселений с городищ на открытые селища. Обитание людей на замкнутых поселениях-городищах сдерживало развитие земледелия и скотоводства.

Есть основание полагать, что в этот период подсечная система земледелия постепенно уступала место пашенному земледелию. Не случайно селища позднего этапа располагались в местах более плодородных почв. О наличии более развитого земледелия свидетельствуют многочисленные данные. Серпы этого времени отличаются от более ранних своими относительно большими размерами. Их длина около 25 см. При работе такими серпами значительно повышалась производительность труда. В Абидне найдены серпы, которые по их способу прикрепления к рукоятке могут быть разделены на два типа: на серпы с пяткой, загнутой перпендикулярно к плоскости, которые были характерны для милоградской и раннего этапа зарубинецкой культур, и серпы с прямым черенком. Зерно по-прежнему растиралось при помощи каменных зернотерок, но в обиход начали постепенно входить жернова. Один такой жернов найден в Абидне. Он лежал в хозяйственной яме вместе с двумя зернотерками и лепной керамикой.

Судя по данным определения остеологического материала из поселения в Абидне, его обитатели разводили крупный и мелкий (овцы, козы) рогатый скот, лошадей, свиней. Была известна также домашняя собака. На селище выявлены железные пружинные ножницы, которые употреблялись для стрижки овец. Их длина около 27 см. Это единственная находка такого типа на территории белорусского Поднепровья.

На всех поселениях были развиты разнообразные домашние промыслы: добыча железа из болотных руд, кузнечное и бронзолитейное дело. Эти отрасли домашнего промысла, как свидетельствуют археологические данные, были ведущими. Признаки обработки металлов в большом количестве выявляются на каждом селище. Есть основания предполагать, что в некоторых местах среднего Поднепровья у племен позднего этапа

зарубинецкой культуры возникли даже ремесленные центры по производству железа (Лютеж). На территории Польши в это время среди племен позднепшеворской культуры появилось также ремесленное производство по изготовлению железа (Гуры Свентокшиске). Однако на территории БССР таких ремесленных центров пока не обнаружено.

На поселениях племен позднего этапа зарубинецкой культуры были развиты прядение, ткачество, гончарное дело, обработка камня, кости, рога, дерева и др. Таким образом, все те домашние занятия, которые были распространены в более раннее время на городищах, развивались и у обитателей селищ второй половины I тысячелетия и. э.

Наиболее распространенными бытовыми предметами были железные ножи. Они есть на каждом поселении. В Абидне обнаружено несколько десятков. Ножи всех селищ по типу близки друг другу. Длина их 12—17 см, ширина лезвия до 3 см. Спинка и лезвие прямые. Со стороны лезвия и спинки у черенка, как правило, сделаны уступы. Лезвие в сечении имело треугольную форму. Рукоятки ножей изготовлялись из дерева и кости, их следы сохранились на некоторых черенках. По форме все ножи аналогичны ножам такого же типа из Чаплина. Кроме того, в Абидне найдено до десятка ножей, у которых на рукоятке есть интересная деталь: круглые хомутики для более прочного крепления к черенкам. ,

Характерны для позднезарубинецкого этапа каменные бруски. Длина их колеблется в пределах 7—20 см. Некоторые с отверстиями на конце, при помощи которых они крепились к поясу. Найдено большое количество разнообразных железных шильев, пряжек, игл для шитья, колец, железных поделок. Обнаружено одно железное зубильце длиною в 4,5 см, наибольшая ширина 1 см, толщина до 0,4 см. Распространенными были железные кресала. Они имеют трапециевидную форму. На конце кольцо для прикрепления к поясу. Большую категорию находок составляют железные и бронзовые булавки. Их длина до 12 см, в сечении круглые или квадратные. Такие предметы в Абидне исчисляются десятками. Основная масса принадлежит к посоховидному типу. Такие же вещи характерны и для памятников раннего этапа зарубинецкой культуры. Ареал этих булавок очень широк. Они найдены у племен многих культур Центральной и Восточной Европы. Кроме того, в Абидне были распространены и другие булавки, но они единичны. Здесь найдена, например, бронзовая булавка с плоской головкой, несколько булавок с кольцевидной головкой и др. Собраны многочисленные трапециевидные и другие подвески, браслеты, свернутые трубочки с орнаментом. Многие из этих вещей (рис. 60), в том числе и бронзовые, изготавливались на месте. Об этом свидетельствуют предметы бронзолитейного производства: тигельки, формочки. Одна глиняная формочка сохранилась полностью. В ней отливались подвески с шестью рожками, которые напоминали собой лунницы. Найдены также глиняные льячки, в которых производилась плавка легкоплавких металлов — свинца, возможно, олова.

Для позднезарубинецкого этапа характерны массивные и грубые лепные сосуды (рис. 62). Керамика из Абидни может быть разделена на три группы: на груболепную гладкостенную (до 85%), сосуды с прочесами (до 10%) и лощеную (до 5%). Изготовлялись три типа сосудов: горшки, миски и сосуды малых размеров. Примесь, обжиг, цвет керамики такие же, как и в Чаплине. В отличие от сосудов более ранних в Абидне посуда часто украшалась прочесами, сделанными гребнем. Орнамент из прочесов характерен для многих культур периода «великого переселения народов». Керамика в Абидне отличается от чаплин-

ской тем, что здесь в значительно меньшем количестве изготовлялись лощеные сосуды. Преобладающий признак груболепных сосудов — большие размеры: диаметр и высота до 50 см. Они обычно имели слегка отогнутый наружу венчик, слабо выраженную шейку, округлое тулово. Часть таких горшков имела относительно небольшое в диаметре днище, равное приблизительно 1/3 диаметра верха. По аналогии с керамикой поселений Украины можно полагать, что сосуды большого размера—

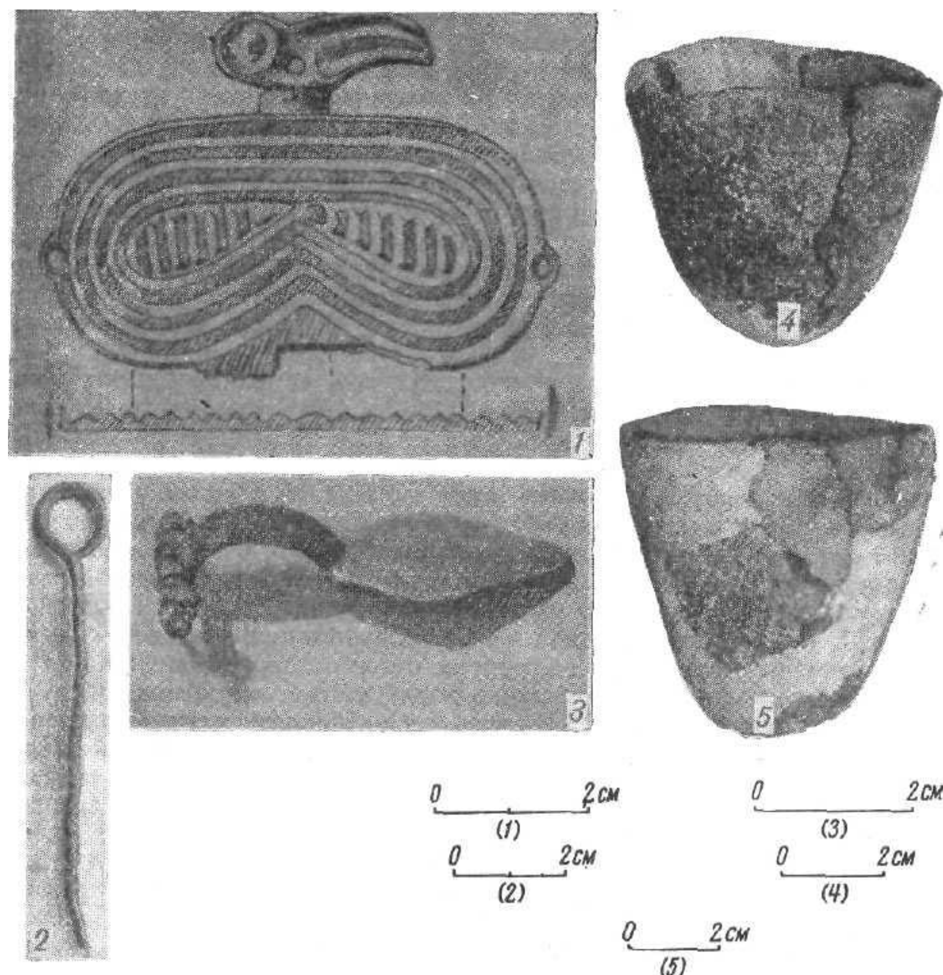

Рис. 60. Изделия из бронзы и тигли для плавки бронзы:
1—Хотище Славгородского рийона, *2—5*—Тайманово

зто зерновики. Значительное количество сосудов селища в Абидне по форме напоминали найденные на чаплинских памятниках. Интересно, что в Абидне были также часто распространены сосуды с налепными валиками в верхней части. На одном сосуде была сделана налепная подковка такого же-типа, как и на сосудах раннего этапа зарубинецкой культуры среднего Поднепровья и Полесья. На территории контактов с племенами культуры штрихованной керамики на части сосудов наносилась штриховка. Однако большинство венчиков, 'насечки, вдавления таких же типов, как и в Чаплине.

Все племена позднего этапа зарубинецкой культуры готовили из глины почти одникавые по форме пряслица: плоские, биконические, с относительно большим отверстием. Их диаметр в пределах 2—3,5, толщина до 1 см, диаметр отверстия до 1 см. В Абидне выявлено несколько сот таких вещей, некоторые из них орнаментированы. Эти пряслица были распространены в более раннее время в Чаплине. Типы их характерны и для обитателей средневековых памятников белорусского Поднепровья.

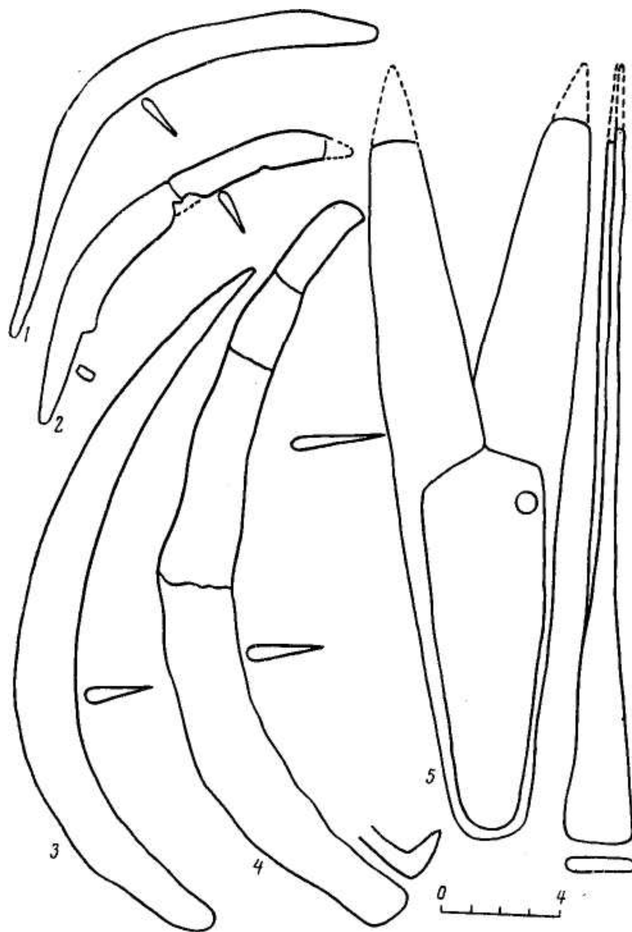

Рис. 61. Изделия из железа поселения Абидня Быховского района:

1—*4*—железные серпы, *5*—пружинные ножницы

Вещи с эмалью. Римский импорт. Племена позднего этапа зарубинецкой культуры пользовались разнообразными вещами с выемчатой эмалью (рис. 63). Употреблялась (преимущественно эмаль красного цвета. В Абидне найдено шесть таких предметов: четыре лунницы и две круглые ажурные фибулы. Лунницы имеют по шесть рожков. Их длина 3—5 см, ширина 2—4 см. Ареал близких то типу лунниц очень широк. Они выявляются у племен различных культур. В небольшом количестве лунницы с эмалью известны в Прибалтике (до 10), в бассейне верхней Оки (10), на Волыни и особенно их много в среднем Поднепровье, где такие вещи исчисляются десятками. Правда, большинство из них здесь — это случайные находки, обнаруженные еще в дореволюционные годы[49].

Рис. 62. Керамика позднего этапа ззрубинецкой культуры. Тайманаво

Однако такие вещи в среднем Поднепровье выявлены и на селищах позднего этапа зарубинецкой культуры [50]. Ажурные круглые фибулы из Абидни имеют аналогии в среднем Поднепровье. Аналогичные фибулы известны в римских памятниках Подунавья. Римское украшение с эмалью — ажурная ромбическая фибула — на территории Белоруссии была обнаружена еще в 1892 г. около деревни Ольховка Кличевского района (рис. 63:1). Клад спиральных металлических поясов найден в середине XIX в. около Красного Бора Логойского района (бассейн верховья Бере-

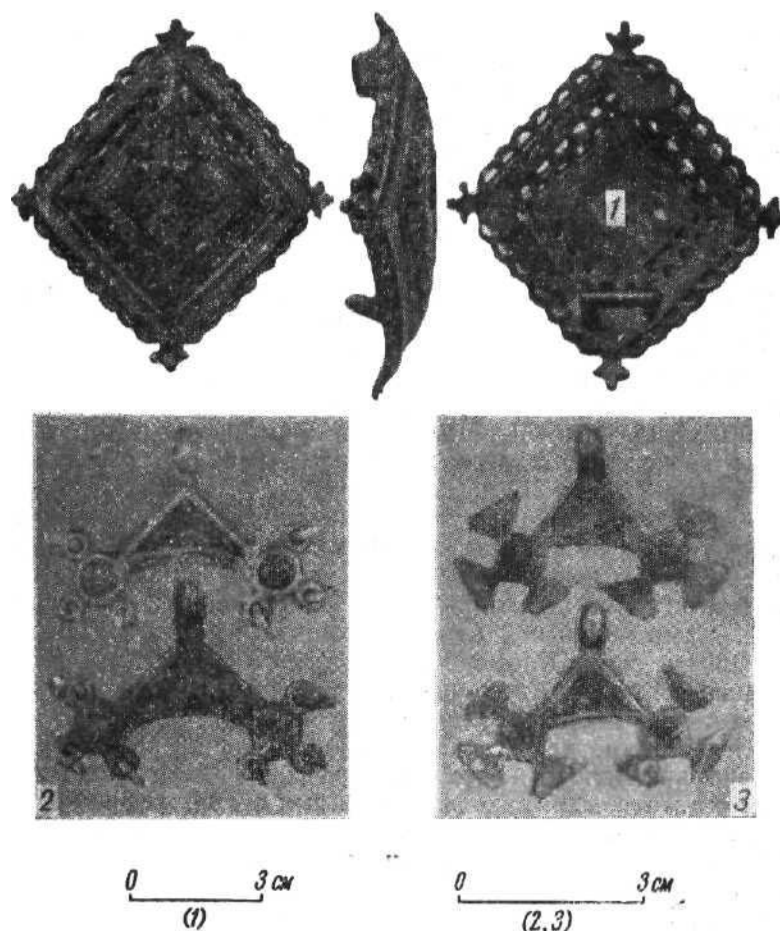

Рис. 63. Вещи с эмалью:

1- римская ажурная фибула с эмалью (д. Ольховка Кличевского района), *2—3*—лунницы с красной эмалью (селище Абидня Быховского района)

зины) [51]. Каждый пояс состоит из отдельных деталей — нескольких бляшек с эмалью. Аналогии этим поясам не известны. Однако по характеру орнамента на некоторых деталях поясов, по качеству эмали есть все основания считать этот клад принадлежностью племен позднего этапа зарубинецкой культуры. Это предположение основывается также и на том, что при обследовании местности вокруг Красного Бора, на берегу небольшой речки, обнаружены остатки селища. При раскопках найдены такие же материалы, как и в Абидне.

В археологической литературе неоднократно говорилось, что вещи с эмалью, найденные на территории Белоруссии, балтийского происхожде

ния. С этим согласиться нельзя. Эмаль была известна еще кельтам. Позднее она распространилась у римлян. И только от них способ изготовления эмали был заимствован многими другими племенами Европы. Среди всех этих племен были распространены римские и местные предметы с эмалью. Характерно это для Прибалтики и для племен позднего этапа зарубинецкой культуры. Эти племена пользовались плоскими красными бусами, такими же, как и эмаль на украшениях. Таких бус в Абидне найдено более полусотни. Оии выявлены на селище в Красной Зорьке и в других местах. На многих тигельках из Абидни есть стекловидные натеки красного цвета. Спектральный анализ красной эмали, взятой с одной из лунниц, натеков на. обломке одного из тигельков и красной плоской бусы показал, что стекловидная масса всех трех предметов имеет один и тот же химический состав. Это позволяет предполагать, что лунницы и красные плоские бусы изготовлялись на месте.

Кроме украшений с эмалью, из римских провинций проникали и другие вещи. Так, в Абидне обнаружены римская краснолаковая керамика, две ручки римских бронзовых сосудов, несколько десятков различных по цвету и форме, в том числе и с позолотой, стеклянных бус, аналогии которым известны в римских колониях Северного Причерноморья. Кроме того, в ареале племен позднего этапа, около деревни Малые Круговичи Ляховичского района, в 20-х годах XX в. был обнаружен римский бронзовый сосуд, на селище в Тайманаво и других местах выявлены шпоры римского типа. Известны пункты, где найдены клады римских монет [52]. В Абидне выявлена бронзовая фракийская монета Геты, которая чеканилась в городе Августа Траяна (современная Болгария) в период с 209 по 212 г.

Клады римских монет и отдельные находки на территории Белоруссии обнаружены в нескольких десятках пунктов. Во время обследований, произведенных несколько лет тому назад, оказалось, что во многих пунктах есть селища, на которых встречаются такие материалы, как и в Абидне. Самый большой клад, состоящий из 1815 римских монет, найден в **1804 г.** около Климовичей Могилевской области. При обследовании на низком берегу Калиницы, в 2 км от центра Климовичей, в лесу было обнаружено большое позднезарубинецкое селище, на котором есть абсолютно такие же материалы, как и в Абидне.

Клад римских монет и некоторых других предметов (ситечко, колечко, булавка с маленькой наковаленкой) был обнаружен в 1873 г. около деревни Каменка Новогрудского района. Здесь выявлены остатки селища с гладкостенной лепной керамикой такого же характера, как и на предыдущих селищах.

Таким образом, археологические данные свидетельствуют, что на территории белорусского Поднепровья в сравнительно большом количестве проникал римский импорт, который имел большое значение для определения хронологии памятников позднего этапа зарубинецкой культуры.

Торговля. Датировка. Племена зарубинецкой культуры имели торговые связи со всеми племенами других культур. В результате контактов в верхнее Поднепровье попадали разнообразные предметы. Сюда проникали вещи от племен черняховской культуры (рис. 60:3). На селище в Абидне выявлены овальные и квадратные пряжки и до десятка железных фибул с подвязанной ножкой (рис. 64). На городище в Чаплине найден обломок гончарного Черняховского кувшина [53], а на селище в Тайманаво — фрагменты миски. Керамика Черняховской культуры обнаружена также в Велемическом могильнике [54]. Благодаря обмену к этим племенам попадали вещи кочевников. Так, еще в дореволюционные и в

довоенные годы в Хотище Славгородского района были выявлены самые разнообразные вещи. При обследовании местности вокруг этого населенного пункта обнаружено селище позднего этапа зарубинецкой культуры. Это и дает основание все случайные находки из Хотища — браслет с расширяющимися концами, многочисленные бусы, поделку со

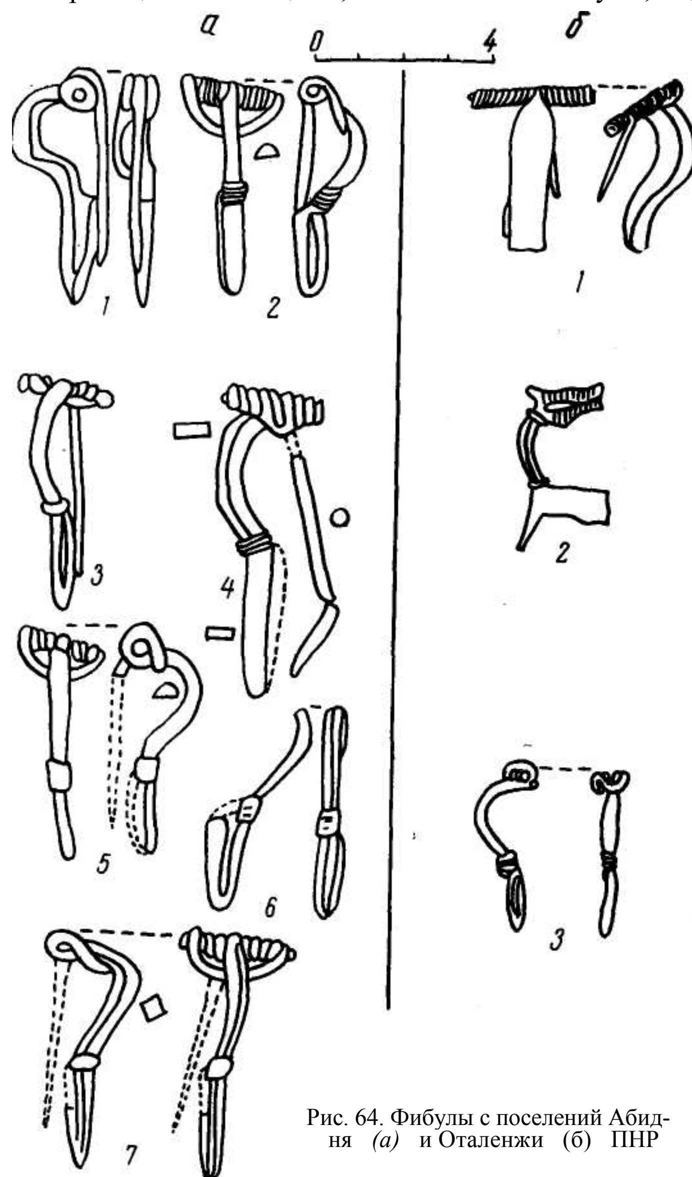

Рис. 64. Фибулы с поселений Абидня (а) и Оталенжи (б) ПНР

стилизованной головкой птицы — связать с этим поселением. В качестве аналогии можно отметить, что вещи со стилизованной головкой птицы были характерны для многих кочевых племен. Они даже выявляются на территории Чехословакии и датируются здесь V в. н. э.

Таким образом, импортные предметы из основных памятников позднего этапа зарубинецкой культуры относятся к различному времени в пределах II—V вв. н. э. Есть все данные датировать этим же временем племена позднего этапа зарубинецкой культуры. Основные датирующие

материалы — вещи римского импорта и предметы Черняховской культуры.

Общественный строй. Религиозные представления. Обитатели зарубинецкой культуры бассейна верхнего Днепра оставили городища и перешли на селища. Это было большим событием в общественной жизни этих племен. Появление неукрепленных поселений, видимо,— результат консолидации этих племен в прочные союзы. Часть этих обитателей начала проникать на территорию других племен. Объединение племен в прочные союзы и позволило каждой общине постепенно переходить из городищ на селища. Функция обороны в новых условиях, вероятно, полностью перешла к союзу племен, поскольку в случае вторжения враждебных племен разобщенные обитатели каждого селища не были в состоянии защищать себя и свое имущество. В этих условиях, вероятно, укрепилась власть племенной верхушки. Патриархальная большесемейная община утратила свое значение в общественной жизни племен. На смену ей пришла новая организация — сельская община, в которой значительно возрастала роль индивидуальной семьи. На территориях, занимаемых этими обитателями на севере, северо-востоке и востоке, в результате ассимиляции в данную область, вероятно, вливались другие племена. Так, видимо, можно- объяснить распространение какого-то количества вещей культуры штрихованной керамики на северных памятниках позднего этапа. То же самое можно сказать о распространении элементов днепро-двинской и юхновской культур на территории Смоленщины и Брянщины.

Есть все основания предполагать, что продолжалось дальнейшее социальное расслоение общества. Видимо, не случайно с данной эпохой связаны клады римских монет и других предметов. Такие клады и предметы не могли принадлежать всем членам территориальной общины. Они скорее всего были собственностью племенной верхушки. Клад металлических поясов с эмалью из Красного Бора также, видимо, был собственностью племенной знати.

Все те религиозные представления, которые были характерны для племен более раннего времени, распространились и среди племен позднего этапа зарубинецкой культуры. На глиняных предметах нанесены такие же солярные знаки, как и на вещах более раннего времени. На поселении в Абидне найдены культовые лепные сосудики, зооморфные и антропоморфные глиняные фигурки и разнообразные амулеты.

Этническая принадлежность. Преемственность двух этапов зарубинецкой культуры. На этническую принадлежность племен, оставивших памятники позднего этапа зарубинецкой культуры, в науке в настоящее время есть два противоположных взгляда. В. В. Седов, Ю. В. Кухаренко, II. П. Русанова и другие связывают эти памятники с древностями балтов. Славяне, с их точки зрения, на территории севернее Припяти расселились только после IX в.[55] Однако археологические материалы не подтверждают этого. Древности позднего этапа зарубинецкой культуры на территории Белоруссии и северной Украины, во-первых, очень близки, во-вторых, они существенными чертами отличаются от несомненно балтийских древностей культур штрихованной керамики и днепродвинской. Как известно, с середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э. в средней части Белоруссии была распространена культура штрихованной керамики. Население обитало на одних и тех же городищах. За это время в южной и юго-восточной Белоруссии сменилось, как уже отмечалось, две культуры: милоградская н зарубинецкая. Древности позднего этапа зарубинецкой культуры типологически увязываются с ранними средневековыми славянскими древностями этой тер-

ритории. Все эти данные и позволяют предполагать, что археологические памятники позднего этапа зарубинецкой культуры, кроме славян, другим этническим объединениям принадлежать не могли. Со славянами эти памятники связывает и П. Н. Третьяков [56].

О преемственности между двумя этапами развития племен зарубинецкой культуры свидетельствуют многие археологические данные. Памятники этих этапов располагаются в основном на одной и той же территории. Правда, ареал позднего этапа несколько уменьшился на юге и, видимо, западнее, но распространился на север, северо-восток и восток. О преемственности свидетельствуют так же типы жилищ, погребальный обряд, основные предметы материальной культуры: керамика, пряслица, ножи< и многочисленные украшения. Об этом также говорит орнамент на керамике. Преемственность прослеживается в формах хозяйственной деятельности обитателей двух этапов зарубинецкой культуры.

Различие между этапами этой культуры заключается в том, что население позднего этапа обитало на селищах, а раннего — на городищах. Кроме того, часть лепных сосудов позднего времени несет на себе процесы, чего не было ранее. В поздних памятниках количество лощеной керамики заметно уменьшилось; позднезарубинецкие горшки имели большие диаметры. Но эти различия объясняются обстоятельствами хронологического характера, т. е. теми изменениями, которые имели место во второй половине I тысячелетия н. э. Для раннего этапа характерен скифский и латенский импорт, а для позднего — римский и черняховский.

Глава VI

ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОБАЛТИЙСКИХ ПЛЕМЕН

Проблема происхождения балтийских и славянских племен в науке— до сих пор предмет оживленных споров. Однако все больше исследователей склоняются к мысли, что в эпоху позднего неолита и бронзы (конец III—II тысячелетия до н. э.) на территории Восточной и Центральной Европы (главным образом в бассейнах среднего Поднепровья и Вислы) обитала индоевропейская ветвь скотоводческо-земледельческих племен, которая по культуре и языку близка предкам балтийских и славянских племен. Эти индоевропейские племена оставили после себя в Центральной Европе ряд культур шнуровой керамики, в Восточной Европе — среднеднепровскую, в Прибалтике — близкую ей культуру ладьевидных топоров. Из среднего Поднепровья племена среднеднепровской культуры расселились на север, в верхнее Поднепровье, и далее — на северо-запад, в бассейн Немана и Западной Двины, а также на северо-восток, в бассейн верхнего Поволжья, где образовали особую фатьяновскую культуру. Из бассейна нижнего течения Вислы племена культуры ладьевидных топоров проникли на территорию Литвы, Латвии и частично Эстонии. В процессе расселения балтийские и славянские племена обособились друг от друга и в конце эпохи бронзы образовали ряд самостоятельных культур. Славянские племена заселяли южные территории (среднее Поднепровье, Волынь, бассейн Вислы), а балтийские расселились в верхнем Поднепровье, в западной части волго-окского бассейна, в бассейнах Немана и Западной Двины. В конце эпохи бронзы и в начале раннего железного века балтоязычные племена распались на две группы — западную и восточную. В то же время произошло дальнейшее дробление балтийских племен. В частности, восточнобалтийские племена разделились на ряд более устойчивых племенных групп, которые оставили после себя своеобразные археологические культуры. На территории Белоруссии и Литвы — культуру штрихованной керамики и днепродвинскую культуру[1].

1. КУЛЬТУРА ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ

Формирование этой культуры началось еще в эпоху позднего неолита и бронзы. Тогда штрихованная керамика была распространена на обширной территории Прибалтики, прилегающей к ней территории Белоруссии и некоторых современных областей РСФСР [2]. По мере консолидации этих племен территория распространения штрихованной керамики уменьшалась и все яснее проявлялись черты, характерные для собственно культуры штрихованной керамики (форма сосудов, специфические элементы орнамента, характер поселений и жилищ, особые формы

хозяйства и т. п.). Но все же в эпоху раннего железного века племена культуры штрихованной керамики обитали на довольно большой территории современной средней полосы Белоруссии и восточной части Литвы. Однако намятники штрихованной керамики встречаются на значительно более широкой территории. Это подтверждают, например, исследования Я. В. Станкевич в верхнем Подвинье[3]. Штрихованная керамика широко представлена и на территории Латвии и Эстонии; почти до середины I тысячелетия н. э. бытовала эта керамика на территории юго-западной Финляндии[4]. В бассейне белорусского Поднепровья штрдаеованная керамика встречается на поселениях, расположенных к югу и юго-востоку от основного ареала.

За пределами основного ареала этой культуры штрихованная керамика иногда встречается не в чистом виде, а является составным элементом других местных культур. По форме эти сосуды похожи на местные, которые существенно отличаются от штрихованных сосудов поселений основного ареала культуры штрихованной керамики. В верхнем Подвинье штрихованная керамика представлена в сочетании с сетчатой и гладкостенной керамикой, а формы сосудов воспроизводят типы сосудов дьяковской культуры * (западная группа) и днепродвинской культуры. В Прибалтике штрихованные сосуды (совместно с сетчатой и грубой гладкостенной керамикой) воспроизводят местные керамические формы. В поселениях, расположенных *в* бассейне белорусского Поднепровья (за пределами основной территории культуры), штрихованная керамика попадается в сочетании с керамикой трех культур: с милоградской (VI—III вв. до н. э.), с зарубинецкой (II в. до н. э.—I в. н. э.) и с керамикой типа Адеменского селища. И здесь формы штрихованных сосудов воспроизводят типы сосудов местных культур и ничего общего (если не считать штрихованной поверхности сосудов) не имеют с формами сосудов основного ареала культуры штрихованной керамики.

Таким образом, область распространения поселений собственно культуры штрихованной керамики значительно меньше ареала поселений, в которых она встречена (в смешении с керамикой других культур). Следовательно, о культуре штрихованной керамики в собственном смысле можно говорить лишь применительно к средней полосе Белоруссии и восточной половине Литвы (рис. 65).

Недостаточная степень изученности памятников культуры штрихованной керамики не позволяет в настоящее время очертить точные границы их распространения. Согласно данным исследований А. Д. Ковалени и А. Н. Лявданского, на востоке приблизительная граница поселений проходила по течению Усвейки и верхнему течению Друти. Отсюда она поворачивала на юго-запад, в бассейн среднего и отчасти нижнего течения Березины, а затем — на юг, в бассейн верховьев Птичи и Случи. На юге граница проходила по водоразделу Припяти и Немана (отчасти захватывая верховья Марочи и Лани), а затем по верхнему Понеманью и по правобережью Немана уходила в Литву. Литовские археологи установили, что в Литовской ССР «штрихованная керамика наиболее характерна для области, расположенной к востоку и югу от среднего течения реки Швентойи и нижнего течения реки Нерис»[5]. От Каунаса граница идет в западном направлении по рекам Еся и Шешупе [6]. В последние годы поселения со штрихованной керамикой открыты в Занеманье, в юго-восточной Литве. Из северо-восточной части Литвы граница переходит в северную Белоруссию и здесь тянется в

* Археологическая культура финно-угорских племен (предков летописных мери, муромы, веси и др.), живших в Волго-Окском междуречье в бассейнах верхнего Поволжья, Подвинья и на Валдайской возвышенности.

восточном направлении по линии Поставы — Дуниловичи — Чашники — Лепель.

В пределах очерченной территории штрихованная керамика встречается на поселениях либо в чистом виде, либо же в значительно большем количестве, чем керамика других культур. За пределами намеченных границ штрихованная керамика смешена с иными керамическими типами, и нигде она (может быть, за небольшим исключением) не является преобладающей. Разумеется, эти границы весьма приблизительны

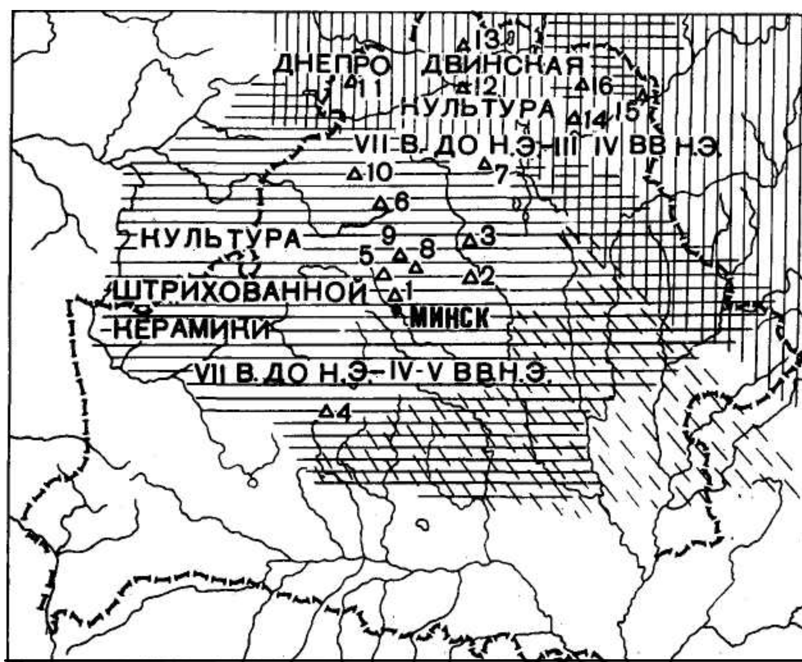

Рис. 65. Основные памятники культуры штрихованной керамики н днепро-двинской культуры:

1—Баицеровщина. 2—Новоселки, 3—Кимия, 4—Качановичи, 5—Лабенщина. 6—Малышки, 7—Августово, 8-Збаровичи, 9—Вязынка, 10—Некасецк, 11—Урагово, 12—Поддубники, 13—Девички, 14—Зароново, 15—Тербахунь, 16—Бураково

и при дальнейшем изучении поселений культуры штрихованной керамики и поселений соседних культур будут уточняться. Однако уже сейчас ясно, что неправы те исследователи, которые включают в ареал культуры штрихованной керамики такие районы, где или совсем нет поселений со штрихованной керамикой, или если они и есть, то в них она выступает в меньшем количестве. По П. Н. Третьякову, например, «на севере она (область распространения.— *А. М.)* охватывает нижнее и отчасти среднее течение Западной Двины» [7]. Это ошибочное мнение. В нижнем течении Западной Двины (т. е. на территории Латвийской ССР), как уже говорилось, нет поселений, в которых бы штрихованная керамика преобладала над другими керамическими типами, да и характер ее (формы сосудов, в частности) по сравнению с белорусско-литовской керамикой совершенно иной. Что же касается бассейна среднего Подвинья, то в поселениях этой территории штрихованная керамика не встречается вообще, здесь располагаются поселения с днепро-двинской культурой. Неточно и утверждение П. Н. Третьякова о том, что «отдельные городища со штрихованной керамикой выходят на Днепр на участке Орша — устье Березины» [8]. В действительности на

территории, лежащей между намеченной границей и Днепром, равно как и на этом участке течения реки, пет ни одного поселения, где бы штрихованная керамика выступала в чистом виде или преобладала над милоградской и зарубинецкой керамикой.

В. В. Седов в ареал культуры штрихованной керамики включает «значительную часть бассейнов левых притоков (припятских) Случи и Птичи» и полагает, что поселения с этой культурой доходили до Сожа [9]. С этим утверждением нельзя согласиться. В действительности в область распространения поселений культуры штрихованной керамики можно включать лишь бассейны верховьев этих рек (до Слуцка на Случи и до деревни Заволочицы на Птичи, а на юго-востоке — до Березины, но не ниже Бобруйска). Показательно с этой точки зрения городище близ деревни Щатково Бобруйского района (на берегу Березины, выше Бобруйска). Здесь раскопки производил Л. Д. Поболь[10]. По его данным, штрихованная керамика на городище составляет не более 19,8% от общего количества керамики (всего 12 733 обломка, а штрихованных 2515 обломков). Л. Д. Поболь отмечает, что подавляющее количество найденных на городище обломков (78,1%) относится к зарубинецкой культуре и лишь незначительная их часть (1,4%)—к милоградской. Важно при этом подчеркнуть, что штрихованные сосуды отличаются от милоградских и зарубинецких лишь тем, что они несут на себе штрихи, а в остальном (по формам, составу глиняной массы) они сходны с последними. Следовательно, Щатковское городище нельзя относить к поселениям культуры штрихованной керамики, равно как нельзя относить к этой культуре и те поселения, которые расположены южнее и восточнее его.

Поселения и жилища. Как известно, в эпоху неолита и бронзы племена, жившие на территории Белоруссии, селились на низких и открытых местах по берегам рек и озер. Это объяснялось тем, что одним из важнейших источников существования древнего населения было рыболовство. Картина резко меняется в последующее время, т. е. в эпоху раннего железа. В это время основным типом поселений становятся укрепленные поселения — городища. С появлением железа, с развитием подсечного земледелия и скотоводства возникли условия для накопления материальных ценностей. Вместе с этим появилась необходимость в выборе таких мест под поселения, которые бы обеспечили безопасность древнему населению. Поэтому в эпоху раннего железа поселения стали возникать в местах, которые были укреплены самой природой,— в глухих лесных массивах, на высоких мысах и холмах, по берегам рек и озер или на холмах среди небольших, ныне заболоченных озер. При изучении городищ обнаруживается, что все они первоначально не имели искусственных земляных укреплений, если не считать деревянных стен, сооруженных по краю площадки поселений. Искусственные укрепления в виде земляного вала по краю площадки и бревенчатой стены на вершине стали воздвигаться на городищах не ранее IV—III вв. до и. э. Позднее, приблизительно в I—II вв. н. э., городища делались все более неприступными: помимо земляного вала, сооруженного по краю городища, воздвигались валы и рвы, иногда в два-три ряда, за пределами площадок, на склонах городищ или вдоль их основания.

К наиболее раннему типу укрепленных поселений относится Августовское городище под Лепелем. Небольшое по размерам (30Х35 м) это городище устроено на стрелке мыса, который глубоко вдается в сильно заболоченную долину озер Теклиц и Луковец. Никаких искусственных укреплений — валов и рвов — Августовское городище не имело (рис. 66).

На первом этапе своего существования не было укреплено и Вязынковское городище (в 1,5 км западнее станции Радошковичи). Поселение возникло на холме второй надпойменной террасы левого берега Вязынки. Первоначально оно было укреплено лишь деревянной стеной, остатки которой в виде обгорелых бревен и скопления углей отчетливо прослеживаются при раскопках. После пожара вдоль края городища был насыпан вал, на гребне которого построена вторая оборонительная стена. Судя по скоплению углей и золы, эта стена исчезла во время пожара. В последний период своего существования площадка городища была еще более укреплена: по ее краю построена мощная бревенчатая стена, склоны холма сделаны более крутыми, с менее укрепленной стороны (северо-западной) насыпаны валы и вырыты рвы.

Не менее двух раз перестраивалась оборонительная система и на Збаровичском (под Заславлем) городище. Оно устроено на вершине холма при впадении маленькой речки Помовзы в реку Гуйку. Первоначально поселение не было укреплено.

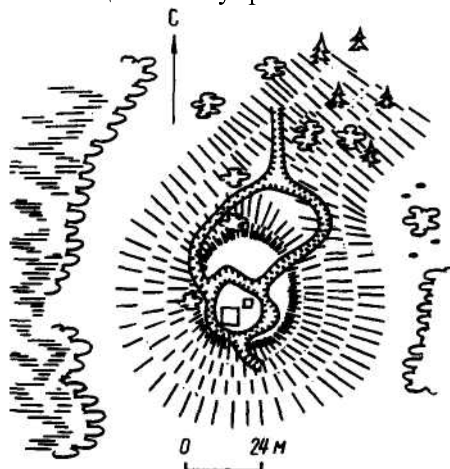

Рис. 66. Городище близ д. Августово Лепельского района. Схематический план

шей военной опасностью вдоль основания поселения был вырыт ров и насыпан вал. Наряду с этим на самый край городища и на его склоны было насыпано большое количество земли (супеси), склоны стали круче.

Наиболее поздние городища, возникшие в первых веках нашей эры, устраивались сразу: с момента возникновения поселения укреплялись, снабжались мощными по тому времени земляными валами и глубокими рвами. По гребню вала сооружались бревенчатые оборонительные стены. К таким поселениям относится, например, городище близ деревни Малышки Вилейского района Минской области. Это городище необычно по своему расположению: оно устроено не на мысу и не на холме, как обычно, а на ровном, но высоком, коренном берегу реки Сервеч и лишь с одной стороны (с реки) укреплено. С открытых сторон оно прикрыто мощным подковообразным валом, высота которого со стороны площадки достигает 3, а с внешней — 5 м.

В таких же топографических условиях возникло и Старорудницкое городище под Дзержинском. Оно расположилось на берегу маленькой речки Глинянки на невысоком всхолмлении, имеющем пологие склоны. В отличие от городища в Малышках это поселение укреплено не одним, а двумя подковообразными валами и рвом между ними. Земляные валы и рвы на Старорудницком городище сооружались в два приема. Сначала вдоль края площадки был насыпан невысокий вал, а рядом с ним вырыт ров. На гребне вала воздвигалась деревянная стена, которая, если судить по скоплению углей и золы, сгорела при пожаре. После пожара первоначальный вал был значительно увеличен, рядом с ним вырыт ров, а за счет земли, взятой из рва, насыпан второй, внешний вал (рис. 67).

Жилые и хозяйственные постройки на городищах культуры штрихованной керамики размещались на специально подготовленных площад-

ках, на холмах или мысах с неровными или выпуклыми вершинами. Обитатели городищ, перед тем как начать строительство жилых, домов и хозяйственных сооружений, выравнивали площадки, а землю спускали на склоны и делали их более крутыми и, следовательно, менее доступными.

Жилища, обнаруженные на городищах культуры штрихованной керамики, весьма своеобразны и характеризуют эту культуру в целом. Отличительная черта: все они наземные и больших размеров. С этой точки зрения их можно отнести к типу длинных домов, разделенных на большое количество жилых помещений. Жилищ земляночного или полу-

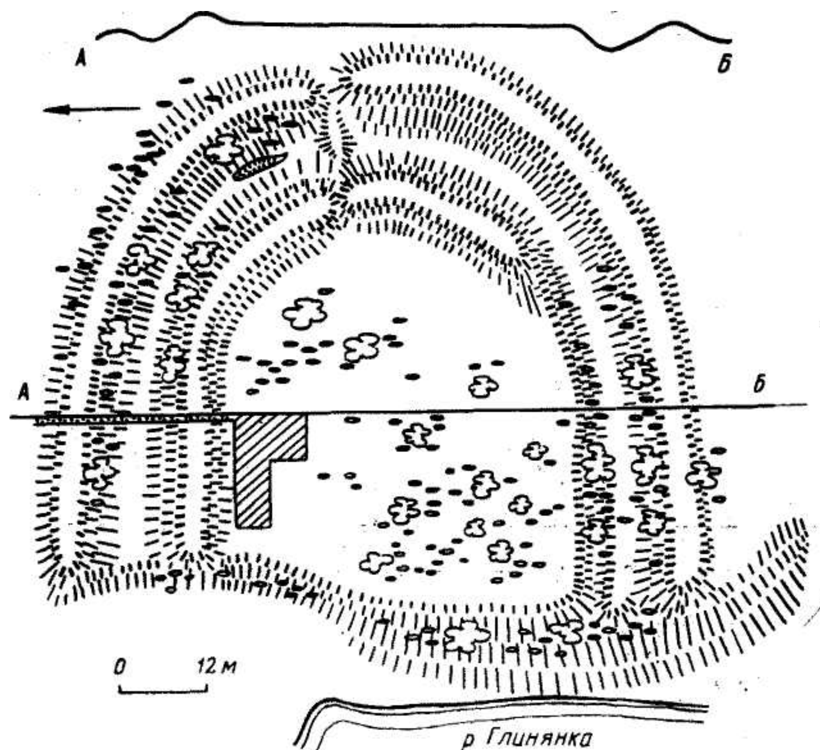

Рис. 67. Городище близ д. Старая Рудица Дзержинского района. Схематический план

земляночного типа племена культуры штрихованной керамики не знали. Длинные дома имели столбовую конструкцию: столбы — их основной конструктивный элемент, обеспечивающий прочность всего сооружения и одновременно поддерживающий перекрытие жилища.

Изучение остатков жилищ, обнаруженных при раскопках поселений культуры штрихованной керамики, показывает, что они прошли два этапа в своем развитии, причем первый этап соответствовал тому времени, когда патриархальная семья (в ранний период, возможно, и патриархальный род) была еще единым нерасчлененным коллективом, а второй отражал начавшийся процесс распада большой семьи на более мелкие. Жилища первого этапа располагались, как правило, по краям площадок городищ и представляли собой совокупность небольших жилых камер под единым перекрытием. В центре площадок размещались хозяйственные постройки и находились загоны для скота,

На нескольких городищах культуры штрихованной керамики сохранились следы длинных домов — ямы от вертикально стоявших столбов и очагов, находившихся внутри жилых помещений. На городище близ деревни Лабенщина, под Заславлем, жилища первоначально размещались на южном, юго-восточном и северном краях площадки. При этом жилища, располагавшиеся на южном краю, были устроены на специально выравненной террасе, которая лежала на 0,5—0,6 м ниже площадки городища. Как показали исследования Лабенского городища,

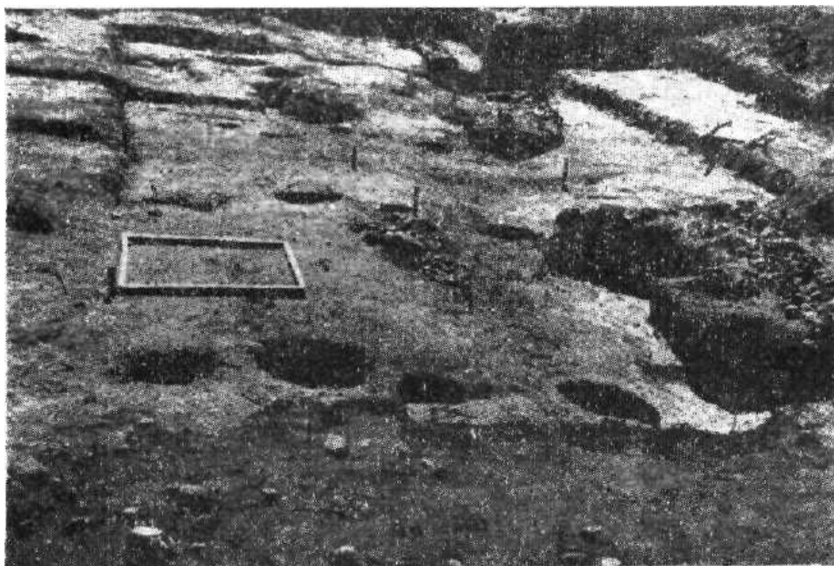

Рис. 68. Збаровичское городище. Жилище

жизнь здесь протекала в течение нескольких столетий. Поэтому, естественно, жилища за это время неоднократно обновлялись или перестраивались заново. Это обстоятельство затрудняет определение хотя бы приблизительных границ и размеров жилых домов.

Значительно лучше сохранились остатки жилищ на Збаровичском городище. Культурный слой на этом поселении вскрыт почти на половине площадки. Судя по данным раскопок, жизнь на городище Збаровичи не была долговременной и жилища здесь обновлялись не более двух раз. Поэтому границы жилищ на этом городище удалось проследить довольно хорошо. Жилые постройки располагались на специально выравненной террасе всего поселения. Пол жилищ относительно уровня центральной части площадки городища лежит ниже на 0,2—0,25 м. Ямы от столбов выступали не беспорядочно, а располагались сравнительно правильными рядами и образовывали четырехугольные в плане, примыкающие друг к другу жилые камеры, площадь которых равнялась 20—25 кв. м (рис. 68). Очаги встречены не во всех помещениях; очевидно, какая-то их часть была не жилой, а имела хозяйственное назначение. Крыши жилищ, по-видимому, были односкатными (в сторону склонов) и упирались в искусственную насыпь, сооруженную на самом краю городища. Высота насыпи не превышала 0,8—0,85 м. Насыпь была, собственно, стеной, способствовала сохранению тепла в жилище.

Центральная часть площадки Збаровичского городища была свободна от жилых построек. Здесь располагались хозяйственные сооружения

и, вероятно, находился загон для скота. На вскрытой половине площадки обнаружены две большие ямы хозяйственного назначения. Обе ямы свальной формы. Их размеры: длина—1,2—1,44 м, ширина—0,9—1,1 м, глубина — до 0,6 м. Стены одной ямы (№ 1) обмазаны глиной, перемешанной с мелкими камешками. Ямы заполнены черным культурным слоем, в составе которого были обломки штрихованной керамики и железные шлаки. В яме № 2 найдено довольно много обугленных зерен пшеницы. Следовательно, эта яма была хранилищем зерна.

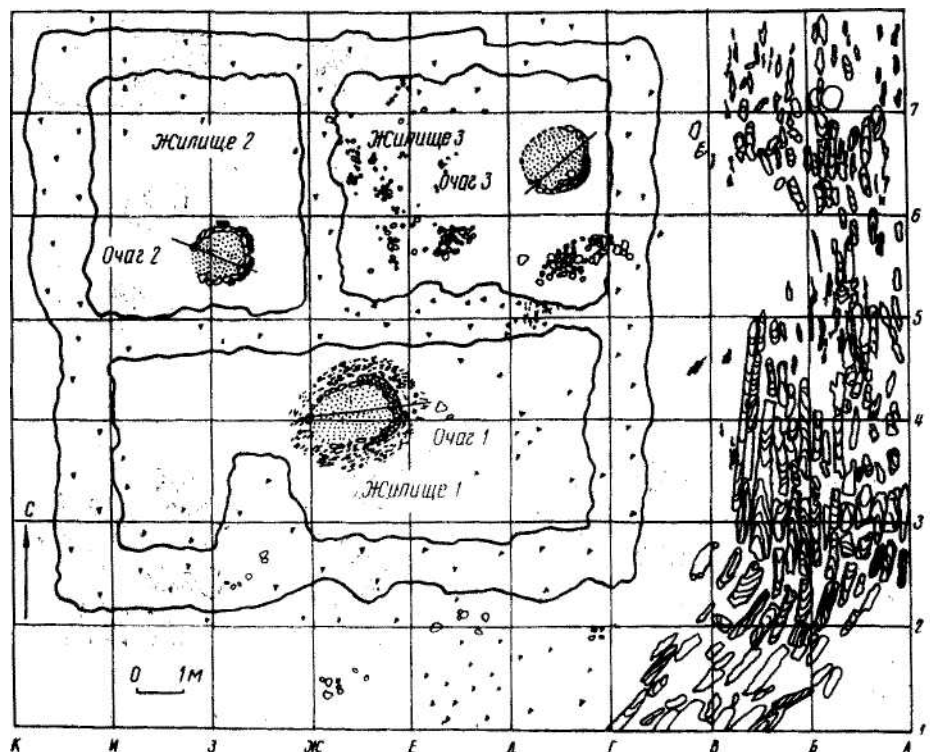

Рис. 69. Городище в Вязынке. Жилище и развал оборонительной стены

Не позднее начала III в. н. э. жилища существенно изменились: они оставались многокамерными, но стали меньших размеров и располагались не только по краю поселения, а по всей его площади. Кроме этого, наряду с жилищами столбовой конструкции появляются срубные, что свидетельствовало о новых, более прогрессивных архитектурных приемах в домостроительстве.

Остатки срубного большого дома были обнаружены в верхнем слое Вязынковского городища (рис. 69). Границы дома удалось проследить по скоплению кусков глиняной обмазки, упавшей со стен жилища во время пожара. Глиной были заполнены пазы между бревнами. Куски обмазки несут на себе оттиски бревен и отпечатки пальцев. Дом был разделен на три жилых помещения, причем площадь одного из них — самого большого по размерам равнялась 56,5 кв. м, другого — 25, третьего —31 кв. м. В каждом — открытый очаг.

Очень выразительны границы жилищ при раскопках городища в Малышках (рис. 70). На этом поселении обнаружены следы четырех больших домов, причем три дома вскрыты целиком, а четвертый — наполовину. Границы жилищ и на этом поселении удалось проследить по

скоплению кусков глиняной обмазки, упавшей со стен домов во время пожара. Судя по характеру залегания глиняной обмазки, бревна домов, как и на городище Вязынки, во время пожара не растаскивались. Это очевидно, так как глиняная обмазка, смешанная с углем и золой, залегала правильными рядами, толщиною до 20—25 см и очерчивала план каждого жилища в целом. Размеры домов в основном одинаковы: общая длина дома не превышала 18 м, ширина 7 м. Все четыре дома имели одинаковую планировку: каждый был разделен на четыре помещения,

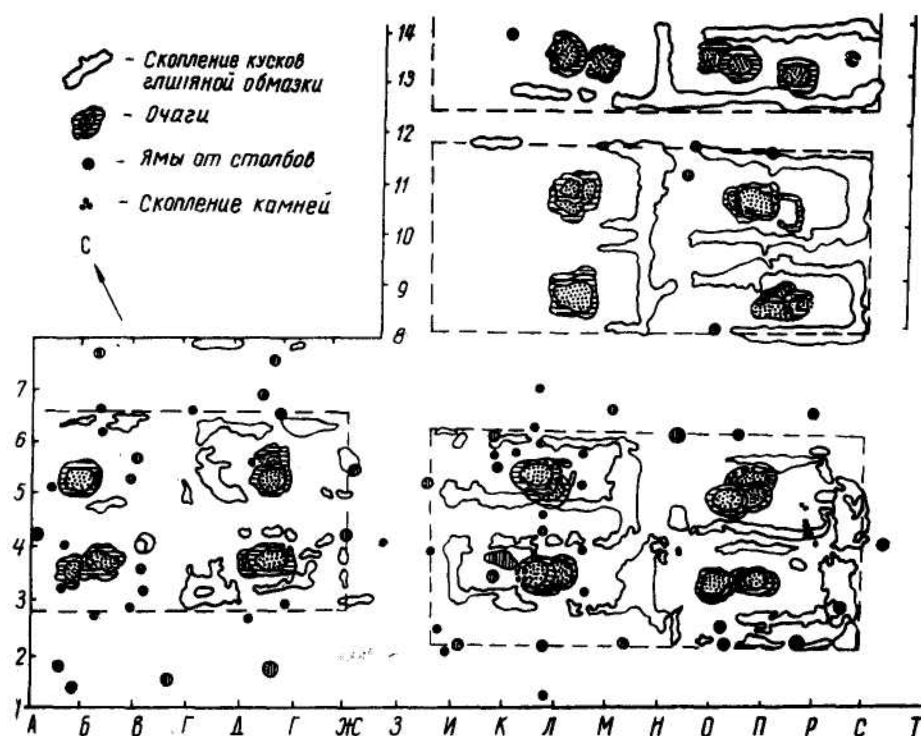

Рис. 70. Городище близ д. Малышки. Жилище, план

внутри которых находились открытые очаги. Эти помещения имели единое двускатное перекрытие и глухой стеной разделялись на две половины, состоящие из двух жилых камер, которые отделялись друг от друга узким коридором. Во всех домах было по два наружных входа, ведущих в коридоры. Они помещались с противоположных сторон домов. Вход в каждое отдельное помещение располагался внутри коридора.

Стандартный характер домов на поселении, их многокамерность свидетельствуют о том, что все они принадлежали единому общественному коллективу, скорее всего одной патриархально-семейной общине, внутри которой начался процесс выделения малых семей. Каждый отдельный дом, по-видимому, принадлежал главе малой семьи, его взрослым детям и внукам. Семья, вероятно, своего самостоятельного хозяйства еще не вела, а была частью большой патриархально-семейной общины, которая на общинных началах и решала все хозяйственные и другие вопросы.

Важным элементом жилищ были открытые очаги. Их устройство на раннем и позднем этапах развития жилищ было в основном одинаковым. В своей основе они сооружались из крупнозернистого песка, насыпан-

ного слоем в 0,15—0,20 м и обложенного по краям небольшими камнями. Последние укладывались в виде подковы, т. е. так, чтобы одна сторона очага (чаще юго-западная) была открытой. Иногда камни, которыми был обложен песок, скреплялись сырой глиной. На Лабенском городище в двух случаях для устройства пода использовалась глина, а не песок. На городище в Малышках песок, служивший в качестве пода, был обложен по краям не камнями, а валиком глины. Высота валика никогда не превышала 0,15—0,2 м, ширима у основания—0,2—0,25 м. Валик глины чаще всего укладывался в виде замкнутого овала, реже—замкнутого круга. Размеры очагов были в прямой зависимости от размеров жилых помещений. На Вязынковском городище, например, в самом большом помещении находился и больший по размерам очаг. Он имел в длину 1,8 м, в ширину— 1,2 м. В двух других, меньших помещениях очаги имели следующие размеры: в самом малом помещении длина очага 1,3 м, ширина 1,1 м, в третьем, несколько большем, чем второе, помещении очаг в длину имел 1,4 м, в ширину—1,3 м. На городище в Малышках все жилые помещения имели почти одинаковые размеры, поэтому и очаги были одинаковы: если очаги имели овальную форму, то их размеры колебались: длина 1 —1,4 м, ширина 0,7—1,0 м, если очаги были круглыми, то их диаметр не превышал 1,2 м (рис. 70).

Хозяйство. Основными отраслями хозяйства племен культуры штрихованной керамики были земледелие и скотоводство. Довольно большую роль в их жизни играла также и охота, цель которой не только добыча мяса, но и промысел пушнины.

Вся совокупность археологических данных свидетельствует о том, что земледелие у племен культуры штрихованной керамики было подсечным. При этой системе земледелия важнейшим агротехническим средством обработки земли был огонь. Зола, полученная в результате сгорания вырубленных и высушенных деревьев, сучьев и кустарников, служила удобрением, благодаря чему в первые два-три года с обработанных участков получали довольно высокие урожаи. Как показывают находки зерен культурных растений, в древности высевались просо, пшеница, горох, конские (полевые) бобы, вика. Все эти обугленные злаки найдены при раскопках Банцеровского городища под Минском ". Зерна пшеницы обнаружены и на Збаровичском городище. Кроме названных растений, в древности культивировались, по-видимому, лен и конопля. Это доказывается находками большого количества обломков днищ глиняных сосудов с отпечатками, иногда довольно тонкой, надо полагать, льняной либо конопляной ткани.

Весьма важным орудием подсечного земледелия был железный топор. В городищах культуры штрихованной керамики топоры встречаются довольно часто. Древние железные топоры мало чем отличались от современных: они с узкими лезвиями, несколько изогнуты, имеют горизонтальное отверстие для топорища (рис. 71: 1). Кроме топоров, земледельцы широко пользовались железными серпами (при сборе урожая). Серпов известно довольно много. Только на Лабенском городище найдено 36 экземпляров, на Вязынковском городище —4, на Збаровичском— 2 и т. д. Древние серпы отличаются от современных небольшими размерами, малой степенью изогнутости и особым устройством черенка (рис. 71: 8—11). Самые большие серпы вместе с черенком достигают 26 см (на долю черенков приходится от 5 до 8 см), ширина лезвия не превышает 2,5 см. Самые малые в длину серпы 13—14 см (в том числе длина черенка 5—6 см), ширина лезвия 1,3—1,4 см.

Очередное свидетельство развитости земледелия — каменные зернотерки. Встречаются они на каждом поселении. Зернотерки состояли из

двух камней: нижнего, более крупного имеющего либо овальную, либо четырехугольную форму, и верхнего, меньшего, овальной или полушарообразной формы. Верхняя поверхность нижнего камня всегда плоская или (от длительного употребления) вогнутая.

Подсека как система земледелия в лесной зоне Восточной Европы просуществовала до V—VI вв. н. э. Сам процесс подготовки и обработки участков земли под посевы при подсечном земледелии (рубка деревьев, кустарников, выкорчевание пней и корней, взрыхление почвы и т. п.) был очень трудоемким и требовал больших усилий, затрат. Такой труд, естественно, был под силу только большому коллективу людей. Поэтому «подсечное земледелие всегда выступало как коллективное, общественное производство...», как «отрасль производства, неразрывно связанная еще с первобытнообщинным строем» [12].

Второй очень важной отраслью хозяйства было скотоводство. О большой роли скотоводства свидетельствую! находки костей домашних (55—56%) и диких животных. Остеологический материал свидетельствует, что древним людям были знакомы все виды современных домашних животных. В стаде на первом месте — корова, на втором — свинья, на третьем — лошадь и на четвертом — овца. Жителям городищ были известны также домашние собака, которая была надежным помощником па охоте, и кошка. На Лабенском городище найдены кости курицы.

Охота на диких животных не имела такого значения, как скотоводство, хотя недооценивать эту отрасль хозяйственной деятельности нельзя. Не случайно среди всех костей, подвергавшихся определению, на долю диких животных приходится от 42 до 45%. Следовательно, охота на диких животных продолжала играть большую роль в хозяйстве племен культуры штрихованной керамики. Важно при этом отметить, что главным объектом охоты были крупные дикие животн'ые, а не пушной зверь. Это видно из того, что во всех городищах первое место и по количеству костей и по количеству особей принадлежит крупным животным — кабану, лосю, оленю, медведю, косуле и волку. Среди костей пушных зверей есть кости лисы, бобра, выдры, куницы, белки и хорька. Объектом охоты были и птицы — тетерев и глухарь. Правда, охота на дичь, как и на пушного зверя, развивалась слабо. За все время раскопок найдены кости лишь четырех особей птицы — трех тетеревов и глухаря.

Сведений о том, какие способы охоты применялись в древности, в нашем распоряжении очень мало. Обращает на себя внимание факт, что при раскопках городищ культуры штрихованной керамики почти не встречаются наконечники стрел и лишь в единичных экземплярах найдены наконечники копий и дротиков. По-видимому, индивидуальные формы охоты практиковались мало, преобладала коллективная охота (облава, загоны) и применялись разнообразные ловушки — «волчьи ямы», капканы, силки и т. п.

Найденные на городищах наконечники стрел, копий, дротиков (они являлись не только орудиями охоты, но и оружием) не представляют собою ничего оригинального. Известен экземпляр наконечника стрелы, найденный на Банцеровском городище. Он изготовлен из кости, листовидной формы. Копий известно лишь 4 экземпляра: по одному найдено на Оздятичском (рис. 71: 3), Лабенском, на городищах в Свидно и в Малышках. Аналогичные наконечники копий имеют широкое распространение в Прибалтике, в Польше, в памятниках зарубинецкой культуры (Чаплинский могильник). К числу редких находок принадлежат и наконечники дротиков с двумя шипами в нижней части пера. Найдено 5 экземпляров дротиков: 2 — на Банцеровском городище, 2 — на Лабен-

ском и 1— на городище Августово. Такие же дротики известны в позднескифских памятниках, в памятниках зарубинецкой культуры (Чаплинский могильник), много их в Польше и в западной части Прибалтики. В Литве, Латвии и Эстонии таких дротиков пока не найдено (рис. 71: 5).

Среди отраслей хозяйства племен культуры штрихованной керамики на последнем месте стояли рыболовство и собирательство. Рыболовство как отрасль хозяйственной деятельности, по-видимому, существовало не па всех поселениях. Кости рыб и рыбья чешуя обнаружены далеко не на каждом поселении, а там, где они обнаружены, их количество ничтожно. Не на каждом поселении встречаются и орудия рыбной ловли, в частности рыболовные крючки. В настоящее время известно лишь 4 экземпляра железных рыболовных крючков: по одному — на Оздятичском и Полыковичском (Барсучья Горка под Могилевом) городищах и два — на Августовском городище (рис. 71: 12, 13).

Практиковалась рыбная ловля и сетями, о чем свидетельствуют находки глиняных грузил. Но грузила при раскопках единичны. Исключение представляет городище в Малышках, где обнаружено несколько десятков грузил. Форма их весьма оригинальна: они сделаны в виде глиняной лепешки (диаметром в 5—10 см) со сквозным отверстием у края (рис. 75 : 19, 23).

Грузила аналогичной формы найдены только в Литве, в других местах они не известны совсем.

Можно не сомневаться, что обитатели городищ культуры штрихованной керамики занимались сбором ягод, грибов, дикорастущих орехов и яблок и т. п. Мы располагаем материалами, говорящими об этой отрасли хозяйственной деятельности. При раскопках Лабенского, Вязынковского, Збаровичского и других городищ найдена обугленная скорлупа лесных орехов. Не исключена возможность, что древнее население занималось сбором меда диких пчел — бортничеством.

Археологические материалы позволяют нарисовать картину развития на поселениях культуры штрихованной керамики разнообразных домашних ремесел; главнейшую роль среди них играла металлургия железа. Добычей железа из местных болотных руд (бурого железняка) и его обработкой занимались на каждом поселении. Об этом свидетельствуют массовые находки железных шлаков, криц, обломков домниц, железных болванок, заготовок серпов и ножей и готовой продукции — изделий из железа. Найденный на поселениях ассортимент железных вещей довольно велик. Из железа изготавливались разнообразные орудия труда, оружие и некоторые виды украшений. Во время раскопок обнаружены топоры, серпы, ножи, шилья, иглы, ложкари, зубила, наконечники копий и дротиков, втоки, кольца, пряжки, фибулы, булавки (рис. 71). Некоторые предметы (топоры, наконечники копий, пряжки) свидетельствуют о высоком уровне техники изготовления, например несут на себе следы горячей сварки. Сам процесс изготовления железных изделий требовал большой специализации мастера, умения и навыков. Есть все основания полагать, что внутри патриархальных семей уже на рубеже нашей эры, а возможно, и раньше выделились специалисты — кузнецы-общинники, которые обслуживали хозяйственные нужды общины.

Кузнечных инструментов — наковален, молотов, клещей, молотков — на поселениях пока не найдено и неизвестно, как они выглядели. Лишь одна находка может дать представление о молотах древних кузнецов-кричников. На городище в Малышках обнаружен целый каменный молот со следами окалины на рабочих плоскостях. Это довольно массивное увесистое орудие. Молот имеет овальные очертания и оваль-

Рис. 71. Изделия из железа:

1, *5, 10, 12. 13*—Августовское городище; *2, 4 7—11, 14—18, 20,* 23—Лабенское городище; *3* — Оздятнчское городище; *6, 9, 21* — Банцеровское городище; *22* — Новоселковское городище

ное поперечное сечение. Длина 0,2 м, ширина 16,5 м. В средней части молота есть неглубокий желобок, при помощи которого он крепился с рукоятью. Рукоять, по-видимому, делалась из мягкого и вязкого дерева. Найденный молот скорее всего предназначался для повторной обработки криц: им проковывали нагретые в горне крицы и превращали их в железные болванки.

Наряду с металлургией железа обитатели городищ культуры штрихованной керамики были хорошо знакомы с бронзолитейным делом. Плавка импортной бронзы производилась внутри жилищ на открытых очагах в небольших толстостенных глиняных сосудах — тигельках. Найдено много тигельков. На Лабенском городище обнаружен целый тигель, два — на городище в Малышках (рис. 72: 1, 2). Обломки тиглей встречены почти на всех городищах.

Р1зделия из бронзы отливались в специальных формочках. Известен фрагмент формочки, найденной на Лабенщине. Помимо бронзы, для изготовления украшений использовались легкоплавкие металлы — свинец и, возможно, олово. Плавка этих металлов производилась в небольших глиняных ложечках (рис. 72: 3), так называемых «льячках». Найдено три льячка, два из них обнаружено при раскопках Лабенского и один — Банцеровского городищ. На Збаровичском городище найден кусок свинца. Он имеет вид овальной бляшки в 2,7 см, шириною в 2,2 см, при толщине в 0,15 см. Судя по находкам, из бронзы и свинца отливались только украшения. Это и понятно. При наличии такого прочного металла, как железо, изготавливать орудия труда и оружие из бронзы не было необходимости. В состав найденных бронзовых украшений входят разнообразные кольца, браслеты, спиральки, подвески, бляшки и т. п.

Среди бронзовых колец есть кольца для ношения на пальцах рук (11) (рис. 72 : 13, 8, 19, 24), височные кольца, аналогичные по форме обнаруженным при раскопках милоградского городища [13]. Они найдены на Банцеровском и на Лабенском городищах (рис. 72: 16, 17). Есть кольца, служившие для подвешивания украшений (4). Помимо этих колец, на Лабенском городище найдено кольцо неопределенного назначения (может быть, куски проволоки). Обнаружен один браслет на Банцеровском городище (рис. 72: 7), другой — на городище близ деревни Кимия Борисовского района (рис. 72:9). По типу браслет относится к верхнему слою городища (VI—VII вв. и. э.). Встречены подвески двух типов: пластинчатые трапециевидные и проволочные очковидные (рис. 72 : 5, 8, 18). Браслетообразное изделие непонятного назначения найдено на Збаровичском городище (рис. 72 : 10).

Среди домашних ремесел особое место занимало гончарное производство. Глиняные сосуды лепились от руки способом ленточно-кольцевого налепа. Судя по этнографическим данным и по отпечаткам пальцев на сосудах, этой отраслью домашнего ремесла занимались женщины.

Керамика — самый распространенный материал, встречающийся при раскопках поселений, и наиболее характерный элемент любой археологической культуры, в том числе и культуры штрихованной керамики.

По характеру глиняной массы сосуды в пределах всего ареала культуры одинаковы. В глину примешивалась посторонняя минеральная примесь — чаще дресва, иногда крупнозернистый песок. Обжиг сосудов костровый и неравномерный. Вследствие этого на стенках есть разноцветные пятна, а в изломе черепков — темно-серая или черная прослойка. Большинство сосудов желтого цвета, но встречаются серые, темносерые и коричневатые. Кроме того, есть много сосудов двухслойных (с наружно/! стороны желтые, с внутренней серые или темно-серые) и трех-

Рис. 72. Изделия из бронзы и принадлежности бронзолитейного производства:

1. 4, 6, 8, 12—15. 21, 2:1, 26— Лабеиское го])одшце; *2, 11* — городище Малышки; *3, 5, 7, 16, 17, 18, 20, 22, 25, 21*—Банцеровское городище; *10, 19, 28*—Збаровичское городище; *9*—городище Кимия; *24*— Новоселковское городище

слойных (с наружной стороны желтые, в изломе серые или темно-серые, с внутренней серые, темно-серые или коричневатые). В нижних горизонтах (а следовательно, в ранних) поселений (Лабенщина, Банцеровщина и др.) встречаются, как правило, грубые, слабообожженные и толстостенные сосуды с примесью крупных зерен дресвы.

В целом глиняные сосуды культуры штрихованной керамики не отличаются большим разнообразием форм. В пределах ареала этой культуры можно выделить всего лишь четыре типа сосудов. К первому типу относятся горшки со слегка отогнутым венчиком, невысокой шейкой и отчетливо выраженным плечиком, плавно переходящим в несколько выпуклое тулово. Большая часть сосудов этого типа имела, по-видимому, плоское дно. Вместе с этим бытовали сосуды с округлым и слегка уплощенным дном. Обломки таких доньев найдены в нижних слоях Лабенщины и Банцеровщипы. Своей формой сосуды первого типа напоминают сосуды милоградской культуры (1-я и 2-я группы, VI—II вв. до н. э., по О. Н. Мельниковской) (рис. 73). Это обстоятельство объясняется тем, что сосуды первого типа найдены лишь на поселениях, которые расположены в восточной части ареала культуры штрихованной керамики (главным образом в бассейне Березины), т. е. на территории, непосредственно примыкающей к области распространения милоградской культуры [14]. Надо отметить, что милоградские сосуды встречены в очень ранних поселениях культуры штрихованной керамики и на той территории, которая удалена от основного ареала милоградской культуры на большое расстояние. Они, например, найдены М. М. Чернявским на Гатовском селище, расположенном на перешейке между озерами Мястро и Нарочь, в Мядельском районе. По-видимому, инфильтрация части милоградского населения относится к очень ранней поре. Сосуды городищ Оздятичи, Кимия, Новоселки, нижних слоев Лабенщины, Банцеровщины, Дворища, Старой Рудицы несут на себе орнамент, который есть и на сосудах милоградской культуры: ямочные вдавления («тычки»), нанесенные на шейку и плечико сосудов в один (иногда в два) ряд или группами по две-три ямки, или в виде треугольников (рис. 73).

В северо-восточной и северной частях ареала штрихованной культуры (городище Августово) встречены сосуды, которые воспроизводят формы (и орнамент) сосудов днепродвинской культуры. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что район распространения штрихованных сосудов днепродвинской культуры был относительно невелик: он был значительно меньше того района, где располагались поселения с милоградскими формами сосудов.

Основной и наиболее характерный тип сосудов этой культуры — сосуды с острым ребром. Венчик этих сосудов, как правило, имеет наклон вовнутрь, самый его край иногда слегка отогнут наружу, ребро, располагавшееся в верхней части, выражено отчетливо, оно под углом переходит в тулово. Прямые стенки сосудов конусообразно суживаются к плоскому дну. Среди остroреберных сосудов можно выделить два подтипа — А и Б. Высота сосудов подтипа А чаще превышает их максимальный диаметр, реже равняется ему, диаметр дна относительно большой, он чуть меньше диаметра устья (рис. 74 : 1). Для сосудов подтипа Б характерны небольшой диаметр дна, относительно небольшая высота (меньше максимального диаметра или равная ему) и по сравнению с дном большой диаметр устья. В целом их форма приближается к мисковидным сосудам (рис. 74 : 5, 6, 8).

Многие остроребeрные сосуды орнаментированы. Сама штриховка стенок сосудов, вероятнее всего, играла роль орнамента. Не исключена возможность, что она имела какое-то практическое значение. Может

быть, штрихи наносились с той целью, чтобы замаскировать выступающие на поверхности сосудов крупные зерна дресвы или придать сосуду большую водонепроницаемость. Штрихами покрывались стенки сосудов от ребра до дна. Выше ребра сосуды, как правило, штрихами не покрывались. Орнамент из защипов, ногтевых вдавлений, ямок наносился только на верхнюю часть сосудов — на тулово чуть ниже ребра, на ребро, шейку и очень редко на край венчика.

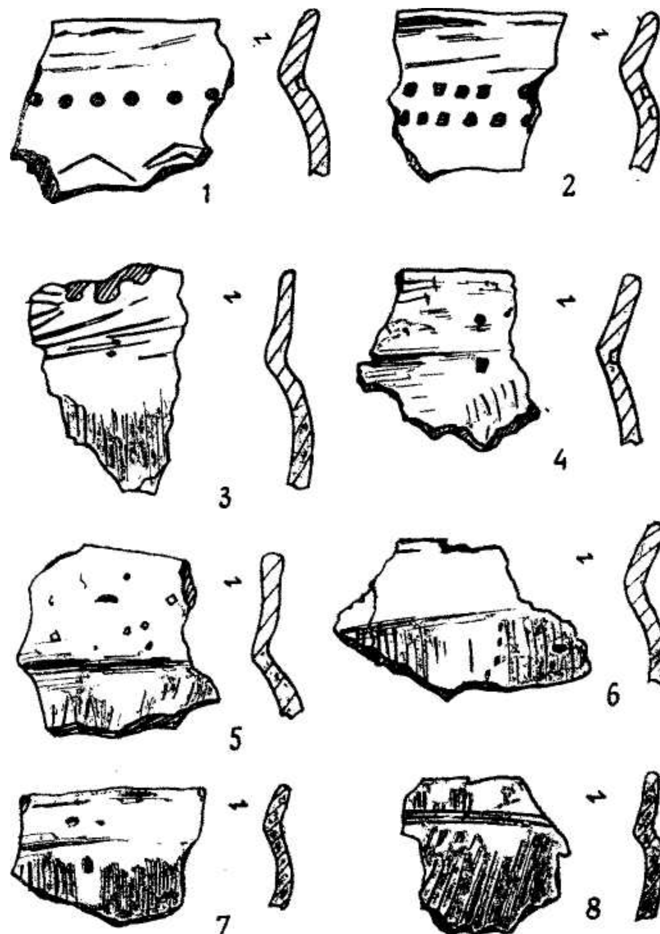

Рис. 73. Керамика:

1-3---Лябенское городище; *4.* 5-городище Кимия; ,5, *7, 8*—городище Новоселки

По своему характеру орнамент на остроребернoй посуде неодинаков. Найдены сосуды, которые украшены защипами, разными по размерам и форме ямочными вдавлениями, короткими резными линиями и насечками. Количество орнаментированных сосудов на всех городищах примерно одинаково— 35—40% от всего количества керамики.

Весьма .показательна с этой точки зрения орнаментированная посуда городища Лабенщина. Здесь довольно четкое стратиграфическое расчленение. В нижнем слое остроребериые сосуды несут на себе одно-

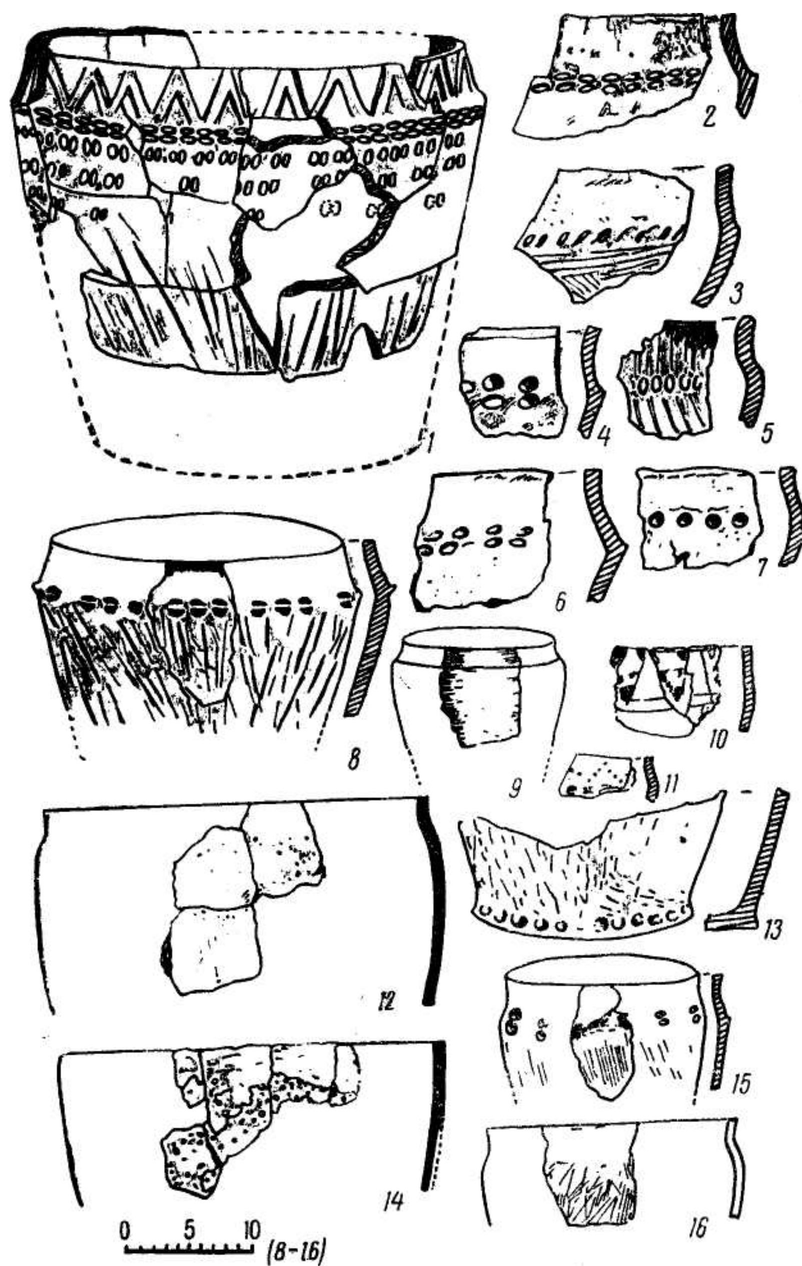

Рис. *74*. Керамика:

1—4, 10, 11, 13—Лабеиское городище; *5, б, 9*—Збаровичское городище; *7, 8*—городище в Вяпынке; *12 14, 16*—городище Васильковка; /5—Старая Рудица

образный орнамент в виде защипов (их очень мало), расположенных в один ряд по ребру. Максимальное количество орнаментированных сосудов приходится на средние слои городища, причем -в этих горизонтах орнамент отличается большей сложностью и большим количеством мотивов. В верхних слоях характер орнамента остается прежним, но количество орнаментированной посуды значительно уменьшается. Важно при этом подчеркнуть, что в верхних горизонтах Лабенщины (это в равной мере относится и к другим городищам) острореберные сосуды утрачивают свою характерную черту — остроребристость и уступают место сосудам иных форм.

Наиболее характерный орнамент остроребриных сосудов — защип, нанесенный двумя пальцами по сырой глине (рис. 72). Чаще всего защипы располагались по ребру сосудов либо в один ряд с одинаковыми промежутками, либо группами по 2—3—4 защипа. Иногда защипы образовывали простые геометрические фигуры — треугольники и т. п.

Второй вид орнамента — ямочные вдавления. Сосудов с таким орнаментом найдено довольно много, не менее 20% всей орнаментированной керамики. Как и защипы, ямки располагались по ребру сосудов, но в отличие от них почти всегда сплошным рядом (рис. 74:7). Только единичные сосуды этой группы украшены ямочными вдавлениями чуть ниже края венчика, причем в одном случае ямки расположены в один ряд, образуя прямую линию, а в другом ямки составляют треугольники.

Судя по форме ямочных вдавлений, последние наносились каким-то штампом, скорее всего палочкой небольшого размера, самый конец которой имел различную в сечении форму — чаще округлую либо овальную, реже квадратную либо ромбическую. Выделялись ямочные вдавления — круглые, овальные, квадратные и ромбические в плане; в разрезе цилиндрические, конусовидные и полушарообразные.

Несколько сосудов было украшено ямками, нанесенными концом палочки, поставленной под углом, т. е. «тычками».

Примерно столько же остроребриных сосудов с орнаментом в виде насечки. Насечки нанесены только по ребру сосудов. Несколько отличающиеся друг от друга по своим размерам и характеру, насечки располагались, как и защипы, либо в один ряд, либо группами по 3—4—5 насечек (рис. 74: 3).

Сосудов, орнаментированных только нарезными линиями, найдено очень мало. Нарезные линии чаще всего встречаются в комбинации с другими видами орнамента (рис. 74).

Остроребриные сосуды распространены весьма широко. Наблюдается полное сходство сосудов этого типа со штрихованной керамикой из литовских пилякальнисов. Это сходство выражается в форме сосудов, в орнаменте и технике изготовления. Подобная форма встречена в многочисленных памятниках восточной и юго-восточной Литвы (Межулянском, Лаукопенском, Петрашунском, Воэгеляйском, Мешканайском и многих других пилякальнисах) [15].

Штрихованная керамика Латвии и Эстонии носит иной характер и прямого отношения к культуре штрихованной керамики территории Белоруссии не имеет.

Следующий тип представлен сосудами баночной формы. Сосуды этого типа встречаются как на востоке, так и на западе изучаемой территории. Венчик этих сосудов чаще всего вогнут внутрь, реже поставлен прямо.

Найдено не более 4—5% баночных сосудов от всего керамического материала. Они залегают, как правило, в верхних горизонтах культурно-

го слоя городищ, а в средних и нижних их мало. Орнаментированных сосудов среди баночных почти нет.

Как известно, сосуды баночной формы распространены повсеместно. В ряде поселений Великолукской области, например (городище Подгай и др.), найдены сосуды только такой формы, а других типов штрихованной посуды там нет. Я. В. Станкевич датирует этот тип керамики II—III вв. н. э., что полностью соответствует датировке верхних слоев среднебелорусских городищ [16],

Последний тип сосудов штрихованной 'керамики составляют слабопрофилированные сосуды (рис. 74: 12, 15, 16). Их не более 4—5% от всей обнаруженной керамики. Венчик этих сосудов отогнут наружу, шейка сравнительно высокая, плечико выражено слабо, тулово слегка выпукло, дно плоское. В целом слабопрофилированные сосуды весьма сходны с более поздними гладкостенными сосудами, которые встречаются на поселениях VI—VIII вв. Как и сосуды баночной формы, они попадались главным образом в верхних горизонтах городищ и, следовательно, относятся к более позднему времени (IV—V вв. н. э.). Орнаментированных сосудов мало. Характер орнамента такой же, как и на остроребертых сосудах,— защип и редко ямки (рис. 74: 15).

Сам факт появления на позднем этапе существования городищ слабопрофилированных сосудов свидетельствует о том, что характер штрихованной керамики стал меняться. Важно, что в верхних горизонтах поселений культуры штрихованной керамики в большем количестве, чем в нижних, встречаются слабопрофилированные сосуды без штрихов. Это касается в первую очередь поздних городищ. Наиболее характерно в этом отношении городище Замок, расположенное в урочище Тартак, в 1,5 км юго-восточнее деревни Васильковка Логойского района. Это поселение хорошо укреплено двумя-кольцевыми валами, что характерно для поздних городищ. Оно относится к культуре штрихованной керамики, но самой штрихованной посуды здесь найдено не более 35%. Остальная керамика гладкостенная. Остроребертых сосудов мало, но зато значительно больше слабопрофилированных горшков и банок (рис. 74: 14). Особенно много сосудов переходных (от остроребертых к баночным и слабопрофилированным) форм. Все эти факты свидетельствуют о том, что в IV—V вв. н. э. штрихованная керамика уступала свое место гладкостенной керамике и что между культурой штрихованной керамики и более поздней культурой типа верхнего слоя Банцеровщины существовала генетическая преемственность.

На городищах средней Белоруссии наряду со штрихованной посудой найдена лощеная керамика очень хорошей выделки. Ее немного. Она встречается то преимуществу в нижних горизонтах изучаемых городищ, которые соответствуют времени существования зарубинецкой культуры.

Лощеная керамика существенно отличается от всей массы штрихованной посуды. Она вся лепная, изготовлена из чистой, хорошо промешанной глины и почти не содержит посторонних минеральных примесей.

Немногочисленные фрагменты керамики по форме разделяются на два типа: остроребертые горшки (рис. 74: 9) и миски.

Размеры сосудов, как правило, небольшие. Диаметр горловины редко превышает 12—13 см. На Вязынковском городище в хозяйственной яме найден раздавленный лощеный горшок первого типа. Его удалось восстановить почти полностью. Цвет сосуда желтый, глина чистая, в составе теста есть небольшое количество примеси песка. Диаметр по верхнему краю сосуда 11 см, максимальный диаметр тулова 14 см, высота 12,5 см, толщина стенок у днища 0,7—0,8 см, у венчика 0,5 см. Большинство днищ у лощеных сосудов имеет ярко выраженный выступ.

Важные отрасли домашнего ремесла — прядение, ткачество и плетение. О развитии прядения говорят многочисленные пряслица, которые встречаются на каждом поселении. В настоящее время известны сотни пряслиц. Их диаметр в среднем не превышал 2,5—3 см. Отличительная особенность пряслиц заключается в большом разноообразии, неповторимости форм,оригинальности орнамента (рис. 75).

Это дает основание видеть в пряслицах важную черту культуры. Найдены пряслица в форме шляпки небольшого гриба (наиболее ранний вид, в основном в нижних горизонтах поселений), кружков с выпукло-плоскими и плоско-вогнутыми сторонами, в виде кружков с вогнутыми верхней и нижней сторонами и с плоскими сторонами. Встречаются пряслица грушевидной формы, а также с четырьмя или пятью рожками. Подавляющее большинство пряслиц имело округлые, боковые стороны, но есть и с отвесными сторонами. Много пряслиц уплощенно-биконических. Наиболее распространенный орнамент — узор из нарезных линий, лучеобразно расходящихся от отверстия. Линии всегда объединялись в группы (пучки) по 2—3—4 в каждой. Второй, также весьма своеобразный вид орнамента — геометрические фигуры: треугольники, иногда ромбы и трапеции. Фигуры чаще обозначались точками, реже — нарезными линиями. Орнамент из геометрических фигур наносился главным образом на боковые стороны пряслиц.

Наличие ткачества доказывается находками обломков днищ глиняных сосудов, на которых есть отчетливые отпечатки как грубой, так и сравнительно тонкой ткани.

Четыре железные иглы, найденные на городищах (по два экземпляра на Лабенском и Новоселковском городищах), свидетельствуют о том, что из тканей шили одежду и, возможно, тару для хранения зерна.

И ткачество и плетение доказывается находками днищ глиняных сосудов с отпечатками плетенки, похожей на современную рогожу.

Отраслью домашнего ремесла была и обработка кости и рога животных. Это особенно касается ранних городищ, относящихся к тому времени, когда железо хотя и было уже известно, но являлось редким металлом. К таким ранним поселениям, на которых найден большой комплекс костяных изделий, относятся городища Дукштас и Петрашунас в Литве. В этих поселениях из кости и рога животных изготавливались наконечники копий и стрел, струги (тупики для удаления мездры со шкур животных), иглы, проколки, разнообразные острия, в том числе и острия для плетения сетей, рукоятки ножей и т. п.

Приблизительно во II—I вв. до н. э. изделия из кости и рога почти исчезают. К этому времени железо получило повсеместное распространение, поэтому кости и рога животных как сырье для изготовления орудий труда и оружия почти вышли из употребления.

В городищах, относящихся к рубежу нашей эры, костяные изделия встречаются лишь в нижних горизонтах культурного слоя и их ассортимент невелик. Так, в нижних слоях Л а венского городища в единичных экземплярах найдены рукоятки ножей и шильев, в несколько большем количестве встречены костяные иглы и проколки, употреблявшиеся, вероятнее всего, при сшивании обработанных шкур животных. Аналогичные костяные изделия также в единичных экземплярах найдены на Банцеровском, Збаровичском, Новоселковском и некоторых других городищах. К числу уникальных находок следует отнести топор из рога лося, обнаруженный в нижнем слое Лабенского городища. Он окончательно не отделан, это по существу еще заготовка. Возможно, что это предмет какого-то культового, символического назначения.

Редкая находка — костяной миниатюрный гребень, обнаружен в

Рис. 75. Глиняные пряслица, грузики дьякова типа и грузила:

1. *2, 5—8, 10—13, 15—18, 21, 22, 24*—Лабеиское городище; 9—-Старорудицкое городище; 14—городище Василькорка; 3—Збаровичское городище; *19, 23*—городище Малышки; *20*—Оздятичское городище; 4—городище Кимия

нижнем слое Лабенского городища. Он изготовлен из лопаточной кости животного, которой придана полуовальная форма. В нижней части ножом и довольно грубо вырезано 13 зубьев (уцелело 8). На верхней плоскости гребня есть циркульный орнамент в виде кружков с точками в центре. Кружки расположены двумя полукругами вдоль выпуклой спинки гребня. На спинке гребня сделаны два ушка, а между ними — четырехугольный выступ.

Кроме этих отраслей домашнего ремесла, на городищах несомненно существовала обработка дерева. Из дерева изготавливались рукояти ножей, серпов, шильев, древки копий, дротиков и стрел, веретена, топорища и т. д. Обычными были находки железных изделий (ножи, серпы, копья и т. д.), на которых хорошо заметны следы дерева, законсервированного ржавчиной. Из дерева, по-видимому, конструировались разнообразные ловушки и капканы для ловли пушных зверей. Отсутствие наконечников стрел, очевидно, объясняется прежде всего тем, что этот вид охотничьих орудий целиком изготавливался из дерева. Есть все основания утверждать, что из дерева вырезались некоторые формы столовой посуды — миски, чашки, ковши, ложки и т. д. Видимо, не случайно, что па городищах эти формы столовой посуды не сохранились.

Главными орудиями обработки дерева были железные топоры, ножи (рис. 71: 1) и резцы типа современных ложкарей. Топоры и ножи при раскопках городищ встречаются сравнительно часто. В настоящее время известно 7 топоров. Насчитываются десятки ножей. Только на городище близ деревни Лабенщина найдено 9 экземпляров. По своей форме ножи делятся на две группы. В первую группу входят ножи с изогнутой спинкой (рис. 71: 7), во вторую—с прямой (рис. 71: 6). По размерам они различны. Самый большой в длину достигает 13 см при длине черенка в 4,5 см и при ширине лезвия в 1,7 см; самый малый нож имеет в длину 7,5 см при длине черенка в 3 см и ширине лезвия в 0,9 см. Резец для изготовления ложек и деревянной посуды (ложкарь) найден пока на городище Кимия в одном экземпляре.

Общественный строй. Об общественном строе племен культуры штрихованной керамики говорилось немало. Вся совокупность археологических данных свидетельствует о том, что эти племена уже в самом начале эпохи железа находились на стадии развитого патриархата. Самой мелкой и основной единицей общества того Бремени была патриархальная семья, насчитывающая в своем составе несколько десятков человек. Несколько таких патриархальных семей (от двух до четырех) объединялись в патриархальный род. Каждый патриархальный род имел свою территорию, на которой располагались отдельные укрепленные поселки, обработанные участки земли (поля), и пастбища для скота. Такая родообщинная организация общества обусловливалась характером его экономического уклада, в основе которого лежало подсечное земледелие, предполагавшее общинный, коллективный характер труда. Патриархально-родовой строй за время существования племен культуры штрихованной керамики (VII—VI вв. до н. э.— III—V вв. н. э.) не стоял на месте, а развивался, в результате чего внутри патриархальных родов назревали предпосылки, которые в конечном счете привели к распаду первобытнообщинных отношений.

Процесс распада патриархально-первобытных отношений начался не позднее III—II вв. до н. э. Он нашел свое отражение в возникновении на городищах более мощных искусственных укреплений. Как уже отмечалось, поселения племен культуры штрихованной керамики первоначально не имели искусственных укреплений, так как в их сооружении не было необходимости. Впоследствии в связи с широким распространением

железных орудий труда, сделавших труд человека более производительным, возникли условия, при которых патриархальные семьи и патриархальные роды в целом могли производить накопление материальных ценностей в виде зерна, скота, предметов домашнего ремесла, продуктов охоты и т. п. Это обстоятельство приводило к возникновению противоречий между родами и племенами и заставляло жителей городищ принимать меры к обеспечению своей безопасности и делать поселения недоступными для враждебных соседей. Можно полагать, что добычей победившей стороны становился не только скот, зерно, но и люди, которых обращали в рабов. Так возникла первая форма эксплуатации — патриархальное рабство. Правда, при патриархальном рабстве рабы не были собственностью отдельных лиц-рабовладельцев, а находились в собственности рода либо большой патриархальной семьи.

Рабский труд в социально-экономической жизни древнего населения играл второстепенную роль. Вероятно, рабы выполняли тяжелые и унизительные домашние работы, связанные с обслуживанием хозяйства патриархальной семьи. Не может быть сомнения в том, что основную роль в хозяйстве изучаемых племен играл свободный труд свободных общинников. Мы не располагаем данными о том, чтобы судить о имущественном неравенстве между родами и патриархальными семьями. К сожалению, нет материалов, с помощью которых можно было бы нарисовать картину сложного процесса изменения социально-экономической жизни племен культуры штрихованной керамики. Можно с уверенностью говорить лишь о том, что последние три-два столетия до нашей эры и первые три-четыре столетия нашей эры в жизни племен культуры штрихованной керамики были переломной эпохой. Это было время, когда складывались условия, которые насколько столетий спустя привели к ликвидации первобытнообщинных отношений и возникновению классового феодального общества.

Торговые и культурные связи. Весьма интересен вопрос о торговых и культурных связях племен культуры штрихованной керамики с племенами соседних и более отдаленных территорий. Совершенно естественно, что эти племена не были изолированы от своих соседей, а находились с ними в культурном и торговом контакте.

Торговля в ту эпоху носила натуральный характер, выступала в форме простого обмена. Всеобщего эквивалента — денег — древние племена еще не знали.

Не местными, а полученными при межплеменном обмене были три бронзовые бляхи, найденные на Лабенском городище. В элементах ажурного орнамента одной из блях есть стилизованное изображение головки птицы — орла (рис. 72: 6). Манера изображать головы хищных птиц, в частности орла, была характерной для среднеднепровских племен IV—V вв. н. э.[17] Вероятно, эти бляхи попали к обитателям Лабенского городища из среднего Поднепроъья.

Весьма редкая и несомненно привозная вещь — бронзовая, литая подковообразная фибула, найденная на городище в Малышках (рис. 72:11). Круглая в-поперечном сечении дуга фибулы сравнительно тонкая, на ее концах два диска с выемками в форме кружков и небольшими ямками в центре. Выемки и ямки заполнены красной эмалью. Точных аналогий этой фибулы пока не известно, но близкие по форме изделия с выемчатой эмалью найдены в ряде памятников II—IV вв. н. э. Литвы [18]. Подковообразные фибулы с эмалью известны также и в среднем Поднепровье, но, к сожалению, все они являются случайными находками [19]. Фибула из Малышек, вероятнее всего, попала в Белоруссию из Прибалтики.

Как импортные следует рассматривать две бронзовые выпуклые бляшки диаметром в 2,5 см, происходящие из нижнего слоя Лабенского городища. С внутренней стороны обеих бляшек припаяны дугообразные петельки (рис. 72: 14, 15). Этот тип бляшек—одна из характерных черт поздneананьинской культуры (II в. до н. э.) Прикамья. Аналогичные бляшки бытовали в это время у населения городищ дьяковской культуры, известны они были и населению верхнего Подвинья [20]. На территорию Белоруссии эти бляшки проникли скорее всего, именно отсюда.

Список импортных вещей невелик, но тем не менее он свидетельствует, что племена культуры штрихованной керамики были в торговом контакте с целым рядом соседних племен, и в первую очередь с племенами среднего Поднепровья и Прибалтики.

Обитатели городищ культуры штрихованной керамики умели производить целый ряд вещей, наиболее целесообразная форма которых возникла не у них самих, а у соседнего, иногда, впрочем, и довольно отдаленного населения. К числу таких вещей прежде всего следует отнести проушные узколезвийные топоры. Узколезвийные топоры наиболее типичны для культур южной Прибалтики[21]. Там они несомненно и возникли. В южной Прибалтике возникли и наконечники копий, форма которых была распространена не только в Прибалтике, но и на других территориях. Аналогичные копья найдены и в позднескифских памятниках, в могильниках зарубинецкой культуры, в памятниках пшеворской культуры Польши и в ряде других мест.

Реже встречаются железные наконечники дротиков с двумя шипами в нижней части пера. Сама форма дротиков была распространена у племен в позднескифское время, затем с нею познакомились племена зарубинецкой культуры и племена оксывской и пшеворской культур Польши. Во II—IV вв. н. э. близкие по форме дротики бытовали также у племен западной Прибалтики. В памятниках Литвы, Латвии, Эстонии, равно как и в памятниках верхнего Поднепровья (городища Смоленщины), такие дротики найдены в единичных экземплярах.

На городищах культуры штрихованной керамики в единичных экземплярах обнаружены вещи, форма которых возникла у римлян и кельтов. Железные шпоры (небольшие дуги с шипом в тыльной части), найденные по одному экземпляру на городищах Лабенщина, Дедиловичи (Замковая Гора), относятся к типу позднеримских (рис. 71: 23). Такие шпоры распространены повсеместно и датируются III—IV вв. н. э. На городище в Малышках найдена фибула позднелатенского типа. Она возникла у кельтов в I в. до н. э. На рубеже нашей эры этот тип фибул проник к племенам зарубинецкой культуры и, по-видимому, через посредство этих племен — к населению культуры штрихованной керамики.

Кроме позднелатенской фибулы, на городищах близ Банцеровщины и Новоселок найдены две фибулы с подвязанной ножкой (рис. 70: 21, 22). Исследователи считают, что фибулы такой конструкции во II—I вв. до н. э. возникли в греческих городах северного Причерноморья. Аналогичные фибулы найдены в Чаплинском могильнике (погр. № 25, 58), Ю. В, Кухаренко и А. К- Амброз датируют их I в. до н. э.— I в. н. э.[22] В это же время форма этих фибул, скорее всего с юга, от племен зарубинецкой культуры попала и к населению, обитавшему на территории центральной Белоруссии.

К числу весьма распространенных железных предметов относятся посоховидные булавки (рис. 72: 14—17). В городищах культуры штрихованной керамики найдено их довольно много. Только на Лабенском городище 18. Видимо, они были излюбленным украшением. Форма их возникла очень давно, еще в эпоху бронзы. Тогда булавки изготовляли

из бронзы, а с возникновением древней металлургии стали делать из железа. О. Н. Мельниковская отмечает широкое распространение посоховидных булавок у различных в этническом отношении племен и полагает, что на юге Белоруссии они бытовали на всем протяжении существования милоградской культуры [23].

Особенно широкое распространение булавки получили в первые века нашей эры. Очень много булавок найдено в поселениях и могильниках этого времени Прибалтики — в Эстонии, Латвии, Литве и в Калининградской области [24]. Хорошо знакомы такие булавки населению зарубинецкой культуры, а также обитателям городищ, верхнего Подненровья и верхнего и среднего Подвинья.

Особенно оживленными были связи племен культуры штрихованной керамики с населением милоградской культуры. Как уже отмечалось, группа памятников культуры штрихованной керамики, расположенная в бассейне Березины, характеризуется мплоградскими формами глиняных сосудов (наряду с формами сосудов днепродвинской культуры) и наличием на них милоградских орнаментальных мотивов. Действительно, некоторые глиняные сосуды восточиобелорусских городищ по форме отличаются от милоградских наличием штрихов, а в остальном (в форме, орнаменте) они совершенно идентичны. Кроме керамики, в восточном варианте культуры штрихованной керамики имеются и другие элементы, которые сближают две культуры. В частности, как там, так и здесь распространены блоковидные пряслица, а также высокие пряслица усеченно-биконической формы. По-видимому, обитатели восточнобелорусских городищ находились под большим влиянием племен милоградской культуры. Не исключена возможность, что культурная близость этих племен была выражением их этнической общности.

Целый ряд чрезвычайно важных элементов сближает племена культуры штрихованной керамики с племенами верхнего Поднепровья и с населением, обитавшим в бассейне Западной Двины, а через них и с обитателями западной части волго-окского междуречья. Как у племен культуры штрихованной керамики, так и у населения междуречья бытовал один и тот же тип длинных домов столбовой конструкции и устраивались совершенно одинаковые песчано-глинобитные очаги в жилищах, распространены одинаковые грузики дьякова типа (рис. 75 : 17, 18, 21, 22, 24). Об этом же говорят и некоторые другие факты: одинаковый характер оборонительных сооружений, сходство в формах хозяйства, однотипность орудий труда и т. п.

Наука пока располагает очень незначительными данными для характеристики идеологических представлений племен культуры штрихованной керамики. Главная трудность заключается в отсутствии погребальных памятников этого населения. Все до сих пор известные погребальные памятники либо относятся к более поздней поре, либо же, если они одновременны с поселениями, принадлежат другому в этническом отношении населению. Возможно, что погребальные памятники племен культуры штрихованной керамики еще не найдены.

Не исключена возможность и того, что у племен этой культуры существовал такой обряд погребения, который не был связан с обычаем хоронить умершего в земле. Может быть, покойника сжигали и его останки оставляли на месте.

Некоторые орнаментальные мотивы дают возможность предполагать, что у племен культуры штрихованной керамики существовал весьма распространенный среди земледельческо-скотоводческих племен того времени культ солнца. По-видимому, отражением именно этого культа был орнамент на пряслицах в виде нарезных линий, лучеобразно расходя-

щихся от центрального отверстия. Существовала тогда несомненно и магия. Как отражение магических представлений следует рассматривать найденные клыки медведя и волка с просверленными отверстиями.

Проблема происхождения. Весьма важен и вместе с тем сложен вопрос о происхождении культуры штрихованной керамики. Главная сложность здесь заключается в том, что памятники эпохи позднего неолита и бронзового века, предшествующие поселениям культуры штрихованной керамики и расположенные на территории Белоруссии, изучены еще очень мало. В пределах основного ареала культуры штрихованной керамики (на территории Белоруссии) известны единичные поселения эпохи бронзы и ни одно из них не исследовалось путем раскопок. Правда, в последние годы обнаружено довольно много поселений этой поры, но все они находятся за пределами ареала культуры штрихованной керамики. Несколько лучше изучены поселения эпохи неолита и бронзы на территории Литвы [25].

В результате изучения древнейших поселений установлено, что характер штриховки и самой керамики в различные исторические эпохи не был одинаков. По данным Р. К. Римантене, сам факт появления штрихованной керамики относится к раннему неолиту, т. е. к IV—III тысячелетию до н. э.[26] Однако штрихи на ранненеолитических сосудах, как отмечают все исследователи, были еще слабые, едва заметные, они покрывали не все, а лишь часть сосудов. Слабо штрихованные черепки относятся к малоорнаментированным сосудам. Поэтому, естественно, ранненеолитическую керамику нельзя относить к штрихованной керамике в собственном смысле этого слова. Появление слабых штрихов на внешних, а часто на внутренних сторонах сосудов следует связывать с результатом обработки (заглаживания) их поверхности пучком соломы или травы. Другими словами, слабая штриховка появилась как результат техники обработки поверхности сосудов. Это было распространено не только *и* Литве, но и далеко за ее пределами. Как известно, остродонная керамика со слабой штриховкой обнаружена в Литве на стоянке Дубичай-П (нижний горизонт среднего слоя) и Дубичай-Ш (нижний слой) Варенского района, Эжяриняй Алатусского района, в стоянках Калининградской области, в Латвии (Сарнате) и др.[27] Все эти стоянки относятся к разным культурам и датируются разным временем неолита. Это обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что керамику со слабой штриховкой нельзя считать предшественницей штрихованной керамики в собственном смысле этого слова.

Более выразительная штрихованная керамика и в Литве, и в Белоруссии появляется лишь во II тысячелетии до н. э., т. е. в эпоху позднего неолита и в бронзовом веке. Появление такой керамики совпало с широким распространением керамики, несущей на себе шнуровой орнамент. Эта керамика отличается от более ранней составом посторонней примеси: в глиняном тесте ранних сосудов встречаются, как правило, растительная примесь или примесь толченой ракушки, а в тесте поздней керамики— дресва. Вместе со шнуровой керамикой штрихованная посуда встречается на очень большой территории. Она известна на ряде стоянок Литвы (Эйгуляй-I и Вершвай-П под Каунасом, Дубичай-П и Дубичай-Ш, Лигуте Варенского района), в Эстонии, в Калининградской области и в Польше [28]. В последние годы штрихованная керамика наряду со шнуровой найдена и в ряде стоянок Белоруссии (Кривина и Осовец Сенненского района, Добрый Бор Ивацевичского района и др.) [29].

Настоящая штрихованная керамика, которую с полным основанием можно считать предшественницей штрихованной керамики в собствен-

ном смысле этого слова, попадается в поселениях, относящихся к концу II тысячелетия и к первой половине I тысячелетия до н. э. К ним относятся стоянки Жемеи Петрашюнай, Жемеи Канюкай, Лауменай под Каунасом, Жалей, Братонишкес под Вильнюсом, Клангяй Юрбаркасского района [30]. Штрихованная керамика в этих поселениях преобладает. Сосуды изготовлены из глины с большим количеством примеси дресвы, слабо обожжены, толстостенны. Форма сосудов воронкообразная и боченкообразная. Стоянки Жалей, Жемеи Канюкай (средний слой) по проценту минерализации угля датированы XI—X вв. до н. э., а стоянка Клангяй — VII—VI вв. до н. э.[31] Аналогичная керамика известна и на территории Белоруссии. Она была обнаружена (1951 г.) на поселениях, расположенных по левым притокам Немана,— стоянка близ деревни Понемань, в низовьях реки Сервечи (Бабий Яр, Трахимовы Кусты). В последние годы довольно много стоянок эпохи бронзы со штрихованной керамикой обследовано В. Г. Супруном в среднем течении Щары. Автор подчеркивает, что штрихованная керамика в этом районе появляется в эпоху неолита и, по-видимому, доживает в несколько изменяющемся виде до раннего железного века (Гостино, Межевичи) [32]. Штрихованная керамика в стоянках эпохи бронзы на Щаре найдена вместе с гладкостенной, но по количеству она преобладает.

Сосуды изготовлены из глины с большим количеством примеси дресвы, обжиг их «посредственный, так как в изломе стенки наблюдается темная сердцевина». Преобладают плоскодонные больших размеров[33]. Из-за отсутствия в коллекции крупных фрагментов о форме сосудов, к сожалению, сказать ничего нельзя.

Проблема происхождения культуры штрихованной керамики неразрывна с вопросом ее этнической принадлежности. Как уже отмечалось, большинство исследователей (X. А. Моора, А. З. Таутавичус, Р. К. Римантене, Е. А. Данилайте, В. В. Седов, А. Г. Митрофанов) связывают эту культуру с восточнобалтийскими племенами — непосредственными предшественниками восточнолитовских племен (летописной «Литвы»). Этой точки зрения в свое время придерживались Ф. Д. Гуревич и П. Н. Третьяков. Но (после выхода книги Ф. Д. Гуревич «Древности Белорусского Понеманья») они отказались от этой точки зрения. Ф. Д. Гуревич теперь считает, что культура штрихованной керамики никакого отношения к восточнолитовским племенам не имеет и что ее «памятники принадлежали тем балтийским племенам, чья культура вне области восточнолитовских племен исчезла в результате славянской колонизации, не оставив заметных следов в культуре более позднего времени» [34]. П. Н. Третьяков полагает, что племена культуры штрихованной керамики «балтийскими не являлись во всяком случае по своему происхождению... В племенах штрихованной керамики следует видеть древнее, местное по происхождению население, оказавшееся во II тысячелетии до н. з. в окружении балтийских племен и, очевидно, мало-помалу ими ассимилированное» [35]. Далее он считает, что процесс ассимиляции «в области культуры... завершился, по-видимому, к середине I тысячелетия н. э., а начался значительно раньше — возможно, еще в «догородищенское время» [36]. С точкой зрения П. Н. Третьякова согласиться трудно, ибо она противоречит прежде всего лингвистическим данным. Хорошо известно, что в пределах ареала культуры штрихованной керамики есть лишь два слоя гидронимов: более ранний слой — балтийский и поздний — славянский. Никаких следов местного «добалтоязычного» населения на этой территории не сохранилось. Есть все основания полагать, что местное неолитическое население было ассимилировано балтоязычными племенами (как полагают исследователи, носителями культуры боевых топо-

ров) еще в раннюю пору бронзового века и что формирование культуры штрихованной керамики происходило уже в балтской среде. Мнение П. Н. Третьякова противоречит археологическим данным. Он ведет речь об ассимиляции местных племен балтами, но не указывает, какое же конкретно балтоязычное население (носители какой культуры) осуществило этот процесс. Изучение поселений культуры штрихованной керамики показало, что формирование самой культуры началось в конце эпохи бронзы и завершилось в начале железного века, а ее дальнейшее развитие протекало без какого-либо внешнего влияния. Факты говорят о полном отсутствии проникновения в пределы ареала этой культуры инородного населения. Следовательно, племена культуры штрихованной керамики и по происхождению, и по своей этнической принадлежности были балтами, вероятнее всего, непосредственными предшественниками восточнолитовекпх племен — аукштайтов.

Бесспорными представляются следующие выводы:

1. Относить возникновение штрихованной керамики к раннему неолиту нет оснований. Найденную на ранненеолитических поселениях керамику со слабыми штрихами нельзя генетически связывать со штрихованной керамикой более поздней поры.

2. Появление самой ранней штрихованной керамики (слабо штрихованной) относится к позднему неолиту и к эпохе бронзы (II тысячелетие до н. э.), оно совпало с тем временем, когда на территории Литвы и Белоруссии широкое распространение получила керамика со шнуровым орнаментом.

3. Территория распространения ранней штрихованной керамики была значительно шире той территории, на которой позднее располагались поселения культуры штрихованной керамики. Кроме того, ранняя штрихованная керамика была характерной не для одной, а для нескольких археологических культур. Этим и следует объяснять то обстоятельство, что позднее, уже в эпоху раннего железного века, штрихованная керамика (по форме сосудов и по орнаментации) в разных районах бытования была неодинакова.

4. Штрихованная керамика, а вместе с ней и названная ее именем культура возникли на месте. Создателями этой культуры были племена, жившие в конце эпохи бронзы (конец II и первая четверть I тысячелетия до н. э.) з восточной Литве и средней Белоруссии и оставившие после себя поселения типа Жемеи Петрашюнай, Жемеи Канюкай, Жалей, Братонишкес в Литве, Скема-I и другие в Белоруссии.

5. Только на территории восточной Литвы и средней Белоруссии штрихованная посуда к началу раннего железного века (VII—VI вв. до н. э.) превратилась в основную и почти единственную категорию керамики и стала важнейшей чертой названной ее именем культуры. В остальных районах штрихованная керамика в эпоху раннего железа продолжала бытовать с другими керамическими типами, и нигде она не была наиболее важной чертой археологической культуры.

Итак, создателями культуры штрихованной керамики были местные племена эпохи поздней бронзы. Однако исследователям предстоит проделать еще очень большую работу, чтобы доказать это в деталях. В частности, по имеющимся в распоряжении исследователей данным, еще нельзя проследить генетическую преемственность (если иметь в виду самую главную черту керамики — форму сосудов) между штрихованной керамикой периода бронзы и керамикой эпохи раннего железа. Наиболее характерные до настоящего времени ее черты — острореберные сосуды и сосуды баночной формы не имеют пока предшественников в керамике поздней бронзы.

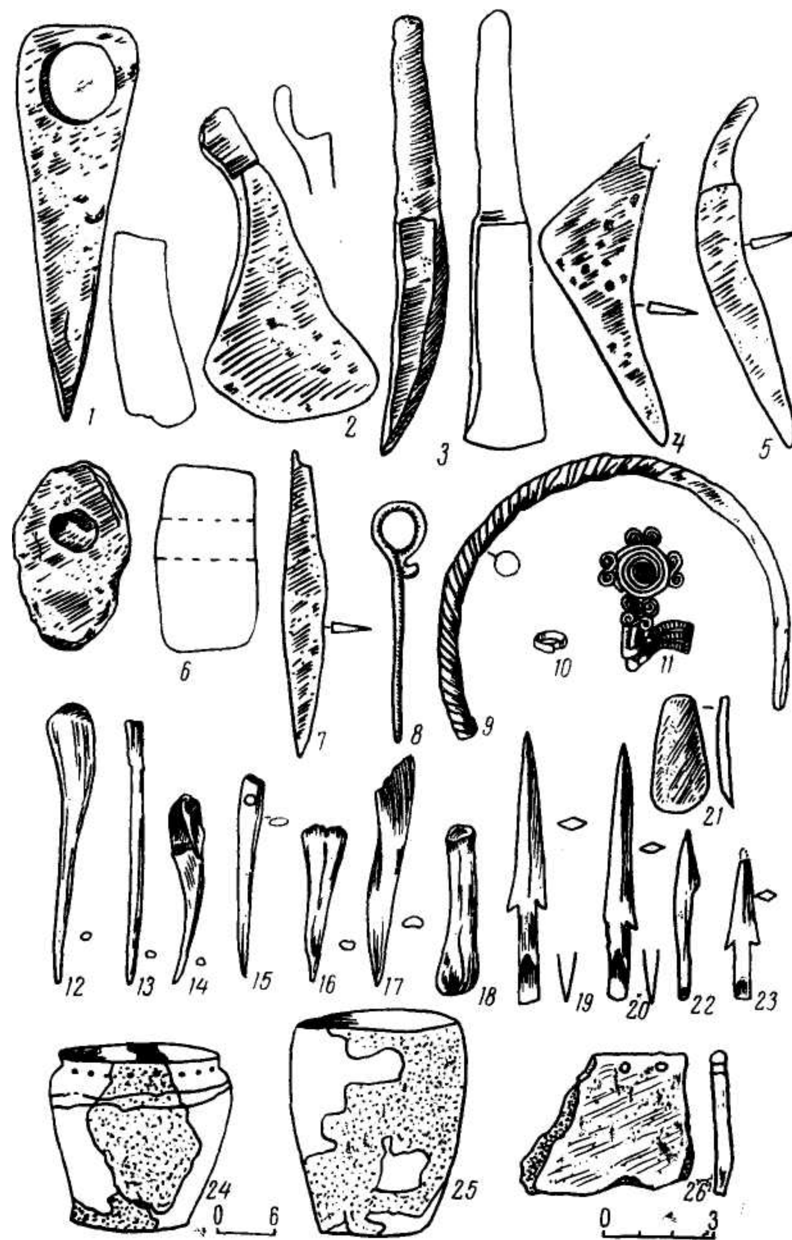
2. ПАМЯТНИКИ ДНЕПРОДВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Расселение. В бассейнах верхнего и среднего Подвинья, верхнего Поднепровья, Себежских озер и по течению верховий Оки, Ловати, по верховью правобережья Великой в эпоху раннего железа (VII—VI вв. до н. э.— III—IV вв. н. э.) жили многочисленные племена, которые, как и носители культуры штрихованной керамики, принадлежали к восточнобалтийской языковой группе.

В археологической науке культура этих племен не имеет единого названия, исследователи называют ее по-разному. Основными центрами, где еще в эпоху бронзы происходило формирование этой культуры, были верхнее Поднепровье и бассейн белорусского течения Западной Двины (рис. 65). На этой территории открыты наиболее ранние памятники, относящиеся к VII—V вв. до н. э. (городища Новые Батеки, Жарынь, Поддубники, Бураково, Кубличи и др.). Не случаен факт, что только на этой территории распространены памятники с чистой культурой, в частности с гладкостенной керамикой. Что касается других территорий (самое верхнее течение Западной Двины, верховье Ловати и частично Оки), то характерная для этих памятников гладко-стенная керамика всегда встречается в смешении с керамикой других культур —с сетчатой и штрихованной. Мало этого, гладкостенная керамика в этих памятниках залегает, как правило, в верхних горизонтах 'культурного слоя, что говорит о более позднем ее появлении. Следовательно, есть все основания культуру восточнобалтийских племен, памятники которых расположены в бассейнах верхнего Поднепровья и среднего Подвинья, назвать «днепродвинской».

Керамика. Наиболее характерный элемент днепродвинской культуры — керамика. Как и у других племен, сосуды лепились здесь вручную, без применения гончарного круга. Способ лепки был типичным для того времени — ленточно-кольцевой налеп. Вся керамика гладкостенна, в глиняном тесте много минеральной примеси — дресвы. В целом керамика днепродвинской культуры по своим формам довольна однообразна. Среди многочисленных обломков можно выделить по существу только два типа глиняных сосудов (рис. 76:24—26). К первому типу относятся слабопрофилированные горшки. Самый край венчика этих сосудов, как правило, прямой или слегка отогнут наружу, шейка у большинства сосудов отсутствует вовсе или, если она есть, выражена слабо. Венчик прямо переходит в четко выраженное плечико, которое в свою очередь плавно переходит в сравнительно выпуклое тулово. Все сосуды плоскодонны, у большинства на месте перехода стенок в днище (на поддоне) есть выступ. Диаметр венчика по его краю у всех сосудов всегда несколько меньше наибольшего диаметра тулова. Он находится всегда в верхней части сосудов. В целом верхняя часть сосудов как бы вогнута внутрь. О пропорциях сосудов (об отношении высоты к диаметру венчика) судить очень трудно, так как они встречаются в обломках, и восстановить их, как правило, не удается. Лишь один сосуд, обнаруженный в Язно, восстановлен полностью (рис. 76: 24). Его высота 23 см, диаметр венчика (по внешнему овалу) 20 см, наибольший диаметр тулова 25 см, диаметр дна 14 см. Таким образом, в данном случае высота сосуда лишь на 3 см превышает диаметр венчика. Такие пропорции не всегда и не везде выдерживались. Судя по данным исследователей смоленских городищ, высота многих сосудов значительно превышает их диаметр [37].

Ко второму типу керамики относятся глиняные сосуды баночных форм. Край венчика у подавляющего большинства сосудов вогнут внутрь, иногда он поставлен прямо. Наибольший диаметр сосудов всегда находится в верхней их части. Тулово имеет, как правило, незначительную

Piic. 70. Вещи поселении днепродвинской культуры:

1, *4, 8* — Кублнчскор городище; *2, 5, 12—23, 26* — городище Поддубники; *3, 7, 10 21* — городище Девички; *в-* городище Урагово; *9*—Зпроповское городище; 11—городище Бура ково; *2-1*—Язненекое городище; *25-* - город шце Горовые

выпуклость, диаметр стенок постепенно уменьшается к днищу. Почти все сосуды имеют выступ на поддоне. По высоте сосуды этого типа разнообразны; различны и их пропорции. Восстановленный сосуд из городища Толкач в высоту достигает 31 см, диаметр венчика 21 см, диаметр дна 14 см (рис. 76:25).

Эти два типа керамики в раиной мере встречаются как в ранних (Поддубники, Девички и др.), так и в поздних городищах (Язнеиское, Толкач и др.). Такие же типы сосудов найдены на городищах Смоленщины [38] и в Псковской области. Но по фактуре — по характеру примесей и обжига, цвету—керамика, встречающаяся в городищах днепродвинской культуры, не одинакова. С этой точки зрения ее можно разделить на две группы — на раннюю и позднюю. В раннюю группу входит масса гладкостенных обломков слабого обжига, с большим количеством мелкой и крупной дресвы, часто выступающей наружу, отчего поверхность сосудов шероховата. Цвет глины черный либо темно-серый. В изломе черепки имеют черную прослойку, иногда двухцветную — черную и серую. Позднюю группу керамики составляют многочисленные обломки значительно лучшего обжига, чем предыдущие. По цвету черепки различны — красновато-серые, желтые и светло-желтые, серые или светло-серые, есть красные и черные. Дресвы 'много, но она лучше перемешана с глиной, поэтому шероховатостей на поверхности нет, много черепков, у которых от присутствия крупных зерен дресвы поверхность бугристая. Внешняя поверхность сосудов этой группы заглажена довольно хорошо.

Поселения. Как и у других племен раннего железного века, у племен днепродвинской культуры основным типом поселений были укрепленные поселки — городища. Древнее население при выборе мест обитания сообразовывалось не только со стремлением найти укрепленные природные мысы и холмы, но и с наличием выпасав для скота и участков земли, пригодных для их обработки. Не случайно поэтому большинство городищ расположено на надпойменных террасах или на коренных берегах рек и озер, имеющих обширные заливные луга и удобные для обработки участки земли.

По форме городища днепродвинской культуры неодинаковы. Чаще всего встречаются городища очертаний овальных, довольно много яйцевидных либо округлых. В целом форма городищ определялась конфигурацией мысов и холмов, на которых они устраивались. Размеры площадок городищ также различны. По длинной оси площадки городищ не превышали 50—80 *м,* по короткой — 30—40 м. Площадь, на которой располагались жилые и хозяйственные постройки, как правило, была небольшой, она колебалась в пределах от 400—500 до 2500—3000 кв. м. Большинство городищ имели площадки в 800—1500 кв. м.

Сами поселения и в особенности их оборонительная система прошли несколько этапов в своем развитии. Это развитие отражало закономерный процесс возникновения и роста противоречий между патриархальными родами и племенами. На первом этапе своего существования, приблизительно с VI—V вв. дон. э. и до II—I вв. до н. э., поселения днепродвинской культуры не были укреплены и представляли собою по существу открытые селища. С течением времени возникает необходимость в устройстве оборонительных укреплений — земляных валов и рвов.

К числу поселений с довольно сложной и, несомненно, разновременной системой укреплений относится городище Поддубники Миорского района Витебской области. Оно было устроено на высоком мысу, который с двух сторон — северной и западной — ограничен глубоким оврагом (до 13 м от основания), а с западной — долиной реки Ауты (правый приток Диены). Первоначально это городище было укреплено небольшим

валом с напольной стороны и со стороны полотого (западного) склона. Позднее, вероятно, во II—I вв. до н. э., городище было дополнительно укреплено несколькими валами и рвами: на пологом склоне, со стороны Ауты, был иасыпан вал и вырыт ров; кроме того, с напольной, южной стороны было сооружено пять высоких валов (до 2,5—3 м) и вырыты глубокие рвы между ними. По обнаруженному при раскопках вещественному материалу установлено, что городище Поддубники существовало примерно с V в. до II—I вв. до н. э. В нижних горизонтах культурного слоя найдено много изделий из кости, камня и, наоборот, совсем нет железных вещей. Это свидетельство того, что кость и камень широко использовались для изготовления разнообразных орудий труда.

В несколько приемов и в разное время существования оборонительные укрепления сооружались и на Язнекском городище. Это поселение существовало очень долго: возникло не позднее II в. до н. э. и прекратило свое существование не ранее III—IV вв. н. э. Изучение Язкенского городища показало, что оно, как и другие поселения днепродвинской культуры, какое-то время не имело земляных укреплений, а было защищено лишь деревянной стеной остатки которой в виде обгорелых плах и скоплений углей и золы обнаружены по краям площадки в основании культурного слоя. Через некоторое время это поселение было укреплено валами, насыпанными из глины, но не по всему краю площадки, а только с менее укрепленных сторон — северной и южной. На гребне валов и по краю площадки была построена деревянная стена, которая, как и первая, погибла при пожаре. После пожара необходимость в этих валах отпала, поэтому насыпали новые валы и вырыли глубокие рвы на северном, западном и восточном склонах. Кроме того, был насыпан вал и вырыт второй ров с открытой, южной стороны. Следы этих валов и рвов и теперь хорошо заметны. Правда, они распаханы и выступают сейчас в виде террасы. Такая сложная система укреплений обнаруживается на очень многих, но отнюдь не на всех городищах днепродвинской культуры. Это касалось хотя и большинства городищ, но лишь тех, которые не были в достаточной степени укреплены природой. В тех же случаях, когда городища располагались в местах, хорошо укрепленных природой, на них вообще не сооружено никаких искусственных укреплений. Таких поселений известно много. Например, значительно позднее городище Толкач (его существование относится к первым векам нашей эры), располагавшееся близ деревни Горовые под Полоцком, ни валов, ни рвов не имеет. Лишь на южном склоне есть небольшая терраса. Это объясняется тем, что это городище располагалось на труднодоступном островке посередине небольшого озера, которое IВ настоящее время заросло и превратилось в топкое болото. Не имеет искусственных укреплений и городище близ деревни Замошье Полоцкого района, городище, расположенное на острове Освейокого озера, и др.

Жилища. Жилища городищ днепродвинской культуры по своему характеру не одинаковы. Во время исследований были обнаружены два типа жилищ столбовой конструкции — наземные длинные и сравнительно небольшие дома. На последнем этапе существования городищ среди небольших жилищ второго типа встречаются постройки срубной конструкции.

Для городищ северной Белоруссии, равно как и городищ, расположенных в бассейнах Днепра и Западной Двины, наиболее древним типом жилищ являлись длинные наземные дома столбовой конструкции (либо столбово-кольевой), разделенные на несколько жилых помещений. Дюма имели единое перекрытие и располагались по краю площадки городищ, иногда на специально выравненных для этой цели террасах. Следы длинных домов столбовой конструкции (в виде ям от вертикально стоявших

столбов по краю поселений) обнаружены на Язненском городище, на городище Толкач и на некоторых других поселениях (рис. 77). Такой тип жилищ -в верхнем Поднепровье просуществовал до III—II вв. до н. э., а на севере Белоруссии — до первых веков нашей эры.

Судя по данным исследований, население городищ, расположенных в бассейнах верховьев Западной Двины и Ловати (на территории восточных районов Псковской области), вообще не знало такого типа жилищ. Объясняется это тем, что племена днепродвинской культуры туда проникли не ранее конца I тысячелетия до н. э. Там известен лишь второй тип наземных домов столбовой конструкции, небольших по размерам, но и

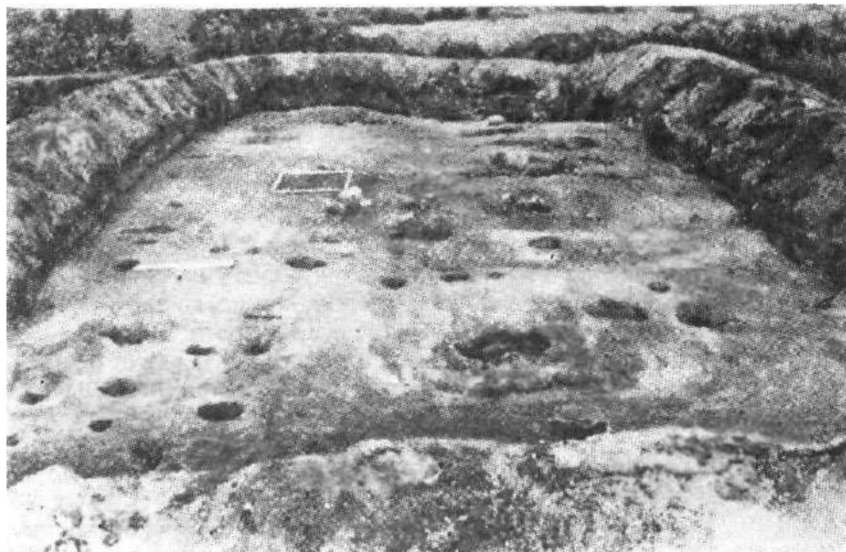

Рис. 77. Городище Толкач. Остатки жилища столбовой конструкции

ряде случаев сохраняющих еще многокамерность. Второй тип наземных жилищ лучше всего изучен именно на городищах, расположенных в бассейнах верховьев Западной Двины и Ловати. Так, на городище Подгай было вскрыто 14 небольших по размерам жилищ столбовой конструкции, которые равномерно распределялись на всей площади поселения (и не только по краям 'площадки, как это было ранее). Все жилые постройки располагались в четыре ряда и своими короткими стенами плотно примыкали одна к другой. Жилища представляли собою четырехугольные жилые камеры оо стенами облегченного типа. В среднем постройки имели размеры 3,2—3,6x2,8—3 м. Внутри каждой в центре был открытый очаг тгесчано-тлинобитной конструкции, аналогичной той, которая бытовала на городищах культуры штрихованной керамики. В некоторых жилищах пол глинобитный, есть и такие, у которых он слегка опущен в землю. Несколько жилищ состояли из двух камер; последние отделялись друг от друга легкой перегородкой. Внутри каждой камеры такой же, как и в других жилищах, открытый очаг. Аналогичные по характеру жилища обнаружены и на ряде других городищ — 9 жилищ на городище близ села Михайловские, одно жилище близ Курово. Особый интерес представляет трехкамерное жилище на городище близ деревни Городок (в 10 км севернее Торопца). Это жилище изучено не по столбовым ямам, а по остаткам обгорелых бревен стен. Следовательно, оно имело не столбовую конструкцию, а было срубной постройкой.

Отдельные небольшие по размерам дома столбовой конструкции обнаружены также и на территории современной Белоруссии. На Язненском городище, например, наряду с наиболее длинными домами, располагавшимися по краю площадки городища, найдены остатки небольших жилых построек, которые занимали не только край поселения, но и всю его площадь.

Изменения в характере жилищ, в их размещении и планировке, несомненно, отражают процесс развития патриархально-родового строя. Длинные многокамерные дома соответствовали тому времени, -когда патриархальная семья представляла собой еще единый, нерасчлененный коллектив, а меньшие отражали начавшийся процесс распада патриархальной семьи, которая на первых порах, по-видимому, еще не вела своего самостоятельного хозяйства.

Хозяйство и материальная культура. Племена днепродвинской культуры занимались преимущественно земледелием и 'скотоводством. Это были оседлые земледельческо-скотоводческие племена. В связи с развитием этих новых, производящих отраслей хозяйства охота и рыболовство утратили свое доминирующее значение в экономике.

Быстрому развитию земледелия и скотоводства в северной Белоруссии содействовали благоприятные природные условия. Поселения того времени, располагавшиеся на высоких холмах и мысах вблизи рек и озер, имели очень удобные для подсечного земледелия участки земли — ровные возвышенности, покрытые смешанными лесами и кустарниками, и хорошие пастбища для скота — заливные луга по долинам рек и озер.

Земледелие на территории распространения днепродвинских племен было подсечным — огневым. При раскопках поселений встречаются все необходимые орудия труда для ведения подсечной системы земледелия: железные топоры (рис. 85), серпы и серповидные ножи, каменные зернотерки и песты.

Племена днепр'одвинской культуры возделывали яровую пшеницу, голозерновой ячмень, вероятно, как и в других местах, просо, бобовые, лен, коноплю. Особенно широкое распространение получили тогда хлебные культуры—пшеница и ячмень. Зерна этих растений найдены на многих поселениях. Так, в Псковской области на городище Чесноры обнаружены зерна пшеницы[39], на городище Подгай — пшеницы и ячменя[40], в Витебской области на городище Загорцы—пшеницы[41]. Лен и коноплю не находили, однако о возделывании этих культур говорит большое количество найденных облом-ков днищ и стенок глиняных сосудов, покрытых отпечатками танкой льняной или конопляной ткани.

Среди орудий труда, связанных с подсечным земледелием, особое значение имели железные топоры, при помощи которых вырубались деревья и кустарники. На днепродвинских поселениях найдены топоры трех типов. В бассейне верхнего течения Западной Двины бытовали втульчатые топоры-кельты, характерные для памятников I—IV вв. н. э. северной Прибалтики [42]. На поселениях севера Белоруссии и в ряде мест Псковской области — узколезвийные проушные топоры с вогнутой спинкой и скошенным лезвием (рис. 76: 2), ширико известные в памятниках южной Прибалтики в I—IV вв. н. э.[43] Топор этого типа найден на городище Поддубники Миорского района. Обломки лезвий от аналогичных топоров найдены на городищах Бураково Городокского района и Кострица Лепельского района. Третий тип топоров, встречающихся чаще всего в верхнем Поднепровье, ведет свое происхождение с юга.

Это массивные проушные топоры с несколько изогнутой спинкой и узким лезвием (рис. 76: 1). Один экземпляр такого топора найден на городище Кубличи Лепельского района.

Интересными орудиями подсечного земледелия были железные серпы, при помощи которых собирали урожаи. Ими же заготавливали корма скоту. Сейчас известно довольно много серпов. 14 серпов найдено на городище Кострица, 8 штук — на городище Кубличи, 1 —на городище Бураково и др. По своей форме и размерам они аналогичны серпам поселений культуры штрихованной керамики. В целом серпы отличаются небольшими размерами. Их длина с черепком достигает 13—15 см, ширина лезвия — 1,5—2 см.

К орудиям земледелия следует отнести также небольшие по размерам серповидные ножи, подавляющее большинство которых имеет изогнутую спинку и вогнутое, как у ножа, лезвие. На некоторых поселениях найдены серпы своеобразной формы, не встречающиеся в памятниках других культур: у них шинка изогнута почти под прямым углом, а лезвие вогнутое, как у обычных серпов. Такой формы серпы встречаются на поселениях очень редко и лишь в нижних, более древних слоях поселений (городища Поддубники—1, Кубличи — 2, Кострица — 2, Заговалино — 1 серп).

Основным орудием, при помощи которого мололи зерна, была каменная зернотерка. По своему внешнему виду верхние и нижние камни зернотерок ничем >не отличаются от таких же изделий, найденных в поселениях культуры штрихованной керамики и в поселениях других культур этого времени. Кроме зернотерок, на поселениях днепродвинской культуры в большом количестве встречаются каменные песты. Особенно широкое распространение они получили на поселениях северной Белоруссии, Литвы и Эстонии. На поселениях других синхронных культур эти изделия встречаются редко, а в большинстве случаев отсутствуют вовсе.

Темпы развития подсечного земледелия на большой территории днепродвинской культуры были неравномерными, и, естественно, роль этой отрасли хозяйственой деятельности была не везде одинакова. Данные говорят о том, что подсечное земледелие стало ведущей отраслью хозяйства ранее всего в бассейне верхнего Поднепровья (VI—V вв. до н. э.) [42], а в бассейне верхнего Подвинья, в том числе и на севере Белоруссии, оно получило более или менее широкое распространение не ранее конца I тысячелетия до н. э. В более северные районы, в междуречье Западной Двины и Ловати, оно проникло еще позднее — не ранее первых веков нашей эры [43].

На городище Поддубники, датирующемся второй половиной I тысячелетия до н. э., в нижнем слое не встречено таких предметов, которые говорили бы о 'наличии подсечного земледелия. В более позднее время картина меняется: в верхнем слое найдены топоры, серпы и зернотерки, т. е. орудия труда, непосредственно относящиеся к земледелию. Из этого видно, что на территории северной Белоруссии на протяжении длительного времени, вплоть до конца I тысячелетия до н. э., основную роль в жизни племен играли древнейшие отрасли хозяйственной деятельности — скотоводство и охота.

Дальнейшее развитие скотоводства было неразрывно связано с земледелием. Роль скотоводства особенно увеличилась к концу I тысячелетия до н. э., когда оно достигло сравнительно высокого уровня. В это время существенное значение, несомненно, имела заготовка кормов для скота на зиму. Серпами и серповидными ножами вели заготовку сена и, конечно, ветвей кустарников. Остеологические материалы городищ днепродвинской культуры свидетельствуют, что удельный вес скотоводства был не везде одинаковым. Это объясняется прежде всего различными природными условиями тех или иных поселений. Однако, несмотря на эти частности, состав стада на всей территории заселения племен днепродвин-

ской культуры был сравнительно устойчив и единообразен. Здесь были корова, свинья, лошадь, мелкий рогатый скот. На территории северной Белоруссии и в междуречье Западной Двины и Ловати разводили преимущественно крупный рогатый скот, а в верхнем Поднепровье — свиней. Крупный рогатый скот здесь занимал лишь второе место [46]. В междуречье Западной Двины и Ловати, наоборот, свиней почти не разводили [47].

Скотоводство севернобелорусских городищ по своему характеру было явно мясного назначения. Даже лошадей, как и у других племен раннего железного века, в большинстве случаев разводили на убой. Наряду с этим лошадей использовали еще и для верховой езды. Об этом свидетельствуют железные шпоры, удила и псалии, найденные на городищах Девички (шпора) и Кострица (псалии).

По-прежнему значительной в хозяйстве днепродвинских городищ была охота. Она продолжала оставаться дополнительным источником существования и носила промысловый характер. С одной стороны, охота давала мясо, жир, кости, рога и сухожилия, с другой — шкуры. Направленность и характер охоты в пределах распространения днепродвинской культуры имеют существенные различия. В верхнем Поднепровье и в междуречье Западной Двины и Ловати охотились преимущественно на пушных зверей (лису, бобра, куницу, белку, зайца и др.) и в меньшей степени на крупных животных [48]. На севере Белоруссии промысел пушнины играл гораздо меньшую роль. Здесь охотились на крупных животных, мясо которых шло в пищу (лось, кабан, зубр, олень). Следует отметить, что аналогичный «мясной» уклон охоты наблюдался и на территории распространения культуры штрихованной керамики.

Форма и способы охоты были разнообразны. Практиковалась индивидуальная охота с копьем, луком, капканом и другими самоловными орудиями. Бытовали коллективные формы — загоны, облавы и т. п.

Не утратило своего значения и рыболовство. На всех поселениях, вблизи которых были речные и озерные водоемы, как правило, встречаются находки, связанные с этой отраслью хозяйства. Известны различные рыболовные приспособления — крючки, гарпуны, при помощи которых Еылавливали окуня, судака, щуку и др. На городищах Кубличи, Заговатино, Кострица найдены рыболовные крючки, которые по своей форме близки к современным.

В экономике хозяйства определенную роль играло и собирательство. В особенности это касается ранних этапов железного века. На городище Поддубники в слоях, относящихся « V—IV вв. до н. э., обнаружены «кухонные кучи» из раковин двухстворчатых речных моллюсков рода Unio. Кроме этого, о собирательстве говорят довольно частые находки обугленной скорлупы лесных орехов.

Раскопки свидетельствуют, что на территории распространения днепродвинской культуры были развиты разнообразные домашние ремесла и промыслы, связанные с обработкой железа и бронзы, кости и рога животных, камня и дерева, с изготовлением глиняной посуды, пряслиц и тканей.

В это время сравнительно 'высокого уровня достигла добыча и обработка железа. Большие запасы болотной и озерной руды на территории распространения днепродвинской культуры открывали неограниченные возможности для использования этого вида сырья в железодобывающем производстве. Добыча железа велась обычно на поселениях в специальных печах-домницах. Интересная находка, характеризующая способы получения железа, обнаружена на городище Тербахунь под Суражем: почти целая домница [49]. Она располагалась между ва-лами на окраине поселения. Печь овальная, ее размеры 45X35 см. Внутри печи и вокруг нее

были найдены железные крицы и шлаки. Остатки сыродутных домниц и кузнечного производства обнаружены на большинстве поселений днепро-двинской культуры. Особый интерес в этом отношении представляет мастерская по обработке железа, открытая в 1965 г. на городище Бураково. Эта мастерская найдена в северо-восточной части городища, в 10 м от края площадки. Судя по ямам, она располагалась в отдельной постройке столбовой конструкции, размеры которой 4Х3 м. Внутри мастерской, у самого входа, яма углублена в материк на 35 см. Она была прямоугольной формы, размеры ее 2Х2,5 м. На дальнем от входа краю этого углубления обнаружены остатки домницы и две каменные наковальни, а в заполнении ямы — разбитый на три части каменный молот. Кроме того, здесь найдено большое количество криц, шлаков, среди которых три куска цилиндрической формы (от сопла) и несколько железных заготовок.

Судя по рабочей плоскости наковален, расположению по отношению к домнице, представляется возможным установить их функциональное назначение. На большой наковальне размером 30Х40 см, имевшей шероховатую поверхность, производились проковка горячих криц и грубая обработка железных (предметов. Наковальня располагалась близко (в 30 см) от домницы. Аналогичная 'по форме наковальня, но гораздо меньших размеров— 20Х30 находилась в 70 см от домницы. Эта наковальня имела ровную и гладкую поверхность, очень удобную для тонкой кузнечной работы.

Многочисленные находки шлаков и криц, встречающихся во время раскопок, свидетельствуют о том, что на каждом поселении производилась добыча и обработка железа (Кострица, Кубличи, Урагово и др.)- Эта важная отрасль ремесла, несомненно, носила еще домашний характер и не входила в сферу деятельности одной патриархальной семьи, специализировавшейся на добыче и обработке железа. Однако именно в этой отрасли домашнего ремесла раньше всего возникло разделение труда, поскольку труд кричника-кузнеца предполагал большое умение и опыт, накопленный в течение ряда поколений.

Материалы исследованных городищ показывают, что железообрабатывающее производство не везде и не в одно и то же время прочно вошло в обиход. Раньше всего это произошло на территории верхнего Поднепровья. Там найдено много железных предметов местного изготовления, относящихся к IV—III вв. до н. э. Это прежде всего железные предметы, сделанные по раннелатенским образцам. В верхнем Подвинье железо распространилось не ранее чем на рубеже «ашей эры [50]; на севере Белоруссии — в конце I тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствуют находки вещей городищ Бураково, Кубличи и других поселений.

Продукция древних кузнецов довольно разнообразна. Из железа они изготовляли орудия труда — топоры, серпы, ножи, шилья, иглы, резцы, наконечники копий и стрел; снаряжение — пряжки, застежки, удила; украшения — булавки, браслеты, шейные гривны и т. д. (рис. 76: 1—9). Из железных орудий кузнечного ремесла найден молоток (Урагово). Каменные наковальни городища Буракогю и Урагово говорят о том, что обработка железа велась пока еще на камнях. В ряде мест в качестве молота служили камни. Об этом свидетельствует каменный молот из городища Курово, расположенного в истоках Западной Двины, на озере Охват [51].

Несмотря на отсутствие собственного сырья, бронзолитейное дело было широко распространено и достигало высокого для своего времени совершенства. На городищах верхнего Подвтаья и северной Белоруссии встречаются разнообразные глиняные формочки, IB которых отливались бронзовые изделия, тигли, заготовки булавок и иголок в виде кусков

бронзовой проволоки. Это говорит о том, что подобные изделия изготовлялись не только методом отливки, но и путем козки из проволоки и специальных заготовок. Из бронзы изготовлялись главным образом украшения и в меньшей степени отдельные бытовые предметы — иглы, шилья, ножи. К украшениям относятся различных форм браслеты, перстни, булавки, фибулы, подвески, бусы и др.

Обработка кости и рога животных для изготовления орудий труда и украшении была широко распространена лишь на ранних этапах существования городищ днепродвинской культуры. Позднее, в связи с распространением железа, в первых веках нашей эры количество костяных изделий резко сокращается. При раскопках поселений в нижних слоях встречается много костяных предметов довольно высокого качества. Это струги-тупики для обработки шкур животных, наконечники стрел и копий, ножи, иглы, шилья, гарпуны, рукояти ножей, булавки для одежды, пуговицы, бусы, амулеты из клыков медведя и т. п. (рис. 76: 12—23). Обрабатывали кости железными ножами, готовые изделия затем затачивали на каменных плоскостях, а многие из них подвергались полировке.

На поселениях днепродвинской культуры бытовали древнейшие виды деятельности, связанные с изготовлением каменных орудий труда. Кремневые предметы на поселениях встречаются редко. Из кремня в отдельных случаях продолжали делать скребки, стрелы и ножевидные пластины. Что касается мягких пород камня, то они использовались более широко. На некоторых городищах северной Белоруссии найдены просверленные клиновидные топоры с довольно высокой техникой шлифовки. Па городищах Поддубники, Урагово и Заговалиио обнаружены следы местного изготовления топоров, в частности стержни, полученные при просверливании отверстий. Кроме топоров, из камня изготовлялись наковальни, молоты, зернотерки, песты и многое другое. Из дерева сооружали жилые и хозяйственные постройки, воздвигали довольно сложные оборонительные сооружения, изготавливали целый ряд бытовых предметов: ведра, древки стрел и копий, рукояти топоров, ножей, серпов и шильев, вырезали миски, ковши, ложки и т. п.

У племен днепродвинской культуры были развиты и домашние производства, связанные несомненно с женским трудом,— прядение, ткачество и плетение. Эти виды занятий подтверждаются находками глиняных пряслиц, иголок, днищ и стенок глиняных сосудов с отпечатками сравнительно тонкой и грубой ткани и крупного рогожного плетения.

Общественный строй. Племена днепродвинской культуры существовали на стадии развитого патриархально-родового строя. При переходе этих племен от бронзовой эпохи к железному веку патриархальный род представлял собой, по-видимому, единый нерасчлененный коллектив. Как показывает вся совокупность археологических материалов, патриархальный род очень рано стал распадаться на составные части—патриархальные семьи. Об этом можно судить по характеру самих поселений, как правило, небольших по размерам, и по их расположению отдельными группами по 2—4 городища в каждой. Каждое городище, очевидно, было поселком патриархальной семьи, а группа поселений принадлежала патриархальному роду. Патриархальная семья была основной и самой мелкой хозяйственной единицей общества. Она состояла из большого количества малых семей, которые не вели своего хозяйства и входили в состав патриархальной семьи. Такая организация общества отразилась и на характере жилищ — коллективных длинных домов, разделенных на несколько помещений.

Подсечное земледелие, лежавшее в основе экономики, само по себе предполагало коллективный, общинный характер труда и в связи с этим

способствовало сохранению в течение длительного времени патриархальной семьи как основной хозяйственной ячейки. Несмотря на это, вследствие роста производительных сил, в особенности с применением в производстве железных орудий труда, в конце I тысячелетия до н. з. начался распад первобытнообщинных отношений. Правда, этот процесс протекал медленно, родовые институты, вероятно, оставались до конца существования днепродвинской культуры. Раньше всего, вероятно, в IV—III вв. до н. э. он начался в наиболее передовом районе — в верхнем Поднепровье, а потом распространился и на другие области. Выражением начавшегося распада было усиление противоречий между родами и племенами из-за пастбищ, скота, удобных участков земли и как следствие этого — военные столкновения. Как и у всех других племен эпохи патриархата, в это время появляется рабство, источником которого и были межплеменные войны. Именно этим объясняется факт возникновения на городищах сложной системы земляных укреплений: сначала валов в пределах площадок, а потом двойных валов и рвов за ее пределами — на склонах городищ или вдоль его основания. Несомненно, с процессом начавшегося распада патриархально-семейной общины на малые семьи связаны исчезновение длинных (общинных) домов и появление на городищах жилищ меньших размеров. Можно предполагать, что в последний период существования днепродвинской культуры, приблизительно с III—IV вв. н.э., появились противоречия не только внутри патриархального рода, но и внутри патриархально-семейной общины, когда у малых семей появилась и все более усиливалась тенденция к хозяйственному обособлению. Только этим можно объяснить, что в это время в массовых масштабах появляются открытые селища, которые располагаются не только вблизи городищ, но и на большом от них удалении. По-видимому, в эти столетия на смену патриархально-родовой общине, в основе которой лежали кровнородственные связи, приходит территориальная, сельская община, в которой родственные связи утрачивали свое былое значение.

Торговые и культурные связи. Племена днепродвинской культуры занимали весьма выгодное географическое положение, через их территорию проходили важнейшие водные магистрали — верховья Днепра и Западной Двины с их многочисленными притоками. Это обстоятельство облегчало культурные связи днепродвинских племен и способствовало развитию межплеменного обмена. Есть все основания утверждать, что племена днепродвинской культуры имели регулярные связи на севере и северо-востоке с дьяковскими и ананьинско-пьяноборскими племенами, на севере и северо-западе — с прибалтийскими племенами, а через них— со Скандинавией. Оживленными были связи этих племен с племенами культуры штрихованной керамики, с юхновскими племенами Подесенья и с милоградско-зарубинецкими племенами юга Белоруссии. При посредничестве этих племен днепродвинские племена осуществляли связь со скифо-сарматским миром и отдельными племенами Центральной Европы — с кельтами, позднелужицкими и пшеворскими племенами.

В порядке межплеменного обмена днепродвинские племена в первую очередь получали бронзу. Бронза появлялась здесь в слитках и готовых изделиях. Доставляли ее из Прикамья или Приуралья. Часто по привозным образцам орудий труда и украшений местные литейщики изготавливали такие же предметы. Так, в верхнем Поднепровье (городища у деревень Наквасино и Жарынь) найдены литейные формы для отливки топоров-кельтов меларского типа, возникшего в Скандинавии, браслетов позднелужицких и чернолесских образцов.

Особенно оживленными были связи с племенами городищ дьякова типа, о чем свидетельствуют общие формы костяных предметов, распрост-

ранение одинаковых грузиков, близких по назначению к скотоводству, особенно к свиноводству. Более тесными и оживленными были связи с племенами культуры штрихованной керамики и с племенами Прибалтики. Это нашло свое выражение в распространении одинаковых форм орудий труда и украшений — топоров-кельтов северобалтийского типа, южноприбалтийских топоров с проушиной, посоховидных булавок и многих других предметов. Обращает на себя внимание и одинаковый характер поселений и, что очень важно, жилит, одинаковые конструктивные особенности оборонительных сооружений. Эта культурная общность настолько выражена, что позволяет относить днепродвинские племена, племена культуры штрихованной керамики и племена Прибалтики к единому этническому массиву. В настоящее время представляется бесспорным, что днепродвинские племена и племена культуры штрихованной керамики принадлежали к восточной группе древнего, близкого по языку древним славянам, балтоязычного населения.

Предположение о принадлежности племен днепродвинской культуры к древним балтам находит подтверждение в данных топонимики и в особенности гидронимики. Исследованиями многих языковедов (К. Буга, М. Фасмер, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев и др.) установлено, что в бассейнах верховья Днепра и Западной Двины распространены названия рек и озер (например, Сож, Упа, Лупа, Вопь, Лучеса и др.), которые ведут свое происхождение от древних балтийских языков. Особенно важен факт, что территория распространения балтийских 'гидронимов и территория, на которой расположены памятники днепродвинской культуры, равно как и культуры штрихованной керамики, почти полностью совпадают.

Глава VII

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫХ ОТНОШЕНИЙ. РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯН В БЕЛОРУССИИ

1. ПАМЯТНИКИ VI—VIII ВВ. ЮЖНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ

Во второй половине I тысячелетия н. э. происходили узловые этногенетические процессы, связанные с продолжающимся «великим переселением народов». Дальнейшее разложение первобытнообщинных отношений у всех славянских племен в итоге привело к созданию классового общества и государства. В последней четверти I тысячелетия н. э. возникли Болгарское, Великоморавское, Древнерусское и Польское славянские государства. На территории центральной и северной Белоруссии продолжался дальнейший процесс ассимиляции славянами балтоязычного населения.

Письменные источники о славянах. В третьей четверти I тысячелетия славяне неоднократно упоминаются в письменных источниках в связи с большими историческими событиями. В VI в. о славянах писал известный готский историк Иордан, который сообщал, что эти племена известны под названием «склавины» и «анты», а в более раннее время они назывались «венеды»[1].

В VI в. о славянах в связи с различными историческими событиями упоминали Прокопий Кессарийакий в работе «Война с готами» и Менандр Протектор в «Истории». В VI—VII вв. некоторые сведения о славянах приводил Фиофилакт Симокатта в «Истории» [2]. В VI—VII вв. о славянских племенах антах упоминали арабские и персидские историки [3]. Начиная с VI в. славяне стали играть значительную роль в истории. Они вместе с другими народами участвовали в войнах с Византийской империей; участвовали в больших политических событиях. В связи с этим они чаще попадали на страницы истории.

Уже в конце V в. славяне в союзе с другими племенами появились на северной границе Византийского государства. В VI в. началось их массовое проникновение на Балканский полуостров. Они наносили чувствительные удары Византийской империи. Славяне появились даже под стенами Константинополя и угрожали столице империи на протяжении нескольких веков второй половины I тысячелетия. Византийская империя вела безуспешные войны со славянами. В результате этих войн почти весь Балканский полуостров был занят славянами.

Как свидетельствуют византийские историки, славяне уже в VI в. достигли прочной оседлости на занятых землях империи и начали заниматься земледелием, скотоводством, рыбной ловлей, бортничеством[4]. Письменные источники свидетельствуют, что в пределы Византийской империи славяне вторгались из левобережья Подунавья. Однако наиболее распространена точка зрения, которой, придерживается большинство историков, о том,, что славянские племена расселились на Балканском полуострове и на территории Карпатских гор главным образом из Поднепровья, Поднестровья, Повисленья. Переселение части славянских пле-

мен из лесостепной и лесной полосы Европы на далекий юг явилось итогом сложных социальных изменений в среде самих племен, итогом дальнейшего и окончательного разложения первобытнообщинных отношений. Кроме продвижения на юг, славяне расселялись в северном и в восточном направлениях на территории, занимаемой балтоязычными и финно-угорскими племенами.

Однако имеющиеся письменные источники о славянах не отвечают на вопрос, какую территорию занимали славяне во второй половине I тысячелетия н. э. Эти источники не содержат никаких письменных данных о славянах на территории БССР. Археология .в какой-то степени может решать этот вопрос. Правда, среди ученых-археологов нет единого мнения г. определении ареала распространения славянских племен и с какими конкретно археологическими памятниками можно их связать. В советской историографии па этот счет имеется несколько точек зрения.

Ю. В. Кухаренко [5], И. И. Русанова[6] и другие славянскими считают только памятники пражской культуры, а в Восточной Европе — близкие им памятники житомирской культуры (типа Корчак). Последние располагались на Волыни и на севере доходили до бассейна Припяти. По В. В. Седову [7], славяне вплоть до эпохи раннего феодализма севернее Припяти не заходили. Эти исследователи все памятники, которые располагаются севернее Припяти, в том числе и в бассейне верхнего Днепра (К.олочин, Пово-Быхов и др.), считают балтийскими. В. В. Седов полагает, что по археологическим данным можно выделить три локальные группы славянских древностей. Племена первой из этих групп представлены пражской культурой. Они заселяли южное Полесье, Волынь, территорию Чехословакии, южную Польшу и частично Подунавье (территорию современной Болгарии и Румынии). Однако новые данные свидетельствуют, что памятники, аналогичные южному Полесью, встречаются также и в северном Полесье. Вторая группа славян, по В. В. Седову, обитала з северной части современной Польши и на территории междуречья Одера — Эльбы, а третья — в междуречье Днепра и Днестра.

И. Н. Третьяков [8] полагает, что со славянами необходимо связывать не только памятники пражской и житомирской культур, но и другие памятники раннего средневековья, обнаруженные в украинском Поднепровье (Пеньковка, Стецовка, Лука Райковецкая и др.), в южной части верхнего Поднепровья и на смежных территориях РСФСР.

Существуют еще и другие точки зрения.

Древности второй половины I тысячелетия н. э. в южной и юго-восточной Белоруссии изучены недостаточно. Однако археологические памятники этого времени известны на всей территории, которую ранее занимали племена двух этапов зарубинецкой культуры. Выявленные археологические материалы позволяют выделить два локальных варианта этих племен.

Одна группа племен обитала в бассейне Припяти (Полесье), а другая — в бассейне верхнего Днепра. В каждой из этих групп археологическими памятниками были селища, городища-убежища, бескурганные и курганные могильники с сожжением. (Рис. 78).

Поселения бассейна Припяти. На территории белорусского Полесья выявлено несколько десятков поселений. Изучены эти памятники сравнительно мало, поскольку археологическим раскопкам подвергались только селище и городище-убежище в Хотомеле Столинского района [9]. Этот памятник отличается от большинства полесских поселений этого времени тем, что городище-убежище и селище располагаются рядом друг с другом. В других же местах бассейна Припяти далеко не у каждого селища есть городище.

Хотомель можно считать эталоном памятников, его материалы характеризуют поселения племен всего белорусского Полесья. Раскопки здесь вел Ю, В. Кухаренко в 1954—1957 гг., он вскрыл полностью площадку городища и более 1000 кв. м на селище. Этот памятник располагается в 1 км на юго-запад от деревни. Городище с трех сторон окружено болотом и рекой, и лишь с восточной стороны к «ему можно подойти с суши. Площадка городища имеет овальную форму размером 40Х30 м. В двух местах суженной части она укреплена двумя дугообразными валами. Культурный слой на площадке не одинаков: в центре он не превышает 0,4 м, а по краям достигает 2—2,5 м. В результате длительной распашки пло-

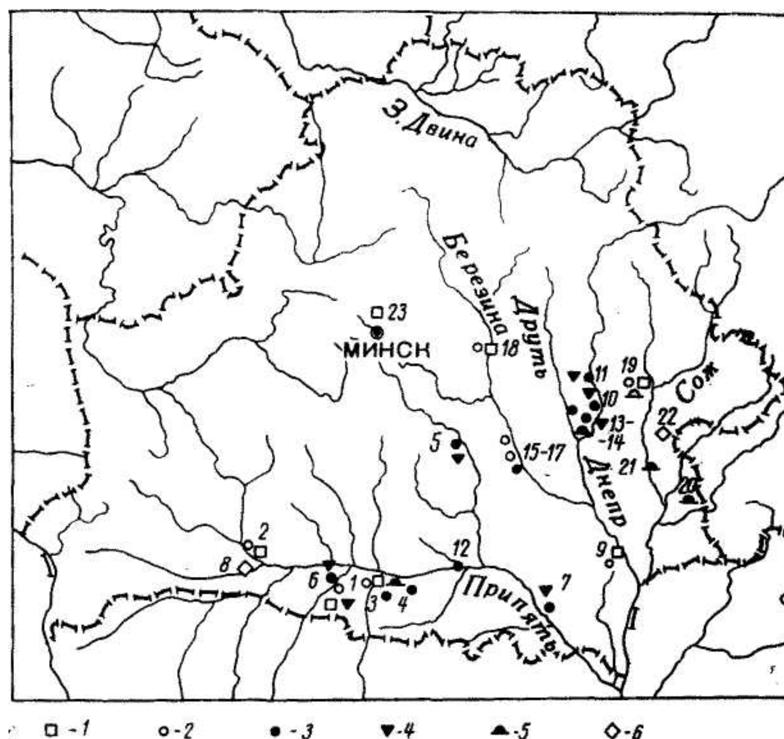

Рис. 78. Основные археологические памятники БССР VI—IX вв: 1—городища-убежища, *2*— селище рядом с городищем, *3*— отдельно расположенное селище, *4*— могильник с сожжением {бескурганный), 5 — могильник с сожжением (курганный), *б*— находки монет:

Памятники: 1—Хотомель, 2- д. Городище Пинского района, 3—Хнльчицы, <1 -Семурадцы. 5- Симоновичи, 7 —Шарейки, 8 —Пипск, 9—Колочин, 10—Ново-Быхов, 11 — Тайманава. 12—Петриков, 13—Нижняя Тощмца. 15—17 —Щатково, 18—Красная Зорька, 19—Добужа, 20—Демьянки, 21—Бердыж, 22—Покоть, 23—Банцеровщина

щадка и валы сильно разрушены. Культурный слой стратиграфически разделяется на два горизонта. Между ними располагается зольно-углистая прослойка. Вещественными остатками более богат верхний горизонт. В материке обнаружено большое количество ям от столбов. Разрез вала показал, что его высота колебалась в пределах 0,6—1 м. В нескольких местах под валом на материке располагались остатки сложных сооружений — клетей, сделанных из дубовых бревен толщиной до 0,3 м. Они были засыпаны песком, взятым здесь же. На площадке выявлено более десятка ям. Их длина колебалась в пределах 2—7 м, ширина достигала 3,5 м, глубина в материке до 0,8 м. В заполнениях ям найдены предметы материальной культуры. Центральная часть площадки (диаметром

до 15 м) вещей не содержала. Все предметы обнаружены по краю площадки. Большая часть находок относилась к VI—IX вв. До 18% керамики было изготовлено на гончарном круге. Она относится к раннефеодальному времени.

Селище занимает площадь не менее 2 га и располагается по обе стороны городища на расстоянии в нескольких десятках метров. Культурный слой на селище колеблется в пределах 0,2—0,9 м. Раскопано около одной двадцатой части площади селища, обнаружено 12 полуземляночных жилищ, углубленных в материк на 0,4—0,6 м, и 2 наземных жилища. В полуземлянках найдены такие же материалы, как и на городище. Кроме того, есть ямы от разнообразных построек, ямы-погреба. Около 70% обломков керамики относятся к лепным, а остальные 30% к гончарным сосудам раннефеодального времени.

Аналогичное по культуре селище есть около Петрикова, па левом берегу Припяти. Его исследовал в 1932 г. А. Д. Каваленя. Результаты раскопок опубликованы не были, документация затерялась во время войны. Сохранились лишь керамические материалы из полуземлянок *. Они имеют некоторые особенности и отличаются от керамики поселений в Хотомеле. В междуречье Припяти — Ствиги на площади около 20 кв. км выявлено восемь селищ, материальная культура которых близка культуре городища и селища в Хотомеле. Около некоторых селищ есть бескурганные и курганные могильники. Топографическое расположение поселений такое же, как и поселений более раннего времени. На некоторых селищах найдены материалы, относящиеся к зарубинецкому, позднезарубинецкому времени и времени существования хотомельских поселений, что дает основание предполагать заселенность этих поселений па протяжении всего I тысячелетия н. э. и даже в более раннее время. Известны селища, которые относятся только ко второй половине I тысячелетия н. з. Одно из них располагается около деревни Семурадцы Житковичского района, в урочище Большая Ляховица. На распаханном поле четко видны черные пятна, близкие к квадратной форме, содержащие в себе такме же керамические материалы, как и в полуземлянках Хотомеля. Здесь же вскрыт бескурганный могильник. Некоторые погребения были разрушены при распашке.

В VI—IX вв. и. э. в Полесье были распространены два типа жилищ: наземные и полуземляночные. Наземные жилища в Хотомеле разрушены. Их границы не определены, обнаружены лишь следы глинобитных печей. Полуземлянки в Хотомеле сохранились относительно хорошо, ярко выражены около жилищ хозяйственные ямы.

Размеры полуземляночных жилищ в Хотомеле сравнительно небольшие— 12—24 кв. м, ориентировка различная. В каждом жилище глинобитная печь. Печи располагались в разных углах жилищ, иногда и в средней части. К примеру, жилище № 4. Контуры его четко видны после снятия культурного слоя на желтом материковом песке [10]. Полуземлянка имела прямоугольную форму, ее длина 6 м, ширина 4 м. Ориентировка с запада — северо-запада на восток — юго-восток. Дно углублено в материк на 0,5 м. Нижняя часть полуземлянки несколько сужена, поэтому стенки ямы слегка наклонены, на полу много ямок от небольших столбов. С восточной стороны следы входа в полуземлянку. С этой же стороны, видимо, у жилища была пристройка. Об этом свидетельствуют ямки небольшого диаметра в материке, которые окаймляли прямоугольное пространство с правой стороны от входа в жилище. В северо-восточном углу полуземлянки в полу круглая в плане яма диаметром до 2 м. Ее глубина от уровня зачистки пола 0,2 м. Эта яма, видимо, была

* Фонд сектора археологии Института истории АИ БССР.

выкопана для каких-то хозяйственных нужд. В юго-восточном углу на полу глинобитная печь. Судя по ее остаткам, она дважды перестраивалась на одном и том же месте. До глинобитной печи здесь был открытый очаг: сохранилась небольшая ямка, заполненная углем и золой. При сооружении печи вначале на открытый очаг сверху были положены почти параллельно две плахи длиной около 1 м, диаметром 0,2 м, которые сверху перекрывались слоем глины; таким образом, сооружалась круглая площадка диаметром около 1,5 м, толщиной около 0,1 м. Эта площадка была основанием глинобитной печи. Печь сильно обожжена, найдено много золы, которая сверху покрыта глиной. Глинобитная печь спустя некоторое время пришла в негодность. На этом же месте позже была сооружена вторая глинобитная печь. Для этой цели на остатки пода печи в поперечном направлении были положены такие же две плахи, которые сверху опять прикрывались слоем глины, над ней сделан свод. Следовательно, полуземлянка функционировала длительное время. В начале ее существования очаг был открытым, а позднее дважды на этом же месте делалась одинаковая по типу глинобитная печь.

Ямы-погреба на селище в Хотомеле имели круглую или овальную форму. Одна из таких ям располагалась с северной стороны полуземлянки (№ 7). Она имела круглую форму диаметром 3 м, глубина дна в материке 0,3 м. На дне была ямка от небольшого столбика, который, видимо, поддерживал перекрытие шалашного типа[11] .

В жилищах на селище близ Хотомеля глинобитные печи, а в жилищах на поселении близ Петрикова печи-каменки. Эти два типа печей характерны для поселений житомирской культуры (типа Корчак).

Поселения бассейна верхнего Днепра. На территории бассейна верхнего Днепра выявлено несколько десятков поселений второй половины I тысячелетия. Преобладают открытые поселения. Располагаются они в основном в таких же топографических условиях, как и селища более раннего времени. Некоторые из них обнаружены в местах, где были селища позднего этапа зарубинецкой культуры (рис. 78). Изучены эти памятники мало. Около некоторых селищ есть городища-убежища. Одно из них у деревни Колочин Речицкого района вскрыто Э. А. Сымоиовичем [12] почти целиком. Велись и исследования селища у этого городища. Подвергались раскопкам селище у Нижней Тощицы Быховского раина, расположенное в урочище Корнеев Хутор, 2 км вверх по течению Тощанки, на ее левом берегу; около деревни Щатково Бобруйского района [13] (рис. 79); селище и городище-убежище у Красной Зорьки Березинского района в урочище Церковище, на послеледниковой дюне, в пойме Березины; в Тайманаво (рис. 80).

Наиболее полно изучены городище и селище у деревни Колочин. Городище располагается на правом берегу Днепра, в 0,5 км от деревни Оно находится в таких же топографических условиях, как и все остальные городища раннего железного века этой территории. Судя по вещественным остаткам, принадлежащим к милоградской и раннему этапу зарубинецкой культурам, городище в середине I тысячелетия н. э. было сооружено на более раннем поселении. Его площадка имеет почти прямоугольную форму со сторонами 42 и 36 м. Она ориентирована с северо-востока на юго-запад. Край площадки укреплен валом. Со всех сторон вал возвышается примерно на 1 м над площадкой. Мощность культурного слоя в средней части 0,25 м, а у края она достигает 0,7—0,8 м толщины. В верхней части культурного слоя преобладают находки второй половины I тысячелетия, а более ранние располагаются на глубине 0,5—0,8 м. По краю площадки в некоторых местах виден частокол из нетолстых бревен. По краю площадки и в центре располагается большое

количество разнообразных ям, в том числе и более раннего времени, в заполнении которых найдена керамика зарубинецкой культуры. С наружной стороны площадка укреплена двумя валами. Внутренний вал имел высоту около 3,5 м, а наружный — до 1,1 м. На городище найдена керамика, принадлежащая милоградской, зарубинецкой культурам и культуре второй половины I тысячелетия н. э. О характере жилищ на городище что-либо конкретное сказать трудно. Можно лишь полагать,

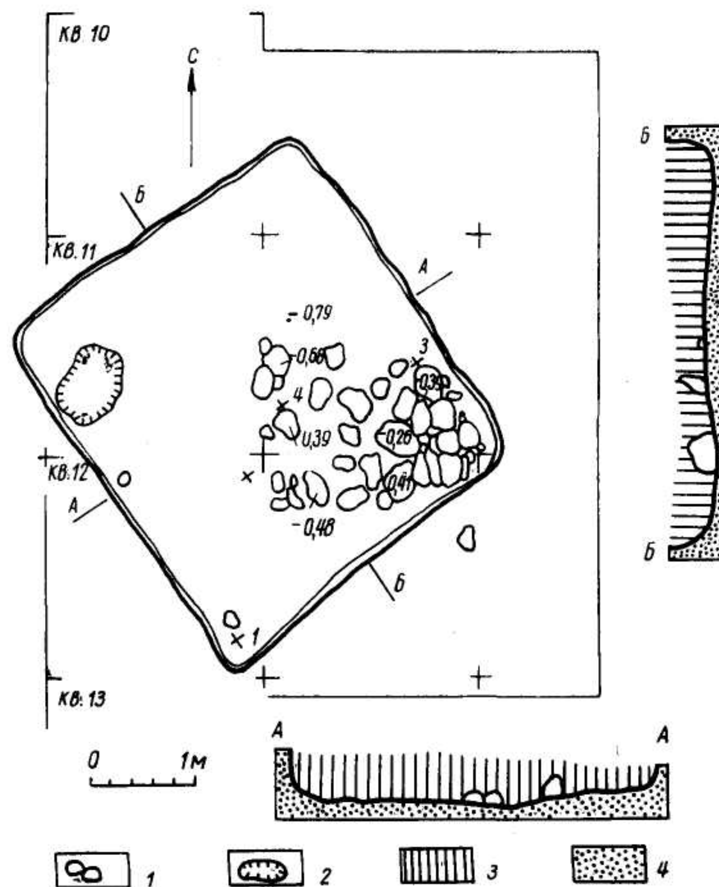

Рис. 79. Щатково Бобруйского района. Селище у городища. Жилище № 1 (в раскопе 1):
1—камин (их глубина дана относительно современной поверхности), *2—яма*\ *3*—заполнение культурным слоем полуземлянки в материковом ' желтом песке, *4*—песок

что они были наземными, столбовой конструкции, такого же характера, как и на других городищах.

Селище у городища имеет площадь более 1 га. На вскрытой небольшой площади обнаружены два полуземляночных жилища и большое количество разнообразных ям, в том числе и ям-погребов. Выявлены разнообразные предметы материальной культуры. Судя по керамике, полуземлянки вооружены в разное время и относятся к разным культурам. Оба жилища почти квадратной формы, их размеры 16 кв. м., ориентированы по странам света. Одна полуземлянка углублена в материк на 0,35 м, а другая — на 0,45 м. Во время раскопок удалось проследить, что стены одной полуземлянки были обложены деревом, со всех сторон

сохранились обугленные плахи. В одном жилище очаг открытый, а во втором в северо-восточном углу находилась печь-каменка размерами 1Х0,9 м. В одной полуземлянке обнаружены венчики сосудов со слабой профилировкой. Такие сосуды характерны в основном для третьей четверти I тысячелетия н. э. верхнего Поднепровья. В другой полуземлянке найдены крупные обломки лепных сосудов, напоминающие собой сосуды роменско-боршевскоп культуры. Это и позволяет отнести полуземлянку к VIII в. н. э. Есть возможность предполагать, что на селище жизнь продолжалась довольно продолжительное время — в пределах второй половины I тысячелетия н. э.

Весьма интересны селище и городище-убежище в урочище Церковище, около поселения Красная Зорька Березинского района. В отличие от городища близ Колочина, расположенного на высоком месте, это поселение находится на дюне, в пойме Березины. Селище занимает 0,5 га и возвышается над поймой на 2 м, а городище — на 3 м. В настоящее время (во время весенних разливов) поселение не заливается. Городище имеет круглую форму, диаметр его 20 м. Вал городища прослеживается слабо. Почти половина площадки городища раскопана. Вскрыто около одной сороковой части селища. На селище есть многочисленные столбовые ямы от наземных жилищ столбовой конструкции. Материалы городища и селища одинаковы и относятся к VI—IX вв. Здесь совершенно не обнаружено предметов других культур железного века (милоградской, зарубинецкой, штрихованной керамики) и эпохи феодализма. В целом памятник в урочище Церковище по сравнению с Хотомелем. Колочином и другими поселениями относительно беден. На вскрытой площади (в 300 кв. м) найдено только несколько сотен обломков гладко стенных лепных сосудов. Один небольшой биконический сосуд удалось восстановить. Попадаются обломки горшков с налепным валиком в верхней части. По форме они такие же, как и сосуды с налепным валиком других памятников верхнего Поднепровья. Найдены много костей домашних животных, зернотерка, железный дротик с одним шипом, железная булавка с круглой овальной головкой, биконические пряслица. В целом материальная культура аналогична культуре других памятников бассейна верхнего Днепра. На этом поселении обитали люди в пределах нескольких веков второй половины I тысячелетия н. э. Это доказывается тем, что на селище культурный слой имеет мощность в 0,6 м.

Селище у Нижней Тощицы Быховского района расположено в урочище Корнеев Хутор. Оно, судя по подъемному материалу, занимало территорию 9—10 га. Раскопано около 300 кв. м площади. Культурный слой имеет толщину 0,45 м. На вскрытой площади обнаружены ямы от столбов, которые свидетельствуют о том, что все жилые и хозяйственные постройки имели столбовую конструкцию. Обнаружены также ямы-погреба и остатки разрушенной домницы, скопление шлаков, криц, обожженная глина и сопла. На селище найдены лепная гладкостенная керамика, характерная для памятников второй половины I тысячелетия н. э., гончарная керамика эпохи раннего феодализма и другие предметы материальной культуры.

Как уже говорилось, близ деревни Щатково Бобруйского района есть три селища, на которых попадаются материалы второй половины I тысячелетия, позднего этапа зарубинецкой культуры и эпохи раннего феодализма. Одно селище располагается в нескольких сотнях метров на восток от раннего городища. Раскопки показали, что на городище нет материалов второй половины I тысячелетия. Это и позволяет предполагать, что оно не использовалось в более позднее время в качестве убежища. Такое же явление наблюдалось и на многих других городи-

щах бассейна верхнего Днепра. Следовательно, не все укрепленные поселения раннего железного века в позднее время были городищами-убежищами. Раскопки были произведены лишь на одном селище. Вскрыто около одной пятнадцатой части этого поселения. Западная его часть была заселена в середине и во второй половине I тысячелетия. Здесь обнаружены следы наземных жилищ и две полуземлянки площадью каждая 10 кв. м (рис. 79). Они ориентированы с северо-запада на юго-восток. Углублены в материк на 0,4 и 0,5 *м.* В одном жилище очаг открытый, а во втором из крупных валунов сооружена печь-каменка. В жилищах найдена лепная гладкостенная керамика такого же типа,

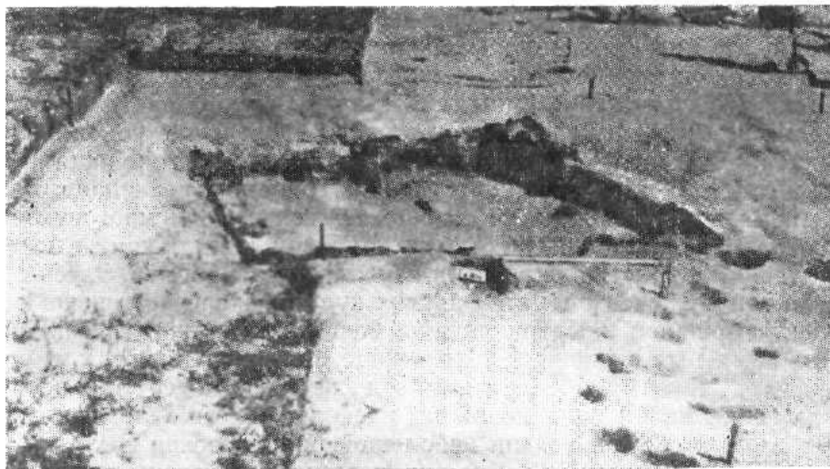

Рис. 80. Вид с южной стороны одной из полуземлянок (№ 5) третьей четверти I тысячелетия и. э. и Тайманаве Быховского района

как и на других памятниках. Однако она более архаична и сравнительно близка к отдельным типам сосудов памятников позднего этапа зарубинеЦкой культуры. На основании комплексов вещей исследуемые жилища в Щатково можно отнести'к середине I тысячелетия н. э.

Таким образом, в бассейне верхнего Днепра в третьей четверти I тысячелетия н. э. основным типом поселений были селища. Около некоторых селищ располагались городища-убежища. Основная масса населения обитала на селищах. Жилища двух типов — наземные столбовой конструкции и полуземлянки. В полуземлянках были печи-каменки. Полуземляночные жилища всех поселений по своему характеру сравнительно близки друг другу. Они находят себе аналогии в жилищах поселений Полесья.

Погребальный обряд. Погребальный обряд племен, обитавших в Полесье ив бассейне верхнего Днепра во второй половине I тысячелетия, характеризуют раскопки могильников. К этому времени относятся два типа могильников с сожжением — бескурганные и курганные. Такие же могильники были характерны и для племен, обитавших в лесной и лесостепной полосе УССР. На территории верхнего Поднепровья археологическим раскопкам подвергалось не менее двух десятков таких памятников, но ни один из них до конца не изучен. На многих могильниках вскрыто только по несколько бескурганных погребений или несколько курганов. Недостаточная изученность этой категории памятников создаст большие трудности при решении многих вопросов древней истории, в том числе и вопроса об их этнической принадлежности. В целом, для

территории БССР и УССР погребения этого времени очень бедны. Большинство вскрытых погребений, кроме кальцинированных костей, никаких вещей не содержало. Редко встречаются лепные сосуды и еще реже другие предметы материальной культуры. На бескурганных могильниках погребения располагаются на сравнительно большом расстоянии друг от друга. Останки сожжения погребались в круглых и удлиненных ямах. По размерам и ориентировке они такие же, как и погребальные ямы зарубинецкон культуры на этой же территории. Кальцинированные кости ссыпались на дно ямы, редко помещались в глиняный горшок. В некоторых бескурганных и курганных погребениях вместе с костями находили мелкие обломки лепных сосудов.

В бассейне Припяти открыто несколько могильников. Они расположены около поселений. Раскопано не более десятка погребений. Один бескурганный могильник расположен в 200 м от селища в Хотомеле [14]. Здесь еще в довоенные годы обнаружено погребение. На глубине 0,6 м от поверхности нашли лепной горшок, опрокинутый днищем вверх и ео всех сторон обложенный камнями. Пережженные кости лежали под сосудом. В довоенные же годы был обнаружен бескурганный могильник у деревни Хорек [15] Столинского района, на котором производил небольшие раскопки польский археолог Р. Якимович. Он обнаружил много ямок, заполненных темной землей без костей. В одной из них найден горшок, перевернутый тоже днищем вверх. Рядом с горшком лежала железная поясная пряжка овальной формы, датируемая VI—VII вв. Горшок лепной, коричневого цвета, поверхность его сглажена, шейка выражена слабо, тулово округлое.

Другое бескурганное погребение этого времени случайно открыто у деревни Шарейки * Калинковичского района на северном берегу озера Борки. В этом погребении найден лепной горшок, имеющий слегка отогнутый наружу венчик, сравнительно высокую шейку и несколько округлое тулово.

Кроме бескурганных могильников, в Полесье открыты и курганные могильники. Изучены они мало. Два кургана были раскопаны около деревни Семурадцы Житковичского района, в 7 км юго-восточнее Турова. В одном кургане (№ 2) найдены крупные обломки лепного сосуда типа сосудов из Хотомеля. Трупосожжение происходило в этом кургане на месте. Диаметр кургана 9 м, высота 1 м. Верхняя часть кургана насыпана из темно-серой земли, мощность которой достигала 0,6 м. Под ней прослойка серо-желтой земли мощностью 0,3—0,4 м. Ниже на желтом материковом песке лежали сожженные кости, уголь, зола. Здесь собрано более сотни разбросанных мелких кальцинированных костей. Желтый песок под сожженными костями прокален. Кости всего зольного скопления ориентированы с запада на восток. Длина этого скопления 3 м, ширина 2 м. Сверху над сожжением на глубине 0,4 м от поверхности лежали обломки лепного сосуда. В материке вокруг трупосожжения вырисовывается круг (канавка), диаметр его 6 м, ширина 0,5 м. Глубина канавки в материке 0,2—0,3 м. В заполнении круга черная земля. Под насыпью на материке найден железный нож.

По сравнению с погребальными памятниками Полесья несколько лучше изучены могильники в бассейне верхнего Днепра. На могильнике в Нижней Тощ и це Быховского района, в урочище Подлужье, в 2 км вниз по течению Тощанки, на левом берегу, вскрыто двенадцать бескурганных погребений с сожжением. Сожжение производилось в круглых її

* Материалы хранятся в школьном краеведческом музее в Юревичах Калинковичского района.

удлиненных ямах. В четырех погребениях обнаружены целые горшки. Один из них перевернут днищем кверху. В другом погребении обнаружено глиняное пряслице биконической формы. В остальных погребениях сосуды стояли вверх горлом, в каждом горшке было небольшое количество костей. Часть костей лежала прямо в яме. Кальцинированные кости в некоторых погребениях были очищены. Однако иногда здесь были зола и уголь. Погребение № 12 находилось в круглой яме диаметром 0,4 м на глубине 0,35 м. В средней части ямы стоял горшок, верх которого частично был разрушен при распашке. Кальцинированные кости, перемешанные с золой и углем, были и в горшке и в яме.

В 100 м на север от могильника располагается большое селище, на котором найдены такие же материалы, как и в могильнике; есть предметы, относящиеся к эпохе феодализма.

Бескурганный могильник с сожжением есть около Ново-Быхова. Он был обнаружен еще в 1905 г. Е. Р. Романовым[16]. В 1951 г. Ю. В. Кухаренко [17] на этом могильнике раскопал восемь погребений. Дополнительно Л. Д. Поболем было раскопано еще тридцать три погребения. Всего, таким образом, на могильнике выявлено 41 погребение. Меньшая часть из них относится к позднему этапу зарубинецкой культуры, большая — ко второй половине I тысячелетия. В более поздних погребениях найдено три лепных сосуда такого же типа, как и в Нижней Тощице. Во многих погребениях только мелкие обломки лепных сосудов. В некоторых погребениях найдены какие-то сплавленные бронзовые вещи.

В 200 м на восток от вскрытой части могильника, вдоль правого берега Днепра, есть большое селище, на котором найдены материалы позднего этапа зарубинецкой культуры второй половины I тысячелетия н. э. и эпохи феодализма. Большой могильник открыт в Тайманаво.

Курганы третьей четверти 1 тысячелетия н. э. в бассейне- верхнего Днепра изучены также мало. Кое-где в курганных могильниках обнаружены погребения с трупосожжением, найдены здесь и сосуды, близкие сосудам погребений бескурганных могильников. Аналогичные сосуды были найдены в 20-х годах И. А. Сербовым в курганах близ деревни Добужа Быховского района [18]. В 1963 г. несколько курганов с такими же лепными сосудами вскрыто Г. Ф. Соловьевой [19] около деревни Демьянки Добружского района.

Хозяйство. Материальная культура. Связи. Основой всего хозяйства, так же как и в более раннее время, были земледелие и скотоводство. Хозяйство в основном носило натуральный характер. В земледелии был достигнут некоторый прогресс. На более плодородных почвах широко распространялось пашенное земледелие, хоть не было совсем вытеснено подсечное земледелие. Населению этого времени был известен плуг с железными рабочими частями: наральником и череслом... Части такого плуга найдены в культурном слое городища Хотомель. Длина сошников 14—15 см, длина чересла 40 см. О земледелии свидетельствуют также серпы, зернотерки, жернова. В Колочине на городище найден клад — четыре серпа. По типу все они одинаковые и напоминают скифские серпы и серпы культур раннего железного века белорусского Поднепровья. Длина серпов колеблется в пределах 23—25 см. Рабочая часть изогнута дугообразно. В Колочине найден также довольно массивный фрагмент железной косы горбуши. Подобные косы были широко распространены в феодальную эпоху. Жернова обнаружены в Хотомеле.

Скотоводство этого времени в хозяйственной деятельности древних людей занимало столь же значительное место. Об этом свидетельствуют определения остеологического материала поселений в Хотомеле. Здесь домашним животным принадлежало около 80% всех костей. В составе

стада были крупный рогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот, свинья. Кости диких животных составляли 20% всего костного материала. Обитатели Хотомеля охотились на лося, медведя, кабана, зубра, косулю [20].

Подсобную роль в хозяйственной деятельности играло рыболовство. Предметов рыболовства в Хотомеле найдено сравнительно мало: четыре остроги и несколько железных крючков. В Колочине обнаружен глиняный грузик.

Обитатели каждого поселения занимались производством железа из болотных руд. Об этом свидетельствуют находки шлаков, криц и обломки сыродутных домниц. Основные орудия труда, бытовые предметы делались прямо на поселениях, об этом говорят отходы этих производств, найденных на месте. Очень редко изготовлялись разнообразные украшения из цветных металлов. Лишь в Хотомеле найдены формочки для отливки браслетов.

Прядение, ткачество, изготовление лепным способом сосудов и других вещей из глины, обработка кости, рога и камня и другие домашние занятия были распространены на каждом поселении белорусского Поднепровья.

Обстановка, сложившаяся в лесостепной и степной полосе Восточной Европы в третьей четверти I тысячелетия в связи с беспрерывными переселениями народов с востока и севера в южную и юго-западную Европу, оказала свое воздействие на историческое развитие племен в лесной полосе Поднепровья, в том числе южной и юго-восточной Белоруссии. При анализе предметов материальной культуры можно видеть относительную бедность ассортимента вещей. Особенно это характерно для третьей четверти I тысячелетия н. э. На памятниках, за очень редким исключением, отсутствуют изделия из бронзы и стекла. Железных вещей тоже мало. Керамика сравнительно однообразна, мало мисок и т. д. Наступило своеобразное огрубление культуры. Особенно это отразилось на керамике. Керамика — основная категория находок. Целые сосуды обнаружены в погребениях. На городищах-убежищах и селищах встречаются как правило, обломки сосудов, хотя изредка попадаются целые сосуды в раздавленном виде. Большое значение кермики состоит в том, что она помогает решать вопросы этнической принадлежности той или иной культуры, их преемственность. Изучение керамики Хотомеля позволило Ю. В. Кухаренко проследить развитие культуры в Полесье на протяжении всей второй половины I тысячелетия н. э. и увязать ее с бесспорно славянскими древностями раннефеодального времени. Изучение керамики подтвердило, что поселения типа Хотомеля — ранние славянские памятники и по сравнению с памятниками роменского типа левобережья Украины (VIII—X вв. н. э.) являются более ранними.

Основной тип сосудов всех памятников Полесья — горшки. Цвет их темно-серый или коричневый, глина содержит примесь дресвы и песка, обжиг хороший. Горшковидные сосуды разделяются на две группы. Горшки первой группы имеют вытянутую форму. Их высота 20—30 см, диаметр по верху 10—15 см, диаметр днища 5—8 см. Край венчика слегка отогнут наружу, шейка короткая и выражена слабо. Наибольший диаметр слегка выпуклого тулова находится в верхней части. Горшки второй группы более низкие, приземистые. Их высота в среднем 15—25 см, диаметр верха 12—20 см, диаметр днища 8—12 см. Отогнутость венчиков в наружную сторону самая различная. Шейка несколько короче, чем у сосудов предыдущего типа. Тулово в верхней части, но имеет большую выпуклость. Вторая группа горшков была распространена значительно шире, чем первая. Обе группы характерны для всех памятников Полесья. Они были распространены и на Волыни. Однако на Волыни

встречаются сосуды с загнутым внутрь венчиком. Таких сосудов в Полесье мало. Кроме того, здесь попадались и такие сосуды, которых на Волыни нет. В частности, в Хотомеле найдены горшок, по форме близкий биконическому, со слегка отогнутым наружу венчиком и горшок баночной формы, обломки сковородки. На селище в Хотомеле найдены керамические изделия с прочесами, характерными для более раннего времени (Абидня и др.). Некоторые из сосудов украшались роменским «червячным» орнаментом.

Керамика памятников бассейна верхнего Днепра несколько отличается от сосудов Полесья. Здесь распространены горшки двух типов, слабопрофилированные и биконические. Оба типа сосудов отличались от сосудов Полесья расположением наибольшего диаметра тулова: он находится не в верхней, а в средней части. Горшки первого типа имеют диаметр по верху 10—15 см, высоту 15—20 см (рис. 81). Данный тип и какой-то степени напоминал форму горшков первой группы бассейна Припяти. Венчик слегка отогнут наружу, шейка выражена слабо. Диаметр тулова конусообразно уменьшается к днищу. Такая керамика обнаружена в Колочине, Нижней Тощице, Ново-Быхове, Щаткове и в других местах. Ко второму типу относятся биконические сосуды. Своей профилировкой (в верхней и нижней частях) и размерами они напоминают сосуды предыдущего типа. Некоторые сосуды на тулове имеют налепной валик. Есть и сосуды в средней части со слабой ребристостью.

Биконические сосуды известны в сравнительно небольшом количестве. Несколько таких сосудов найдено в Колочине и один в погребении в Ново-Быхове. Такие же найдены на Смоленщине и в среднем Поднепровье. В бассейне верхнего Днепра значительно реже встречаются сосуды малых размеров, миски, горшки с налепным валиком в верхней части. Они найдены на городищах в Колочине и Красной Зорьке. Такие сосуды характерны и для памятников Полесья и южного Побужья [21]. В быту изредка употреблялись глиняные сковородки. Редко встречаются и сосуды с роменским «червячным» орнаментом.

Наиболее распространены железные ножи и шилья. Типы ножей из разных памятников близки между собой. Они аналогичны ножам позднего этапа зарубинецкой культуры. Со стороны лезвия и спинки у черенка часто делались уступы. Лезвие в сечении имеет клиновидную форму. Длина колеблется в пределах 10—20 и более сантиметров. Ножи найдены на городищах и селищах в Хотомеле и Колочине и в кургане в Сему радцах. Шилья на памятниках встречаются часто, их длина 5—10 см.

На каждом раннесредневековом памятнике обнаруживаются одинаковые по форме биконические уплощенные глиняные пряслица. Все они, как правило, лишены орнамента. Диаметр пряслиц колеблется в пределах 2—3,5 см, высота 1 —1,5 см. Близкие по типу пряслица характерны и для памятников позднего этапа зарубинецкой культуры. Население юга и юго-востока Белоруссии в своем быту пользовалось железными долотами небольших размеров. Они обнаружены в Хотомеле и в Колочине. Долото из Колочина имеет длину 7 см.

Огонь получали при помощи железных кресал. Два плоских трапециевидных кресала найдены в Хотомеле. Один конец у них расширен, другой сужен. Длина кресал 3,5 и 7 см. На поселениях обнаружены железные остроги для битья рыбы. Четыре таких предмета найдено в Хотомеле. Их длина 12—13 см. Все они имеют по одному щипу. Для отделки железных орудий труда и бытовых предметов употреблялись каменные бруски.

Украшения на ранних средневековых памятниках встречаются в небольшом количестве. Одной из категорий таких вещей могут быть под-

Рис. 81. Основные типы лепных сосудов второй половины I тысячелетия н. э. селища и могильника в Тайманаве Быховского района

ковообразные фибулы. Два экземпляра таких фибул найдено в Хотомеле. Их диаметр варьирует в пределах 6—8 см. Подковообразные фибулы характерны, как уже отмечалось, для племен зарубинецкой культуры. В Хотомеле обнаружена железная пряжка гитаровидной формы. Ее размеры 3x2 см. Такие же по типу пряжки попадаются в бассейне нижнего Буга [22] и в длинных курганах. Распространенными были пряжки и кольца овальной формы. Одна из таких пряжек найдена в бескурганном могильнике в Хорске, ее размеры 3x2 см. Железное кольцо овальной формы обнаружено в Колочине и в бескурганном погребении в Ново-Быхове. В одном погребении этого могильника найдены два бронзовых кольца, соединенные между собой. На селище в Красной Зорьке обнаружена железная булавка с овальным кольцом, с орнаментом на одной стороне, состоящим из радиальных насечек. В Хотомеле найдено серебряное семилучевое кольцо радимичского типа. Здесь же обнаружен фрагмент серебряного браслета со слегка утолщенными концами. Среди украшений есть бронзовая накладка на ремень с орнаментом из ложной зерни. Она найдена вместе с лепным горшком в кургане в Бердыже (на Соже).

В памятниках раннего средневековья изредка находят стеклянные бусы. Очень редко попадаются импортные предметы. Это потому, что племена, обитавшие на территории Белоруссии, были отрезаны кочевым миром от южных культурных центров, и в частности от Византии. Из анализа всех этих памятников создается такое впечатление, что племена на юге и юго-востоке Белоруссии находились в изоляции, и лишь изредка сюда проникали отдельные импортные предметы и поступали цветные металлы, да и то главным образом уже в начале четвертой четверти I тысячелетия н. э. Предметами, попавшими от других племен, из Византии и арабского Востока, могут считаться следующие находки. В Хотомеле найдены три аварские железные трехперые черешковые стрелы, на селище в Чаплине — медная гроздевидная серьга VI—VIII вв. и железная шпора VIII в.[23] В 1905 г. Е. Р. Романов[24] обнаружил на могильнике у Ново-Быхова свинцовую печать с греческой надписью на одной стороне и женской головой в нимбе на другой, которая датируется VIII в. Очень редкие находки — византийские и восточные монеты. Одна из самых ранних для территории Белоруссии византийских монет — медная монета Константина II с сыновьями — найдена в Пинске в 50-х годах XX столетия. Она чеканилась в Сицилии в 639—668 гг.[25] В деревне Покоть Чечерского района в кладе X в. обнаружены две абассидские монеты: Махды Медынаги аб Селям (Багдат) 160 г. и Рашида ам-Мухамеди 181 г.[26]

Общественный строй. Религиозные представления. Племена белорусского Поднепровья в VI—VIII вв. находились на заключительной стадии разложения первобытнообщинных отношений. Третья четверть I тысячелетия была переходной стадией от бесклассового к классовому обществу. Возникновение городищ-убежищ, видимо, нужно связывать с важными социальными изменениями в общественных отношениях. В это время, вероятно, укрепила свою власть над родовыми общинами племенная верхушка, что было одной из предпосылок образования государства. Можно предполагать, что некоторые городища становились племенными и религиозными центрами, а также центрами зарождения военных дружин. В этом заключается коренное отличие городищ второй половины I тысячелетия от городищ раннего железного века. Все эти предположения в какой-то степени могут быть обоснованы находками вооружения и снаряжения всадника на городищах. Так, в Хотомеле на городище найдено 15 железных стрел, а на селище — только две. По типу эти стрелы разде-

ляются на аварские, двухшипные втульчатые и черешковые, плоскоромбические черешковые и листовидные втульчатые. Некоторые двухшипные втульчатые наконечники стрел были ложновитыми. Длина наконечников стрел сравнительно небольшая и колеблется в пределах 6—12 см. На этом же городище выявлены три втульчатых железных наконечника копий. Из них два имеют листовидную форму, длину около 25 см, одно — ромбическую, длину 18 см[27]. Оружие найдено и на городище в Колочине. В частности, здесь обнаружены железный наконечик копья листовидной формы и втульчатый двухшипный наконечник стрелы [28]. Железный наконечник копья с одним шипом обнаружен на городище-убежище около Красной Зорьки (урочище Церковище), а двухшипный втульчатый наконечник стрелы, аналогичный хотомельским,— на позднем зарубинецком селище около Красной Зорьки (урочище Узвечев), в 800 м на запад от селища, в урочище Церковщина. Эта находка позволяет предполагать, что втульчатые двухшипные наконечники стрел в белорусском Поднепровье распространялись около середины I тысячелетия н. э. Это не противоречит хронологии таких наконечников стрел и в других местах Европы. Немецкий археолог Е. Вернер считает, что наконечники стрел этого типа появились повсеместно в конце V в. н. э. Воины в Хотомеле умели изготовлять панцири из тонких железных пластинок. Три такие пластинки найдены на городище. Они имеют прямоугольную форму, длину до 16 см, ширину 6—7 см. По краям пластины есть круглые отверстия для скрепления их друг с другом. В Хотомеле найдены три экземпляра железных удил. К воинскому снаряжению, видимо, относится и железная скоба-обойма от портупеи; ее длина 7, ширина 1,5 см [29].

У племен юга и юго-востока Белоруссии, видимо, были распространены взгляды и представления, характерные для многих племен и народов дохристианского времени. Небесные светила: солнце, луна, звезды обожествлялись. Священными считались рощи, родники, деревья. Стихийные бедствия — пожары, грозы человек отождествлял с действием сверхъестественной силы. Поклонение воде, молнии, огню, камням занимало значительное место в религиозных представлениях древних людей. Распространена была и магия. Некоторое представление о религиозной идеологии дают археологические материалы. На каждом памятнике встречаются разнообразные культовые вещи — миниатюрные сосудики, глиняные и костяные амулеты. На некоторые сосуды наносились культовые знаки. Орнамент на вещах, в том числе и на сосудах, порой, также имеет культовое назначение. На сосудах в верхних частях есть разнообразные насечки, защипы. Один крупный фрагмент на горшке из селища в Хотомеле таков: от шейки к тулову сосуда еще до обжига были процарапаны две длинные зигзагообразные линии, а между ними нанесено более пятидесяти точек. Третья ломаная линия находилась на шейке [30]. Можно предположить, что точечные углубления символизируют дождь, а ломаные линии — молнию.

Трупосожжения также сопровождались определенным ритуалом. В отдельных погребениях найдены сосуды, в стенках которых после обжига для каких-то целей были проделаны по два (по одному с противоположных боков) отверстия.

Датировка. Динамика развития. Генезис. Таким образом, в верхнем, равно как и в среднем, Поднепровье расположены очень важные памятники VI—VIII вв., которые П. Н. Третьяков относит к славянам[31]. Изучение этих памятников позволяет ответить на вопрос, каков характер культуры накануне образования классового общества, показать те силы, которые способствовали созданию древнерусского раннефеодального государства. Однако в изучении древностей второй половины I тысячеле-

тия есть много сложных и еще нерешенных вопросов. К ним прежде всего следует отнести датировку.

На основании археологических материалов не всегда можно установить точное время возникновения и длительность существования памятников. Часто, кроме общей датировки памятников, особенно поселений, невозможно сказать, когда конкретно возник тот или иной из них — в VI, VII или VIII вв., ибо датирующих материалов в нашем распоряжении очень мало. Определить хронологию методами физических наук трудно, поскольку сами эти методы еще не совершенны. Поздняя дата этих памятников устанавливается несколько легче, поскольку часто она является уже ранней датой памятников феодального времени. Наиболее ранними предметами могут считаться стрелы аварского типа в Хотомеле (3), которые относятся к третьей четверти I тысячелетия н. э.

Сейчас еще нельзя установить динамику развития культуры. Не до конца решен вопрос о генетических связях памятников второй половины I тысячелетия (Колочин, Ново-Быхов и др.) с памятниками эпохи Киевской Руси. Памятники второй половины I тысячелетия в Полесье исследованы лучше, чем в бассейне верхнего Днепра, поэтому там их генетическая преемственность с памятниками эпохи феодализма прослеживается вполне убедительно. На основании этого доказана славянская принадлежность памятников типа Хотомеля.

Памятики второй половины I тысячелетия бассейна верхнего Днепра по ряду общих черт материальной культуры близки к памятникам Полесья. Эта общность прослеживается в типах поселений и городищ-убежищ, в наличии бескурганных и курганных могильников, в характере полуземляночных жилищ и однотипности некоторых предметов материальной культуры. Однако имеются и различия. В бассейне верхнего Днепра были распространены типы сосудов (в частности, биконические сосуды с валиком по ребру и др.), которые не встречаются в Полесье. Различия есть и в погребальном обряде. В бассейне верхнего Днепра, например, нет бескурганных могильников, в погребениях которых найдены сосуды, обложенные вокруг камнями (Хорек), нет здесь и погребальных сооружений из камней в виде прямоугольных или круглых ящиков (Корчак, Катериновка и др. в Житомирщине) [32]. Все эти отличия и позволяют выделить памятники бассейна верхнего Днепра в отдельную локальную группу раннесредневековых древностей.

Трудным и до конца нерешенным является вопрос о генезисе раннеславянских памятников Полесья и памятников третьей четверти I тысячелетия верхнего Поднепровья. На какой основе сложилась культура этих памятников? Здесь у советских археологов нет единого мнения. Ю. В. Кухаренко оставляет этот вопрос открытым[33].

Сравнительное изучение археологических материалов I тысячелетия н. э. (памятников белорусского Поднепровья) привело к выводу, что культура памятников второй половины I тысячелетия н. э. сложилась на базе культуры позднего этапа зарубинецкой культуры. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства. Основным типом поселений как в раннюю пору, так и во второй половине I тысячелетия были селища. На селищах третьей четверти I тысячелетия сооружались такие же, как и раньше, полуземляночные жилища. Они по размерам и ориентировке аналогичны полуземлянкам поселений позднего этапа зарубинецкой культуры. Правда, в позднезарубинецких полуземлянках очаги были открытыми, а в жилищах поздней поры сооружались печи-каменки или глинобитные. Но это объясняется поздним появлением самих печей-каменок. Такая же преемственность наблюдается и в погребальном обряде: как в позднезарубинецкое время, так и в третьей четверти I тысячелетия н. э.

умерших погребали в грунтовых круглых и удлиненных ямах. Ямы имели одинаковую ориентировку. Одинаков был и обряд сожжения умерших. Преемственность прослеживается и в основных отраслях хозяйственной деятельности.

Генетическая связь прослеживается также в типах глиняных биконических пряслиц, в формах железных ножей и серпов, в некоторых видах украшений и др.

Различия заключаются в том, что в памятниках второй половины I тысячелетия н. э. почти нет керамики с прочесами и лощеной керамики, отсутствуют и импортные вещи. Но это можно объяснить хронологически различными периодами, в которых обитали эти племена.

Археологические находки железного века белорусского Поднепровья позволяют ставить вопрос о заселении этой территории славянами уже в начале железного века. Отсюда происходило заселение этими племенами средней и северной частей БССР. Таким образом, южная и юго-восточная части Белоруссии вместе со смежными частями УССР и РСФСР могут рассматриваться как древнейшая территория славян. Дальнейшие археологические раскопки на этой территории внесут новые данные в изучение древнейшей истории восточных славян.

2. ПАМЯТНИКИ VI—VIII ВВ. СРЕДНЕЙ И СЕВЕРНОЙ БЕЛОРУССИИ. ИХ ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Вторая половина I тысячелетия н. э.— очень важный период в истории племен, заселявших территорию Белоруссии, ее центральные и северные районы. Дальнейший рост производительных сил ускорял разложение первобытнообщинного строя.

Этот процесс совпал с другим не менее важным процессом, а именно с усилением так называемого «великого переселения народов». В этих условиях в Восточной Европе происходили сложные этногенетические процессы, связанные с большими передвижениями племенных объединений. Все это не могло не отразиться на исторических судьбах балтоязычных племен, обитавших на территории средней и северной Белоруссии, и на характере их материальной культуры. Памятники культуры штрихованной керамики и днепродвинской культуры к середине I тысячелетия н. э. исчезли, и их место заняли памятники, материальная культура которых существенными чертами отличалась от культуры предшествующей поры. Подавляющее число ранних городищ этих культур прекратило свое существование, уступив свое место открытым поселениям — селищам.

Территория. В центральных и северных районах Белоруссии, а также в соседних с нею Псковской и Смоленской областях РСФСР, т. е. на той территории, на которой находились памятники двух культур — штрихованной керамики и днепродвинской культуры, в V—VI вв. н. э. распространилась одна, весьма своеобразная культура, которая в археологической литературе еще не имеет своего названия. Впервые археологические материалы этой культуры были открыты на Банцеровском городище С. С. Шутовым и М. М. Улащиком в 1925 г.[34] Это городище расположено в 10 км северо-западнее Минска, на левом берегу Свислочи. Культурный слой городища содержит в себе две самостоятельные культуры: нижний слой — культуру штрихованной керамики, а верхний — интересующую нас культуру VI—VIII вв. н. э.[35]

Исследования археологов последних лет установили, что памятники с культурой типа верхнего слоя городища Банцеровщина занимают до-

вольно большую территорию в Белоруссии: бассейн верхнего Понеманья, среднего Подвинья и значительную (северо-западную) часть бассейна верхнего Поднепровья. Памятники с этой культурой целиком перекрывают область распространения культуры штрихованной керамики (исключая Литву) и днепродвинской культуры и даже выходят за ее пределы.

В Латвийской ССР исследователь В. А. Уртан выявил на границе с Псковской областью поселения VI—VIII вв. Одно из этих поселений находится вблизи деревни Волкорезы Лудзенского района. Как далеко на восток распространяются памятники с культурой типа верхнего слоя Банцеровского городища, в настоящее время сказать трудно. Можно лишь предполагать, что племена — носители этой культуры доходили до Подмосковья, о чем свидетельствует керамика Троицкого городища [36].

Поселения. Все известные поселения VI—VIII вв. разделяются на два типа — на открытые селища и на укрепленные городища. Важно подчеркнуть, что уцелевшие городища во второй половине I тысячелетия не были поселениями в собственном смысле слова, как в предшествующую эпоху, а являлись городищами-убежищами. Вместе с тем некоторые городища (Тушемля, Банцеровское, Городок и др.) были одновременно и культовыми местами — святилищами.

Селища по своему топографическому расположению разделяются на две группы. В первую группу входят те, которые располагаются около ранних городищ, на склонах холмов или мысов, на их вершинах находятся ранние городища. К числу наиболее известных селищ первой группы относятся селища близ деревни Дедиловичи Борисовского района, Городище и Некасецк Мядельского района, Зароново Витебского района. Вторую группу составляют селища, не связанные с городищами и расположенные отдельно от них, иногда на расстоянии многих километров. Обычно эти селища ютятся по берегам рек или озер на мысообразны\ возвышенностях с пологими склонами первой надпойменной террасы. Значительно реже встречаются селища, располагающиеся на таких же небольших возвышенностях, но на второй надпойменной террасе. Ко второй группе поселений относятся такие селища, как м. Стахово, Мяница, Черешля и многие другие.

Обращает на себя внимание факт, что селища обеих групп имеют сравнительно большие размеры, их площадь значительно превышает поселения (городища) ранней поры. Минимальная площадь селищ 0,5—-0,6 га, обычные их размеры 1—2 га, а некоторые из них достигают 7—8 га. Это обстоятельство, несомненно, отражает новые общественные отношения, возникшие в результате дальнейшего разложения первобытнообщинного строя. Культурный слой на селищах обеих групп имеет небольшую мощность, как правило, она не превышает 0,5—0,6 м. На многих селищах культурный слой уничтожен долголетней распашкой.

Надо заметить, что степень изученности селищ первой и второй групп не одинакова. На селищах второй группы (на территории Белоруссии) производились лишь разведывательные раскопки (на селище Черешля и Гуры), а больших раскопок не производилось совсем. Лучше изучены селища, располагающиеся при городищах. Довольно большие раскопки в 1962—1966 гг. произведены на селище Замковая гора, близ деревни Дедиловичи. В 1965—1968 гг. сравнительно большие раскопки велись на селищах близ деревень Городище и Некасецк. В эти годы небольшие раскопки бьвти предприняты Г. В. Штыховым на селище близ деревни Варганы. Как уже отмечалось, довольно большой комплекс вещей VI—VIII вв. Г. В. Штыховым и К. П. Шутом был найден при раскопках городища Кострица. Это многослойный памятник, жилые и хозяйственные достройки здесь выделить не удалось.

Особый интерес представляют результаты исследований на селище Замковая Гора, находящемся на левом берегу Цны (приток Гайны), в 5 км западнее деревни Дедиловичи. Селище расположено на сравнительно пологих склонах холма, высота его от основания 42 м. В настоящее время русло реки удалено от селища на 0,7—0,8 км. Пойма Цны низкая, местами заболочена и покрыта лесом.

На вершине Замковой Горы имеется городище. Небольшие раскопки, проведенные на нем (раскоп был равен 72 кв. м), позволили установить, что оно содержит культуру штрихованной керамики и относится к первым векам нашей эры. Более поздних материалов, синхронных материалам селища, при раскопках найдено не было. Городище имеет довольно сложную для таких поселений оборонительную систему. Оно укреплено двумя рядами кольцевых валов и рвов, лежащих на 4—5 м ниже края площадки. Валы у основания достигают 10—15 м ширины и 2—3 м высоты. Склоны самой вершины холма искусственно срезаны и довольно круты. Вряд ли можно сомневаться в том, что городище служило убежищем для обитателей селища на случай опасности. Не исключена возможность, что именно они, а не жители городища сооружали такие мощные для того времени оборонительные укрепления.

Жилища. Большая научная ценность селища Замковая Гора заключается в исключительно хорошей сохранности жилых комплексов. Здесь ярко выражены ямы-западины круглых, реже овальных очертаний, глубиною 0,5—0,8 м, диаметром в 5—6 м. В целом жилые постройки производят впечатление жилищ полуземляночного типа. Правда, они весьма своеобразны. Их своеобразие в топографическом расположении самого поселения. Дело в том, что само селище расположено не на ровном месте, а на склонах холма, а это обстоятельство вынуждало врезаться в склоны с той целью, чтобы получить строго горизонтальную плоскость для пола. За счет выброшенной из ямы земли вокруг жилища получалась горизонтальная терраска, на площади которой размещался, вероятно, «двор». Как правило, жилища ставились рядами вдоль склона холма на небольшом расстоянии друг от друга, поэтому искусственные терраски сливались между собой и образовывали как бы большие ступени, идущие от основания к вершине.

Всего прослежено не менее 300 ям-западин. В процессе раскопок выяснилось, что не все ямы — это остатки жилищ, некоторые из них представляли собой случайные западины. Культурный слой на селище выражен очень слабо и прослеживается лишь там, где есть ямы или небольшие западины. Его окраска темно-серая, почти не отличается от верхнего горизонта современной почвы. Проследить границы жилищ обычным путем (зачисткой) не представляется возможным, так как заполнявший яму намывной песок желтого цвета ничем не отличается от материкового песка. При раскопках применялась следующая методика: в центре ямы-западины закладывалась небольшая траншейка и доводилась до уровня пола. Последующие исследования сводились к поиску границ пола, которые естественно, фиксировали и план жилища в целом. Пол жилищ обычно прослеживался довольно хорошо. Чаще всего он представлял собой сравнительно плотный слой темно-серой или черной, иногда темно-коричневой окраски. Его толщина колебалась от 7—10 до 15—20 см. Всего за четыре года раскопок вскрыто 47 жилищ.

Все жилища одинаковой планировки. В плане они имели четырехугольную форму и небольшие размеры — 2,7Х3 и 3,4Х4 м. О глубине ям, в которые опускались нижние венцы жилища, говорить трудно, так как сами ямы выкапывались на склонах холмов, и поэтому, естественно, те их стенки, которые были обращены в сторону вершины, иногда дости-

гали 1,5—2 м, а противоположные, обращенные к основанию холма, часто не превышали 0,15—0,2 м. Иногда они просто выходили на дневную поверхность. Во многих жилищах довольно хорошо выражен вход — выступ в одной из стен, имеющих наименьшую высоту. Ориентировка стен жилищ зависела от направления склона. Однако большая их часть ориентирована по линии северо-запад — юго-восток и юго-запад — северо-восток. Меньшая часть жилищ имеет противоположную ориентировку — северо-восток — юго-запад и северо-запад — юго-восток. Лишь стены трех жилищ (№ 32, 33, 34) ориентированы по странам света. Внутри большинства жилищ (из 47 в 35) обнаружены печи-каменки, в четырех жилищах есть очаги, а в 9 ямах ни печей, ни очагов не оказалось, хотя предматериковый культурный слой в них, т. е. пол, есть. Возможно, что эти постройки не были жилищами, а имели какое-то хозяйственное назначение. В одной из таких построек обнаружена хозяйственного назначения яма, на краю которой лежали жернова (нижний камень).

Печи-каменки были всегда в углу жилища, чаще всего в одном из дальних от входа. В некоторых жилищах печи располагались в ближайшем углу от входа с правой или левой стороны. Сохранность печей-каменок не во всех жилищах одинакова. В большинстве жилищ они представляют развал камней разной величины. В некоторых жилищах (№ 15, 18, 24, 30, 33) уцелела нижняя часть стенок печей, а их свод провалился. В жилищах № 12, 25, 46 печи-каменки сохранились полностью. Хорошо сохранившиеся печи дали возможность судить о их устройстве. Все они сложены из гранитных камней, подвергшихся специальной обработке: на камнях сделаны сколы, многим из них придана кирпичеобразная форма. Такие камни употреблялись для возведения стенок печи. Камни тщательно пригонялись один к другому, без применения каких-либо связующих растворов. Камни верхней части свода крепились при помощи специально для этой цели изготовленных каменных клиньев. Передняя часть свода покоилась на двух крупных камнях. В плане все печи имели либо круглую, либо овальную форму. Под печи во всех случаях был яйцевидной формы. Печи клались чаще всего прямо на материке. Лишь в двух жилищах (№ 12 и 15) они были сложены на небольших (0,15—0,2 м) возвышениях. Обращают на себя внимание небольшие размеры печей-каменок. Длина (внешняя) овальных печей максимум 1,5 м (в жилище № 12), минимальная — 0,85 м (в жилищах № 30 и 33), диаметр двух круглых печей (в жилищах № 18 и 24) равен 1,05 и 1,0 м. Размеры внутренней части тех и других печей одинаковы: длина от устья до задней стенки от 0,6 до 0,75 м; наибольшая ширина от 0,35 до 0,5 м; высота свода печей от 0,3 до 0,45 м; ширина устья от 0,25 до 0,32 м; высота устья не превышала 0,25—0,3 м.

Как и печи-каменки, очаги располагались в углу жилищ. Их,устройство очень простое: в жилищах № 5, 19 и 22 очаги имеют вид обыкновенного костра на небольшом песчаном возвышении, а в жилище № 3 под очага выложен мелкими камешками. Размеры очагов, как и печей, небольшие. Земля под ним, как и под подом печей, сильно прожжена. По всему видно, что и очагами, и печами пользовались сравнительно длительное время.

Все жилища имели не столбовую, а срубиую конструкцию. Столбовых ям ни в одном из жилищ не найдено, но в трех жилищах были обнаружены остатки нижних венцов бревенчатых срубов. В жилище № 30 нижний венец бревенчатого сруба в обугленном состоянии сохранился целиком. (Рис. 82). Толщина бревен этого венца не менее 25—30 см. Следовательно, жилища на селище Замковая Гора представляли собою рубленые в обло постройки, нижние венцы которых опущены в землю.

Ближайшие аналогии полуземляночным жилищам на селище Замковая Гора можно найти в жилищных комплексах раннеславянской (житомирской) культуры юга Белоруссии и севера Украины. Как известно, для раннеславянских племен VI—VIII вв. этой территории были характерны полуземляночные жилища с печами-каменками или с очагами не только столбовой, но и срубной конструкции. Однако следует подчеркнуть, что жилища полуземляночного типа на селище Замковая Гора несут на себе черты, существенно отличающие их от иных раннеславянских полуземляночных жилищ. Эти отличия заключаются в следующем' 1) раннеславянские жилища житомирской культуры строились на ровном месте, а на селище Замковая Гора— на склонах холма; 2) прием опускать нижние венцы в землю у славян был связан с установившейся многовековой традицией в домостроительстве, а у населения селища на Замковой Горе—с вынужденными и в значительной степени случайными обстоятельствами. Полуземляночный тип жилищ на селище, следовательно, нельзя считать характерным для всех племен — носителей культуры VI—VIII вв. типа верхнего слоя Банцеровского городища.

Все это свидетельствует о том, что для племен этой культуры были характерны наземные жилища столбовой и срубной конструкции, а не жилища полуземляночного типа. Наземные жилища были обнаружены на ряде поселений как в Белоруссии, так и на поселениях соседних территорий (селища близ деревень Городище, Некасецк в Белоруссии, Жабино в Псковской области).

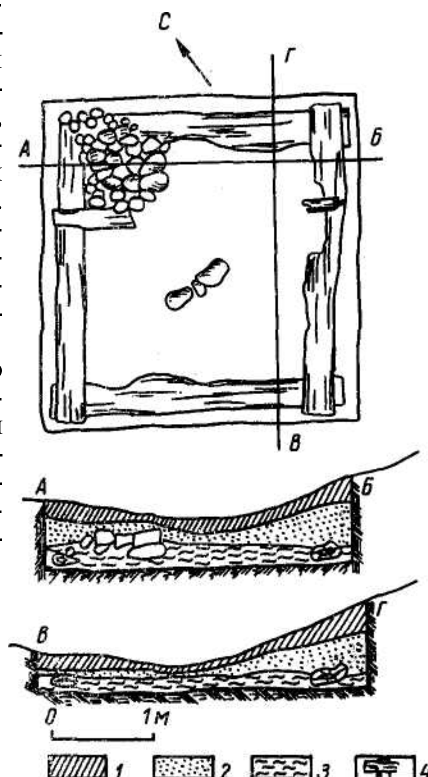

Рис. 82. Селище Замковая Гора. Полуземлянка № 30. План и профиль:

1—желтый песок с примесью темно-серой породы, *2*—чистый желтый песок, *3*—культурный слой черного цвета, *4*—материк—желтый песок

Хорошо сохранились жилища, обнаруженные на селище близ деревни Городище в Мядельском районе. Это селище расположено на северных и северо-западных пологих склонах удлиненного холма, на северо-западном конце которого есть городище культуры штрихованной керамики. Оно занимает стрелку длинного холма, который, начинаясь v северной окраины деревни Городище, на 200—250 м тянется в северо-западном направлении. Оно укреплено двумя валами и заключенным между ними рвом. Ныне расплывшийся внутренний вал находится на краю площадки с напольной стороны (юго-восточной), а внешний — за рвом с этой же стороны. Оба вала имеют дугообразную форму. Материалы, полученные при разведывательных раскопках городища (шурф, равный 24 кв. м), позволяют отнести его ко времени не позднее I—II вв. н.э. Среди штрихованных обломков керамики, обнаруженных в шурфе, есть несколько гладкостенных черепков от сосудов, аналогичных сосудам из

соседнего селища. Это обстоятельство позволяет заключить, что городище использовалось обитателями селища в случае необходимости, как убежище.

Селище занимает площадь не менее 1,5—2 га. Культурный слой на селище прослеживается хорошо. Он распахивается, поэтому в верхней своей части, на глубине 0,2—0,25 м, имеет темно-серую окраску. Ниже распахиваемого горизонта залегает культурный слой интенсивно черной окраски, насыщенный мелкими углями. В среднем мощность культурного слоя равняется 0,5—0,6 м. Раскопки на селище велись с 1965 по 1968 г. Вскрыта площадь в 1310 кв. м. На этой площади обнаружено 23 назем-

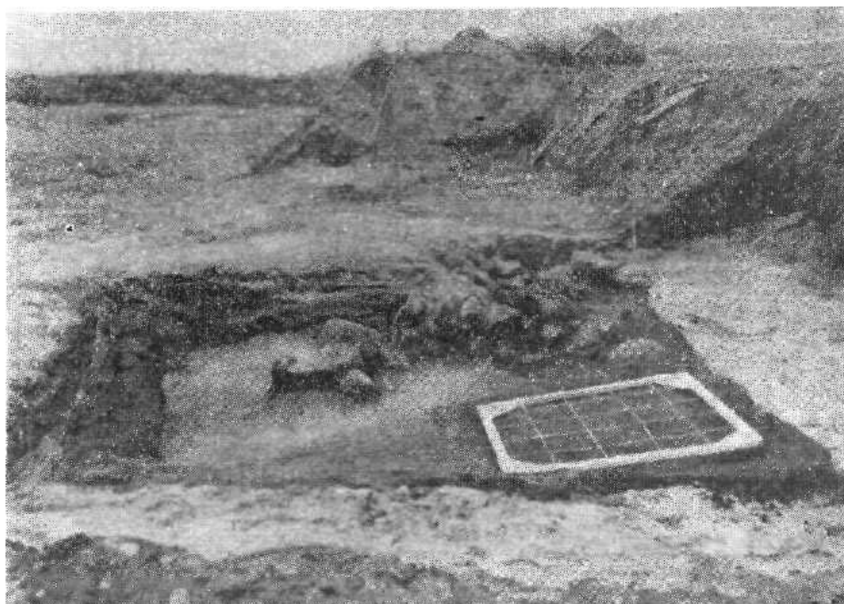

Рис. 83. Селище близ д. Городище. Жилище № 6 (5)

ных жилища столбовой и срубной конструкции. Селище и жилища на нем имеют много общих черт с Замковой Горой. Как и селище на Замковой Горе, это поселение расположено около раннего городища на пологих склонах возвышенности. Правда, склоны этой возвышенности менее круты, чем Замковой Горы, поэтому обитателям селища не было необходимости так же глубоко опускать свои жилища в землю.

Жилище № 1, например, построенное почти на ровном месте, было опущено в землю всего лишь на 7—10 см. Остальные врезаны в склон на 0,3—0,5 м. И на этом поселении высота стенок ям, выкопанных под жилища, не была одинаковой: стенки, обращенные к вершине холма, как уже отмечалось, имели высоту 0,4—0,5 м, а противоположные у всех жилищ почти выходили на дневную поверхность. Границы жилищ очень хорошо видны на фоне желтого материкового песка, по черным пятнам и по угловым ямам от столбов. В 17 жилищах (№ 2, 3—7, 9—18 и 22) сохранились обугленные остатки стен в виде крупных кусков толстых (не менее 0,2—0,25 м) бревен. В жилищах № 5 и 6 сохранились бревна нижнего венца (рис. 83). Следовательно, эти жилища представляли собой довольно сложные стационарные постройки. Девять жилищ {№ 2, 3, 4, 5, 9, 10, 11, 12, 19) имели столбовую конструкцию, а остальные рублены в угол («в обло»). Стены большинства жилищ были ориентированы

строго по странам света, лишь три жилища — с северо-востока на юго-запад. Размеры жилищ на этом селище несколько большие, чем на Замковой Горе. Самое меньшее из них (№ 20) 2,2Х1,8 м, а остальные 3,2Х4 м — 4х5 и 4,15Х4,15 м. Внутри большинства жилищ (№ 2, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22) были печи-каменки (развал обгорелых камней). Сохранились печи плохо, об их устройстве ничего не известно. Печи-каменки располагались, как правило, в углу жилищ. В жилищах № 2, 3, 8, 12, 19 обнаружены открытые очаги, располагавшиеся почти в центре. Около очагов есть неглубокие ямы. В жилище № 2 с северо-восточной стороны расположена глубокая (до 60 см) яма-хранилище с приступкой. В жилищах №3,8 и 19 очаги сохранились очень хорошо. Форма их овальная. По длинной оси овала они достигают 1,65 м, по короткой— 1,3 м. Устройство очагов довольно оригинальное: чистая глина слоем в 15—20 см положена на вымостку, состоящую из мелких камней. Камни тщательно уложены в один ряд. Вдоль западной и северо-западной кромки очага в глину вмазаны довольно крупные камни, верхняя часть которых выходит на поверхность. Аналогичное жилище было открыто Я. В. Станкевич на селище близ деревни Жабино Усвятского района Псковской области[37]. Это жилище, как и предыдущее, имело столбовую конструкцию и такие же размеры — 4х5 м. Внутри жилища обнаружен каменный очаг, вокруг него такая же, как и на поселениях VI—VIII вв. Белоруссии, гладкостенная керамика в обломках, глиняные биконические с большими отверстиями пряслица, железные ножи и др. Наземное жилище столбовой конструкции с каменными очагами изучил П. Н. Третьяков на селище близ деревни Устье Печинковского района Смоленской области[38]. Правда, это жилище отличается тем, что оно было не однокамерным, а многокамерным. Но это объясняется более ранней датой селища у деревни Устье: П. Н. Третьяков его датирует серединой I тысячелетия. Вероятно, в это время патриархальная семья была еще прочной на поселении, поскольку жилище имело общинный характер. Однако это поселение, несомненно, относится к той же культуре, к которой принадлежат и селища VI—VIII вв. на территории Белоруссии (Замковая Гора, селище Городище и др.). На нем была найдена аналогичная глиняная посуда.

Как уже отмечалось, во второй половине I тысячелетия основным типом поселений были открытые поселения — селища, а сопутствующие им городища были тогда убежищами. Чаще всего для этих целей приспосабливались старые городища, возникшие еще в раннюю пору железного века. На них возводились дополнительные и довольно мощные укрепления, насыпались высокие, часто охватывающие кольцом все поселение земляные валы по краю площадки городищ и на их склонах в два-три и более рядов, а между валами выкапывались глубокие рвы. На мысовых городищах особенно сильно укреплялась земляными валами и рвами (в два, три и более рядов) открытая (напольная) сторона. На гребнях валов сооружались мощные деревянные стены. На некоторых городищах вдоль вала, идущего по краю площадки, воздвигались дополнительные заграждения. Таким образом, укрепления на городищах-убежищах представляли собой сложную оборонительную систему, имеющую несколько фортификационных линий. К числу таких городищ-убежищ, при которых были открытые поселения, относятся, например, Колочинское и Банцеровское городища, городище у деревни Некасецк (Черная Гора), Дедиловичи (Замковая Гора), Зароново, К.азиново, Городище и др.

О конструктивных особенностях деревянных оборонительных стен известно очень мало. Судя по данным раскопок Я- В. Станкевич на земляных валах Жабинского городища деревянные оборонительные сооруже-

пия, относящиеся к VI—VIII вв., мало отличались от таких же деревянных конструкций, построенных в более раннее время: на вскрытом участке вала были обнаружены два горизонта оборонительных стен. Здесь же обнаружены остатки вертикально поставленных парных столбов. Это обстоятельство свидетельствует прежде всего о том, что укрепления аа городище неоднократно перестраивались. Я. В. Станкевич полагала, что деревянные укрепления «представляли собой ряд стены из горизонтально положенных одно на другое бревен, укрепленных вертикально врытыми столбами» [39]. Остатки точно такой же конструкции деревянной стены были обнаружены на городище культуры штрихованной керамики (II—IV вв.) близ Вязынки, под Радошковичами[40]. Городищ-убежищ, возникших не на старых укрепленных поселениях, а заново отстроенных, известно очень мало. К ним относится городище, расположенное на правом высоком коренном берегу Свислочи, в 1 км северо-восточнее деревни Михановичи Минского района. При обследовании нами этого городища найдены обломки от лепных гладкостенных сосудов. Михановичское городище укреплено высокими подковообразными валами. Культурный слой здесь выражен очень слабо, это свидетельство того, что на городкще люди постоянно не жили. Возможно, тогда возникли и городища близ деревень Мыто Лидского района и Яново Зельвенского района [41].

Очень хорошо изучены городища-убежища в верхнем Поднепровье. П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт исследовали несколько таких памятников [42]. На городище Тушемля и Свобода Глушица культурный слой вскрыт на площадке полностью, изучены оборонительная система, жилища и особенно культовые сооружения.

Ничего подобного городищу-убежищу Тушемля на территории Белоруссии пока нет. Однако можно с уверенностью предполагать, что со временем и у нас будут открыты такие памятники, как на Смоленщине. В том, что аналогичные Тушемлянскому городища-убежища есть в Белоруссии, убеждают нас материалы, полученные при раскопках Банцеровского городища. Как известно, в верхнем слое этого поселения С. А. Дубинский открыл несколько каменных площадок, вокруг которых, как и в Тушемле, лежали раздавленные и целые глиняные сосуды. Многие из них были заполнены обугленными зернами пшеницы, проса, семенами бобов, гороха и вики. Совершенно аналогичную картину нарисовали нам раскопки Колочинского городища, где вскрыты остатки такого же, как в Тушемле, многокамерного длинного дома столбовой конструкции и найден такой же керамический материал.

Хозяйство, материальная культура и общественный строй. Культурный слой на селищах и городищах VI—VIII вв., как правило, беден находками (рис. 84: 1—7). При раскопках верхнего слоя Банцеровского городища, например, найдена лишь половина псалий, на селище Замковая Гора за четыре сезона раскопок обнаружены лишь обломок топора, два серпа, шило и кусок неопределенного железного предмета, на городище Черная Гора (1953 г., средний слой) и на селище около этого городища (деревня Некасецк) — серп и обломок ножа, на селище у деревни Городище — 3 ножа и обломок шила. Несколько больше железных вещей найдено на городище Кострица (средний слой), что объясняется большими масштабами раскопочных работ: 2 топора (целый и в обломках), 8 серпов (6 целых и 2 в обломках), 10 ножей, 2 подковообразные фибулы и 3.посоховидные булавки. Все железные изделия изготовлены, несомненно, на месте. Обитатели селищ, как и их предшественники, умели добывать и обрабатывать железо. Это убедительно доказывается находками на селищах (железная болванка, заготовка ножа, крицы, шлак и обломки печей-домниц).

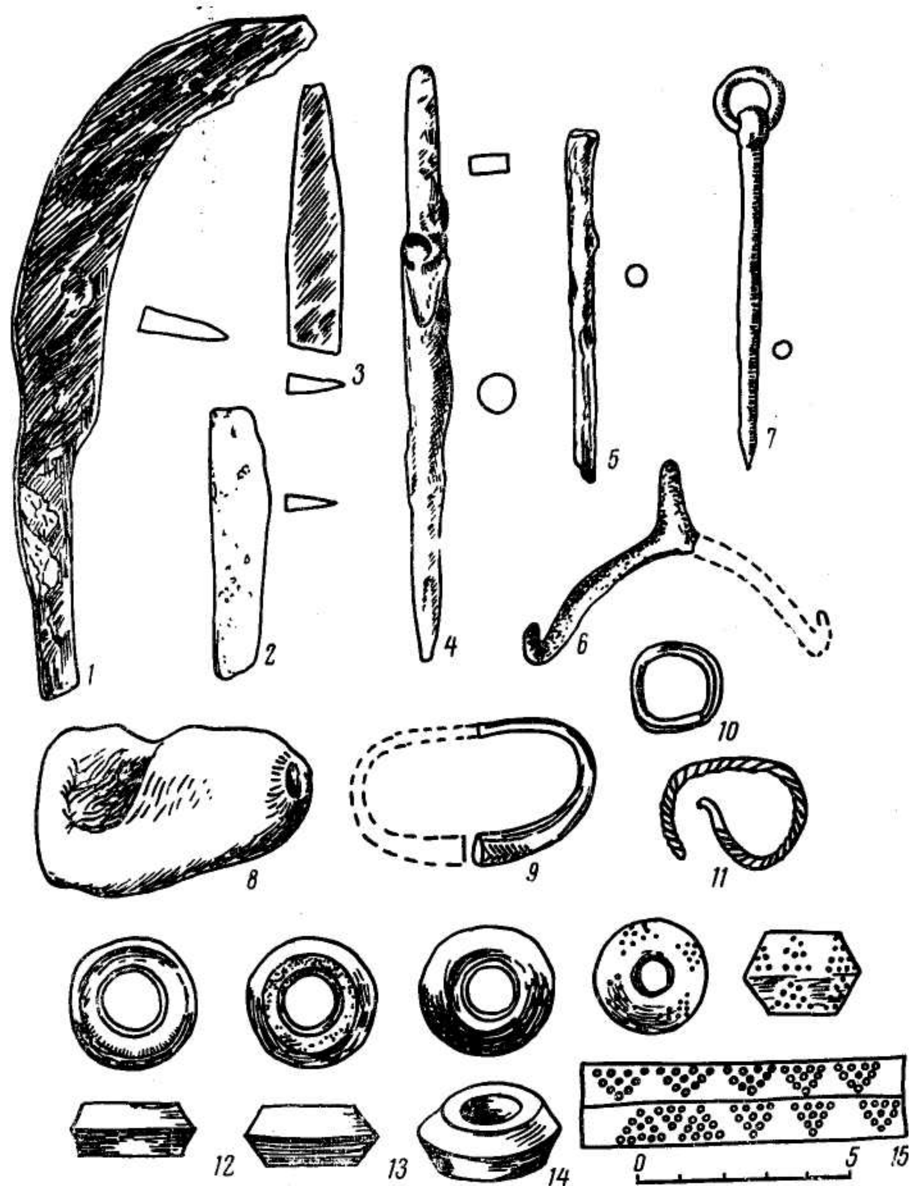

Рис. 84. Изделия из железа, бронзы. Селище близ д. Городище

Топор, найденный на городище Кострица, относится к типу южнобалтийских узколезвийных топоров с проушиной. Отверстие обуха (проушина) в отличие от круглых проушин ранних топоров (II—IV вв.) имеет яйцевидную форму, что характерно для топоров V—VIII вв. Прибалтики (Латвия, Литва).

Серпы в своем большинстве несут на себе черты, свойственные серпам более раннего времени: они небольшие по размерам, слабо изогнуты, лезвия у них прямые, изогнута только спинка, черенок тоже прямой (рис. 84 : 1). Два серпа (селище Замковая Гора и Кострица) отличаются от остальных. Они крупнее, больше изогнуты и имеют короткий черенок, самый конец которого под прямым углом отогнут в сторону. Это южный, ведущий свое происхождение от скифов тип серпов. На юге аналогичные серпы датируются VI—VIII столетиями.

Ножи на всех поселениях одинаковы. Большая их часть довольно архаична: слабо изогнутая спинка и плавный переход линии спинки и лезвия в прямой черенок. Меньшая часть ножей (6 из 14) имеет прямую спинку и резкие уступы при переходе лезвия и спинки в прямой черенок.

Половинки псалии из верхнего слоя Банцеровского городища небольшие по размерам. Такие псалии имеют многочисленные аналогии в разновременных памятниках.

Мало бронзовых находок: на селище Замковая Гора найдены кольцо из толстой (0,5—0,6 см) проволоки овального поперечного сечения с разомкнутыми, но плотно друг к другу прижатыми концами и маленькое колечко из круглой и тонкой проволоки, 2 бронзовые трапециевидные подвески и колокольчик. Аналогичные трапециевидные подвески характерны для удлиненных курганов Полотчины и Смоленщины (VII—IX вв.), а также для древностей V—VIII вв. латгалов, колокольчики — для древностей VI—VIII вв. этих же племен Латвии. Трапециевидные подвески (по одному экземпляру) найдены на селищах близ деревень Городище и Некасецк. На селище близ Некасецка обнаружено, кроме того, бронзовое колечко (рис. 81: 10). Особый интерес представляет браслет с утолщенными концами, найденный на селище близ деревни Городище (рис. 84: 9). Он имеет прямые аналогии в древностях V—VIII вв. н. э. латгалов [43]. Все бронзовые украшения изготовлялись, как и железные предметы, на месте. На всех селищах найдены обломки тиглей с потеками бронзы (может быть, меди), а на селище Варганы — половинка литейной формочки для отливки украшения — лунницы. Литейная формочка для отливки лунницы, характерная для VII—VIII вв., найдена также в нижнем слое древнего Витебска. Этот слой дал такую же, как и на Банцеровском городище, керамику и, по мнению Г. В. Штыхова, датируется VI—VIII вв.

Довольно много на селищах глиняных пряслиц. Они весьма оригинальны и, несомненно, характерная черта культуры. Все пряслица биконичны и имеют необычно большое отверстие (рис. 84: 12—15). Как исключение встречаются пряслица с чечевицеобразным поперечным сечением и с отверстием небольшого диаметра. По одному экземпляру этих пряслиц найдено на селищах Замковая Гора и у деревни Некасецка. Орнаментированные пряслица представлены лишь одним экземпляром (рис. 84 : 15).

Как и у всех других племен, эти пряслица применялись в качестве грузика при прядении: они надевались на веретено и придавали ему инерцию при вращении. Пряслица, таким образом, свидетельствуют о развитии на селищах такой отрасли домашнего производства, как прядение. Наряду с прядением, несомненно, было развито и ткачество, хотя прямых доказательств этому пока нет.

Одной из важнейших отраслей домашнего ремесла было производство глиняной посуды (рис. 85). Она вся, без исключения, лепилась вручную старым, возникшим еще в эпоху неолита способом ленточно-кольцевого налепа. Все сосуды плоскодонны. Судя по обломкам днищ, у большинства сосудов есть выступ па поддоне. Орнаментированных сосудов, если не считать отдельные покрытые своеобразными прочесами, не найдено вовсе. Лишь единичные сосуды, и то в самом конце существования культуры (VIII—IX вв.), покрывались волнистыми линиями по плечикам.

Керамика — самый характерный элемент материальной культуры. В делом облик глиняных сосудов на всех поселениях **VI** —

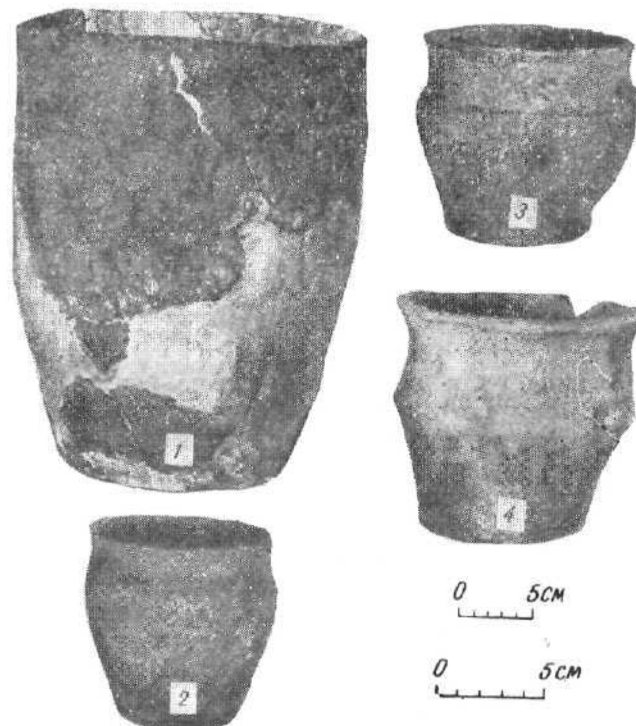

Рис. 85. Глиняные сосуды из поселений VI—VIII вв.:
1—Замковая Гора, *2*—*4*—Банцеровщина

VIII вв. одинаков. По составу теста, окраске, степени обжига, форме и функциональному назначению сосуды не одинаковы. Всю глиняную посуду можно разделить на несколько типологических групп. В первую и наиболее многочисленную группу сосудов входят слабопрофилированные горшки со слегка отогнутым краем венчика, слабовыраженными шейкой и плечиками, выпуклым туловом, диаметр которого уменьшается к днищу. Высота этих сосудов значительно превышает их диаметр. Такие сосуды, как правило, имеют средние и большие размеры. Наибольший диаметр тулова находится в средней части.

Сосуды больших размеров лепились из глины с примесью дресвы, иногда в очень крупных зернах. Много сосудов, внешняя поверхность стенок которых от выступающих зерен дресвы шероховатая. Если дресва хорошо заделана, то поверхность стенок бугриста. Среди сосудов этой группы многие имеют довольно большие размеры (до 40—45 см в диаметре) и толстые стенки. Следов нагара они не имеют. Эти сосуды использовались для хранения запасов пищи. Сосуды со следами накипи

и нагара средние по размерам, 25—30 см в диаметре. В них готовилась пища. Один из таких сосудов стоял около печи-каменки в жилище № 10 на селище Замковая Гора. Он сохранился почти целиком. Цвет глины сосудов этой группы разный: желтый, серый, темно-серый и грязно-коричневый. Сосуды Банцеровского городища имеют темно-серый цвет, а подавляющее большинство сосудов из селищ Замковая Гора, близ Некасецка и Городища — желтый, красновато-желтый и грязно-коричневый. Есть серые и темно-серые сосуды, но их значительно меньше, чем на Банцеровщине. Эта форма сосудов распространена повсеместно — на Колочинском городище и селище[44], в Акатове (селище, городище и грунтовый могильник), в Тушемле, на селище у деревни Устье, на городище у деревни Демидовка в верхнем Поднепровье[45], на городище и селище близ Жабино, в удлиненном кургане близ Михайловского[лз], в верхнем Подвинье, на селищах близ деревни Черешля, Огородники, Городище, Селище, в Понеманье [47]. Очень близкая по форме глиняная посуда происходит из поселений Калининградской области [48].

Вторую, очень близкую к первой группу сосудов составляют горшки со слегка отогнутым венчиком, слабо выраженной шейкой и в отличие от сосудов первой группы отчетливо выраженным плечиком, которое либо плавно, либо с переломом переходит в выпуклое тулово. В остальном они не отличаются от сосудов первой группы. Важно заметить, что эта группа сосудов распространена главным образом на той территории, на которой в предшествующую пору были распространены памятники культуры штрихованной керамики. Как уже отмечалось, для этой культуры очень характерны острореберные по форме сосуды, близкие тем, которые и составляют вторую группу сосудов. Это обстоятельство говорит в пользу преемственнности этих двух культур, представленных на городище Банцеровщина нижним и верхним слоями (рис. 85 :3).

В третью группу входят так называемые ребристые сосуды. Все другие показатели обычны. Верхняя половина этих сосудов была либо цилиндрическая, либо же несколько сужена, а нижняя имела вид усеченного конуса, обернутого вверх основанием. Встречаются и сосуды, у которых верхняя половина слабо профилирована: венчик отогнут, слабо выражены шейка и плечики. Есть сосуды, у которых в месте соединения двух половинок, т. е. на ребре, имеется налепной валик. Ребристые сосуды характерны для юго-восточной территории распространения культуры VI—VIII вв., по преимуществу для памятников, расположенных в бассейне верхнего Поднепровья, а на памятниках остальной территории эти сосуды либо представлены единичными сосудами, либо не встречаются вовсе. Этот тип сосудов имеет своих предшественников в более ранних памятниках этой территории — в селищах и могильниках позднезарубинецкого времени (Адаменка, Ново-Быхов и др.). Это говорит о несомненных генетических связях памятников первой и второй половины I тысячелетия н. э. (рис. 85 : 4).

Четвертую группу глиняной посуды составляют сосуды баночных форм — венчик прямой или несколько вогнут внутрь, слегка выпуклое тулово, которое суживается в сторону плоского дна. В количественном отношении сосуды этой группы стоят на втором месте после сосудов второй группы и представлены в памятниках VI—VIII вв. на всей территории их распространения. По фактуре они обычны и ничем не отличаются от сосудов первой группы. На стенках многих сосудов этой группы есть орнамент (прочесы). Орнамент есть и на сосудах других типов. Прочесы — весьма характерный элемент аналогичных сосудов,- происходящих из памятников позднезарубинецкого времени (II—V вв. н. э.) верхнего Поднепровья (Адаменка и др.). Этот факт лишний раз говорит о генети-

ческих связях культур типа Адаменки и верхнего слоя Банцеровского городища.

В пятую группу глиняной посуды входят мискообразные сосуды, часто покрытые лощением или слегка подлощенные. Эти сосуды немногочисленны и распространены главным образом в памятниках верхнего Поднепровья (Демидовка, Замковая Гора, Колочин-1).

Таким образом, намечается целый ряд весьма своеобразных черт, которые свойственны материальной культуре племен, заселявших в третьей четверти I тысячелетия н. э. территорию центральной и северной Белоруссии, а также соседние с нею районы — Псковскую и Смоленскую области. Наиболее характерные черты культуры этих племен: 1) небольшие по размерам, рассчитанные на одну моногамную семью, главным образом наземные жилища столбовой, реже срубной конструкции (Варганы, Замковая Гора); 2) наличие при селищах городищ-убежищ с длинными домами столбовой конструкции; некоторые из этих городищ-убежищ были культовыми местами — святилищами; 3) гладкостенная керамика — в большинстве груболепные слабопрофилированные и баночные сосуды, покрытые иногда так называемыми прочесами; 4) своеобразные глиняные пряслица биконических форм с отверстиями необычно большого диаметра; 5) в областях верхнего Поднепровья и верхнего Подвинья известен погребальный обряд племен этой культуры — на раннем этапе трупосожжение в грунтовых погребальных ямах (Акатово, Нижняя Тощица), а на позднем — в круглых (Демьянки) и удлиненных (Михайловское в Подвинье) курганах.

Вся совокупность имеющихся в нашем распоряжении фактов свидетельствует о том, что эти племена стояли на более высокой ступени развития по сравнению с их предшественниками. Исчезновение замкнутых патриархальных гнезд, т. е. укрепленных патриархально-семейных поселков — городищ, говорит о том, что разложение первобытнообщинного строя к середине I тысячелетия н. э. усилилось еще больше. Члены родов, покидая городища, селились отдельными семьями в наиболее удобных местах, на невысоких возвышенностях по берегам рек и озер, где были лучшие земли, хорошие пойменные луга для пастбищ, естественные запасы рыбы в водоемах и обилие зверей в соседних лесах. Значительно увеличились размеры поселений. На новых местах теперь селились не только члены одного рода, но и нескольких разных родов. Родственные связи утрачивали свою силу, уступив место экономическим и территориальным связям. Повсеместно распространилась сельская (территориальная) община с ее моногамными семьями. В этих условиях возникли безграничные возможности для развития частной инициативы, а следовательно, и частной собственности. В это время возникла какая-то новая, нам пока в подробностях мало известная общественная организация (вероятно, союз племен), которая осуществляла верховную власть. Теперь уже не отдельные патриархально-родовые общины, а органы племенных союзов — вожди, совет старейшин, взрослое мужское вооруженное население — обеспечивали безопасность членов рода и племени и сохранность их имущества. Вероятно, строй военной демократии вступил в это время в новый этап своего существования.

В основе всех этих процессов лежало дальнейшее развитие производительных сил, в первую очередь в сельском хозяйстве. Наряду с подсечным земледелием повсеместно распространилось пашенное земледелие. Плуг или соха, вероятно, были целиком деревянными. В лесной зоне Восточной Европы стали распространяться в это время и железные пашенные орудия, доказательством чему служит железный сошник, обнаруженный в слоях VII—VIII вв. Старой Ладоги. Ассортимент куль-

турных растений изменений не претерпел: в верхнем слое Банцеровского городища найдены те же, что и в нижнем слое, зерна и семена культурных растений — пшеницы, проса, гороха, бобов и вики.

Несомненно, дальнейшее развитие получило и скотоводство, хотя данных для этого у нас пока очень мало. Кости животных в культурном слое селищ VI—VIII вв., имеющем небольшую мощность, сохранились плохо. Но и по этим данным можно полагать, что разводились тогда все известные в настоящее время виды домашних животных — корова, лошадь, свинья и овца. Любопытно, что среди костей домашних животных Банцеровского городища (верхний слой) совсем нет костей лошади, но там найдена половинка псалии. Может быть, на Банцеровщине лошади разводились не как убойное животное, а как рабочий скот. В этом случае мясо лошади не употреблялось в пищу.

Охота и рыболовство были на втором месте. Правда, и об этих, несомненно, вспомогательных отраслях хозяйства данных очень мало. На селище близ деревни Некасецк найдена блесна. Среди костей диких животных есть лишь кости кабана.

Весьма важен вопрос, кому принадлежала эта культура — балтам или славянам. До недавнего времени ни у кого не было сомнения в том, что культура типа верхнего слоя Банцеровского городища была оставлена славянами.

Такой точки зрения придерживался П. Н. Третьяков [49]. Эту точку зрения разделял ранее и автор этих строк [50]. Я- В. Станкевич и Ф. Д. Гуревич, рассматривая памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории верхнего Подвинья и Понеманья, видели в их появлении прямое доказательство распространения славянских племен на этих территориях[51]. Однако в последние годы П. Н. Третьяков изменил свою точку зрения, теперь он считает, что эта культура принадлежала не славянам, а балтоязычным племенам [52]. Исключение он сделал почему-то Колочинскому городищу, которое отнес к славянам, хотя материалы этого поселения ничем не отличаются от материалов других памятников (Акатово, Тушемля, Замковая Гора). Мнение П. Н. Третьякова разделяют В. В. Седов и И. П. Русанова [53].

На наш взгляд, эта культура в основе своей балтская, но находящаяся под сильным влиянием культуры славянских племен. В период VI—VIII вв. на территорию Белоруссии проникали славянские племена, постепенно ассимилируя балтоязычное население. Под их влиянием стала перерождаться культура балтских племен (исчезло покрытие сосудов штрихами, появлялись новые элементы в домостроительстве — полуземляночные жилища, новый погребальный обряд, свойственный славянским племенам).

Вероятно, на территории центральных и северных районов Белоруссии во второй половине I тысячелетия обитало смешанное население балтов и славян. Окончательное решение этого вопроса — дело дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

ГЛАВА I

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 491.
2. К. М. Поликарпович. К вопросу о мустьерской культуре в верхнем Поднепровье. Материалы по археологии БССР, т. 1. Минск, 1957, стр. 43.
3. К. М. Поликарпович. Первая находка мустьерской культуры на территории БССР. «Советская археология», № 3; В. Д. Будько. Палеолит Белоруссии. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1962, стр. В. Д. Будько, Л. Н. Возняч у к. Палеолит Белоруссии и смежных территорий. Древности Белоруссии. Минск, 1969, стр. 4—27.
4. В. Д. Будько. Палеолит Белоруссии. Автореферат кандидатской диссертации; В. Д. Будько, Л. Н. Вознячук. Палеолит Белоруссии и смежных территорий. Древности Белоруссии, стр. 4—23
5. К. М. Палікарповіч. Праблема палеаліта ў БССР. «Матэрыялы юбілейнай сесії АН БССР», 1949, Мінск, стар. 103—122.
6. В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. (Млекопитающие, палеолит). Труды Института геологических наук АН СССР, вып. 64, геологическая серия, № 17. М., 1948.
7. В. В. Щеглова. О возрасте фаун Бердыжской и Юревичской палеолитических стоянок «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода». М., 1961, № 26, стр. 146—149.
8. А. А. Ефименко. Костенки-I. М.—Л., 1958, стр. 233—246.
9. А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. Палеолит и неолит СССР, т. 3, МИА. М.—Л., 1957, стр. 9—134.
10. К. М. Поликарпович. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг. «Советская археология», 1940, т. V, стр. 81—87.
11. С. Н. Замятнін. Раскопкі Бердыжскай палеалітычнай стаянкі ў 1927 г. Працы археалагічнай камісіі, т. II. Мінск, 1930; К. М. Поликарпович. Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий верхнего Поднепровья. Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V. М.— Л., 1932, стр. 75—87.
12. Е. А. Векилова. Палеолитическая стоянка Боршево-1. Палеолит и неолит СССР. МИА, № 39. М.— Л., 1953, стр. 111—136; П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953.
13. А. П. Черныш. Палеолітична стоянка Молодова-У. Київ, 1961, стор. 55—59.
14. В. Klima. Soucasny stav problemtiky ourignacienu a gravet tienu. Archeologicke rozhledy, Rocnik XVIII, sesit I, Praha, 1961.
15. F. Felgenhauer. Willendorf in der Wachau, Mitteilungen der Prahistorischen Komission der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften. Band. VIII und IX. Wien, 1956, 1959.
16. Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и возникновение Homo sapiens в Европе и на Ближнем Востоке. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1965, стр. 10; И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965, стр. 295.
17. К. М. Поликарпович. Палеолит верхнего Поднепровья. Минск, 1968. стр. 37.
18. К. М. Поликарпович. Работы по исследованию палеолита и эпнпалеолита БССР и в Западной области в- 1933—1935 гг. «Советская археология», V, 1940, стр. 81—87; В. Д. Будько. Елисеевичское верхнепалеолитическое поселение. «Доклады АН БССР», 1965, т. IX, № 10, стр. 705—707; В. Д. Будько. Юревичская верхнепалеолитическая стоянка. Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 3—40.

19. К. М. П а л і к а р по в і ч. Раскопкі Юрэвіцкай налеалітычнай стаянкі. Працы археалагічнай камісіі, т. 2, 1930. Мінск, стар. 499—501.
20. В. Д. Будько. Юревичская верхнепалеолитическая стоянка, стр. 6—47.
21. L. S a w i e k i. Przewysl swiderski I stanowiska wydmowego Świdry Wielke I. Przegląd archeolog., t. V, z. I. Poznań, 1935.
22. П. П. Е ф и М е и к о. Каменные орудия палеолитической стоянки в селе Мезино Черниговской губернии. Ежегодник Русского антропологического общества, т. **IV.** СПб, 1913, стр. 67—102.
23. Г. Ф. М и р ч и н к. О соотношениях речных террас и стоянок палеолитического человека в бассейне рек Десны и Сожа. «Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел геологический», т. **VII,** вып. 1—2., 1929; Г. Ф. М и р ч и н к. Корреляция континентальных четвертичных отложений Русской равнины и соответствующих отложений Кавказа и Понто-Каспия. Материалы по четвертичному периоду СССР. Л.-М., 1936.
24. L. S a w i *с к* i. Przemyśl swiderski I stanowiska wydmowego Świdry Wielke I. Przegląd archeolog., t. V, z. 1.
25. П. И. Б о р и с к о в с к и й. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки, МИА, № 40. М.— Л., 1953, стр. 114 рис. 42, I; Е. А. В е к и л о в а. Полеолитическая стоянка Боршево-1, № 39, стр. 111—136; П. П. Ефименко. Костенки-1, стр. 245—246; С. Н. 3 а м я т н и н. Раскопки у села Гагарино. Палеолит СССР. Известия ГАИМК, вып. 118. М.— Л., 1935, стр. 26—27.
26. Н. S c h w a b e d i s s e n. Die Federmesser Gruppen des Nordwesteuropaischen Flachlandes. Neumunster, 1964.
27. Г. А. Б о н ч-О с м о л о в с к и й. Итоги изучения крымского палеолита. Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V, стр. 114—173; Е. А. В е к и л о в а. К вопросу о свидерской культуре в Крыму. КСИА, вып. 82. М., 1961, стр. 143—149.
28. A. R u s t. Prehistoire du Nord-Ouest de 1'Europe a la fin des teraps glaciarius. L'Antropologie, t. LV. Paris, 1951.
29. М. В. В о е в а д с к и й. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы. Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V, стр. 230—245.
30. A. R u s t. Das alteinzeitliche Renntierjagerlager Meiendorf, Neumunster, 1937. A. Rust. Die jungpalaolithischen Zeltanlangen von Ahrensburg. Neumunster, 1958.
31. Г. А. Б о и ч-О с м о л о в с к и й. Итоги изучения крымского палеолита, стр. 114—183; Е. А. В е к и л о в а. Палеолитическая стоянка Боршево-1. Палеолит и неолит СССР, МИА. № 40. М.— Л., 1953, стр. 233—236.
32. Л. М. В о з н я ч у к. Дэталёвае стратыграфічнае расчляненне верхнеплейстацэнавых адкладанняў Гродзенскай вобласці па палеабатанічных даных, «Весці АН БССР», № 1, 1960, сер. фіз-тэхн. навук, стар. 96—118.
33. Л. Н. В о з н я ч у к, В. Д. Будько, О. П. Л е о н о в и ч, Я. М. Пуннинг. Геолого-геоморфологические условия нахождения и возврат позднепалеолитич.еской стоянки Студенец на озере Нарочь. «Доклады Академии наук БССР», 1969, т. 13, № 4.
34. S. K r u k o w s k i. Paleolit Polski. Prehistoria ziem Polskich. Kraków, 1939.
35. М. В. В о е в о д с к и й. Мезолитические культуры Восточной Европы, стр. 96—119.
36. L. S a w i c k i. Zagadnienie wieku wydm. Wydmy Śródlądowe Polski. Studium sbiorowe. Polskie Towarzystwo Geograficzne. Warszawa, 1958.
37. R. S c h i l d. Extension des elements de Typ de tarnovien dans les industrie de Гexгreт fin du Plejstocen. Archeologia Polona. Warszawa, 1960.
38. G. G r o s s. Das Allerod-Interstadial, als Leithorisont der letzten Vereisung. Eiszeitalter und Gegenwart, Nr 5—6, 1956.
39. H. S c h w a b e d i s s e n. Die Federmessei Gruppen... H. Y. Mowius. Radiokarbon dates and Upper paleolithis archeology. Current Antropologie, 1960, I. Chicago.
40. К. М. П о л и к а р п о в и ч. Палеолит верхнего Поднепровья, стр. 117, 123; В. Д. Будько. Палеолит Белоруссии. Автореферат кандидатской диссертации, стр. 10—12.
41. В. Д. Будько. Отчет об исследовании Юдиновской стоянки в 1962 г. Архив Института истории АН БССР, д. № **207.**
42. К. М а р к с и **Ф. Э** н г е л ь с. **Соч.,** т. **21,** стр. **47,** 87.

ГЛАВА II

1. В. **Ф. И** с а е н к о. Археологическая карта Белоруссии, вып. 1. Памятники каменного века. Минск, 1968.
2. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 21, стр. 29.

3. П. П. Е ф и м е н к о. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранненеолитического возраста. «Русский антропологический журнал». М., 1924, т. 13, вып. 3—4, стр. 211.

4. К. М. П о л и к а р п о в и ч . Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий верхнего Поднепровья, стр. 84.

5. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе. «Советская археология», 1940, № 5, стр. 148.

6. L. S a w i c k i. Przyczynek do znajomości przehistorji Polesia. «Ziemia». Warszawa, 5, 1925, s. 148.

7. П. П. Е ф и М е и к о. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Л., 1938, стр. 594—601.

8. R. S c h i l d, H. W i ę c k o w s k a. O tak zwanym przemyśle swidero-tardenuaskiem. Archeologia Polski, t. VI, cz. 2, 1961.

9. Р. К- Я б л о н с к и т е . Мезолит Литвы. КСИИМК, вып. XLII. М., 1952, стр. 40—52.

10. Р. К. Р и м а н т е н е. Периодизация и топография поселений каменного и бронзового веков в Литве Автореферат кандидатской диссертации. Вильнюс, 1962, стр. 8.

11. М. В. В о е в о д с к и й . Мезолитические культуры Восточной Европы.

12. А. А. Ф о р м о з о в . Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. «Советская археология», 1954, XXI, стр. 45.

13. А. Я. Б р ю с о в , Д. А. К р а й н е в . Проблема северного мезолита. Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, т. I. М., 1961.

14. Л. В. К о л ь ц о в . Некоторые итоги изучения мезолита волго-окского междуречья. «Советская археология», 1965, № 4, стр. 22.

15. В. П. Т р е т ь я к о в . К вопросу о каменных орудиях волго-окского междуречья. МИА, 131. М.—Л., 1965, стр. 217.

16. А. Н. Л я ў д а н с к і , К. М. П а л і к а р п о в і ч . Археалагічныя доследы у БССР у 1933—1934 гг. Запіскі БАН, № 5, 1936, стар. 210—223; В. Р. Т а р а с е н к о. Неолитические стоянки верховья Днепра. Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 125—127.

17. Н. Н. Т у р и н а . Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии, МИА, 131, Палеолит и неллит СССР, т. V, М.—Л., 1965, стр. 142.

18. В. Ф. И с а е н к о. Мезолит и неолит припятского Полесья. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 23—27, 38—45.

19. В. Ф. Исаенко. Каменный век Белоруссии в свете нового исследования Полесья. Древности Белоруссии, 1969, стр. 40—42.

20. Н. П. Е ф и м е н к о. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранненеолитического возраста, стр. 222.

21. М. Я. Р У Д и н с ь к и й. Деякі пидсумкі та бліжни завдання палеантологічних вивчень у межах УРСР. «Антропологія». Київ, IV, 1939, стор. 151, 162.

22. Д. Я. Т е л е г и н . Мезолит левобережной Украины и его место в сложении днепровско-донецкой неолитической культуры. МИА, 126. М., 1966, стр. 101.

23. В. П. Л е в е н о к. Мезолит среднерусского днепровско-донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. МИА, 126. М.—Л., 1966, стр. 96—97.

24. В. Ф. И с а е н к о. Мезолит восточного Полесья. Вопросы истории и археологии. Минск, 1966, стр. 335.

25. К. М. П о л и к а р п о в и ч . Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий верхнего Поднепровья, стр. 83, 84, табл. III, IV, V.

26. К. М. П а л і к а р п о в і ч . Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сожа. Працы кафедры археалогіі, т. I. Міиск, 1928, стар. 123—252; К. М. П а л і к а р п о в і ч . Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сожа. Працы археалагічнай камісіі, т. II, стар. 283—478.

27. К. М. П о л и к а р п о в и ч . Стоянки среднего Посожья. Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 58—93.

28. К. М. П а л і к а р п о в і ч . Доследы культур каменнага і бронзавага перыядаў у БССР у 1930—1931 гг. Працы секцыі археалогіі, т. III. Мінск, 1932, стар. 227; К. М. П а л і к а р п о в і ч . Неалітычныя стаянкі каля балота Печанеж на Калініншчыне. Пстарычна-археалагічны зборнік Інбелкультта № 1, Мінск, 1927, стар. 233—243.

29. К. М. П о л и к а р п о в и ч . Стоянки среднего Посожья, стр. 66—71.

30. А. Н. Л я ў д а н с к і, К. М. П а л і к а р п о в і ч. Археалагічныя доследы ў БССР у 1933—1934 гг., стар. 210—223.

31. J. J o d k o w s k i. Okolice Grodna pod względem archeologicznym. Notatki z wycieczek odbytych w latach 1904—1910. «Swiatowit», Warszawa, t. X, 1913, s. 80—88.

32. Н. Н. Т у р и н а . Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии, стр. 146—175.

33. В. А н т о н е в и ч. Древнейшие остатки человека в северо-восточной Польше и Литве. Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V, табл. IV, VI.
34. Н. Н. Т у р и н а . Новые мезолитические памятники лесной полосы Европейской части СССР. «Советская археология», 1960, № 1.
35. В. Ф. И с а е н к о. Мезолит и неолит припятского Полесья, стр. 41—45.
36. В. Ф. Исаенко. Мезолит восточного Полесья, стр. 335.
37. В. П. Л е в е н о к. Мезолит среднерусского днепровско-донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. У истоков культур. МИЛ, 126. М,—Л., 1966.
38. Д. Я. Т е л е г и н . Мезолит левобережной Украины и его место в сложении диепрово-донецкой неолитической культуры, стр. 102.
39. Н. Ф. Б е л я ш е в с к и й. Дюнные стоянки неолитической эпохи па берегах Западного Буга. Труды XI Археологического съезда, т. 1. М., 1901, стр. 673—713.

ГЛАВА III

1. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч. т. 21, стр. 30.
2. А. Я. Б р ю с о в . Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 20—24.
3. М. Е. Ф о с с. О терминах «неолит», «бронза», «культура». КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 47.
4. А. Я. Б р ю с о в . Археологические культуры и этнические общности. «Советская археология», 1956, XXVI.
5. J. A j l i o . Fragen der russischen Steinzeit. Suomen Muinaisnmistoyhdistyksen aikakauskiria, XXIX, 1. Helsinki, 1922.
6. А. Н. Л я в д а н с к и й. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Научные известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 1927, т. IV, вып. 3, стр. 234.
7. K. J a ż d ż o w s k i. Przyczynki do znajomości kultury praiinskiej w Polsce zachodniej. Przegląd archeologiczny, t. III, zesz. 3, Poznań, 1927, s. 199.
8. К. М. П о л і к а р п о в і 4. Дагістарычпыя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сожа. Працы археалагічнай камісіі, стар. 131 —132.
9. А. Н. Л я в д а н с к и й. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. ГАИМК. № 7—8, 1932, стр. 55.
10. М. Е. Ф о с с. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 168—173.
11. А. Я. Б р ю с о в . Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 254.
12. A. G a r d a w s k i . Zagadnienie kultury «ceramiki grzebykowej» w Polsce. Wiadomości archeologiczne, t. XXV, z. 4, Warszawa, 1958.
13. Н. Н. Г у р и н а. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. МИА, 1961, №87, стр. 75.
14. П. Н. Т р е т ъ я к о в . Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 48.
15. А. А. Ф о р м о з о в . Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, стр. 102.
16. А. Н. Л я ў д а н с к і. Неалітычныя стаяпкі Смаленскай губерніі. Гістарычпа-археалагічны зборпік, № 1. Мінск, 1927.
17. У. Ф. І с а е н к а. Некаторыя вынікі даследавайняў неалітычных пасяленняў у басейне ракі Сожа. «Весці АН БССР», 1965, № 2, серыя грамадскіх навук, стар. 80—88.
18. Д. Я. Т е л е г і н . Дніпро-донєцька культура. Київ, 1968, стр. 220 и след.
19. И. И. А р т е м е н к о . Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ села Ходосовичп Гомельской области БССР. Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963, стр. 73.
20. П. Н. Т р е т ь я к о в . Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 31—48.
21. X. А. М о о р а. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике КСИИМК, XL, VIII, М., 1952; Л. Ю. Я и и т с. Неолитическое поселение Валма. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959.
22. М. М. Ч а р и я ў с к і. Неалітычнае пасяленнс Сксма-1 на поўначы Беларусь «Весні АН БССР», серыя грамадскіх навук, 1966, № 1, стар. 70—74; И. М. Т и х о н е н к о в. Новые памятники каменного века северной Белоруссии. Белорусские древности, Минск, 1967, стр. 147—152.
23. Е. Р. Р о м а н о в. Археологический очерк Гомельского уезда. Записки северо-западного отдела Русского географического общества, кн. 1. Вильна, 1910, стр. 98. 99.
24. W. S z u k i e w i c z. Poszukiwania archeologiczne w pow. Lidzkim i Trockim. «Swiatowit», t. III, 1901.

25. М. Я. Рудинський. Деякі пидсумкі та ближні завдання палеонтологічних вивчень у межах УРСР. «Антропологія», IV, 1931, стор. 151; М. Я. Рудинський. Стоянки з мікролітичньш інвентарем на острові Ківлевому. «Археологічні панятки УРСР». Київ, 1934, т. II, стор. 272.
26. В. Антонєвич. Древнейшие стоянки человека в северо-восточной Польше и Литве, стр. 40.
27. Р. К. Римантене. Периодизация и топография поселений каменного и бронзового веков в Литве. Автореферат кандидатской диссертации, стр. 8, 10; Р. К. Римантене. Мезолит Литвы, стр. 49.
28. Д. Я. Телегин. Мезолит левобережной Украины и его место в сложении днепро-донецкой культуры, стр. 107.
29. Р. К. Яблонските. Периодизация мезолитических стоянок Литвы. МИА, 126. М., 1966, стр. 86; В. П. Левей ок. Мезолит среднерусского днепровско-донецкого междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры, стр. 98.
30. Д. Я. Телегин. Неолитические стоянки типа Струмеля-Гастятина северной Киевщины. Древности Белоруссии. М., 1966.
31. В. Ф. Исаенко. Неолитические памятники типа Литвин на нижней Припяти. Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 48—106; Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, стор. 117—118; В. Ф. Исаенко. Литвин-3 — памятник восточно-полесского варианта днепро-донецкой культуры. «Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии». Минск, 1969, стр. 37—46.
32. І. Ф. Левицький. Дослідження стоянки на торфовищі Моства в 1948 р. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. IV. Київ, 1952.
33. В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Київа в 1949 р. Археологічні пам'яткі УРСР, т. VI, 1956; Д. Я. Телегин. Неолітични пам'ятки Київа та його околиць. «Вісник АН УРСР», 1958, № 3.
34. Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. «Советская археология», 1961, 4, стр. 29, 30.
35. Д. Я. Телегін. Основні результати робіт київської експедиції 1962—1964 рр. «Археологія», т. XIX, 1965, стор. 92.
36. В. И. Митрофанова. Поздненеолитическое поселение в урочище Лес, близ села Мнево, на Черниговщине. Древности Белоруссии, 1966.
37. Д. Я. Телегін. Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место. «Советская археология», 1966, № 1.
38. М. М. Чернявский. Некоторые черты неолита белорусского Понеманья. Вопросы истории и археологии. Минск, 1966.
39. Р. К. Римантене. Стоянки раннего неолита в юго-восточной Литве. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 54—62.
40. М. М. Чернявский. Некоторые итоги изучения неолитических поселений белорусского Понеманья, стр. 89—93; Д. Я. Телегін. Дніпро-донецька культура, стор. 19.
41. И. М. Тюрина. Предварительный отчет о раскопках стоянки Добрый Бор. 1960. Архив Института истории АН БССР, д. № 131.
42. Н. Н. Гурина. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии, стр. 191—198.
43. В. Ф. Исаенко. Неолитическое поселение Камень в верховьях Припяти. Вопросы истории. Минск, 1969, стр. 4—18; В. Ф. Исаенко. Новое о древнем Полесье. Археологические открытия 1968 г. М., 1969, стр. 338.
44. М. М. Чернявский. Некоторые итоги изучения неолитических поселений белорусского Понеманья, стр. 93.
45. A. Gardawski. Zagadnienie kultury «ceramiki grzebykowej» w Polsce.
46. Z. Szmit. Roś p. Wolkowyski. Kopalnie krzemienia, 1925; М. М. Чарняўскі. Старажытныя шахты па здабычы крэмню. «Весці АН БССР», сер. грамадскіх навук, 1963, № 3, стар. 66—70; Н. Н. Гурина, Г. М. Ковнурко. Шахты по добыче кремня на западе Белоруссии. «Советская археология», 1964, № 2, стр. 3—12; Н. Н. Турина. Новые данные о древних шахтах по добыче кремня на западе Белоруссии. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 50—58.
47. И. М. Тюрин а. Верхнее Поднепровье в эпоху неолита, стр. 8.
48. Д. Я. Телегин. Дніпро-донецька культура, стор. 18, 101—121.
49. И. В. Гаври лов а. Дюнная стоянка Романовичи. КСИИМК, вып. 97, 1964.
50. К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сожа; К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сожа;К. М. Поликарпович. Стоянки среднего Посожья; И. М. Тюрина. Неолитические памятники Посожья. КСИА, вып. 1116. М., 1967.
51. И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской области БССР, стр. 31—73.
52. И. И. Артеменко. Неолитическое поселение в урочище Сосонка. КСИА, вып. 101, 1964; И. И. Артеме ико. Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы.

53. И. И. А р т е м е н к о. Неолитические стоянки у села Веть Могилевской области. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 120—126.
54. И. И. А р т е м е н к о, И. М. Т ю р и н а. Неолитическое поселение в урочище Стрелица (раскопки 1963—1964 гг.). КСИА, вып. 106, 1966, стр. 38—43.
55. М. М. Ч а р н я ў с к і. Неалітычнае пасяленне Скема-I на поўначы Беларусь «Весці АН БССР», № 1, сер. грамадскіх навук. Мінск, 1965.
56.И. М. Т и х о н е н к о в. Новые памятники каменного века северной Белоруссии. Белорусские древности. Минск, 1967.
57. К. М. П о л и к а р п о в и ч. Торфяниковые стоянки Кривина и Осовец в БССР. БК и 'ЧПЕ, № 6—7. М.— Л., 1940.
58. М. М. Ч е р н я в с к и й. Новое неолитическое поселение на кривинском торфянике. Доклады к XI Конференции молодых ученых Белорусской ССР. Минск, 1967, стр. 372—384; М. М. Ч е р н я в с к и й. Работы на кривинском торфянике. Археологические открытия 1968 г. М., 1969.
59. М. М. Ч е р н я в с к и й. Фигурка человека со стоянки Осовец-П; М. C z e r n i a w s k i. Osiedla bagienne Białorusi.--Z otchłani wieków, z. 4, 1967, s. 227—231.
60. Ф. А. З а г о р с к и е. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии. Автореферат кандидатской диссертации. Рига, 1967.
61. М. М. Ч е р н я в с к и й. Исследование неолитических поселений кривинского торфяника. Древности Белоруссии. Минск, 1969, стр. 79.
62. Д. Я. Т е л е г і н. Деяки підсумки дослідження неоліту Украіни. «Вісник АН УРСР», № 8, 1958.
63. Е. К.. Ч є р н ы ш. К истории населения энеолитического времени в среднем Поднестровье. МИА, № 102, М., 1962, стр. 65.
64. В. Н. Д а н и л е н к о. Неолит Украины. Киев, 1969, стр. ПО.
65. I. K o s t r z e w s k i, W. C h w i e l e w s k i, K. J a ż d ż e w s k i. Pradzieje Polski, s. 59.
66. Н. А. П е л е щ и ш и и. Древнее население Западной Волыни в III тысячелетии до н. э. Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1967; К. J a ż d ż e w s k i. Kultura pucharów lejkowatych. Rozważania na temat jej genezy i sistematyki. Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Nr. 6. Łódź, 1961, ser. arch.; Ю. В. К у х а р е н к о. Первобытные памятники Полесья. Свод археологических источников БI-"18. М., 1962.
67. W. H o t u b o w i c z. Ceramika grzebieniowa z Lubcza w powiecie nowogródzkim z mineralną, roślinną i zwierzęcą domieszką w glinę. Przegląd archeologiczny, 1938—1939, *i.* VI, z. 2—3.
68. В. И. М и т р о ф а н о в а. Поселение в урочище Лес, возле села Мнево, на Черниговщине. Древности Белоруссии, 1966, стр. 76—77.
69. Ю. Н. З а х а р у к. Вопросы хронологии культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни. КСИА, АН УССР, вып. 12, 1962.
70. В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка льяловской культуры. «Советская археология», 1964, № 2, стр. 191.
71. Н. Н. Г у р и н а. Древняя история северо-запада Европейской части СССР, стр. 53; А. Я. Б р ю с о в. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 98—100.
72. А. Я. Б р ю с о в. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. «Советская археология», 1965, № 2, стр. 50.
73. Л. Ю. Я н и т с. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959, стр. 293, 331.
74. Н. Н Г у р и н а. Из истории древних племен западных областей СССР. МИА, № 144. Л., 1967, стр. 189—192.
75. Ф. А. З а г о р с к и е. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии. Автореферат кандидатской диссертации. Рига, 1967.
76. Е. S t u r m s. Der Ursprung der kamm- und griibchenkerainischen Kulturen Osteuropas. «Commentationes Balticae», III, 7, Bonn. 1957.
77. X. А. М о о р а. Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологичесиких данных. «Советская археология», 1954, XXI, стр. 95.
78. Ф. А. З а г о р с к и е. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии, стр. 22—23.
79. X. А. М о о р а. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, XLVIII. М., 1950, стр. 13.
80. В. Ф. И с а е н к о.Каменный век Белоруссии в свете нового исследования Полесья, стр. 57—59.
81. Д. Я. Т е л е г і н. Дніпро-донецька культура, стор. 47—49, 199.
82. Д. Я. Т е л е г и н. Неолитические стоянки типа Струмеля-Гостятина северной Киевщины. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 63—67.
83. Д. Я. Т е л е г і н. Дніпро-донецька культура, стор. 101—124.
84. Р. К. Р и м а н т е н е. Стоянки раннего неолита в юго-восточной Литве. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 54—62.

85. В. Ф. Исаенко. Каменный век Белоруссии в свете нового исследования Полесья. Древности Белоруссии, стр. 55—62.
86. T. Sulimirski. Polska przedhistoryczna, cz. I. London, 1955.
87. Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. «Советская археология», 1963, № 2, стр. 21.
88. Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре, стр. 29, 34; Д. Я. Телегин. Отпечатки зерен ячменя на неолитических сосудах. «Природа», № 5, 1956; В. Ф. Исаенко. О переходе древних обитателей Белоруссии к производящему хозяйству. Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 27—36.
89. Р. А. Никольская. Происхождение религии и ее первобытные формы. Минск, 1969.
90. Н. М. Никольский. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. М., 1956.
91. Н. М. Нікольскі Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераннях беларускага сялянства. Працы секцыі этнаграфіі, вып. III. Мінск, 1933.

ГЛАВА IV

1. М. М. Чарняўскі. Старажытныя шахты па здабычы крэмню. «Весці АН БССР», серыя грамадскіх навук, № 3, 1963, стар. 69—70.
2. И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. «Советская археология», 1963, № 2, стр. 28.
3. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 21, стр. 160.
4. А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э. «Советская археология», 1961, № 3, стр. 23—25.
5. В. А. Городцов. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, изд. I, т. I. М., J927; Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; В. Н. Даниленко. К вопросу о месте киево-трипольской культуры в этногенетическом процессе. КСИА АН УССР, вып. 2. Киев, 1953, стр. 81—83; С. С. Березаньска, М. М. Бондар. До літання про поселення середньодніпровськоі культури. «Вісник Київського університету», 1967, № 8, серия гісторії та права, вып. 1.
6. И. И. Артємєнко. Племена верхнего и среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 100—129; И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. «Советская археология», 1963, № 2, стр. 13—35.
7. И. И. Артеменко. Племена верхнего и среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 66—71.
8. И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ села Ходосовичи Гомельской области БССР, стр. 31—86.
9. И. И. Артеменко. Изучение неолита и бронзы в восточной Белоруссии. Археологические открытия 1965 года. М., 1966, стр. 78—80; И. И. Артеменко. Могильник эпохи бронзы в урочище Стрелица. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965.
10. И. И. Артеменко. Племена верхнего и среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 72—99.
11. И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура, стр. 128.
12. И. И. Артеменко. Племена верхнего и среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 106.
13. Ю. В. Кухаренко. Первобытные памятники Полесья, стр. 13.
14. J. Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Jażdżewski. Pradzieje Polski Warszawa, 1965, s. 96—97.
15. Z. Szmit. Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu. Wiadomości archeologiczne, X, 1929.
16. I. Machnik. Studia nad kulturą ceramiki sznurowej w Malopolsce. Kraków, 1966.
17. Живописная Россия. СПб, 1878, стр. 238.
18. J. Kostrzewski. W. Chmelewski, K. Jażdżewski. Pradzieje Polski, s. 97.
19. И. И. Артеменко. Племена верхнего и среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 132.
20. Ю. В. Кухаренко. Полесье и его место в процессе этногенеза славян. В сб. «Полесье». М., 1968, стр. 38.
21. Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. «Советская археология», № 2, 1958.
22. Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья, стр. 18.
23. И. М. Тихоненков. Новые памятники каменного века северной Белоруссии, стр. 139—140.

24. J. Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Jażdżewski. Pradzieje Polski, s. 136.
25. С. С Березанская. Тшинецко-комаровская культура на северной Украине. «Советская археология», 1967, № 2, стр. 132.
26. A. Gardawski. Plemiona kultury trzcinieckiej w Polsce. Materiały Starożytne, t. V, Warszawa, 1959.
27. И. И. Артеме Нко. Поселение бронзового века на Кузиной горе. «Советская археология», 1.961, № 2; И. И. Артеменко. Племена верхнего и среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 132—135.
28. Ю. В. Кухаренко. Первобытные памятники Полесья, стр. 13.
29. Н. Ф. Беляшевский. Дюнные стоянки неолитической эпохи на берегах Западного Буга. Труды XI археологического съезда, т. I. М., 1901, стр. 695.
30. Ю. В. Кухаренко. Первобытные памятники Полесья, стр. 13.
31. В. Ф. Исаенко, М. М. Чернявский. Новые данные по спорным вопросам бронзового века Белоруссии, стр. 158.
32. В. Ф. Исаенко, И. М. Тихоненков. Об ареалах культур каменного и бронзового веков на территории Белоруссии, стр. 306—311.
33. A. Gardawski. Zagadnienie kultury «ceramiki grzebykowej» w Polsce. Wiadomości archeolog., t. XXV. Warszawa, 1958.
34. A. Gardawski. Plemiona kultury trzcinieckiej w Polsce. Materiały starożytne, t. V, 1959.
35. И. И. Артемеико. Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы, стр. 18.
36. С. С. Березаньска. Пам'ятки періоду середньоі бронзы на Десні та Сеймі. «Археологія», 1957, т. XI.
37. И. И. Артеменко. Поселение бронзового века на Кузиной горе.
38. Л. Д. Поболь. Погребение эпохи бронзы близ деревни Борисовщина Могилевской области. «Советская археология», № 2, 1966, стр. 294—296.
39. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 162.
40. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164
41. И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ села Ходосовичи Гомельской области БССР.

ГЛАВА V

1. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. Свод археологических источликов (САИ), вып. Д1-12. М., 1962; О. Н. Мельниковская. История племен раннего железного века южной Белоруссии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964; О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища южной Белоруссии. КИИМК, вып. 70, 1957, стр. 28—39.
2. В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века южной части Полесья УССР. «Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР». Киев, 1953.
3. Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, вып. Д1-29. М., 1961.
4. П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, 70, 1959.
5. О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957.
6. О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища южной Белоруссии, стр. 30—31.
7. О. Н. Мельниковская. Могильник милоградской культуры в деревне Горошково в южной Белоруссии. «Советская археология», 1962, № 1.
8. О. Н. Мельниковская. История племен раннего железного века южной Белоруссии, стр. 8.
9. А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. Д1-4. М., 1964, стр. 36.
10. О. Н. Мельниковская. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в южной Белоруссии. «Советская археология», № 1, 1963.
11. К. М. Палікарповіч. Вынікі археалагічных даследаванняў на Беларусі пасля Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі. «Весці АН БССР», 1947, вып. I, стар. 65.
12. О. Н. Мельниковская. История племен раннего железного века южной Белоруссии, стр. 9.
13. О. Н. Мельникавская. Памятники раннего железного века юго-восточной Белоруссии. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 9—19.
14. В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих" и латинских о Скифии и Кавказе. СПб, 1893, т. 1, вып. 1, стр. 42.
15. В. В. Седов. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. Автореферат докторской диссертации. М., 1966.

16. В. Н. Топоров, Р. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962.
17. В. Б. Никитина. Поморская культура. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1965; Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья, стр. 9.
18. В. В. Хвойка. Поля погребений в среднем Поднепровье. Записки Русского археологического общества, т. XII, вып. 1—2. СПб, 1901; В. В. Петров. Зарубинецкий могильник. МИА, 70. М., 1959.
19. Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, вып. Д1-19. М., 1964, стр. 9, рис. 1.
20. П. Н. Третьяков. Финна-угры, балты и славяне на Днепре и Волге; Л. Д. Поболь. Зарубинецкая культура на территории Белоруссии. Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгрес доисториков и протоисториков. М., 1966.
21. Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья, стр. 55.
22. П. Н. Третьяков. Моховское второе городище. КСИА АН СССР, вып. 81. М,, 1960.
23. Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья, стр. 5.
24. И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник. МИА, вып. 70.
25. Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник. МИА, 70.
26. Л. Д. Поболь. Поселения и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1960.
27. О. Н. Мельниківська. Поселення і могильник зарубинецкоі культуры в південной Белоруссіі. «Археологія», т. XVIII. Київ, 1965.
28. П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, стр. 140.
29. К. М. Палікарповіч. Вынікі археалагічных даследаванняў на Беларусі пасля Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі, стар. 68.
30. А. И. Милюкова. Вооружение скифов, табл. 14.
31. П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на среднем Дону. САИ, вып. Д1-31. М., 1965, табл. 24, 66.
32. Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура, стр. 30.
33. Там же, стр. 29.
34. Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья, стр. 46.
35. Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура, стр. 48 и др.; А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР, САИ, вып. Д1-30. М., 1966, табл. 16; Д. А. Мачинский. О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур. КСИА, вып. 94. М., 1963, стр. 22, рис. 5.
36. П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 153.
37. Нариси стародавньої історіі Украиньскоі РСР. Київ, 1959, стор. 151.
38. Там же, стр. 158, 172.
39. А. И. Тєрєножкин. Лужицкая культура и культура среднего Поднепровья, КСИИМК, вып. 67, 1957; А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961.
40. Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. «Советская археология», 1960, № 1.
41. В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века южной части Полесья УССР.
42. В. В. Седов. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 12—14.
43. Нариси стародавньої історіі Украіньскоі РСР, стр. 329.
44. Ю. В. Кухаренко. Могильник Брест-Тришин. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1962 г. М., 1963, стр. 45—47.
45. Л. Д. Поболь. Белорусское Поднепровье в 1 тыс. н. э. Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965, стр. 19—21.
46. В. П. Петров. Черняховский могильник. МИА, вып. 116, стр. 105, рис. 11.
47. П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 226; А. И. Амброз. К истории верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, № 1, 1964; В. Н. Даниленко. Славянские памятники в 1 тысячелетии н. э в бассейне Днепра. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 27—28.
48. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. Записки Русского археологического общества, т. V, вып. 1. СПб, 1903.
49 Е А Петровская, Р. А. Юра. Бронзовая бляха с эмалью. КСИА, АН УССР, вып. 12. Киев, 1962.
50. К. Тышкевич. О курганах в Литве и западной Руси. Вильно, 1865, стр. 35; В. Ф. Покровский. Виленский музей древностей. Вильно, 1892, табл. XII.

51. В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ, М., 1961; Л. Д. Побаль. Рымскія манеты па тэрыторыі БССР. «Весці АН БССР», серыя грамадскіх навук, № 2, 1964.

52. П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Волге и Днепре, стр. 223.

53. Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья, табл. 45, 2, 5.

54. В. В. Седов. Славяне верхнего Поднепровья. Автореферат докторской диссертации. М., 1966.

55. П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Волге и Днепре, стр. 220.

56. Там же, стр. 225.

ГЛАВА VI

1. X. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 49—141.

2. А. Таутавичус. Восточная Литва в первом тысячелетии н. э. Вильнюс, 1954, стр. 9; Яблонските-Римантене. О древнейших культурных областях на территории Литвы. «Советская археология», 1955, № 3, стр. 4; Яблонските-Римантене. Стоянки IV—I тыс. до н. э.; Жемяйи Канюкяй. Труды АН ЛитССР, серия 1/14. Вильнюс, 1963, стр. 80, рис. 11; стр. 90, рис. 12, 8; Л. В. Ванкина. Археологические памятники I тысячелетия до н. э. на территории Латвийской ССР. КСИИМК, вып. X. М., 1952, стр. 72; Л. В. Ванкина. Древнее поселение в сарматском торфянике. Древние поселения и городища. Таллин, 1955, стр. 145; Я-Я. Граудонис. Поздний бронзовый и ранний железный века на территории Латвийской ССР. Рига, 1961, стр. 20.

3. Я. В. Станькевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия, н. э. МИА, № 76, стр. 7—38, 152—218.

4. H. Moora. Die Eizenzeit in Lettland, т. 1, Tarlu, 1929, s. 15—20, 25—29; X. Моора. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, вып. XVIII, 1952, стр. 21—22; X. Моора. Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КСИИМК, XII, стр. 31—32.

5. Е. Данилайте. Штрихованная керамика в Литве. Автореферат кандидатской диссертации. Вильнюс, 1968, стр. 13.

6. Там же.

7. П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 175.

8. Там же, стр. 175.

9. В. В. Седов. Поселения культуры штрихованной керамики. Księga Pamiątkowa dla uczcienia pomięci prof. W. Holubowicźa. Warszawa, 1966, № 56, s. 182.

10. Л. Д. Поболь. Поселения железного века около деревни Щатково Бобруйского района. Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 199—211.

11. К. Фляксбергер. Зёрна з Банцараўскага гарадзішча пад Мінскам. Працы секцыі археалогіі, т. III, стр. 163; А. Г. Митрофанов. Банцеровское городище. Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 240.

12. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1953, стр. 264.

13. О. Н. Мельниковская. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в южной Белоруссии. «Советская археология», 1963, № 1, стр. 39, рис. 6, 5—10.

14. О. Н. Мельниковская. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке, стр. 103, рис. 44; стр. 108, рис. 47.

15. Е. А. Данилайте. Штрихованная керамика в Литве, стр. 15—16.

16. Я. В. Станкевич.. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э., стр. 55—56, рис. 36, 37.

17. Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 87.

18. H. Мооrа. Zur Frage nach der Herkunft der Oslbaltischeneni einailvercierten Schmucks suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikauskirja Fińska Forumimesforenigens Tidskraft, Helsinki, 1934, XL, Abb. 14, S. 84.

19. Б. И. Ханенко. Древности Поднепровья, т. IV, 1901, табл. VII, 200; А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. ЗРАО, 1903, т. V, в. 1, стр. 174, рис. 222; ОАК за 1902 г., стр. 129—130, рис. 223; Архив Института археологии АН СССР, ф. 1, д. 3, лл. 241—242; ф. 1, д. 199, лл. 99, 104, ф. 5, д. 336, лл. 333, 342 «Саратовский дневник», 1889; стр. 47, ЗРАО, т. VIII, 1—2; 1896, стр. 145; Архив ИА АН СССР, ф. 5, д. 336.

20. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Материалы Государственной академии истории материальной культуры, вып. 2; 1933, табл. VI и VII;

П. Н. Третьяков. К истории населения верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э., МИА, № 5. М., 1941, стр. 29; Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I тысячелетии и начале II тысячелетия н. э., стр. 65.

21. Н. Моога. >Юie. Eisenzeit in Lettland, т. II, стр. 494, 74, стр. 491, стр. 73.

22. Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура, САН, вып. Д1-19, табл. 14, 9; Л. К. Амброз. Фибулы зарубниецкой культуры, МИА, 70, стр. 190.

23. О. Н. МеТьн *и'к'о* в с'к а'я.' Племена южной Белоруссии в эпоху раннего железа, стр. 89.

24. М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 32, рис. 8, 1; стр. 55, рис. 10, 1, 3—8; стр. 59, 199,

25. Р. Римантене. Стоянки раннего неолита в юго-восточной Литве, стр. 54—61; Е. Данилайте. Штрихованная керамика в Литве, стр. 9—11.

26. Там же, стр. 56.

27. Е. А. Данилайте. Штрихованная керамика в Литве, стр. 9.

28. Там же, стр. 9.

29. Там же, стр. 10.

30. Там же.

31. Тем же.

32. В. Г. Супрун. Памятники каменного века и эпохи бронзы в бассейне среднего течения Щары. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 105—ПО.

33. Там же, стр. 105—110.

34. Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья, стр. 36.

35. П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Волге и Днепре, стр. 162.

36. Там же, стр. 162.

37. Е. А, Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э. Сб. «Материалы по изучению Смоленской области». Смоленск, 1961, стр. 353—356, рис. 5, 1, 4. Рис. 6, 1—11.

38. Там же, стр. 357.

39. А. Н. Ляўданскі і К- М. Палікарповіч. Археалагічныя доследы ў БССР у 1933—1934 гг., стар. 215.

40. Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э., стр. 89.

41. А. Н. Ляўданскі, К. М. Палікарповіч. Археалагічныя доследы ў БССР у 1933—1934 гг., стр. 222.

42. Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э., стр. 89.

43. Там же, стр. 90.

44. Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э., стр. 361.

45. Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э., стр. 39.

46. Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н. э., стр. 14.

47. Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э., стр. 90.

48. Там же, стр. 91.

49. А. Н. Ляўданскі, К. М. Палікарповіч. Археалагічныя доследы ў БССР у 1933—1934 гг., стар. 214.

50. Е. А. Шмидт. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине и начале II тысячелетия н. э., стр. 361.

51. Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э., стр. 44.

ГЛАВА VII

1. Иордан. О происхождении и деянии гетов. М., 1960, стр. 90.

2. Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, стр. 35.

3. А. П. Новосельцев. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965 стр. 359,

4. Б, Т. Горянов. Славянские поселения VI в. и их общественный строй. «Вестник древней истории» (ВДИ), 1939, № 1, стр. 313.

5. Ю. В. Кухаренко. Памятники пражского типа на территории Приднепровья Slavia Antiąua, Warszawa, t. VII, 1960, стр. 111—124.

6. И. П. Русанова. Поселение у села Корчак на реке Тетереве. МИА, 108.

7. В. В. Седов. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 15, 16.

8. П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 240.

9. Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, вып Е 1—57 М., 1961, стр. 22.
10. Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 25.
11. Там же.
12. Э. А. Симонович. Городище Колочин-1 на Гомелыцине. МИА, 108, М, 1963 стр. 97—137.
13. Л. Д. Поболь. Поселения железного века около Щатково Бобруйского района. Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 182—242.
14. Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 22.
15. Там же, стр. 21.
16. Е. Р. Романов. Отчет об археологических исследованиях в 1905 г Архив ЛОИА АН СССР, д. 184, 1905 г.
17. Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в верхнем Приднепровье КСИИМК, вып. 53. М., 1954.
18. «Звязда», 1928, № 20.
19. Г. Ф. Соловьева. Славянские курганы близ деревни Демьянки. «Советская археология», 1967, № 1.
20. Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники, стр. 24—27.
21. П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения в средней части южного Побужья. «Советская археология», 1961, № 3, стр. 189; И. П. Русанова. Поселение в селе Корчак на реке Тетереве, стр. 47, рис. 8, 1.
22. П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Семчицы в среднем течении южного Буга. МИА, № 108, стр. 335, рис. 14, 4.
23. Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник, стр. 163, рис. 2; Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 9.
24. Е. Р. Романов. Отчет об археологических исследованиях в 1905 г Архив ЛОИА АН СССР, дело 184, 1905.
25. В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР САИ, вып. Е 4—4. М., 1962, № 299.
26. П. Харлампович. Манетныя скарбы, знойдзеныя ў Беларусі ў зборах Беларускага дзяржаўнага музея. Працы і матэрыялы да гісторыі і археалогіі Беларусі. Гісторыка-археалагічны зборнік, № 1. Мінск, 1927, стар. 316.
27. Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 24, табл. 8, 9.
28. Э. А. Сымонович. Городище Колочин-1 на Гомелыцине, стр. 131, 132, рис. 25, I; рис. 26, II.
29. Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, табл. 8, 9.
30. Там же, табл. 7, 4.
31. П. Н. Третьяков. О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях верхнего Поднепровья. «Советская археология», 1965, № 4, стр. 63.
32. В. П. Петров. Памятники корчаковского типа. МИА, вып. 108, стр. 25, рис. 6 и далее.
33. Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья, стр. 2—39.
34. А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского государственного университета, т. III, стр. 184.
35. С. А. Дубінскі. Раскопкі Банцароўскага гарадзішча каля Мінску ў 1926 г. Гістарычна-археалагічны зборнік, т. II, стар. 360.
36. Н. Г. Розенфельд. Посуда Троицкого городища. «Советская археология», 1965, № 1, стр. 180—193.
37. Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Поднепровья в I и начале II тыс. н. э., стр. 112—116, рис. 70, 71—73, 76.
38 П Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М., 1963, стр. 114—117, рис.60.
39. Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Поднепровья в I и начале II тыс. н. э., стр. 104.
40. А. Г. Митрофанов. Городище в Вязынке. Материалы по археологии Белоруссии, т. I, стр. 157.
41. Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья, стр. 170, № 96; стр. 178, № 125.
42. П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины.
43. Latviesu kultura senatve. Сборник под редакцией Balóza F. и Snores. Рига, 1937, стр. 5, табл. XXX, рис. 5; стр. 61, табл. XXXI, рис. 5, 7.
44. Э. А. Сымонович. Городище Колочин-1 на Гомелыцине, стр. 114, рис. 15, 1—3, 5; стр. 119, рис. 17, 4, 7; стр. 128, рис. 5—7.
45. П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины, стр. 69, рис. 29, 1, 24—6; Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. МИА, 108, стр. 54, рис. 3, 1, 2; стр. 61, рис. 11, 1, 2.
46. Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячеле-

тип н. э., стр. 108, рис. 68, 2, 4; стр. 114, рис. 1—4; стр. 115, рис. 1, 1—2; стр. 116, рис. 74, 1.
47. Ф. Д. Г у р е в и ч. Древности белорусского Понеманья, стр. 56, рис. 1—3.
48. Ф. Д. Г у р е в и ч. К истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. МИА, 76, стр. 347, рис. 10; стр. 370, рис. 40—41; стр. 435, рис. 70, 3—5.
49. П. Н. Т р е т ь я к о в . Восточнославянские племена, стр. 267, 268.
50. А. Г. Митрофанов, В. Р. Т а р а с е н к о. Типы жилищ раннего железного века и раннего средневековья в Белоруссии. Вопросы этнографии Белоруссии, Минск, 1963.
51. Я. В. С т а н к е в и ч . К истории населения верхнего Подвинья в I в. и II тысячелетии н. э., стр. 95—131; Ф. Д. Г у р е в и ч . Древности белорусского Понеманья, стр. 42—76.
52. П. Н. Т р е т ь я к о в , Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины.
53. В. В. С е д о в . Рецензия на книгу П. Н. Третьякова и Е. А. Шмидта «Древние городища Смоленщины». «Советская археология», 1965, № 4, стр.. 274—278.

ПОЯСНЕНИЯ К РИСУНКАМ

Рис. 21. Кремневые орудия поселений Днепра и Сожа. Д. Дубна Славгородского района (ур. Бышарино Поле и Подмуглевье):

1—боковой резец со скошенный концом, 2—сверло на пластинке с естественным заострением *3*—концевой скребок на пластине, *4,* 5—треугольники. Д, Костюковка Кормянского района {ур Взлужье)[4] 6—боковой резец с ретушированным краем, 7—боковой резец с ретушированной выемкой на конце' *8*—проколка на конце пластинки *9, 10*—пластинчатые черешковые наконечники стрел. Д. Литвинов вичи (ур. Телец) Кормяяского района; Я—боковой резец со скошенным концом, *12*—наконечник стрелы нли нож с притуплённым краем и боковой выемкой, *13*—скребок на конце отщепа. Д Верхи (ур. под Московщиной! Кормянского района; *И*—пластинчатое острие с боковой выемкой,' *15*—листовидный пластинчатый наконечник, *16*—пластинчатый наконечник с боковой выемкой на черешке /7—листовидный пластинчатый наконечник, *18*—пластинка с боковой выемкой, *19*—нож с ретушированным краем. Д. Сапожки (р. Добрач) Кормянского района; *20*— срединно-боковой резец, *21*—пластинка с притуплённым краем, 22—концевой скребок на укороченной пластинке. *23*—проколка Д. Ворновка {ур. Гренск) Кормянского района; *24*—-двойной угловой и боковой резец, *25*—двойной угловой резец на пластине. *26*—ножезкдная пластинка с ретушью, *27*—скобель на боковой стороне пластинки, *28*—срединная проколка на пластине, *29*—концевой скребок на отщепе, *30*—тесловидное орудие, *31*—«траншевндное» орудие с крутной ретушью но двум сторонам, *32,* 35—черешковые пластинчатые наконечники, Ю—ромбовидный пластинчатый .наконечник, *34*—треугольный пластинчаты-;! наконечник. Д. Присно (ур. Замостевье) Ветковского района; Ж—пластинка "с притуплённым краем. 37—ромбовидный пластинчатый наконечник, *38*—черешковый пластинчатый наконечник, 39—скобель-скребок на пластине с круговой ретушью. Д. Рудня Спонимкая (Латки) Ветковского района; *40*—двойной доковой резец со скошенными краями, *41*—пластинчатый листовидный наконечник, *42*—пластинка со скошенным концом и боковыми выемками, *43* — скребок на отщетте с черешком. Д. Н, Кистене (ур. Коранка) Рогачевского района; *44*—овальный скребок с плоской ретушью по спинке, *45*—двойной концевой скребок на пластине, *46*—двойной концевой скребок со скошенными рабочими краями, *41*—овальный скребок, *48*—боковой резец на отщепе с ретушированным концом, *49*—срединно-боковой резец. *50*—двойной угловой резец на пластине, 5/—топоровидное орудие с перехватом посередине. Д. Шихов Жлобннского района; 52—скребок на коние усеченной пластинки, *53*—боковой скребок на отщепе, *54*—серединно-угловой резец, ,55—двойной угловой резец, 56—дисковидное рубящее орудие. Д. Лядцы Кормянского района (ур. Турий Бор); 57—срединный резец, *58,* 59—боковые резцы, *60*—ромбовидный наконечник, *61*—треугольник, *62*—ромбовидный наконечник, *63, 64*—скребки, 55—боковой скобель

Рис. 22. Кремневые орудия поселений Понеманья, верхней Припяти и части Зап. Двины, Д. Крумплево Дисненского района:

1—пластинчатый наконечник с боковой выемкой и скошенным концом, *2*—нож со скошенным концом и притуплённым краем, *3*—пластинчатый черешковый наконечник, 4—скребок на короткой пластине, 5—микропластинка с притуплённым краем, б--масснвный концевой скребок, *7*—скребок на конце массивной пластины. Д. Збляны Лидского района; *S*—среднино-боковой резец, 9—массивный боковой резец-нож, *10*—листовидный наконечник с круговой ретушью, *11*—высокий треугольник с боковыми выемками, *12*—ромбовидный платинчатый наконечник, *13*—овальный топор с «оживленным» лезвием, *14*—скребок на отщепе со скошенным рабочим краем, /5—концевой скребок на пластине. Д. Несиловичи Дятловского района; *16*—ммкрояластинка со скошенным концом и притуплённым краем, 17—трапеция с вогнутыми боковыми сторонами, *18*—боковой резец, *19*—топоровидное орудие, *20*—боковой резец со скошенным концом, *21*—двойной концевой скребок на пластине, *22*—высокий треугольник. *23*—сечение пластинки-вкладыша с притуплённым краем, И—пластинчатый черешковый наконечник, *25*—трапеция с вогнутостями по бокам, *26*—миниатюрный концевой скребок. Д. Черлонка Слонимского района; 27—сверло на конце пластинки. *28*—пластинка со скошенным концом и выемками ня лезвии, 29—двойной угловой резец, 30—треугольник, *31*—прямоугольник. Д. Валевка (оз. Свитязь) Н<> вогрудского района; 32—трапещш. *33*—концевой скребок на отщепе, 34--пластинчатый листовидный наконечник, *35*— нож из широкой пластины с черешком и выемкой, Ж—массивный концевой скреоок, *37*—массивный скобель. Д. Бобровичи (оз. Бобровичское! Ивацевичского района; *38*—удлиненное прямоугольное долото, *39*—миндалевидное рубящее орудие, *40*—двойной срединный и угловой резец, *41*—пластинчатый черешковый наконечник, *42*—пластинка с боковой выемкой для скобления, *43*—микропластинка с притуплённым краем. Д. Заречье (против г. Березы); *44*—ромбовидный пластинчатый наконечник, *45*—проколка с ретушированной выемкой на конце, оформляющей жало

Рис. 23. Макролнтическне кремневые орудия поселений Сожа (1—11) и Ясельды (12—21). Д. Журавель (ур. Мел) Чериковского района:

1- грубооббитый овальный топор, 2—грубооббнтый трапециевидный топор, 3—грубооббитый треугольный топор *4*—листовидное острие, 5—грубое сверло, *6*—ножевидная пластина с ретушью. 7—-9—массивные резцы с ретушью на конце, 8 — массивный скобель. Д. Аношки (ур. Заозерье) Чечерского рай-

она; *10*—прямоугольный грубооббитый топор, 11—грубооббитый массивный овальный топор. Д. Мотоль Ивановского района (р. Ясельда); 12—дисковидное рубящее орудие, *13*—трапециевидный массивный топор с широким лезвием. Д. Ополь Ивановскою района (ур. Горы); *14*—ромбовидный пластинчатый наконечник, *15*—нож на массивной пластинке с черешком, *16*—срединно-угловой резец на пластине с боковой ретушью, *17*—нож из пластины с острым черешком, *18*—нуклевидное рубящее орудие, *19*—овальный удлиненный топор, оббитый по краю, *20*—орудие типа пики, *21*—короткое широкое тесло с полукруглым лезвием

Рис. 24. Микролитические и другие кремневые орудия поселений восточного Полесья (Мезолит). Д. Рожава Наровлянского района:

1—пластинчатый листовидный наконечник, *2*— боковой резец с выемкой на конце, *3*—сегмеитовидный вкладыш, *4*—трапеция, 5—микроскребок. Д. Белосорока Наровлянского района; *6*—двойной резец-скребок на пластине, 7—концевой скребок, *8*—двойной скребок со скошенными рабочими краями, .9—прямоугольник, *10*—*13*—острия и микропластинки с притуплённым краем, *14*—топоровидное орудие Д. Ломыш Хойникского района; /5—миндалевидное рубящее орудие. Д. Курени Наровлянского района; *16, 17*—ромбовидные пластинчатые наконечники. Д. Юревичи Калинковичского района; *18*—листовидный пластинчатый наконечник, *19*—черешковый наконечник, *20*—резец-скребок, *21*—эсовйдныіі скобель, *22*—сегментовидное орудие, *23, 24*—широкие треугольники. *25*—полусегмент, *26*—пластинка с притуплённым краем, *27*—микроскребок. Д. Борисовщина Хойникского района; *28*—прямоугольная трапеция, *29*—широкая трапеция, *30*—резец-скребок. Д. Дорошевичи Петриковского района; *31*—сверло на конце пластинки, *32*—овальный микроскребок, *33*—двойной концевой скребок на пластине, *34*—скобель на пластине с выступом. Д. Хильчицы Туровского района; *35*—листовидный пластинчатый наконечник, *36*—нож с черешком, *37*—скребок на конце отщепа, *38*—скоблевидное орудие, *39*—трапеция, *40*—треугольник. Д. Бурези Туровского района; *41*—концевой скребок, *42*—острие с притуплённым краем, *43*—листовидный наконечник или сзерло, *44*—ножевидное орудие с выемкой у основания. Д. Мирославка Березинского района; *45*—овальный скребок, 46—миниатюрный боковой резец, *47*—вкладыш с притуплённым закругленным краем, *48*—треугольное орудие, *49*—пластинчатый наконечник со скошенным концом и выемкой у основания. Д. Скиток Гомельского района (ур. Бары); *50*—пластинчатый черешковый наконечник стрелы, *51*—угловой резец с пазами и реконструированными вкладышами. Д. Сваетичи Ляховичского района; *52*—костяной наконечник дротика. Д. Тадиловичи Рогачевского района; *53*— наконечник дротика с пазами (костяной) и сохранившимся вкладышем.

Рис. 28. Орудия поселений восточного Полесья. Д. Юревичи (оз. Литвин) Калиновичского района:

1-- треугольный наконечник дротика с выпуклыми сторонами, *2*—листовидный пластинчатый наконечник или сверло, *3*—треугольный наконечник, *4*—ромбовидный наконечник из отщепа, 5—биконический костяной наконечник с зигзагом по утолщению, *6*—трапеция с крупной ретушью по бокам, 7—пластинчатый нож с ретушированным лезвием, *8*—резец на углу пластины с черешком, *9*—вкладыш к серпу, *10*—серп с горбатой спинкой, *11*—прямоугольное короткое долото, *12*—концевой скребок на отщепе, *13*—скребок на конце пластины, *14*— боковой скребок на отщепе, *15*—зубчатый штамп, *16*—резак, *17*—проколка. Д. Слободка (р. Турья) Калинковичского района; *18*—боковой резец со скошенным концом, *19*—нож со скошенным концом, *20*—нож с заострением на широком отщепе, *21*—резак, *22*—серп, *23*— «траншевидный» топор, 2-ї—двойная проколка на отщепе, *25*—сверло с жалом на углу отщепа, *26*—округлый скребок, *27*—скобель с выемкой, *28*—трапеция, *29*—треугольный наконечник стрелы. Д. Пхов Мозырского района; *30*—массивный концевой скребок, *31*—двойная проколка, *32*—пластинчатый наконечник стрелы. Д. Вешня (холмы возле р. Стыри) Пинского района; *33*—фигурный кремень. Д. Пульмо (оз. Свитязь) Шацкого района УССР; *34*—листовидный вкладыш к серпу. Д. Булгары Пинского района; *35*—пластинчатый вкладыш с зазубренными краями. Д. Кольно Туровского района; *36*—листовидный наконечник с выступающими плечиками. Д. Загорины (р. Прудок) Мозырского района; *37*- -миндалевидное двустороннеобработанное орудие. Д. Вешня Пинского района; *38*—траншевидный топор

Рис. 31. Кремневые орудия поселений Понеманья и верхней Припяти. Д. Добрый Бор Барановичского района:

1—овальный удлиненный топор с сужающимся обухом, 2—широкий серповидный нож с закругленным основанием, *3*—массивный скребок на отщепе с черешком или сверло, *4*—массивный округлый скребок, 5—треугольный наконечник стрелы с обработкой по краю, 6—треугольный наконечник с выемкой в основании. Д. Круглица (ур. Лысая Гора) Столбцовского района; *7*—скобель, *8*—концевой скребок на пластине, *9*—трапециевидный топор, *10*—массивный нож с острием на конце пластины, *11*—массивный нож со скошенным концом и выемкой для скобления, *12*—грубооббитый прямоугольный топор. Д. Понемонь (ур. Бабинка) Новогрудского района; *13*—ножевидная пластинка с боковой выемкоіг, 14—двойной угловой резец на пластине, *15*—двойной боковой резец на пластине с концевой выемкой. 16—листовидный наконечник дротика, *17*—сверло на естественном заострении пластинки, *18*—высокий треугольник, *19*—высокая трапеция. Д. Понемонь (ур. Трофимовы Кусты) Новогрудского района; 20—ромбовидный пластинчатый наконечник, 2/—ножевидная пластинка со скошенным концом и притуплённым краем, *22*—проколка на пластине с жальцем на углу ее, *23*—серповидный нож, *24*—треугольный грубооббитый удлиненный топор. Д. Русакове (ур. Завала) Слонимского района; *25*—нож обработанный плоской ретушью, *26*—пластинчатый нож со скошенным концом. Д. Камень (р. Бобрик) Пинского района; *27*—нож на широком отщепе с острием на углу. *28*—прямоугольное короткое долото, *29*—нож из пластины с круговой ретушью, *30*—концевой скребок па пластине с ретушью по боковым сторонам. Д. Бокиничи Пинского района; *31*—пластинчатый нож со скошенным концом, выемкой н ретушью по лезвию

Рис. 34. Кремневые орудия поселений Днепра и Сожа. Д. Рудня Шлягинская (ур. Стрелица) Ветковского района:

1—ромбовидный наконечник дротика, 2—треугольный наконечник стрелы с выемкой в основании,
3—листовндньїй наконечник стрелы, *4*—пластинчатый наконечник стрелы, 5—проколка на заострении отщепа. 6—треугольный наконечник стрелы, 7—трапеция, *8*—трапециевидное тесло, *9*—скобель, на отщепе, *10*—овальный скребок, 11—треугольный резак, *12*—вкладыш к серпу. Д. Рудня Шлягинская (ур. Чачуровка); *13*—трапециевидный вкладыш, *14*—треугольный наконечник стрелы с выемкой, *15*—проколка на заострении пластинки, *16*—овальный топорик, *17*—трапециевидное тесло, *18*—сверло на конце пластинки. Д. Пе-трополье (ур. Негатень) Чечерского района; *19*—долото, *20*—-овальный то-

порик с выпуклым лезвием, *21*—вкладыш серпа, *22*—треугольный наконечник стрелы *с* выемкой в основании, *23*—овальный скребок, *24*—листовидный наконечник стрелы, *25*—проколка. Д. Старая Каменка (ур. Сосновая Грива) Славгородского района; *26*—кремневый серп. Д. Костюковка (ур. Взлужье) Кормянского района; *27*—фигурка четвероногого животного. Д. Сябровичи (ур. Бурьяка) Чечерского района; *28*—серп с изломанной спинкой. Д. Литвиновичи (ур. Телец) Кормянского района; *29*—серп из широкой пластины с ретушированным заострением на углу, *30*—нож со скошенным концом. Д. Веть Быховского района; *3i*—пластинчатый черешковый наконечник, *32*—широкий нож с заострением на углу, *33*—скребок со скошенным краем, *34*—концевой скребок, *35*—ромбовидный наконечник, *36*— нож-скребок, *37*—грубооббитый топор

Рис. 41. Каменные орудия труда и оружие эпохи бронзы:

1—серп, д. Голубица Петриковского района; *2*—серп, Туровщина; 3—серп, Туровщина; *4*—наконечник копья, д. Остров Пинского района; 5—топор, д. Курчино, Кривичского района; *6*—топор, г. Пинск; 7—топор, д, Борисовщина Хойникского района; *8*—топор, д. Огдемер Ивановского района; *9*—топор, д. Буйновичи Лельчицкого района; *10*—топор, д. Славечна-Ляхи Ушачского района; *11*—топор, д. Бочейково Бешенковичского района; *12*—топор, г. п. Кривичи Мядельского района; *13*—топор, д. Мотоль Ивановского района; *14*—топор, д. Демидов Наровлянского района; *15*—булава, д. Ляды Борисовского района; *16*—булава, Витебщина; *17*—булава, Лепельский район; *18*—топор, д. Троянова Слобода бывшего Рославльского уезда

Рис. 44. Сосуды среднеднепровскои культуы:

/, *3—6, 15—17*—Стрелица, д. Рудня Шлягинская Ветковского района; *2, 10*—Линов Брод, д. Сябровичи Чечерского района; *7—9, 11—14*—Сергеева Грива, д. Ходосовичи Рогачевского района

ОГЛАВЛЕНИЕ

Очерки по археологии Белоруссии. Ч, I. Ред. коллегия. В. Ф. Исаенко и др. Мн., «Наука и техника», 1970.

O-95

272 с. с илл. (АН БССР. Ин-т истории). 1000 экз. В перепл.

Авторы монографии обобщили исследования археологических памятников Белоруссии, впервые освещают многие стороны истории древних племен, обитавших на ее территории в эпохи палеолита, мезолита и неолита. Они вводят в научный оборот вещественные материалы, крайне необходимые для понимания истории Восточной Европы. Библиогр. с. 255—267.

902.6+9(С3)

1-6-4 / 4-70

ОЧЕРКИ ПО АРХЕОЛОГИИ БЕЛОРУССИИ
часть I

Издательство «Наука и техника»
Минск. Ленинский проспект, 68

Редактор Г. В о л ь с к а я
Оформление и художественное
редактирование Л, У с а ч е в а
Технический редактор А. Л т л а с
Корректор И. Л л ь и е р о в и ч

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ РИСО АН БССР

АТ 23836. Сдано в набор 17/УI-70 г. Подписано в печать 24/VIII-70 г. Формат 70Х 108'/16- Бумага тип. Ж 1. Фил. печ. листов 17,0. Усл. печ. листов 23.8. Уч.-изд. листов 21,9. Изд. зак. 1039. Тип. зак. 601. Тираж 1000 экз. Цена 1 р. 56 к.

Типография имени Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Госкомитета СМ БССР по печати. Минск, Ленинский проспект, 68.